
**ПЕРЕД
ЛИЦОМ
ЗАКОНА**

Scan Kreyder - 25.10.2014
STERLITAMAK

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗАКОНА

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978**

Р2
П27

Составитель Сергей Семанов
Художник Геннадий Метченко

П $\frac{70302-156}{078(02)-78}$ 244-78

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

ИМЕНЕМ ЗАКОНА

Предисловие

Шестьдесят лет назад в нашей стране под руководством Коммунистической партии свершилась революция, которая свергла капиталистический строй, отменила частную собственность, устранила всякую возможность угнетения человека человеком. Великий Октябрь положил начало формированию нового, невозможного ранее социалистического образа жизни. Того самого образа жизни, который сотни миллионов граждан нашей страны считают ныне для себя единственно возможным, который характеризуется чувством коллективизма, высоким уровнем общественной гражданской сознательности, той новой коммунистической моралью, которая сформировалась за шестьдесят лет существования нашего государства.

Но широкие права, возможности граждан предполагают и чувство ответственности за свои действия и поступки, соблюдение общественной дисциплины, правосознание, готовность выполнять законы, по которым живет все общество, благодаря которым, собственно, общество и существует.

Однако надо признать, что есть еще в нашей стране люди, которые, пользуясь всеми благами и преимуществами членов социалистического общежития, в то же время не прочь нарушить законы, попытаться поживиться за счет общества или отдельных его членов. Да, встречаются и сейчас взяточники, хулиганы, расхитители, мошенники — носители чуждой нам морали, одним своим существованием бросающие вызов обществу. Естественно, борьба с подобными людьми, борьба со

всевозможными правонарушениями входит в число самых насущных задач нашего государства. Все мы отдаем себе отчет в том, что одной лишь воспитательной, разъяснительной, пропагандистской работой, хотя это имеет первенствующее значение, добиться полного искоренения преступности вряд ли возможно. В. И. Ленин говорил, что «без принуждения такая задача совершенно невыполнима». Поэтому и поныне большое значение в пресечении и раскрытии преступлений отводится милиции, прокуратуре, суду.

Очерки, собранные в этой книге (все они публиковались в различных изданиях), дают, на мой взгляд, достаточно убедительное подтверждение того непереложного факта, что идут на преступления, какими бы они ни были, люди с низкой духовной культурой, с ярко выраженным эгоистичным складом характера, с развитым чувством пренебрежения к окружающим, люди, все интересы которых сводятся к так называемой «красивой» жизни без забот и волнений. Они нарушают закон сознательно, продуманно, в тщетной надежде, что это сойдет им с рук, что их преступление останется безнаказанным. Естественно, подходить к ним нужно со всей строгостью.

Нередко, правда, можно слышать рассуждения, что преступление, дескать, было совершено потому, что человек не знал закона. Хочу ответить на это со всей определенностью — такого не бывает. Человек может не знать меры наказания за то или иное правонарушение, но он не может не знать, что в нашей стране запрещено наживаться преступным путем за счет государства, запрещено оскорблять достоинство окружающих, покушаться на их жизнь, здоровье, имущество, вряд ли найдется хоть один человек, который не знал бы, что в нашем обществе осуждаются подличанье, обман, клевета, сутяжничество. Дело ведь в том, что законы нашей страны — это не какие-то оторванные от жизни требования, не догмы, придуманные в кабинетной тиши, вовсе нет. Каждый закон основан на всем социалистическом образе жизни общества, на той морали, которой буквально пропитаны взаимоотношения между людьми в семье, в коллективе, в общественных местах. Не знать этого попросту невозможно. Мораль общества и правовые нормы имеют одну основу, одну базу — социалистический образ жизни. Человек, поступающий в соответ-

ствии с принятыми у нас нормами нравственности, никогда не нарушит закона.

И еще один важный вывод, который позволяют сделать представляемые читателю очерки, — взяточник, расхититель, хулиган обычно не останавливаются на однажды совершенном преступлении. Почувствовав хотя бы на короткое время безнаказанность, преступник готов идти на правонарушение снова и снова, потому что за его действиями стоит не стремление удовлетворить какую-то сиюминутную нужду, потребность, каприз, нет. За каждым преступлением в абсолютном большинстве случаев обнаруживаются ограниченность взглядов, узость мировоззрения, духовная пустота, неприятие общественных норм морали, нежелание жить честно, честно трудиться. И тогда преступление становится следствием всего этого.

Именно поэтому советское правосудие взяло за основу известное ленинское положение о том, что не суровость наказания, а его неотвратимость более всего способствует перевоспитанию правонарушителя. Да, именно обязательность наказания способна не только образумить правонарушителя, но и послужить мощным предостерегающим средством для тех, кто в силу недостаточной воспитательной работы со стороны родителей, школы, трудового коллектива готов соблазниться уличной бравадой, возможностью легкого заработка, самоутверждения за счет чужого достоинства. Трудно удержаться, чтобы не процитировать слова В. И. Ленина, сказанные по этому поводу: «Улица интересуется не только тем, даже не столько тем, — обидой, побоями или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики».

Эту задачу — преподать «урок общественной морали» и выполняет, как мне кажется, данный сборник. Ведь известно, что суд не только наказывает преступника, не только сводит его правонарушение к определенной статье Уголовного кодекса, предусматривающей именно это деяние, суд ставит диагноз моральному, и нравственному, и социальному заболеванию подсудимого, которое, собственно, и толкнуло его на преступле-

ние. Такой подход советского правосудия приносит свои весьма ощутимые результаты. Достаточно сказать, что преступность в нашей стране постоянно снижается, а некоторые ее виды, как и профессиональная преступность, ушли в прошлое.

Но, конечно же, все мы понимаем, что останавливаться на этом нельзя. Перед нашим народом, перед обществом стоит задача полного искоренения преступности. Говоря о прокуратуре, суде, арбитраже и других административных органах, о народном контроле, Л. И. Брежнев в докладе, посвященном новой Конституции, отметил: «Партия ждет от этих органов еще большей инициативы, принципиальности, непримиримости в борьбе с любыми нарушениями советского правопорядка». Вместе с тем мы должны помнить и о том, что борьба со всевозможными правонарушениями, борьба за утверждение социалистического образа жизни — почетная, каждодневная обязанность советского гражданина. Строгая законность, освящение любого приговора именем закона является неременным условием дальнейшего развития социалистической демократии, лучшей гарантией прав советского человека, прав, закрепленных в новой Конституции СССР.

**Первый заместитель
Генерального Прокурора СССР
А. М. РЕКУНКОВ**

**ЗАЧИТАН
ПРИГОВОР**

КОГДА ЗАЧИТАН ПРИГОВОР...

Записки народного заседателя

Наверно, можно сказать, что с этими ребятами произошла катастрофа, только разбилась не машина или велосипед, разбились их судьбы. Конечно, потом, через несколько лет, можно попытаться что-то исправить, даже наверняка можно кое-что исправить, но годы уже будут позади. И вряд ли что-нибудь останется от легкомыслия, беззаботности, от их безоглядой уверенности в собственной исключительности, в том, что их ожидает жизнь легкая и приятная.

Когда все в зале поднялись, чтобы выслушать приговор, я невольно посмотрел не на этих стриженных ребят на скамье подсудимых, а на их родных. Сколько надежды, совершенно невероятной надежды на благополучный исход светилось в глазах бабушки — судили внука. На суд пришла только она, потому что мать несовершеннолетнего преступника лежала с инфарктом, а у отца настолько сдали нервы, что друзья его попросту не пустили в зал суда... Сколько людей — родных, знакомых, близких — ожидало сейчас телефонных звонков, чтобы узнать о приговоре, а сколько их было здесь, в зале суда! Нет, катастрофа стряслась не только с этими ребятами. Десятки людей словно бы прошли через тяжкое испытание, в чем-то катастрофа отразилась на каждом из них.

Потом и бабушку, и отца, и родителей второго парнишки я видел уже на улице — они стояли на тротуаре, надеясь увидеть ребят еще раз, когда их поведут от здания суда к специальной машине.

Суд, обвинение, обстоятельства дела, все его детали мне, человеку, почти всю жизнь отдавшему спорту, запомнились еще и потому, что, как говорится, взяли ребят в районе стадиона в Лужниках. Но пришли они туда заниматься не спортом, а совсем другим — в приговоре их действия были названы вооруженным разбоем.

Согласитесь, когда ребят школьного возраста обвиняют в таком тяжком преступлении, — это уже само по себе достаточно необычно. Ну ладно бы, подрались ребята, один у другого отнял занятную вещицу — это можно и объяснить в чем-то, может быть, даже и простить. Но вооруженный разбой — это уж слишком, это уж ни в какие ворота... Причем днем, в оживленном месте...

Я подумал вначале — не перегнули ли палку, обвинив ребят по этой статье, не сыграли ли здесь роковой роли обстоятельства, случай... Но нет, чем больше я знакомился с делом, тем больше убеждался в том, что следователь во всем разобрался правильно.

Здесь я хочу сделать маленькое отступление и объяснить, почему вдруг решил поделиться этими своими раздумьями. Причин много. Одна из них та, что вот уже несколько лет подряд меня избирают народным заседателем Ленинского народного суда Москвы. Это дало мне возможность в полной мере представить все сложности воспитания подрастающего поколения, заставило задуматься об ошибках, упущениях в воспитании, о результатах, к которым эти ошибки и упущения приводят.

В самом деле, как получается, что ребята, до какого-то момента очень неплохие ребята, неожиданно оказываются на скамье подсудимых? Я не оговорился — именно неожиданно для них самих, для их родителей, воспитателей, соседей. Никто из них, видя, наблюдая некоторые слабости подростков (назовем эти вещи слабостями), так вот, никто даже не предполагал, что эти самые «невинные грешки» ведут на скамью подсудимых.

Должен признаться — когда сидишь за судьейским столом, невольно начинаешь более взыскательно смотреть не только на чужие поступки, но и на свои тоже, начинаешь оценивать их строже не только со своей колокольни, но и с точки зрения других людей, с точки зрения общества.

Те же ребята, о которых я начал рассказывать, вроде бы и не нанесли никому особенно большого вреда, а материальный ущерб вообще был настолько невелик, что о нем можно бы и не говорить. Но тем не менее суровый приговор был вполне справедлив. Со мной могут не согласиться подсудимые и их родственники — это вполне естественно, но в судебном зале приговор был встречен с одобрением, и, я убежден, любой человек, не

заинтересованный лично в исходе дела, согласится со мной.

Отвлекусь, чтобы вспомнить о собственном детстве. Мы жили тогда, в двадцатых годах, в районе «Трехгорки», Красной Пресни. Совсем недавно кончилась гражданская война, страна спешно залечивала раны, на улицах городов, поселков, на вокзалах и рынках бродило немало беспризорных детей. Явление, трагичное само по себе, усугублялось еще и тем, что беспризорные оказывали сильное влияние на других детей.

Наш район был далеко не последним по преступности в столице, по всевозможным правонарушениям. И среди моих знакомых были ребята, которые, мягко говоря, совершали не одни только честные поступки. Хорошо помню известных тогда у нас дружков с довольно колоритными кличками — одного звали Осел, а второго почему-то Нона. Специализировались Осел и Нона на карманных кражах, причем разработали для этого особый способ. Они не толкались в переполненных трамваях, очередях и вообще пренебрегали шумными местами. Они любили «работать» в парке. Осел шел на несколько метров впереди и, столкнувшись с кем-то, успевал расстегнуть у жертвы карман, разомкнуть замочек часовой цепочки или что-то в этом роде. А на долю Ноны приходилась уже более ответственная, заключительная операция — изъять кошелек, часы, деньги. И, надо сказать, довольно долго это им сходило с рук. Ловкость этих жуликов, их отчаянность вызывали у некоторых мальчишек восхищение, находились даже подражатели, правда ненадолго. Детских комнат тогда не было, и чаще всего отцовский ремень возвращал мальцов на путь истины.

Жили и в нашем дворе ребята, может быть, не столь отчаянные, но тоже любители поживиться за чужой счет. Само собой разумеется, все прекрасно знали, чем они занимаются, да они и сами были не прочь похвастать «победами»: добычей, похищенной у домохозяек из продуктовых сумок.

И вот здесь я искренно могу сказать, что самым мощным противовесом влиянию жуликов были стадионы и спортивные площадки, которые в изобилии создавались в то время. Сейчас я с болью прохожу по знакомым местам. Да, конечно, выросли прекрасные жилые здания, учреждения, да, строится громадный международный

Дом торговли, проложены широкие магистрали, но все это строительство поглотило стадионы и спортивные площадки «Трехгорки». Четыре стадиона было раньше в этом районе. Сейчас нет ни одного.

Должен сказать, что до сих пор среди спортивных деятелей нет единого мнения о том, что лучше — один высшего класса стадион, известный на всю страну, или десяток небольших, но на которых люди могут заниматься и после работы, и до работы, и в выходные дни, не опасаясь испортить роскошный травяной покров, не смущаясь бесконечными рядами трибун, не боясь показаться неуклюжими, толстыми, тощими.

Так вот о противовесе. Ребята, способные забраться в чужую сумку, могли чувствовать себя героями где угодно, но не на стадионе. Там вступали в силу другие законы. Там наглость и беспардонность не находили поклонников. Там мы с радостным чувством освобождения видели, что у всемогущего Ноны, к примеру, никудышная «дыхалка», да и ножки жидковаты, что гроза и владыка всего двора не в состоянии прилично ударить по воротам, а команда, составленная из таких вот «кумиров», не может никому оказать достойного сопротивления. Здесь, на стадионе, утверждались свои авторитеты. Их слава была честной. И сила их была честной. И каждый на равных мог поспорить с ними, не опасаясь подножки или удара ножом в темном углу.

По правде сказать, среди ребят нашего двора я ничем не выделялся. Тощий, длинный и нескладный, я укрепился в звании вратаря команды дома № 20 по Большому Трехгорному переулку. Играли мы тогда большей частью самодельными мячами, сшитыми из тряпок, которых нередко хватало на одну игру — мы их разбивали.

И вот однажды отец подарил мне настоящий кожаный мяч. О! Это было событие, которое не оставило равнодушным ни одного мальчишку всех соседних дворов. Произошла удивительная вещь — вокруг этого мяча, как вокруг некоего центра притяжения, стали собираться ребята. Когда мы шли на «свой» стадион, самая гордая походка была у того, кто нес мяч, нередко его несли по очереди, «не замечая» завистливых взглядов встречавшихся ребят.

Однако при всем при том, должен честно признаться, что первую товарищескую встречу, настоящую, по всем

правилам, встречу с соседним двором в 1925 году мы проиграли. Да, проиграли, позорно продули, как тогда говорили, и это я помню ничуть не хуже, чем победы или поражения в самых ответственных международных матчах, в которых мне довелось участвовать. Каяться — так до конца: первую международную встречу 1 января 1936 года, когда я выступал в составе сборной Москвы на парижском стадионе «Парк де Прэнс» против знаменитого в те годы «Рэсинга», мы тоже проиграли. Счет был минимальный, многие говорили, что нам просто не повезло, тем более что вскоре мы начали выигрывать у европейских команд. Но именно тогда мы почувствовали свою силу, поняли, что можем на равных бороться с лучшими командами Европы.

Как это все-таки важно — почувствовать себя сильным. Перед тобой словно открываются новые горизонты, пусть меня простят за эти избитые слова. Спорт дает такую возможность. Человек, серьезно занимающийся спортом, становится более достойным в своих поступках, решениях, поведении. Спорт дисциплинирует внутренне и позволяет ставить перед собой высокие цели, стремиться к их достижению.

Но не всегда.

Вернемся в зал суда, где только что шел суд над Елисеевым и Дубовым. Они оба занимались спортом, играли в хоккей, настольный теннис, посещали другие секции. Причем не просто проводили на стадионе или спортплощадке свободное время, они действительно всерьез занимались спортом. Но спорт не спас их от той нравственной катастрофы, в которую они попали. Спортсмены оказались на скамье подсудимых — сама эта фраза звучит как-то противоестественно, кощунственно.

Я воспользовался своим правом и задал ребятам несколько вопросов.

— Скажите, — обратился я к Елисееву, — зачем вы занимались спортом?

— Так сразу и не скажешь... — Он пожал плечами.

— Скажите не сразу, мы не торопимся.

— Ну, как зачем... Спорт все-таки... Интересно было, какая-то... борьба, соревнование, общение... В общем смысл был, человеком себя чувствовал.

— Наверно, и посильнее, получше других себя чувствовали?

— Было...

— А правильно будет сказать, что вы ощущали некое превосходство над сверстниками, физическое превосходство?

— Нет, почему... Просто приятно было знать, что в случае чего... Ну, что сможешь за себя постоять.

— И что сами тоже можете при случае показать себя? — спросил я уже второго подсудимого, Дубового.

— Не без этого, конечно...

— А не страшно были идти на преступление?

— Мы выпили тогда крепко...

— Но другие пьют — песни поют, пляшут, хвастаются... А вы вот за нож взялись. Почему?

— Еще выпить захотелось.

— Но ведь сами говорите, что выпили крепко!

— Тогда мы уже об этом не думали...

Вот опасность, одинаково грозящая и человеку, занимающемуся спортом, и тому, кто видит соревнования только по телевизору, — пьянство. Мне трудно судить о том, почему начинает пить тот или иной человек, однако в любом случае мы имеем дело со слабостью. Тут нужно, очевидно, просто с самого начала определить, что для тебя важнее всего в жизни, в спорте — слава, успех, имя в газетах, шумные застолья со знаменитыми людьми или же нечто более высокое, более достойное. Прекрасно помню немало случаев, когда на свадьбе у близких друзей, или новоселье, или на приеме в честь серьезной победы наши ребята из команды пили только лимонад, поскольку через три дня, через неделю намечались новые игры, новые встречи, новые испытания. Дело в том, что спортсмен, употребляющий спиртные напитки, никогда не сможет достигнуть высоких результатов, а его спортивная жизнь будет кратковременной.

Хочу рассказать грустную и поучительную историю об одном из самых выдающихся спортсменов, с которыми мне приходилось встречаться, — о Владиславе Жмелькове. У него была совершенно непостижимая реакция, благодаря чему он установил рекорд, который, наверно, уже никогда не будет не только превзойден, но

даже повторен. Играя в столичном «Спартаке» с середины 1938-го по осень 1939 года, Владислав Жмельков из двенадцати пенальти, назначенных в его ворота, отразил одиннадцать! А тот, который он все-таки пропустил, ни в коей мере не может быть вменен ему в вину. Дело в том, что это был повторный пенальти, когда судьи решили, что минуту назад пробитый пенальти был сделан с какими-то нарушениями. Жмельков его взял, но, зацепившись за штангу, повредил руку. Он еще лежал на земле, не в силах подняться, когда мяч снова стоял на одиннадцатиметровой отметке. И он встал, и снова метнулся к мячу, и достал его, но выпустил, не сумев удержать поврежденной рукой.

Владислав Жмельков был абсолютно уверен в себе, уверен в своих силах и возможностях. Редко ли нам приходится слышать на поле, как вратари командуют защитникам, чтоб те перехватили того нападающего, остановили другого, не дали бы ударить третьему. Так вот, Жмельков нередко кричал своим защитникам совершенно противоположное: «Да пропусти же его! Пусть ударит! Пусть! Возьму! Через все поле бежал человек, трудился — пусть ударит!»

Владислав Жмельков был не только удивительный спортсмен, это был мужественный и самоотверженный человек. «Спокойно, ребята, не волнуйтесь», — говорил он перед игрой в раздевалке. Можно себе представить, как играла после таких слов команда. В 1939 году он был признан лучшим спортсменом года в нашей стране, хотя на это звание претендовали и Николай Королев, и Михаил Ботвинник.

После войны Жмельков вернулся в футбол, играл несколько лет в московском «Спартаке», показывая иногда игру, вполне достойную его прежней славы, но, как у нас говорят, стал все чаще допускать нарушение режима. Проще говоря — выпивать стал Владислав Жмельков. В результате играл все хуже, перешел в команду классом ниже, потом его и там не стали держать... А ведь он мог играть еще долгие годы, мог стать отличным тренером, мог и сегодня немало внести в развитие нашего футбола.

Вот пример более свежий — один из известных игроков московского «Торпедо» не выдержал соблазнов, которые обычно подстерегают известного человека, не выдержал натиска многочисленных приятелей, которым

попросту было лестно выпить в компании со знаменитостью...

Вот как рассказывают товарищи по команде о катастрофе, случившейся с ним...

— Конечно, судьбу свою решает прежде всего сам человек. Но мы не пробовали бороться за него. Тренеры не желали портить отношения с известным, признанным, пользующимся огромным авторитетом игроком. Ребята считали, что проявить к нему строгость, сказать в глаза, что он подводит их, — значит совершить нетоварищеский поступок. Сделай какой-нибудь новичок хоть со-ую долю того, что делал тот спортсмен, — с него бы, как говорится, семь шкур спустили. А тут отвратительная игра в молчанку. В существовании «двух законов» в наших футбольных и хоккейных командах — одного для «звезд», другого для «обыкновенных смертных» — одна из причин того, что иногда мы бессмысленно несем тяжелые людские потери. Сначала в спорте. Потом — в жизни.

Нетребовательность, попустительство, ложное понятие товарищества, существование «двух законов», двух подходов — все это действительно может создать у человека ложное представление о собственной персоне, о своих возможностях. Тут уж и сильному человеку, наделенному здравым рассудком, может показаться, что он имеет несколько больше прав, нежели ближние, что ему позволено несколько больше, что его грехи не столь значительны и позорны. И он начинает нарушать не только режим, но и общественный порядок, начинает нарушать закон, пребывая в полной и счастливой уверенности, что ему простится. Что ж, могут простить родные, друзья, может простить постовой милиционер или автоинспектор, узнав известного человека, но не прощает жизнь. Уж слишком много мы имеем тому горьких примеров.

Снова возвращаюсь мысленно в зал суда, снова вспоминаю уголовное дело по обвинению учащихся профессионально-технического училища в разбойном нападении с целью грабежа. Не буду называть это училище, не в этом суть, да, говорят, после частного определения о воспитательной работе, которое вынес суд, там многое изменилось. Хочу сказать о другом — на суде в качестве

свидетеля присутствовал представитель училища. Так вот, у прокурора произошел довольно интересный разговор с этим представителем.

— Скажите, — обратился к нему государственный обвинитель, — в тот день, когда произошло преступление, в училище были занятия?

— Да. Но преступление произошло, когда занятия кончились.

— Вы хотите сказать, что учащиеся уже были свободны? Но ведь они к тому времени уже были пьяны? Как это случилось?

— Видите ли, в этот день почти вся группа не явилась на занятия.

— Почему?

— Трудно сказать, мы еще будем с этим разбираться...

— Разбираться? А разве это первый случай, когда учащиеся срывают занятия, бродят по городу, занимаются совсем не тем, чем им положено заниматься в это время... Разве раньше вы в этом не разбирались?

— Такой случай у нас впервые...

— Согласен. Это действительно первый случай, когда ваши учащиеся оказались на скамье подсудимых, когда представитель училища вынужден давать свидетельские показания на суде, — с этим я согласен. Но ведь и раньше бывало, что срывались занятия, случались хулиганские выходки, учащиеся распивали спиртные напитки...

— Вы правы, здесь, конечно, наша недоработка. Разумеется, из всего случившегося мы сделаем самые серьезные выводы.

— Поздновато вы собрались делать выводы, поздновато. Вот и выходит: пока гром не грянет — мужик не перекрестится.

Что же произошло в тот день возле стадиона в Лужниках? На первый взгляд совершенно безобидное происшествие. Сильно подвыпив, учащиеся Елисеев и Дубовой стали приставать к подросткам, которые были моложе их и, естественно, слабее, и выпрашивать у них деньги.

Примерно так описывали случившееся подсудимые. На самом деле было несколько деталей, которые существенно меняли картину. Деньги подсудимые не столько выпрашивали, сколько вытряхивали. Когда в карманах

мальчишек попадалось еще кое-что вроде кошельков, перочинных ножей и прочих «драгоценностей», Елисеев и Дубовой не пренебрегали и этим. Еще одна деталь — строптивым они приставляли к горлу нож, и разговор после этого, естественно, становился более коротким. Их добыча в тот день составляла не слишком большую сумму — не то два, не то три рубля.

Но давайте представим на минуту, что у паренька было в кармане не пятьдесят копеек, а пятьдесят рублей, — разве упившиеся грабители отказались бы от этой суммы? Конечно, нет. А если бы нашелся отчаянный мальчишка, который, несмотря на приставленный к горлу нож, все-таки оказал бы сопротивление, — удержались бы наши «выпрашиватели» от того, чтобы нажать посильнее на рукоять ножа? Возможно, удержались бы, но представьте себе, что пришлось пережить мальчишкам, которым они подносили нож к горлу. Поэтому я, как народный заседатель, был согласен с тем, что преступление было квалифицировано как вооруженный разбой.

Во время суда я задал Елисееву вопрос, который, казалось бы, совершенно не имел отношения к делу. Я спросил часто ли ему приходилось участвовать в спортивных соревнованиях. Он ответил, что, мол, как-то было, но когда и по какому случаю, он даже не помнит. Дубовой ответил еще проще: нет, не участвовал. Почему? Не хотел? Не допускали в команду? Вообще не проводились состязания? Почему?

— Как вам сказать, — со снисходительной улыбкой проговорил Елисеев, полагая, видимо, что народный заседатель просто не знает, что спросить, вот и цепляется к каким-то соревнованиям, выступлениям. — Помню, в училище были соревнования между группами по волейболу... Занятия у нас бывают, а так, чтобы соревноваться... Мы не такие уж мастера, чтобы кого-то вызывать или принимать вызов.

— А с другими училищами? Ведь там такие же мастера?

— Нет, не приходилось.

— И не скучно вам было вот так заниматься спортом? Без схваток, соревнований, без побед и поражений?

— Занимались...

После ответов подсудимых на эти, «не относящиеся к делу» вопросы для меня стало проясняться многое в жизни ребят. Как-то почти физически ощутил я тогда унылую нравственную атмосферу училища. Словно повеяло каким-то равнодушием, безразличием, чуть ли не усталостью. Нет, ребята не были патриотами училища, и его спортивные знамена не зажигали огня в их глазах, не зажигали желания победить, доказать, одержать верх.

Не подумайте, что я все свожу к спорту и тем самым упрощаю проблему. Вовсе нет. Я знаю наверняка, что спортивная команда — это очень точная и очень чуткая модель любого коллектива. Во всяком случае, трудовой энтузиазм нашего народа в тридцатых годах довольно полно отразился в энтузиазме спортивном, когда наша страна только выходила на международную арену.

Да что там международная арена! С каким азартом, с каким страстным желанием победить сражалась наша школьная футбольная команда! Потом, когда я поступил в автоучебный комбинат, положение ничуть не изменилось. Прекрасно помню учителя физкультуры Владимира Ивановича Ильина — он вел занятия и в школе, и в комбинате. Постоянные соревнования между школами, между цехами, классами, показательные выступления перед родителями в рамках пионерской организации «Трехгорки». Наши собственные спортивная честь и достоинство как бы объединялись с честью и достоинством всего коллектива, с его трудовыми достижениями.

Согласитесь, спортивная победа дает громадное моральное удовлетворение, радость — и не только участникам. Все мы видели, как тысячи болельщиков бывают охвачены единым порывом, когда побеждают «наши». А сегодня уже миллионы людей, сидя у телевизоров, следят за состязанием двух команд, и нет в этот момент для них ничего важнее.

Вдумайтесь в этот неуправляемый, может быть, не совсем благозвучный возглас «Знай наших!». В нем слышится гордость не только за свою команду, одержавшую победу, в нем гордость и за свой завод, город, страну, гордость за самого себя, потому что этим возгласом человек как бы хочет сказать, что он тоже из победителей и, когда понадобится, тоже кое-что сможет.

Такая вот атмосфера честной и бескомпромиссной спортивной борьбы неизбежно рождает и честные отношения в коллективе, основанные на товариществе, взаимовыручке, взаимопомощи. Вспоминаю отношения у нас, в «Спартаке», — мы жили словно бы одной семьей. Причем я имею в виду не только футболистов. Мы интересовались, гордились успехами своих одноклубников: братьев Знаменских, боксера Николая Королева, пловчихи Марии Соколовой, конькобежца Ивана Аниканова, велосипедиста Алексея Логунова, — болели за них. Наши вратари, наши защитники, форварды прекрасно разбирались в тайнах легкой атлетики, неплохо знали технику бокса, сами занимались велоспортом, нередко всей командой ходили на соревнования конькобежцев и могли со знанием дела обсудить шансы на победу пловцов или борцов.

В 1939 году спортсмены «Спартака» достигли неплохих успехов во многих видах спорта, а что касается нас, футболистов, то мы даже начали выпускать стенную газету, которая называлась «За дубль». Тем самым мы громогласно объявили о своих претензиях завоевать и первенство страны, и кубок, введенный за три года до этого. В стенной газете, помню, больше всего доставалось ее редактору Виктору Семенову — его критиковали за большой вес, малоподвижность на поле, а шуток на эту тему среди спортсменов всегда предостаточно. И вот Виктор, чтобы не подводить команду, решил сбавить вес. И он его сбавил — голодая целый месяц, сбросил восемь килограммов. А в результате, выйдя на очередную игру, ходил, шатаясь от слабости, и смог выдержать на поле только двадцать минут. Но все кончилось хорошо, и Виктор быстро вошел в форму. Чувство товарищества и взаимопомощи помогло нам тогда выстоять в нелегкой борьбе.

Надо отдать должное нашей прессе, кино, телевидению — спорт пропагандируется постоянно, настойчиво, но в то же время несколько односторонне. Пропаганда чаще всего сводится к таким примерно тезисам: занимайся спортом — и ты будешь сильным и ловким, занимайся спортом — и ты продлишь свою молодость, занимайся спортом, добивайся высоких результатов — и ты увидишь другие города и страны.

Все это так, все это верно. Но я бы к этим призывам добавил еще один: занимайся спортом — и ты воспи-

таешь свой характер, воспитаешь мужество, благородство по отношению к друзьям и противникам. Другими словами, спорт дает человеку силу не только физическую, но моральную, нравственную устойчивость. Бывают, конечно, исключения, но они бывают в любом деле, и не о них речь. Исключения, как говорят, только подтверждают правило. А оно заключается в том, что спорт облагораживает человека.

Возвращаясь к судебному заседанию, с которого я начал свой рассказ, хочу сказать, что, хотя Елисеев и Дубовой занимались спортом, как утверждали они сами и свидетели, возьму на себя смелость утверждать, что они не были спортсменами даже в самом приблизительном смысле слова. Они «накачивали» мышцы, они добились того, что стали сильнее своих сверстников, но разве это сделало их спортсменами? Ни в коей мере. Их интересовала только возможность верховодить, подавлять других. Они всегда не прочь были выпить, особенно Дубовой. Они не участвовали в соревнованиях и не знают, что такое честная борьба, солидарность команды, не знают, что значит бороться за честь училища, района, группы в конце концов. Они не знают, что такое великодушные, рыцарство, а настоящий спортсмен всегда великодушен. Мало ли мы знаем примеров, когда закалка, выдержка, характер, приобретенные в спортивных состязаниях, помогают людям добиться больших успехов в других областях.

Иван Станкевич, левый защитник московского «Динамо», участник знаменитых послевоенных матчей в Англии, сейчас стал математиком, работает в институте, ведет большую общественную работу, а его трудолюбие, энергии, оптимизму могут позавидовать студенты, которые едва ли не втрое моложе его.

А мастер спорта Виктор Хайлов! Его молодость прошла под знаменем «Крыльев Советов». Сколько раз «восьмерка», на которой он был одним из гребцов, первой пересекала финишную прямую! Он стал не менее известным химиком, доктором технических наук, профессором, лауреатом Ленинской премии...

Примеры можно было продолжать. Совсем недавно мне признался начальник отдела кадров одного уважаемого учреждения, что он всегда с особой охотой оформляет на работу людей со спортивным прошлым. И дело не в том, что они могут поддержать спортивную честь

этого учреждения, как говорится, годы у них уже не те. «Понимаете, — говорил он мне, — сразу чувствуешь, что имеешь дело... ну, как бы сказать, что имеешь дело с человеком надежным. Обязательность, чувство коллективизма, готовность помочь, поддержать, способность без обид принять помощь. И обостренное чувство патриотизма. Ведь, казалось бы, вчера еще человек только пришел к нам на работу, а сегодня он уже как-то очень равнодушно относится к чести коллектива учреждения. Такое ощущение, будто он с сегодняшнего дня выступает за нашу команду. Кое-кто из молодых иногда это со смешком воспринимает, но быстро спохватываются ребята. По такому поводу шутки не проходят. Кажется, будто он вперед с мячом рванул. Тут уж хочешь не хочешь, а надо поддержать атаку».

Один из подсудимых — Елисеев — производил, в общем, неплохое впечатление, по всему было видно, что все происшедшее подействовало на него отрезвляюще. И свидетели говорили о том, что парень он неплохой, во всяком случае, пропащим его назвать было трудно. Особенно усердствовала одна женщина, как оказалось, соседка Елисеевых по квартире. Она дошла до того, что начала чуть ли не подписи собирать в защиту «невинного», к депутату пошла, к председателю районного народного суда, пытаясь оказать давление на судью. Понимая ее благой порыв, я тем не менее никак не мог одобрить «подвижническую» эту ее деятельность. Было во всем этом что-то от недоверия к суду, от желания подсказать наиболее справедливый, с ее точки зрения, приговор. Она была свидетельницей на суде и подробно рассказала, каким вежливым мальчиком всегда был Елисеев, как он уступал ей дорогу на лестничной площадке, как помогал тащить тяжелую сумку. Судья уже после приговора счел нужным побеседовать с ней.

— Вы что же, считаете, что он совершенно невиновен? Что он по ошибке оказался на скамье подсудимых?

— Нет, почему же! Он виновен! Но его вина не настолько велика, как это может показаться на первый взгляд! Он просто попал под дурное влияние.

— А почему же он не попал под хорошее влияние?

— То есть как? Он с таким же успехом мог попасть и под хорошее влияние.

— Другими словами, он одинаково охотно пошел бы и в театр, и на разбой?

— Ну, какой разбой — два рубля взяли!

— Вопрос не в этом, — сказал судья. — Вопрос в другом. Одинаково охотно пошел бы Елисеев в театр и на разбой? То есть были ли у него какие-то собственные убеждения? Или же он вежливым был только потому, что соседям это нравилось? А спортом он занимался потому, что это нравилось начальству в училище? А по чужим карманам он шарил потому, что это нравилось его дружку?

— Зачем же так...

— Простите, но мне кажется, нельзя сказать, что все случившееся — чистая случайность, — сказал судья. — В тот день, когда целая группа учащихся сорвала занятия и прогуляла, произошел очень своеобразный отсев. Вот смотрите — тридцать человек не пошли на занятия. Почти все они разошлись. Может быть, помочь родным по дому, может, просто сходить в кино с друзьями. Учтите, они знали, все знали, что кое-кто в группе собирается пойти выпить. И к ним, к этим жаждущим крепких напитков, присоединилось ничтожное меньшинство. Всего семь человек отправились к кому-то на квартиру пить вино. Остальные нашли себе другое занятие — кое-кто остался в училище, пошел в библиотеку, в кино, погулять по улицам, но не пить. А вот эти семеро, в том числе Елисеев и Дубовой, отправились пить. Вскоре трое ушли. Им выпитого показалось вполне достаточно. Или дела торопили — неважно. Если торопили дела — значит, они для них были важнее выпивки. Продолжали кутеж четверо. Они еще достали денег, одолжили, поскребли по собственным карманам и купили вина. Выпили. После этого оказалось, что еще двое насытились. «Жажда» продолжала мучить двоих из тридцати — Елисеева и Дубового. Их последние собутыльники завалились спать, а они отправились к стадиону. Они знали, что там можно остановить беспомощного на коньках мальчишку и пошарить по его карманам. Это решение их случайно? Внезапно? Нет, уходя из квартиры, где распивали последние бутылки, они прихватили с собой большой кухонный нож. Зачем?

— Вы хотите меня убедить в том, что Елисеев — конченный человек? — негромко спросила свидетельница.

— Нет. Я хочу, чтобы вы правильно поняли, что произошло.

Чтобы уж закончить с этим делом, скажу: Елисеев и Дубовой были приговорены к лишению свободы, и все вышестоящие инстанции оставили приговор без изменения.

Иногда, оставаясь после суда, мы, народные заседатели и судьи, не связанные уже официальным протоколом, необходимостью выносить приговор с учетом всех обстоятельств дела, характеристик, свидетельств, пытаемся проанализировать тот опыт, который постепенно приобретаем.

Что получается. На основании работы Ленинского районного народного суда можно сделать вывод, что подростки чаще всего совершают всевозможные правонарушения группами, которые образовались в процессе их повседневного общения по месту жительства, работы, учебы. Как такие группы образуются, можно хорошо себе представить на примере дела, о котором я только что рассказал. А то, что такие случаи далеко не исключительны, позволяет говорить об общих недостатках в воспитании, в организации свободного времени подростков. Причем это в одинаковой степени относится и к школам, и к техникумам, и к профессионально-техническим училищам, где ребята в том возрасте, когда они наиболее энергичны, я бы даже сказал, азартны, когда они жаждут самоутверждения, но еще не имеют четких и твердых общественных, социальных убеждений, когда у них еще нет жизненного опыта.

Я спортсмен и, естественно, прежде всего мыслю спортивными категориями, да простится мне это. Что характерно — в тех учебных заведениях, на тех предприятиях, где налажена спортивная работа, где действуют разнообразные секции, почти не бывает правонарушений. Во всяком случае, их гораздо меньше. Надо давать выход ребячьей энергии, надо понимать и идти навстречу их желанию проявить, показать себя, самоутвердиться. Где подросток это может сделать? Показать свою удаль, силу, отвагу он может на школьном дворе, на спортивной площадке, на стадионе или же на улице.

Спорт и выпивка — вещи несовместимые, я уже говорил об этом. А уличная удаль и выпивка — вещи нераздельные. Вот и получается, что проявление удали на улице превращается в самое настоящее хулиганство. Дайте тому же парню возможность под рев трибун вогнуть мяч в «девятку», припечатать противника обеими лопатками к коврику, на школьной олимпиаде разгромить соседний класс в баскетбол или волейбол — и он не пойдет на улицу утверждать свое достоинство с помощью кухонного ножа.

Причем могу сказать совершенно твердо, что дело здесь не только в чувстве коллективизма, присущего всему нашему обществу. Большое значение в формировании мировоззрения ребят имеет само слово, само звание «спортсмен». Согласитесь, люди, произнося это слово, имеют в виду не только рост, силу, фигуру, но и благородство, честь, достоинство.

Как член центрального штаба «Кожаный мяч», как человек, которому приходится довольно много общаться с ребятами, с юными футболистами, я хорошо знаю, как легко увлечь ребят спортом, как увлекаются они предстоящими схватками на поле, насколько полно отдаются тренировкам, подготовке, самой «черной» спортивной работе. И я могу привести не один и не два примера того, когда команда, интересы команды, школьного класса, техникумовской группы гасили, нейтрализовали и дурной пример улицы, как принято сейчас говорить, и запущенное воспитание.

Причины антиобщественного поведения подростков могут быть различными. Здесь и сложности в неблагополучной семье, и действительно дурное влияние улицы, и неумеренные выпивки. Однако за всем за этим, за каждой из этих причин стоит нерациональное использование свободного времени. Учитывая все это, комсомольские, общественные организации, руководители учебных заведений могут наметить действенную программу всестороннего воспитания подростков. И спорт должен занять в ней достойное место.

Литературная запись Л. ШАПОВАЛОВОЙ

НЕПРИКОСНОВЕННОЕ БОГАТСТВО

Сохранение и умножение духовного богатства народа всегда было предметом особого внимания и заботы Коммунистической партии и Советского государства. Новое свидетельство этого неослабного внимания — принятый на пятой сессии Верховного Совета СССР закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Памятники истории и культуры СССР, говорится в законе, составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия. В них запечатлена политическая, государственная, производственная жизнь и культура прошлых поколений. Памятники истории и культуры используются как важное средство культурно-воспитательной работы, служат целям науки, просвещения, патриотического, интернационального и эстетического воспитания трудящихся.

Советский народ не только достойный преемник духовных богатств, выработанных человечеством, но и создатель качественно новой социалистической многонациональной культуры. Мы по праву гордимся выдающимися произведениями нашей литературы, кинематографа, театра, других видов искусства, получившими всенародное признание. Оценивая их огромную роль и значение в жизни нашего общества, Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде партии сказал: «Талантливое произведение литературы или искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем, что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревоблениях и свершениях».

Формирование гармонической, всесторонне развитой личности является неотъемлемой частью строительства новой жизни, общенародным, политическим делом. XXV съезд КПСС поставил задачу «обеспечить дальней-

шее повышение роли социалистической культуры и искусства в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании советских людей, формировании их духовных запросов... Улучшать работу музеев, охрану и пропаганду памятников истории и культуры».

Как видим, охрана и пропаганда памятников истории и культуры рассматриваются как одно из условий дальнейшего культурного строительства. Это обстоятельство приобретает особый смысл, если попытаться рассмотреть его в историческом плане. Любая культура и искусство возникают и развиваются не на голом месте. Пример тому — история советского многонационального искусства. Такое же значение имело в этом процессе культурное наследие прошлого.

С первых же дней существования Советской власти проблема культурного наследия стала одной из острейших в идеологической борьбе Коммунистической партии с разного рода нигилистами и вульгаризаторами марксизма. Что можно взять из прошлого, а от чего отказаться? От правильного решения этого вопроса во многом зависел успех построения нового общества.

Призывы разрушить «старую» культуру были в те годы весьма распространенными. Они исходили как от представителей различных модернистских группировок, так и от тех, кто выдавал себя за «полпредов подлинно пролетарского искусства» — пролеткультовцев.

Отметим, что еще в дореволюционной России в начале века возникает ряд группировок (футуристы, кубисты, беспредметники и т. д.), объединяющих космополитически настроенные элементы. Именно они, используя всякую возможность публичного выступления и прессу, которая к 1910 году в значительной мере была в руках зарубежных банкирских домов, возглашали миру о небывалых открытиях, сделанных ими в искусстве, о том, что только их творчество можно считать прогрессивным, что «старую» культуру пора выбросить за борт истории.

В первые годы после Октябрьской революции, открывшей трудящимся небывалые возможности для приобщения к культуре и искусству, лидеры левацких группировок добились господствующего положения в культурной жизни молодой Советской страны. Некоторые из них: Д. Штеренберг, Н. Альтман, Н. Пунин, К. Малевич и другие — заняли ответственные посты в отделе

изобразительных искусств Наркомпроса; в их руках оказались специальные органы печати, художественные учебные заведения.

В своей программе создания нового искусства они пропагандировали откровенный формализм, отрыв искусства от жизни. Художники-реалисты объявлялись подражателями, старьевщиками, а реализм — синонимом бездарности. И особенно активно велась провокационная, подстрекательская работа, направленная на разрушение культурного наследия прошлого. «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку», — провозглашал левацкий идеолог Н. Пунин, формулировавший кредо ниспровергателей.

Преследовалось и шельмовалось русское национальное искусство, обвиняемое в провинциализме, полном отсутствии самостоятельности, самобытности, в подражательстве западным образцам (А. Эфрос. Революционное искусство Запада. — «Прожектор», 1926, № 11). Насмешки и клевета раздавались не только в адрес русского искусства, но и всего русского народа, представителей его культуры (Э. Голлербах. В мастерской Б. М. Кустодиева. — «Прожектор», 1926, № 7).

И эта разнузданная кампания не была только лишь несерьезной мальчишеской болтовней, как это пытаются представить некоторые современные искусствоведы, и в частности Г. Недошивин в работе «Теоретические проблемы современного изобразительного искусства». Она сопровождалась конкретными действиями, причинившими огромный ущерб советской культуре.

Серьезный урон был нанесен подготовке новых творческих кадров. В Свободных художественных мастерских, организованных вместо ликвидированной Академии художеств, лихорадочно осуществлялся принцип «За борт с парохода современности!». Летели из окон образцы античной и русской скульптуры, уничтожались, резались на части полотна мастеров живописи. Само слово «академия» употреблялось только в ругательном смысле. Известный художник А. Рылов так описал принципы набора учащихся и организации преподавания: «В широко распахнутые двери Свободных мастерских вошло много такого народа, который раньше и не думал об искусстве, а под званием студента высшего учеб-

ного заведения укрывался от трудовой и воинской повинности и пользовался другими льготами...

В мастерской Татлина вместо мольбертов, палитр, кистей находились наковальня, верстак, слесарный станок и соответствующие инструменты. Там строили композиции из различных материалов: дерева, железа, слюды, мочала, соединяя их между собою, не задумываясь над смыслом... В мастерской профессора Альтмана преподавалась плоскостная живопись без светотени, с различной фактурой: в краску прибавляли песок, крупу или сглаживали поверхность. Писали натюрморты с нарочито кривыми кувшинами, тарелками и горшками. В мастерской футуриста Пуни на холст наклеивали кусочки газеты, веревочки, деревянные палочки и прочее, не знаю с какой целью».

Естественно, что подобная «преподавательская деятельность» не только развращала молодежь, она отрицательно воздействовала на весь процесс развития советского искусства.

В соответствии с теориями о непригодности «старой» культуры, чуждой якобы духу пролетариата, активно внедрял модернизм в художественную жизнь и Пролеткульт. Его идеологи утверждали, что культура каждого класса обособлена, замкнута и недоступна для понимания другими классами. Деятели Пролеткульта пытались создать особую, пролетарскую культуру, свободную от классовых примесей, от влияний прошлой культуры.

В борьбе с модернистами-ниспровергателями всех мастей решающее значение имела разработанная В. И. Лениным теория культурной революции, положения которой стали руководящей основой деятельности Коммунистической партии по созданию подлинно народной советской многонациональной культуры.

Раскрывая значение духовных богатств человечества в становлении и развитии социалистического общества, его новой культуры и искусства, Ленин указывал: «Нужно взять всю культуру, которую капиталисты оставили, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не сможем...» При этом Ленин четко разграничивал две национальные культуры внутри каждой культуры — культуру народную, демократическую и культуру эксплуататорских

классов. На конкретных примерах разъяснял он принципы партийного, классового подхода к освоению культурного наследия.

Следуя ленинским идеям, партия повела решительную борьбу с ниспровергателями. В целях сохранения памятников истории и культуры, использования их в деле строительства нового общества был издан ряд декретов, послуживших основой для формирования государственной системы охраны культурного наследия. В центре и на местах создавались органы охраны памятников, началась работа по выявлению, учету и реставрации памятников искусства и старины, принимались меры против их хищения, вывоза за границу. Проводилась национализация старых музеев и создавались новые.

Среди мероприятий партии и правительства в области строительства новой культуры особое место занял ленинский план монументальной пропаганды, важнейшей частью которого было возведение памятников выдающимся революционерам, деятелям науки и культуры. Одновременно велась серьезная работа по разоблачению и ликвидации левацких группировок, объединению всех мыслящих, передовых, патриотически настроенных деятелей культуры для строительства нового общества, новой культуры. Итоги этой деятельности нашли отражение в известном постановлении Центрального Комитета партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

Меры, принятые партией по оздоровлению художественной жизни, способствовали бурному прогрессу советской культуры и искусства. Всенародное признание получило творчество таких художников, как Греков, Корин, Ряжский, Иогансон, Пименов, Коненков, Верейский, Дейнека, Мухина и других, ставших классиками советского искусства. Выставки 30-х годов «XV лет РККА», «XX лет РККА», «XX лет ВЛКСМ», «Индустрия социализма» открыли новые таланты. Демократизм, глубокая правда жизни, простота и ясность средств выражения — эти качества, отличающие великие произведения крупнейших мастеров прошлых поколений, приобрели новое звучание в советском искусстве.

В те и последующие годы Советское государство продолжало уделять самое серьезное внимание охране памятников истории и культуры. Признание их выдающегося значения в развитии советской культуры, ду-

ховном воспитании человека нового, социалистического общества нашло особенно яркое выражение в небывалом размахе восстановительных работ послевоенного времени. Приходилось фактически заново возрождать не только отдельные памятники, но и целые исторические и культурные центры, пострадавшие от нашествия фашистских варваров. Наряду с этим сооружались новые памятники на местах сражений гражданской и Великой Отечественной войн, создавались новые музеи-заповедники, совершенствовалось союзное и республиканское законодательство по вопросам охраны памятников истории и культуры.

Ныне на государственном учете состоит около 150 тысяч памятников истории, археологии, архитектуры. Мы по праву гордимся не только такими бесценными творениями прошлых поколений, как Московский Кремль, Зимний дворец, архитектурные ансамбли городов «Золотого кольца», Самарканда, Еревана, Вильнюса и многие другие, но и памятниками, созданными руками наших современников, увековечившими бессмертный подвиг народа в Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войнах, строительстве социализма и коммунизма. Несметны сокровища наших музеев, содержащих около 49 миллионов единиц хранения. Почти в два раза за последнее десятилетие увеличился приток посетителей в музеи. Все больше туристов съезжается в места, связанные с историческим и революционным прошлым нашей Родины, жизнью и деятельностью великого Ленина.

И не случайно миллионы советских людей проявили столь горячую заинтересованность при обсуждении проекта закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В государственные органы, редакции газет и журналов поступили тысячи откликов, пожеланий и предложений от граждан и организаций. Комиссиями по народному образованию, науке и культуре палат Верховного Совета СССР было рассмотрено более 1600 предложений, позволивших внести в проект закона существенные дополнения.

В преамбуле закона устанавливается, что в СССР памятники истории культуры являются достоянием народа. В них воплощены труд и талант замечательных мастеров, материальная и духовная жизнь прошлых поколений, многовековая история нашей Родины, борьба

народных масс за свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского многонационального социалистического государства. Охрана памятников провозглашается важной задачей всех государственных органов и общественных организаций, а бережное отношение к ним — патриотическим долгом каждого гражданина СССР.

В законе определены также задачи советского законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, намечена его структура. В частности, в статье 3 говорится, что законодательство СССР и союзных республик в данной области состоит из настоящего закона и издаваемых в соответствии с ним иных актов законодательства СССР, законов и других актов законодательства союзных республик. Эти нормы имеют чрезвычайно важное значение, ибо действовавшее «Положение об охране памятников культуры», утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года, не определяло уровня правового регулирования данного вопроса. Таким образом, новый закон дает толчок дальнейшему развитию законодательства в области охраны и использования памятников: изданию соответствующих законов в тех республиках, где они не были приняты, и приведению в соответствие с новым законом уже действующих правовых актов. Кроме того, многие положения закона получают развитие в дополнительных актах — постановлениях, положениях, инструкциях.

В законе впервые дается определение понятия «памятник». Памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Все памятники на территории СССР охраняются государством. Государственной охране подлежат также и вновь выявляемые объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, впредь до решения вопроса о принятии их на учет как памятников истории и культуры. Важность и целесообразность такой законодательной нормы несомненны. Нередко из сообщений прессы мы узнаем, что

при строительных или иных работах обнаружены ценные клады, редкие изделия, сооружения. Например, в Москве при строительстве гостиницы «Россия» был выявлен уникальный памятник архитектуры XVI века «Посольский двор», вошедший теперь в ансамбль улицы Разина и ставший музеем русской архитектуры под открытым небом. Между прочим, район Китай-города, где открыт этот памятник, еще не исследован до конца, и здесь можно ожидать много новых интересных находок. Вот почему в закон включена норма, предписывающая всем предприятиям и организациям в случае обнаружения при ведении работ археологических и других объектов, имеющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, сообщать о том государственному органу охраны памятников и приостанавливать дальнейшие работы (статья 24).

Закон содержит классификацию памятников по видам. В ранее действовавшем «Положении об охране памятников культуры» было предусмотрено разделение памятников на четыре вида — архитектуры, искусства, археологии и исторические. Теперь к ним добавлен пятый — документальные памятники, то есть акты органов государственной власти, другие письменные и графические документы, древние или иные рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания.

Кроме того, существенные изменения произошли в определении круга объектов, которые могут быть отнесены к тому или иному виду памятников. Например, раздел «памятники архитектуры», включавший перечень отдельных архитектурных сооружений, превратился в раздел «памятники градостроительства и архитектуры». К ним относятся теперь не только отдельные сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества и связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты, но и архитектурные ансамбли и комплексы, целые исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов.

В этих нормах отражается новый подход к охране памятников, характерный для современного периода развития нашего общества.

Если раньше памятник архитектуры рассматривался

сам по себе как отдельный объект, то сегодня, в условиях бурного развития градостроительства, процесса благоустройства городов, все большее значение приобретает комплексный подход, имеющий целью обеспечить взаимосвязь памятников с окружающей средой, новой застройкой в целях сохранения их эстетических и иных достоинств.

Несколько лет назад в Москве, по мнению специалистов, были неоправданно снесены имеющие историческую ценность строения на левой стороне улицы Волхонки и на площади Боровицких ворот, когда разрабатывался проект транспортного полукольца Кузнецкий мост — улица Грицевца. Сейчас обсуждается вопрос о судьбе правой стороны улицы, где расположены памятники архитектуры XVII—XIX веков, составляющие градостроительную основу данного района. Почему важно сохранить эту застройку? Волхонка примыкает к заповедной зоне Кропоткинской улицы, составляет с нею единый исторический центр, в котором органично расположены такие всемирно известные памятники, как дом Пашкова и Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Современная застройка не должна разрушить этот целостный архитектурный ансамбль. Другой пример — судьба улицы Димитрова. Когда расширялась транспортная магистраль, были снесены ценные памятники — литературный музей, церковь Иоакима и Анны (XVII в.), дом Коноваловых (построенный по проекту великого русского зодчего В. И. Баженова) и другие. Работы здесь пока приостановлены. И думается, это правильно, так как усилия по расширению улицы Димитрова, кроме всего прочего, могут быть сведены на нет низкой пропускной способностью Малого Каменного моста.

Нельзя бездумно подходить к перепланировке улиц, городских исторических центров, которые не только создают единственно возможную среду для восприятия конкретного памятника, но и сами могут быть своеобразными памятниками градостроительства.

Эти новые тенденции получили отражение и в статье 22 закона, гласящей, что проекты планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, монументального искусства, подлежат согласованию с соответствующими органами

охраны памятников. В целях обеспечения охраны названных памятников устанавливаются также охранные зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта в порядке, определяемом законодательством СССР и союзных республик. В пределах указанных зон запрещаются земляные, строительные и другие работы, а также хозяйственная деятельность без разрешения соответствующих органов охраны памятников. Здесь следует отметить, что разработка охранных зон проводилась еще до принятия закона, в соответствии с положением от 14 октября 1948 года. Однако сделано далеко не все. Достаточно сказать, что ряд важнейших памятников, в частности и такой, как Московский Кремль, еще не имеет своей охранной зоны.

Памятники истории и культуры согласно закону могут находиться в собственности государства, колхозов, кооперативных и общественных организаций, а также в личной собственности граждан. Продажа, дарение или иное отчуждение памятников допускается лишь с обязательным предварительным уведомлением государственных органов охраны памятников; при продаже памятника государство имеет преимущественное право покупки. Статья 16 закона устанавливает, что памятники истории и культуры, используемые не в соответствии с их характером и назначением, подвергающиеся угрозе уничтожения или порче, могут быть изъяты у предприятия, организации, учреждения в порядке, определяемом законодательством СССР. Если же гражданин не обеспечивает сохранности принадлежащего ему памятника, последний может быть изъят в судебном порядке с соответствующим возмещением. Такая возможность предусмотрена, например, статьей 142 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик.

Независимо от того, в чьей собственности находятся памятники, они подлежат государственному учету, порядок которого определяется Советом Министров СССР. В целях организации их учета и охраны недвижимые памятники в зависимости от общественной значимости подразделяются на три категории — союзного, республиканского и местного значения. В соответствии со статьей 23 закона снос, перемещение, изменение недвижимых памятников запрещается. Исключение из этого правила

допускается лишь с особого в каждом случае разрешения Совета Министров СССР — в отношении памятников общесоюзного значения, Совета Министров союзной республики — в отношении памятников республиканского и местного значения. При этом организация или учреждение, получившие соответствующее разрешение, обязаны обеспечить соблюдение условий, предусмотренных законодательством, а государственный орган охраны памятников — научное изучение и фиксацию памятников.

В законе установлены единые нормы, регулирующие порядок и условия использования памятников всеми ведомствами, организациями, учреждениями и гражданами. Статья 13 определяет, что памятники истории и культуры используются в целях развития науки, образования, культуры, патриотического, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания. Использование их в хозяйственных и других целях допускается, если это не наносит ущерба их сохранности и историко-художественной ценности.

К сожалению, еще нередки случаи, когда отдельные строения, имеющие историческую или культурную ценность, используются столь бесхозяйственно, что их существование ставится под угрозу. Закон устанавливает ответственность предприятий, организаций, учреждений, в собственности или пользовании которых находятся памятники истории и культуры, за их сохранность, а также обязывает соблюдать правила охраны, использования, учета и реставрации памятников. Предприятия и граждане обязаны также обеспечивать сохранность памятников, находящихся на землях, предоставленных им в пользование.

Реставрация, консервация и ремонт памятников осуществляются за счет средств государственных органов охраны памятников. Эти работы должны производиться только с ведома государственных органов охраны памятников и под их контролем.

Важная гарантия обеспечения сохранности памятников содержится в статье 24 закона, предусматривающей, что строительные, мелиоративные, дорожные или иные работы, могущие представлять угрозу для существования памятников истории и культуры, должны производиться только по согласованию с государственными органами охраны памятников и после осуществления ме-

роприятий, обеспечивающих безопасность охраняемых объектов. В необходимых случаях государственные органы охраны памятников могут приостановить ведение таких работ (статья 25).

Лица, виновные в нарушении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, несут уголовную, административную или иную ответственность. Например, уголовная ответственность предусмотрена за умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры либо природных объектов, взятых под охрану государством.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1977 года установлена административная ответственность за нарушение правил охраны и использования памятников истории и культуры. Лица, виновные в нарушении этих правил, могут быть предупреждены или оштрафованы. На должностных лиц штраф налагается в размере до ста рублей, на граждан — до пятидесяти. Данные меры взыскания налагаются административными комиссиями при исполкомах районных, городских Советов депутатов трудящихся.

В случае бесхозяйственного обращения с памятником он, как выше отмечалось, может быть изъят у предприятия или гражданина. Организации или отдельные лица, виновные в причинении вреда памятнику или его охранной зоне, обязаны восстановить их в прежнем состоянии, а в случае невозможности этого — возместить убытки.

Государственный контроль за охраной и использованием памятников истории и культуры возложен на Советы депутатов трудящихся, их исполнительные и распорядительные органы и специально уполномоченные на то государственные органы. Именно Советы, обладающие всей полнотой власти на местах, могут организовать действительный контроль за соблюдением законодательства об охране и использовании памятников, оказать помощь в решении ряда актуальных проблем. Например, бывают случаи, когда один и тот же памятник последовательно передается в пользование разным организациям или одновременно используется несколькими предприятиями различной подчиненности. В такой ситуации не каждый пользователь склонен считать себя ответственным за общее состояние памятника, но каждый стремится получить максимум выгод от его использова-

ния. Местный Совет должен воздействовать на такие организации или предприятия и потребовать от них исполнения предписаний закона.

Немало у нас есть еще так называемых временно не используемых объектов, в частности архитектурных сооружений. И зачастую бывает трудно найти для них арендатора, ибо это связано с реставрационными работами, расходы на которые бывают не под силу одному предприятию, а еще чаще из-за сложности определения характера использования памятника. Так, в городе Кашире Московской области бывшая церковь Введения, отреставрированная в 1972 году и пустовавшая затем три года, была наконец отдана под склад треста столовых. Вряд ли это лучший вариант, тем более что в здании предполагалось разместить краеведческий музей. Видимо, местным органам власти следовало бы проявить больше заинтересованности в организации музея.

Наконец, иногда памятники находятся в некотором отдалении от крупных культурных центров, и доступ к ним затрудняется из-за отсутствия хороших дорог. Здесь местные Советы, способствуя объединению усилий государственных организаций и колхозов в строительстве новых дорог, могли бы позаботиться и о приведении в порядок подъездных путей к памятникам. Такой опыт в ряде областей страны уже есть.

Однако нельзя умолчать и о фактах иного отношения к делу охраны памятников. В Клинском районе Московской области размещается усадьба Демьяново, принадлежавшая в XIX веке В. И. Танееву — философу и социологу, другу К. Маркса, родственнику известного композитора. В свое время В. И. Ленин подписал охранную грамоту на эту усадьбу. Между тем, принятая на баланс местным совхозом, усадьба использовалась частью под жилье, частью... под цехи переработки фруктов. В 1966 году состоялось решение Мособлисполкома о передаче ряда памятников, в том числе и Демьянова, на баланс органам охраны памятников Мособлисполкома. Однако усадьба не была передана, и только в 1976 году она была освобождена от цехов и жильцов. И тем не менее Клинский исполком и совхоз всячески уклонялись от передачи усадьбы, хотя был найден новый арендатор — объединение Росмонументискусство, взявшееся отреставрировать памятник. В результате в пустующих помещениях начался пожар — сгорел флигель, где жил

академик Тимирязев. Причины пожара не рассматривались. А в конце февраля этого года сгорел и главный корпус усадьбы. Неоднократному разорению подвергались семейные надгробия Танеевых и Чайковских, находящиеся вблизи.

Важную роль в осуществлении мероприятий по охране и использованию, выявлению, учету, реставрации памятников истории и культуры, распространению знаний о них закон отводит общественным организациям — профсоюзам, организациям молодежи, научным обществам, творческим союзам и другим, а также отдельным гражданам. Особенно важную работу проводят общества охраны памятников, созданные в союзных республиках и объединяющие миллионы граждан. Они способствуют привлечению широких слоев населения к непосредственному участию в охране памятников, осуществляют контроль за их использованием, ведут учебно-воспитательную работу.

В законе содержится ряд и других важных положений. В частности, существенное значение имеют те нормы, в которых закреплено позитивное отношение Советского государства к международному культурному обмену, способствующему укреплению дела мира.

Дальнейшему укреплению социалистической законности в области охраны памятников истории и культуры и их активному использованию в интересах коммунистического воспитания должна способствовать широкая пропаганда и самих памятников, и законодательства об их охране.

Как пример партийного, делового подхода к столь важному делу нельзя не отметить инициативу Министерства высшего и среднего специального образования СССР, рекомендовавшего всем высшим учебным заведениям страны рассматривать пропаганду законодательства об охране памятников истории и культуры как составную часть учебного и идейно-воспитательного процесса. Думается, что свой вклад в пропагандистскую и воспитательную работу могут внести и другие ведомства и общественные организации. В частности, Управлению по иностранному туризму при Совете Министров СССР, Центральному совету по туризму и экскурсиям ВЦСПС и иным заинтересованным туристским организациям целесообразно было бы разработать новые туристские маршруты. Профсоюзным советам по туризму и экскур-

сиям следует также более активно использовать переданные им памятники для развития сети туристских баз. Разумеется, сначала нужно приостановить их эксплуатацию на износ и привести в соответствующий порядок. Особенно актуален этот вопрос в отношении таких памятников, как ансамбль Соловецкого монастыря в Архангельской области, комплекс Нилова пустынь и усадьба «Раек» в Калининской.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» не только ставит перед нами серьезные задачи, но и открывает новые возможности в строительстве социалистической культуры, коммунистическом воспитании трудящихся. Строжайшее соблюдение всех его предписаний — патриотический долг и обязанность каждого советского человека.

В новой Конституции СССР отражены исторические завоевания советских людей в строительстве развитого социалистического общества, выдающиеся достижения в области экономики и культуры. Одной из примечательных особенностей Конституции является тот факт, что она опирается на проведенное обновление и совершенствование советского законодательства и практически венчает то, что сделано в этом отношении. И потому закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» явился одним из тех как бы кирпичиков, — как сказал на майском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — из которых складывались многие статьи новой Конституции.

Итак, какое преломление и развитие получили в ней основные положения закона?

Специальная глава проекта посвящена вопросам социального развития и культуры. «Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности», — говорится в 20-й статье. Поэтому оно заботится об охране и приумножении духовных ценностей общества, широком их использовании для повышения культурного уровня советских людей (статья 27).

Как мы видим, направленность приведенных статей проекта Конституции полностью соответствует направленности статей закона, посвященных задачам и целям охраны и использования памятников.

Впервые в Советской Конституции закрепляется право граждан на пользование достижениями культуры, которое обеспечивается общедоступностью ценностей и отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, и другими гарантиями. И наконец, также впервые в ранг конституционных требований возводится обязанность заботиться о сохранении культурных богатств. «Забота о сохранности исторических памятников и других культурных ценностей, — говорится в статье 67, — долг гражданина СССР».

Думается, вряд ли с учетом сказанного раньше следует комментировать эти взаимосвязанные положения Основного Закона. Они являются доказательством поднятия дела охраны и использования памятников истории и культуры на невиданную в истории высоту. Доказательством того, что в Советской стране все делается для блага человека, во имя человека.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ИСТОКОВ ДНЕПРА

Путевые заметки

Замечательный русский писатель Михаил Михайлович Пришвин, большой знаток и певец природы, писал о ней: «...Это Родина, дом наш». Мудрость и глубокий смысл этих простых слов заключается, на мой взгляд, не только в том, что природа влияла и теперь влияет на экономику страны, ее историю, культуру и даже характер народа. В них еще явственно слышится призыв к людям быть рачительными хозяевами в своем доме.

И действительно, стремительное развитие промышленности день ото дня повышает гражданскую ответственность каждого человека, в особенности хозяйственных руководителей, за судьбы природы. Ясно, что оградить ее от людей просто невозможно. Но и бездействовать нельзя — слишком губительными для общества могут быть последствия нашего, порой безответственного вмешательства в сложную жизнь окружающей нас среды. Выход один — мы должны установить правильные, гармоничные взаимоотношения с природой. Должны не разрушать ее, а сосуществовать с ней, так сказать, в созидательном единении. Именно в этом и заключается перспективная цель советских законов об охране окружающей среды и, в частности, водных кодексов, предусматривающих рациональное и комплексное использование водных ресурсов страны.

Вода — особая статья природной системы нашей планеты. С ней связано существование всего живого на Земле, и прежде всего — самого человека. Вода, причем чистая, нужна всюду, и с каждым днем все больше и больше. А запасы ее небезграничны, тем более если учесть, что промышленность берет ее у природы чистой, а возвращает такой далеко не всегда...

В нашей стране последовательно проводятся в жизнь крупномасштабные программы по оздоровлению водных ресурсов на огромных территориях. Примером

тому служит принятое в начале 1976 года постановление ЦК нашей партии и Советского правительства «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей». Мне довелось побывать на многих крупных и мелких реках азово-черноморского бассейна и узнать, как там обстоят дела с охраной их водных ресурсов.

Так уж получилось, что большая часть моих командировок прошла в тех местах, где природа нуждается в защите закона. К счастью, их немного. Но они есть, и именно там все проблемы охраны водных ресурсов переплелись самым теснейшим образом. И решать их придется одновременно, ибо, предав забвению одно, можно невольно погубить остальное. В этом я лишний раз убедился, побывав у истоков Днепра...

* * *

На географической карте Днепр похож на могучее дерево. С кряжистым комлем — устьем у Черного моря и раскидистой кроной притоков в верхнем течении. Под сенью этой живительной кроны расположилось около десятка областей России, Украины и Белоруссии. Здесь, на Смоленщине и Гомельщине, Брянщине и Черниговщине, Днепр набирает силу, становясь одной из важнейших водных артерий страны. Растянувшись больше чем на две тысячи верст, он по праву числится в тройке крупнейших рек Европы, после Волги и Дуная.

С основными своими притоками Березиной, Десной, Припятью, Сожем и сотнями мелких речек Днепр обеспечивает водой ряд важнейших промышленных и сельскохозяйственных центров трех крупнейших европейских республик нашей страны. Так что жизненное значение рек и речек верхнеднепровского бассейна для этих мест невозможно переоценить. И от того, как люди содержат истоки великой реки, зависит не только полноводность Днепра, но и во многом чистота уникального по своим природным данным Черного моря. Жизнь всякий раз напоминает нам, что в природе все взаимосвязано...

Понимают ли это те, в чьих руках судьбы днепровских истоков? Если понимают, то что предпринимают для их охраны от загрязнения и истощения? Какие

проблемы возникают при решении столь важного, государственного дела?

Понятно, ответы на эти вопросы едва ли могут быть однозначными. Ведь река петляет по трем республикам. У каждой свои особенности в народном хозяйстве, климате, традициях, наконец. Но вместе с тем было ясно: река административных границ не признает. Да и законы об охране вод везде одни и те же...

* * *

Смоленщина... На севере этой древней русской земли, из небольшого, заросшего ивняком, ольшаником и клюквой валдайского болота и берет начало Днепр. Кроме него, в области еще сотни рек и речушек, множество озер...

— Воды у нас много, хватает всем, — заверили меня в смоленской гидрохимлаборатории. — Но мы все равно стараемся беречь ее: только в 1975 году за счет оборотного использования чистой воды в промышленности ее расход снизился на 130 тысяч кубометров в сутки. Заметно сократился и сброс неочищенных стоков в Днепр...

— Это в Днепр. А в притоки? — подвожу разговор к цели моей поездки.

— Тут дела похуже...

Вместе с работниками лаборатории я побывал на нескольких притоках Днепра. И их здесь много: поезжайте из Смоленска по любой дороге и с вершины первого же холма обязательно увидите в седловине речку. Спускаемся с холма на берег и... Признаюсь, не знай я раньше, что перед нами речка Ясенная, не смог бы отличить ее от большой сточной канавы... Не в лучшем состоянии и такие притоки Днепра, как Вязовенька, Стабнянка, Улица... Они загрязнены настолько, что, по существу, их нельзя уже назвать привычным словом «речка». А ведь с них тоже начинается Днепр! Но что, кроме вреда, могут ему принести их мутные струи?..

«Воды у нас много...» Думается, что это утверждение смолян не совсем точно, вернее будет сказать: «пока много». Если уже теперь не поставить заслона загрязнителям речек, то скоро воды здесь будет просто не хватать.

Дело еще и в том, что смоленское Нечерноземье переживает сегодня второе рождение. Сельское хозяйство области переходит на новую, промышленную основу производства. Облагораживают земли мелиораторы, строятся крупные животноводческие комплексы. Стремительно развивается индустрия, а вместе с ней растут, расширяются большие и малые города. Все это нуждается в чистой речной воде как источнике жизни для людей, растений, сырье для заводов и фабрик Смоленщины. И не только Смоленщины: ведь Днепру предстоит еще долгий путь по Белоруссии и Украине...

Сейчас за состоянием рек в области следят несколько организаций: бассейновое управление, рыбоохрана, санэпидстанция, исполкомы местных Советов. И все-таки, несмотря на строгие законы об охране природы и такое множество защитников, речки кое-где еще терпят бедствие. Почему? Своеобразным ответом на этот вопрос может служить довольно типичная для Смоленщины история со свиноводческим комплексом совхоза «Жуковский», где мне пришлось побывать.

...По заказу областного треста Свинопром местные строители (Смоленскоблстрой) должны были построить современный откормочный комплекс на 50 тысяч свиней. В срок они не укладывались: оставалось достроить довольно сложные, но совсем недорогие очистные сооружения. Сдавать же комплекс надо в срок — иначе лишишься премий. Тогда строители, зная, как ждут в хозяйстве комплекс, предлагают совхозу очищать стоки по временной схеме, попросту говоря — подавать жижу без всякой обработки в большую яму, а из нее вывозить машинами. Недоделки же по очистным обещали устранить в три месяца. Животноводы, не рассчитав как следует, справятся ли они с удалением стоков, согласились (что, между прочим, влетело им в копеечку!). Опрометчиво? Да. Ведь даже неспециалисту было ясно: в дожди жижесборник может переполниться.

И уж совсем необъяснимо, как не учли этих последствий специалисты по охране природы, поставившие свои подписи под актом о приемке комплекса в эксплуатацию. А строители будто того и ждали: не медля удалились из совхоза... на полтора года!

Так громадная «фабрика мяса» сметной стоимостью 4,5 миллиона рублей, едва начав работать, столкнулась

с проблемой удаления отходов. И в один из майских дней прошлого года жижесборник переполнился: вредные аммиачные стоки пошли в речку Кюлодню. В результате в ней на протяжении пятнадцати километров от сброса погибли целые косяки рыбы. Органы рыбоохраны без задержки оштрафовали директора, главного агронома, управляющего комплексом и подсчитали ущерб, который совхоз будет возмещать государству. Реакция, в общем-то, естественная, но слишком запоздалая: рыба уже погибла...

Животноводы получили внушительный урок: не принимайте предприятия без очистных. Все правильно. Ну а если посмотреть, так сказать, в корень этой истории? Ведь не одни только животноводы подписывали акт о сдаче комплекса в эксплуатацию. Свое «добро» на это дали и все природоохранные органы. Когда же реке был нанесен урон, то на поверку вышло, что защитников у нее много, а настоящего, дальновидного хозяина не нашлось...

Подобные случаи на Смоленщине не редкость. Расчет любителей «отрапортовать» о досрочном пуске так же прост, как, впрочем, и наивен: начнет предприятие работать — тогда попробуй останови! Что ж, если недобросовестным строителям такой незаконный ход и на руку, то заказчики неминуемо обрекают не только себя на штрафы (а то и на уголовное преследование — статья 46 Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик¹), но и, что самое главное, — окружающую природу на гибель.

Выход один — все, кто ответствен за судьбу реки (и в первую очередь ее защитники), должны строго исполнять закон, запрещающий ввод в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, «не обеспеченных устройствами, предотвращающими загрязнение и засорение вод» (статья 10 Основ).

Вроде бы ясно, что столь четкая формулировка закона не допускает каких-либо толкований. Но, судя по фактам, такие толкования допускаются — ведь подписали же, к примеру, акт о приеме в строй Сафоновского сельского строительного комбината представители местной санэпидстанции. Почему? Да потому, что у всех защитников реки свои особые, порой узкие требования к

¹ В дальнейшем будем называть их Основами.

водопользователям и собственные методы работы. Бывают ведь случаи, когда инспектор рыбоохраны проходит мимо фактов загрязнения реки только потому, что они не привели к гибели рыбы. И в то же время бассейновое управление считает это недопустимым, поскольку последствия могут проявиться спустя месяцы или годы. Но вместе с тем сплошь и рядом случается, что какого-нибудь одного загрязнителя штрафуют одновременно и медики, и рыбоохрана, и бассейновое управление.

Так возникают иногда несогласованность, ненужный параллелизм в работе многочисленных природоохранительных органов. И хотя то, за чем следит каждый из них, одинаково важно для сбережения природы, властью да и авторитетом они обладают далеко не одинаковыми. Многие инспекции созданы различными ведомствами (которые чаще всего сами являются крупнейшими водопользователями) по разным территориальным и административным принципам. Река же никаких границ не признает, она одинаково служит и смоленским мелиораторам, и гомельским рыбакам...

Крупные государственные ассигнования на охрану окружающей среды создают условия для точного и четкого исполнения требований водного законодательства. И если нарушения все же бывают, причиной тому бытующее пока среди некоторых хозяйственников убеждение: «У природы не убудет». И все та же ведомственная «чересполосица» в работе различных организаций, имеющих касательство к охране реки.

* * *

В этом мне пришлось убедиться и в Белоруссии. Здесь, кроме местных Советов, медиков, мелиораторов, рыбоохраны, за речками следят еще три инспекции: по охране природы, судоходная и по маломерному флоту...

Гомель — очередной пункт моей командировки. Он расположился на высоком берегу Сожа, одного из крупных притоков Днепра. Город очень чистый, зеленый, ухоженный, с великолепным парком на крутом сожском обрыве. Сюда, к реке, к ее необычайно белым песчаным пляжам и тенистым набережным стекаются по выходным тысячи гомельчан. Сож укрылся от городских кварталов густой зеленью высоченных кленов и ясеней, дубов и ольхи, а потому отдых здесь, в черте

города, почти никак не отличается от отдыха в тех загородных местах, куда устремляются обычно жители других индустриальных центров. Случай помог мне посмотреть на Сож поближе.

«Стрела» на подводных крыльях быстро неслась в сторону устья, то и дело обходя моторки. А их здесь было много, очень много. И почти каждая оставляла за собой веер больших, порой достигающих метра волн, которые, не успевая выпрямить свои упругие горбы, с силой ударяли в берег. Встречались обрушенные участки, иногда даже с целым кустом ивняка, того самого, который и укрепляет берега реки. Но, как говорится, вода камень точит. А песок подмыть ей и труда нет. Тем более если реке невольно помогают в этом...

Подмыв берегов — только одна грань той довольно серьезной проблемы, с которой связано бурное развитие водно-моторного любительства. В большинстве городов, где мне пришлось побывать, места стоянок лодок плохо оборудованы, замусорены, не имеют устройств для сбора горюче-смазочных материалов, которые сплошь и рядом попадают в реку. А закон между тем специальной статьей и под угрозой штрафа (а то и более серьезного наказания) обязывает владельцев средств водного транспорта не допускать этого (статьи 38 и 46 Основ).

Но и это еще не все — моторные лодки в таком огромном количестве (если в Смоленске и Гомеле их было зарегистрировано примерно по две тысячи, то в Киеве — все пятнадцать!) даже при налаженной службе движения создают опасность для купающихся, владельцев гребных лодок и парусников. А как совместить отдых на реке с тем невообразимым шумом, который непременно сопутствует моторкам?!

Думают ли осводоовцы решать эти вопросы? Ведь они как-никак тоже хозяева на реке. И заботиться о ней должны так же, как водоохрана и рыбинспекция. Ведь в загубленном водоеме ни рыбы половить, ни искупаться: что ж тогда делать водно-моторным туристам на воде?!

Гомельская областная инспекция по охране природы предложила осводоовцам ввести кое-какие ограничения для маломерного флота на Соже (уменьшить скорость и так далее). Но предложение это повисло в воздухе, и все осталось по-прежнему — нет-нет да и плюхнет в во-

ду глыба берега после промчавшейся «с ветерком» моторки...

Так что же делать? Запретить водно-моторный спорт и туризм? Лишить многих людей радости любимого отдыха? Справедливо да и разумно ли это? Такие вопросы, в которых уже как бы заложен отрицательный ответ, мне довольно часто приходилось слышать от владельцев мотолодок, которые ни на йоту не хотят поступиться своими нынешними правами. Думается, что реальное решение в настоящее время не может быть крайним — либо запретить, либо все оставить по-старому. Однако ясно и то, что определенные ограничения, защищающие природу от вредных последствий бурного развития маломерного флота, вводить надо. А на некоторых водоемах вообще запретить пользование мотолодками. Кстати, летом 1976 года Совет Министров СССР уже принял постановление «О порядке частичного или полного запрещения использования водных объектов, имеющих особое государственное значение либо особую научную или культурную ценность».

Навести порядок на малых реках Верхнего Приднепровья требует сама жизнь. Но и здесь, как видно, делу мешают порой издержки ведомственной ограниченности некоторых «хозяев» реки.

Есть в Гомельской области, недалеко от самого Гомеля небольшая чистая речушка Уза. Не велика особенно, а все-таки поит несколько деревень, да еще берут из нее воду для полива лугов. Впадает Уза в Сож у красивейшего урочища Бобовичи, известного своей дубовой рощей и вездесущими в этих местах аистами. Отменное место для отдыха. Только вот отдыхающих нигде не видно, потому что Уза здесь... черная. Вода в ней как в гнилом болоте — даже пузырится. И все это тяжелым потоком врезается в светлые воды Сожа.

Да, такое способно ошеломить — ведь буквально в трехстах метрах от устья Уза чиста как стеклышко. А загадочная метаморфоза произошла вот почему — рядом в нее «впадает» городская (так называемая Мильчанская) ливневая канава. Сбрасывают сюда стоки и городские очистные сооружения. Еду туда. Сооружения работают с небольшой перегрузкой, но очищают стоки хорошо. Оказывается, пока очищенная здесь вода идет по старой, насквозь забитой и пропитанной сточным илом канаве, она загрязняется до неузнаваемости. Па-

радокс, да и только — эффективная работа очистных сооружений, по сути дела, идет насмарку!

В канаву эту сбрасывали ливневые воды также завод «Гомсельмаш» и склад топлива Гомельского железнодорожного депо. Их сбросы в десятки раз превышают всякие допустимые нормы! Несмотря на то, что исполком Железнодорожного района города в мае 1976 года обязал их «произвести очистку канавы», виновные и рукой не пошевелили! И лишь тогда собрались вместе представители инспекции по охране природы, рыбоохрана, санэпидстанция и городские власти. Нашли наконец согласованное решение, и дело сдвинулось с мертвой точки. Сдвинулось потому, что у реки появился настоящий защитник, хозяин, хотя, как говорится, и в четырех ипостасях.

Так жизнь лишний раз подсказывает, что, объединив усилия природоохранительных органов, можно не только лечить, но предупреждать многие современные «болезни» больших и малых рек. Побывав на Брянщине, убеждаешься: такие взгляды на проблемы охраны водных ресурсов уже воплощаются в конкретные дела...

* * *

Десна... О редкой красоте ее разнотравных пойм, сверкающих на солнце перекатов, глубоких, а оттого черных омутов, схоронившихся от людских глаз за непроходимой стеной ивняка и калины, написано немало восторженных строк. Местные жители даже уверяют, что неувядаемый «Бежин луг» Иван Сергеевич Тургенев написал после того, как побывал на Десне...

Здесь так же, как и на Смоленщине, охраной рек занимаются местные Советы, бассейновое управление, рыбоохрана, медики. С той лишь разницей, что действуют они не в одиночку, а согласованно, под компетентным руководством межреспубликанского (РСФСР и СССР) «Комитета по Десне».

К идее создания такого комитета привела брянцев сама жизнь: ведь обмеление Десны, внешне как будто и незаметное, начало сказываться на водном режиме окрестностей. В повестку дня встал вопрос: как восстановить полноводность Десны, которая поит сразу несколько областей и почти целиком Брянскую, Черниговскую и Киевскую.

За дело взялись ученые — специалисты почти всех отраслей науки о природе, хозяйственники, представители водных инспекций. В самом начале этой работы стало ясно, насколько тесно переплетены между собой все проблемы охраны природы. Чтобы не дать реке погибнуть, надо сохранить верховые болота, где она берет начало, леса по берегам, осушение окрестностей сочетать с орошением, укреплять посадками берега, строить запруды на притоках, не сбрасывать загрязненных стоков...

Читатель, знакомый с юриспруденцией, может сказать, что все перечисленное достаточно четко изложено в советском водном законодательстве. Все это так. Но не секрет и то, что требования закона иногда вольно (из-за узковедомственного подхода некоторых хозяйственников к охране природы), а подчас и невольно (из-за несогласованности в работе инспекций) нарушаются. Последствия же потом приходится исправлять годами и десятилетиями.

Чтобы не допустить этих самых последствий, помочь людям разумно использовать природу, и был создан известный теперь в стране «Комитет по Десне», цель которого состоит в «координации научной и практической деятельности всех учреждений и организаций, работающих в бассейне реки Десны, по борьбе с эрозией, загрязнением воды, улучшением водного режима Десны».

Вскоре, пожалуй впервые в стране, была разработана и стала претворяться в жизнь схема комплексного использования и охраны водных и земельных ресурсов бассейна Десны¹. И результаты не заставили себя ждать. Деснянская вода стала свежее и чище. Автор этих строк видел ее до входа в Брянск и после. Удивительно, но почти не разнится! Стало в ней больше сазанов и лещей, щук и сомов. Рыбаки даже утверждают, что в реке вновь появилась стерлядь. Это же, как известно, один из важнейших биологических показателей качества воды.

А разве не заботами комитета все курские леса переведены в первую группу! Началась долгожданная рекультивация земель магнитной аномалии. Чтобы сбе-

¹ В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О порядке разработки и утверждения схем комплексного использования и охраны вод», принятым летом 1976 года, подобного рода схемы будут теперь составляться повсеместно.

речь берега малых рек Сумской области от разрушения, здесь запретили пользоваться моторками. Вторую жизнь получили многие, почти вконец обмелевшие речки Брянщины — на них построены сотни плотин и запруд...

Сейчас у деснянцев появилась новая и очень серьезная забота — провести огромные работы по мелиорации земель так, чтобы не нарушить водного режима бассейна, сохранить добротные пойменные луга Десны. Сплошное осушение деснянских террасных болот может не только отрицательным образом повлиять здесь на естественное луговое хозяйство, отнять приют у дикой птицы, бобров, но и загубить малые реки. Как быть? Какие болота осушать, а какие оставлять в первозданной неприкосновенности? Сложные вопросы, но хочется верить, что они получат здесь правильное разрешение. Смогли же брянцы вернуть Десне чистую воду и сберечь от истощения десятки других своих речек! И во всем этом немалая заслуга комитета, ставшего дальновидным и рачительным хозяином водных ресурсов Брянщины...

* * *

Проблемы реки... При всем своем многообразии они сходны и у исполинских водных артерий, и у совсем небольших речушек. Нельзя сберечь чистоту и полноводье Кубани или Днепра, не позаботившись об охране истоков, дающих им большую жизнь.

А жизнь у реки действительно большая и сложная. Не раз пересекая границы административных и экономических районов с разным профилем хозяйства, климатом, укладом жизни населения, река везде по-разному используется людьми. И хотя законы об охране воды повсюду едины, отношение к ней далеко не у всех одинаковое. Вот и получается иногда: одним водопользователям эта река годится, а другим — нет. Или хуже того: один район передает другому чистую речку, а тот так ее загрязнит либо истощит, что третьему и попользоваться ее водой не удастся...

Читатель может спросить: почему же так получается? Ведь наше законодательство исчерпывающим образом регулирует все водные отношения в стране. Есть органы (и их немало!), контролирующие исполнение закона. И везде (мне пришлось в этом убедиться) они

стремятся добросовестно выполнить свой долг. Но вот ведь в чем дело: у каждой из инспекций свои задачи и свой отрезок реки, строго отделенный границей подведомственности. Река же — единый природный организм, в котором все взаимосвязано самым теснейшим образом. А потому необходимо следить за всей ее сложной жизнью от истоков до устья. Но в пору стремительного освоения человеком природы такая сложная задача под силу только единому государственному органу, способному стать подлинным хозяином реки.

КАЖДОМУ РЕБЕНКУ — СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Дорогая редакция!

Пишу вам в надежде, что вы отнесетесь ко мне справедливо и объективно. Оказавшись в сложной ситуации, я решила обратиться к вам за юридической помощью.

Весной прошлого года я познакомилась с Александром В. Он проявил ко мне внимание, и я ответила взаимностью. Мне казалось, что я встретила нужного человека. Мы решили создать семью. Жить и работать хотели в Норильске. Ждали оттуда вызова. И вот первого августа пришел вызов, но мы в Норильск не поехали, потому что к Александру В. приехала его законная жена — студентка Пермского университета. Тут я поняла, что он просто играл моими чувствами. С момента приезда жены Александр стал меня избегать. Сейчас я жду ребенка. Сначала Александр обещал выплачивать на ребенка 25 процентов заработка. Недавно напомнила ему о его обязанностях и попросила кое-что купить к рождению ребенка, но он категорически отказался и теперь утверждает, что ребенок не его. Мало того, написал в милицию, учреждение, где я работаю, и в народный суд, чтобы меня наказали за клевету. В милиции меня упрекнули за то, что я вступила в серьезные отношения с женатым человеком. Но я ранее об этом не знала, Александр скрывал свой брак. К тому же я его любила. На работе разбирать мои поступки не стали, даже проявили чуткость: дали квартиру вне очереди. А суд отложил рассмотрение дела до рождения ребенка. Но Александр В. этим не удовлетворился. Всем знакомым говорит, что я интриганка, шантажистка, готовая ради денег на любую низость. Но меня гнетут вовсе не материальные затруднения, трудно смириться с обманом и подлостью. Как устоять против лжи и незаслуженных обвинений? Как установить отцовство и как затем долгие годы растить ребенка без отца?

Из-за переживаний я на год отложила защиту диплома (заочно кончаю институт). Жила спокойно, а сейчас нечистоплотность поведения Александра В. выбила меня из колеи. Не хочу верить, что наши законы бессильны против таких подлецов. Но все ж таки мне непонятно: почему закон все тяжкие последствия наших отношений взвалил на одну меня, на слабые плечи женщины, а сильный мужчина остался в стороне? Ведь с него как с гуся вода.

Лидия К.,
Пермская область

Когда люди оказываются в сложной жизненной ситуации, то непременно вспоминают о законе, хотят на него опереться, заручиться его поддержкой. Это, конечно, естественное стремление. Ведь для того он и издается, чтобы защищать права и законные интересы граждан. Но почему-то вспоминают об этом, когда уже дело сделано и исправить положение либо трудно, либо невозможно. Гораздо разумнее обращаться к закону заблаговременно, перед серьезным шагом в жизни. Тогда закон мог бы оградить человека от обмана, предостеречь его от неверного поступка, поспешного решения. В частности, брачно-семейное законодательство считает регистрацию брака обязательным условием создания семьи. Потому-то добрачная связь несовместима и с нормами закона, и с нормами нравственности. И если бы Лидия К. соблюдала эти требования закона и нашей морали, то не оказалась бы в таком затруднительном положении. Дело в том, что у нас брак не регистрируется, если вступающие в него лица (или хотя бы одно из них) состоят уже в другом браке. А если человек скроет это обстоятельство, то он может быть привлечен к уголовной ответственности. Стало быть, при регистрации брака человек в какой-то степени гарантирован от подобного обмана.

Какие же требования закон предъявляет к вступающим в брак? Может быть, слишком высокие? И может быть, заключение брака очень сложная и обременительная процедура, заставляющая людей искать обходные пути? Ничего подобного. Для регистрации необходимы всего лишь два условия: наступление брачного возраста и взаимное согласие лиц, вступающих в брак. Что касается возраста, то в большинстве союзных республик

вступление в брак допускается, как правило, с 18 лет. Под взаимным же согласием закон имеет в виду свободное волеизъявление, то есть заключение брака на основе обоюдного согласия, без насилия, угроз и иного воздействия на психику невесты либо жениха или их обоих. И еще. Добровольный брачный союз, требует закон, должен быть свободен от всяких корыстных расчетов и основан только на чувствах взаимной любви и дружбы. И если семья создавалась именно таким образом, то она будет счастливой и долговечной. Как раз эту цель и преследует закон. Таким образом, заключение брака хотя и не обременительная процедура, но весьма серьезное событие в жизни человека. И перед этим событием, ой, как полезно все взвесить, все обдумать и проверить свои чувства. Важно убедиться, что именно данный человек, а не кто-то другой может стать твоим супругом, другом на всю жизнь. Здесь имеют значение и единство интересов, и общность взглядов, и характеры людей... Трудно обо всем сказать. Иногда противоположные характеры и взгляды людей дополняют друг друга, и это служит основой для их взаимной дружбы. Но одно для всех, пожалуй, применимо: поспешные поступки, необдуманные решения здесь недопустимы. Весьма желательно было бы в этих случаях выслушать мнение родителей, родственников. Эти близкие люди, желая счастья молодым, могли бы добрым советом поддержать их желание создать семью, а в иных случаях предостеречь от поспешных решений. Бывает, конечно, когда родители, страдая душевной глухотой либо меркантильными побуждениями, игнорируют желание детей и советуют не то, что нужно. Но это уже исключение, а не правило.

Лидия К. пишет, что познакомилась с Александром В. весной, а в августе она уже знала, что у нее будет ребенок. Комментарии тут излишни: очень скоро жизнь развеяла иллюзию семьи и предъявила суровый счет за ошибку.

Некоторые скажут: на наших глазах люди женятся, сходятся вроде бы по любви, брак регистрируют, а потом разлетаются в разные стороны. И закон не помогает сохранить семью. Бывает же так? Да. Но здесь виноваты сами люди. Если они, скажем, не смогли сблечь взаимную дружбу, светлые чувства друг к другу и их отношения слишком обострились, то, вполне понятно,

никто не способен вернуть им прежнее взаимное расположение. И закон не может заставить разлюбившего супруга изменить свое чувство. Заметим, кстати, что обширная сфера эмоциональных людских отношений не регулируется правовыми нормами. Исходя из этого, отдельные лица, особенно среди молодежи, скептически смотрят на регистрацию брака: обойдемся, дескать, без росписи. Неужели, мол, отношения людей, основанные на взаимной любви, дружбе и согласии, нуждаются в каких-то юридических «подпорках»? И разве эти «подпорки» могут приумножить счастье двух любящих людей? А если люди разлюбили друг друга, то и закон бессилён удержать их.

Действительно, удержать их, как было уже сказано, закон не может. Но он играет существенную предупредительную роль. Подчеркнем сначала, почему теряется у супруга чувство, если брак заключался по любви.

Чаще всего виной тому неправильное поведение второго супруга: пьянство, обман, грубость, опощение отношений и так далее. Здесь-то и проявляются возможности закона. Требуя от супругов высоконравственного поведения в семье, нормы брачно-семейного законодательства тем самым способствуют развитию положительных эмоций во взаимоотношениях членов семьи. Помимо этого, правовые нормы возлагают на супругов ответственность за сохранение и укрепление семьи. Таким образом, закон охраняет семью и способствует утверждению в ней здоровых, нравственных отношений.

Но может возникнуть вопрос: закон-то спрашивает с супругов строго, ну а как насчет прав? Хомут наденешь, а льгот, может, никаких?

Регистрация, являясь доказательством возникновения брака, сказано в законе, достигает цели охраны личных и имущественных прав супругов и их детей. Для примера приведем статью 25 Кодекса о браке и семье РСФСР. Статья предусматривает: супруги должны материально поддерживать друг друга. При отказе в такой поддержке нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг имеет право по суду взыскать алименты с другого супруга, если последний в состоянии оказать помощь. Право нуждающегося нетрудоспособного супруга сохраняется и после расторжения брака, если он стал нетрудоспособным до расторжения

брака или в течение одного года после расторжения брака.

В случае же смерти супруга другой супруг имеет право на государственную пенсию в связи с потерей кормильца, если он достиг пенсионного возраста, либо нетрудоспособен, либо независимо от возраста и трудоспособности занят уходом за детьми. Особо закон охраняет интересы матери. Характерна в этом отношении статья 31 того же кодекса. Она запрещает мужу во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка без ее согласия возбуждать дело о расторжении брака.

Видите, какое существенное различие в правах между людьми, состоящими в браке, и лицами, живущими совместной жизнью без регистрации брака! И это потому, что у нас только зарегистрированный брак порождает правовые последствия. А если «семья» образовалась без регистрации, то всякие последствия такого «брака» она переносит, как говорится, на свой страх и риск.

Выходит, что люди, создавая семью без регистрации своих отношений, совершенно неоправданно лишают себя возможности пользоваться теми правами и преимуществами, которые предоставлены супругам, вступившим в брак.

Кто-то из читателей, возможно, попрекнет: к чему, мол, такой разговор, коль уж факт случился. Прежнего не вернешь, близок локоток, да не укусишь. Поздно теперь учить будущую одинокую мать. Ей нужны сейчас поддержка, ободряющее слово, дельный совет. В таком положении важнее для нее знать, что нужно делать, какую помощь может оказать закон, а не как надо было бы поступать.

К сожалению, такой разговор необходим хотя бы потому, чтобы другие, не осведомленные в праве, имели представление о некоторых важных нормах брачно-семейного законодательства и извлекли для себя что-нибудь из этой, в общем-то, поучительной истории.

А теперь поговорим о случившемся, о том, что следует предпринять Лидии К., чтобы по возможности сгладить те суровые последствия, которые наступили для нее и которые ожидают ее в будущем. Прямо скажем: внебрачное рождение ребенка связано с отдельными неблагоприятными моментами. Прежде всего воз-

никает трудность при регистрации ребенка: кто его отец?

Происхождение ребенка от родителей, состоящих в браке, удостоверяется записью родителей о браке. Происхождение же ребенка от родителей, не состоящих в браке, удостоверяется путем подачи отцом и матерью совместного заявления в органы записи актов гражданского состояния. А если отец ребенка не хочет подавать такое заявление? Как тут быть? Установление отцовства тогда решается в судебном порядке.

Суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком (предполагаемым отцом) до рождения ребенка. И вовсе необязательно, чтобы совместное проживание продолжалось до самого рождения ребенка. Достаточно и того, что родители проживали совместно и вели общее хозяйство какое-то время, в момент зачатия ребенка. Что здесь важно? Не проживание в одном жилом помещении, а совместное питание, обоюдные материальные затраты на приобретение вещей друг для друга, имущества для общего пользования и тому подобное.

Но если родители совместно не проживали? Суд может учесть совместное воспитание либо содержание ребенка. То или другое, необязательно совпадение указанных моментов. Отец может не участвовать в содержании ребенка, однако достаточно того, что он его воспитывал. Или наоборот: родитель не принимал участия в воспитании ребенка, но давал средства на его содержание. А если и этого не было, как случилось у Лидии с Александром? Суд в таком случае рассматривает доказательства, с достоверностью подтверждающие факт признания ответчиком отцовства, причем независимо от времени: как в период беременности матери, так и после рождения ребенка. Подтверждением тому могут служить объяснения сторон, письменные и вещественные доказательства, показания свидетелей и заключения экспертов. На основании решения суда об установлении отцовства в загсе будет сделана регистрация отцовства ребенка.

При установлении отцовства в законном порядке ребенок полностью приравнивается в правах к детям родителей, состоящих в браке. То есть он вправе, как и они, получать с отца алименты, наследовать его имущество, пользоваться пенсией в случае потери кормиль-

ца и так далее. Кстати, одновременно с иском об установлении отцовства суд может рассмотреть и заявление о взыскании с отца алиментов.

Но допустим, что отцовство в суде не было установлено. Какими же правами пользуется мать ребенка? По закону запись об отце ребенка в книге записей рождений производится по фамилии матери, а имя и отчество отца записываются по ее указанию. Далее. За матерью ребенка, отец которого не установлен в предусмотренном законом порядке, сохраняется право на получение пособия, выплачиваемого одиноким матерям. Мать может отдать ребенка на воспитание и содержание в детское учреждение полностью за счет государства. Однако далеко не каждая мать согласится на такое. Воспитание ребенка дает женщине ни с чем не сравнимую радость. Поэтому-то большинство одиноких матерей воспитывают детей самостоятельно. И надо заметить, что у нас интересы матери и ребенка строго охраняются. Советское законодательство предоставило матерям ряд льгот и преимуществ.

Однако, несмотря на большую заботу, которую проявляет государство к матерям, в том числе и одиноким, воспитывать ребенка без отца не так-то просто. И дело здесь не только в материальном обеспечении, хотя это со счетов тоже сбрасывать нельзя. Важнее другое — чтобы ребенок постоянно чувствовал рядом отца, его заботу, поддержку, твердое плечо близкого ему человека. Отец может ободрить и приласкать по-мужски, наставить и строго спросить... Да мало ли что может хороший, настоящий отец!

И все-таки одинокие матери способны воспитывать детей, хотя им и бывает тяжело.

И конечно, легче дышится, спокойнее на душе, когда одинокую мать окружает здоровая обстановка, когда ее не преследуют на каждом шагу людские пересуды и не травмирует отец ребенка. Случается, когда какой-нибудь горе-отец из-за мелких обид, затаив на бывшую жену злобу, начинает мстить ей, вероломно обрушивать на нее поток нелепых упреков и лживых обвинений, не считаясь с тем, что она была и остается матерью его ребенка. Даже среди молодых людей, состоявшихся женихов, встречаются подобные. Они клеветают на других, пытаются свалить вину с больной головы на здоровую.

Судя по письму Лидии К., Александр В., состоя в браке, встречался с ней, обманывал обещаниями жениться. А потом оставил «любимую» в беде, да еще начал порочить ее честь и достоинство. Такое поведение молодого человека несовместимо с нормами нравственности и в нашем обществе строго осуждается.

А по закону он может быть обязан выплачивать алименты, воспитывать ребенка, если будет признан его отцом. При совершении уголовно наказуемого деяния (оскорбление, клевета и тому подобное) виновный может быть привлечен и к уголовной ответственности. Так что наши законы не бессильны против таких вот лиц.

И еще хочется обратить внимание на то, что на плечи женщин возложена основная тяжесть, связанная с рождением ребенка, уходом за ним и воспитанием. И надо иметь в виду, что новую семью женщине с ребенком создать непросто, потому что исходят при этом не только из личного счастья, а и из интересов ребенка — лучше ли ему будет с отчимом. Высокое назначение Матери обязывает женщину беречь свою честь, гордость и достоинство.

Много откликов получила редакция журнала «Человек и закон» на статью «Я жду ребенка...». В разговоре приняли участие и девушки, и парни, и матери, и отцы семейств. Люди разных профессий и разных возрастов пишут, что не могут оставаться равнодушными к судьбе Лидии К.

История, происшедшая с Лидией К., необычна. Необычна тем, что отношения между Лидией и Александром сложились ненормальные. Молодые люди сначала встречались, а потом разошлись врагами. Семьи не получилось. Да она и не могла получиться, потому что Александр был уже женат. И, судя по его поведению, не воспринимал серьезно связь с Лидией. Теперь вне брака родится ребенок. Читатели — большинство из них женщины — озабочены этим обстоятельством. Их волнует и то, что у ребенка не будет отца, и то, что забота о нем и его воспитание лягут на плечи одинокой молодой матери. Одни сочувствуют Лидии, другие ее осуждают, третьи советуют, анализируют подобные жизненные ситуации, размышляют, возмущаются поступком

Александра. Приведем отдельные высказывания. «Надо, чтобы наши законы были покруче для таких, как Александр В. Ушел от ответственности, а заботу об одинокой матери взвалил на государство. И теперь государство расплачивайся за него. А ведь он заранее знал, что обманывает девушку. Этот обман своего рода преступление» (Нина Н., Кзыл-Ординская область).

Да, поступок Александра вполне обоснованно вызывает у многих негодование. Человек обещал девушке жениться на ней, состоя в зарегистрированном браке с другой женщиной. Такое поведение несовместимо с нормами советской морали. Всякий обман предосудителен, тем более если он может причинить другому вред. Потому-то за отдельные виды обмана предусмотрена даже уголовная ответственность. Например, за мошенничество (завладение имуществом путем обмана), за сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, или сообщение ложных сведений органам загса. Прежний зарегистрированный брак признается обстоятельством, препятствующим вступлению в новый брак. Но поскольку Лидия и Александр не обращались в органы загса, то поступок последнего не влечет уголовной ответственности.

Читательница В. Краснянская из Ворошиловграда, мать двоих детей, обращается к Лидии: «Не бегай, Лида, по судам, а спокойно расти ребенка. Пусть этот факт послужит тебе уроком. И детей теперь научишь, как к жизни относиться. Уж они-то не повторят твоей ошибки».

Любовь Соколова из Владимирской области защищает Лиду. «Письмо Лидии К. меня взволновало, — пишет она. — Я всей душой сочувствую ей, понимаю её состояние. Лида не торопила Александра узаконить свои отношения. Она человек с чистым сердцем, верила людям, а Александр ее подло обманул. Но не надо терять веру в людей. Не все же, в самом деле, такие, как Александр».

Другой точки зрения придерживается Л. Иванова из Московской области: «Крайне возмущена поведением отдельных молодых девушек, подобных Лиде. Не думают о будущем, о судьбе своих детей. Поживут, а потом кричат: помогите установить отцовство! Я бы такой закон издала, чтобы строго спрашивать с девушек за рождение внебрачных детей».

«Удивляюсь тому, что сообщает о себе Лидия К., — пишет другая читательница, подписавшаяся З. Б., из Хабаровска. — Как у нее все просто! Полюбила она. Любить-то надо человека, а ты Александра совсем не знала. Кого же ты полюбила? Ты сетуешь на нечистоплотность Александра, а каково было твое поведение? Ошибка молодости? Нет! Это искажение нашей морали, пренебрежение нравственными нормами».

Осуждают поведение Лидии еще некоторые читатели.

«Я задумалась: почему бы не разорять чужие семьи, коль в коллективе не осуждают, даже квартиры дают вне очереди, а закон позволяет внебрачных детей записывать на женатых мужчин да еще взыскивает с них алименты. Поистине игра стоит свеч!»

Лида выставляет себя в роли пострадавшей, ищет защиты у закона и сочувствия у людей. Но где же была у нее женская гордость, честь девушки и собственное самолюбие, когда она встречалась с Александром?..» (В. Иванова, Киев).

«С большим интересом прочитала статью «Я жду ребенка...». Письмо Лидии меня возмутило. За три месяца она успела сойтись с Александром так близко! Дети у таких вот девушек растут без отца, его вообще нет как такового. Это для ребенка очень обидно и горько. Безвинное и чистое дитя страдает» (Зоя И., Чебоксары Чувашской АССР).

Письма читателей взволнованные, искренние. Однако многие из них несдержанные, написанные в спешке, под первым впечатлением статьи, без глубокого раздумья над судьбой человека. Для резкого тона, осуждения Лидии некоторым читателям достаточно того факта, что женщина родила ребенка вне брака.

Заметим, что при разборе такой острой жизненной ситуации недопустимы хлесткие оценки, развязный тон и высказывания, оскорбляющие достоинство матери.

К оценке добрачной связи читатели подошли с двух позиций. Первая: акцентируется внимание на последствиях добрачной связи. Суждения здесь строгие. К примеру, Зою И. тревожит, что ребенок будет постоянно испытывать чувство ущербности, болезненно переносить отсутствие в семье отца. Есть основания для беспокойства? Да, есть. Наше советское законодательство о браке и семье ставит задачей обеспечить каждому ребенку счастливое детство. И если государство, со

своей стороны, прилагает к этому очень много усилий, то какая в этом деле должна быть роль родителей? Естественно, большая. Сможет ли одна мать достойно исполнить ее? А вопрос о воспитании ребенка? Вторая позиция: уж коль скоро случилось, что мать родила ребенка вне брака, — она вправе рассчитывать на сочувствие и защиту. Давайте об этом и поговорим. Сначала только познакомимся с высказываниями других авторов, касающихся нашего разговора.

«Это очень наболевший вопрос, — пишет Л. Т. из Симферополя. — К сожалению, люди не задумываются над последствиями внебрачных отношений. А когда появится на свет ребенок, возникает проблема: как его воспитывать одной матери? Ведь даже невозможно честно и открыто сказать ребенку, кто его отец и что он собой представляет».

Воспитание детей, растущих без отцов, беспокоит и читательницу Веру С. из Ленинграда: «Иногда дочь у меня спрашивает: «А где наш папа?» И я даже не знаю, что ей ответить. Я замужем была шесть лет. Сейчас живу вдвоем с дочерью. Муж встречается то с одной, то с другой женщиной. Мне говорит: «Ты человек не нашего века».

Н. Скороходов из Свердловской области: «Этот полезный разговор, возможно, заставит задуматься тех, кого он непосредственно касается. Воспитание ребят без участия отцов наносит ущерб обществу».

Придавая большое значение воспитанию подрастающего поколения в нормальных семейных условиях, читатели остро реагируют на неправильные поступки отдельных людей. «Нельзя проходить мимо фактов безнравственного поведения молодежи, — пишет М. Гвоздилов из Мурманской области. — Это не личное дело, а общественное».

Действительно так. Общество заинтересовано в создании наиболее благоприятных условий для правильного воспитания детей. И потому нормы брачно-семейного законодательства защищают интересы семьи, способствуют укреплению ее основ, обеспечивают охрану прав членов семьи. Воспитание и обучение детей в нашем обществе достигаются, как говорится в законе, совместным положительным влиянием на ребенка со стороны семьи и общества. Заметьте, семьи, в которой, как правило, есть и отец и мать. Совместное родитель-

ское воспитание способствует гармоническому развитию ребенка. Заботливые руки матери пестуют ребятишек, оберегают их здоровье. А добрые материнские сердца благотворно влияют на воспитание у них чуткости, отзывчивости, человечности, трудолюбия, чувства прекрасного. Воспитание же в детях качеств мужского характера — стойкости, отваги, смелости, выносливости — ближе отцам, хотя, надо признать, такое разделение весьма условно. Но несомненно то, что формирование в маленьком человеке черт будущего советского гражданина происходит постоянно, в процессе повседневного общения отца и матери с ребенком. И заменить отцов в этом деле непросто. Ведь в детских садах, школах воспитатели и педагоги — преимущественно женщины. Бывает и так, когда одинокая мать лучше воспитывает ребенка, чем иная семья, где есть отец и мать. Но это скорее не правило, а исключение.

Закон ставит перед родителями ответственную задачу: привить детям любовь к труду, чувство преданности Родине, выработать у них правильное отношение к своим обязанностям перед государством и обществом и предостеречь от дурного влияния антиобщественных элементов.

В. Иванова из Киева не права, утверждая, что наши законы якобы позволяют «разорять чужие семьи». Поскольку с женатого человека, рассуждает она, можно взыскать алименты и его имя и отчество как отца ребенка мать может записать по своему усмотрению, то «законные мужья» становятся «выгодной приманкой» для отдельных женщин. Нельзя так извращать закон! Тот факт, что мать вправе записать имя и отчество отца ребенка по своему усмотрению, сам по себе никаких правовых последствий для «законного мужа» не влечет. Да и в великую скорбь его не повергнет это обстоятельство, потому что фамилия отца ребенка в книге записей рождения указана материнская. Так что он, то бишь «законный муж», не признанный отцом данного ребенка в установленном порядке, вполне может, вобрав голову в плечи, пройти по улице мимо своего сына как посторонний гражданин, совершенно не боясь огласки и опознания в качестве родного отца.

А для ребенка эта запись — большое дело. Ведь он родился в нашем обществе и, как все дети, должен по документам иметь отца и мать. Что ж, в той самой кни-

ге и в метрике — свидетельстве о рождении в графе «отец ребенка» сделать прочерк? Должны заметить, что с принятием нового брачно-семейного законодательства введено именно то положение, которое действует сейчас. Оно соответствует интересам ребенка, родившегося вне брака.

В своем пространном письме В. Иванова высказывает недовольство и существующим порядком взыскания алиментов: «Если нет у государства средств на выплату матерям-одиночкам, так введите налог, а не взыскивайте с отца, живущего в законной семье. Это не способствует укреплению семьи и утверждению в ней здоровых нравственных отношений». Тоже неверно. Во-первых, у государства есть такие средства, и оно, как известно, всемерно помогает и семье, и матерям-одиночкам в воспитании детей: выплачивает пособия, развертывает сеть детских садов, яслей, школ-интернатов, бесплатных медицинских консультаций, поликлиник и так далее. Причем в некоторых детских учреждениях ребята содержатся на полном иждивении государства. Во-вторых, не закон подрывает устои семьи, а сам человек. Безответственным поведением. Имея семью, он должен заботиться о ней, оберегать ее, укреплять семейные отношения, соблюдать нравственные и правовые нормы. «Никто не принуждается к заключению брака, — писал Карл Маркс, — но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак».

Таня Р. из Киева пишет, что статья «Я жду ребенка...» слишком «наперченная» и автор ее чрезмерно строго подошел к поступку Лидии К. Попутно сообщает, что ей 25 лет, она замужем, но в ее семье «раскрепощенные взгляды на жизнь». Что значит «раскрепощенные взгляды» — не раскрывает. Иногда под «раскрепощенными взглядами» понимают свободное поведение супругов, то есть супружеская верность не является обязательным условием семейной жизни. Тогда с уверенностью можно сказать, что такой брак весьма непрочен. Сохраняется только его видимость. Да ведь писала же читательница Вера С., что у них семья распалась, когда муж стал ей изменять. Он еще упрекал ее в том, что она «человек не нашего века».

Подавляющее большинство читателей одобряет строгое добрачное поведение молодых людей. Они не побор-

ники старых нравов, а рассуждают с позиций советской морали.

Некоторые читатели даже высказывались за строгое наказание женщин, родивших детей вне брака. Такие требования предъявлять нельзя. Советским законодательством предоставлено женщинам право самим решать вопрос о материнстве. Кроме того, материнство в нашей стране окружено всенародным почетом и уважением. Оно охраняется и поощряется государством. Государство проявляет большое внимание к многодетным и одиноким матерям. Не состоящим в браке одиноким матерям выплачивается пособие на содержание и воспитание детей до достижения ими двенадцати лет. Многодетные и одинокие матери наделены правом на помещение своих детей в ясли, детские сады, школы-интернаты, пионерские лагеря в первую очередь. Общественные организации, в частности профсоюзы, постоянно заботятся о детях многодетных и одиноких матерей, оказывают им материальную помощь, следят за правильным воспитанием и содержанием ребят.

Справедливо, что некоторые авторы писем озабочены поднятым вокруг Лидии разговором: не повлияет ли он на ее состояние и здоровье будущего ребенка? К сведению читателей, мы изменили по вполне понятным соображениям имя женщины и молодого человека, оказавшихся в подобной ситуации. Но суть дела от этого не изменилась. Случай приведен подлинный и, если судить по письмам, далеко не единичный.

В таком же положении оказались некоторые авторы писем из Ростовской области, из Целинограда и другие. Отдельные читатели пишут: вот, мол, не повезло Лидии, нет у нее удачи. Не в этом дело. В народе правильно говорят, что судьба каждого в его руках. Она зависит прежде всего от характера самого человека, его взглядов, отношения к жизни, нравственных устоев. Именно этим определяются поступки людей.

В письмах затрагивается вопрос и о супружеских отношениях. Читатели рассказывают, что легкомысленное поведение приводит к скороспелым бракам. Впоследствии семья распадается. Иногда супруга выбирают, исходя из корыстного расчета. Читательница М. из Узбекистана описывает случай, когда молодой человек, женившись на красивой девушке, ушел от нее к женщине с детьми, «польстившись на богатство», которое она

нажила путем спекуляции. Что ж, человек сам себя обездолил, лишил счастья, радости любви.

Иногда люди, женившись по любви, пишут другие читатели, не берегут дружбу, не заботятся о красоте своих отношений. В результате — любовь гаснет, семья разрушается. Тоже очень важный вопрос. Брачно-семейное законодательство считает укрепление семейных отношений обязанностью супругов. Этому способствуют и нормы нравственности.

Надо сказать еще и о том, что государство в необходимых случаях применяет принудительные меры воздействия к тем, кто нарушает закон, регулирующий брачно-семейные отношения. В общем, наше законодательство и нормы морали целенаправленно содействуют установлению в семье правильных, здоровых отношений.

Из многочисленных писем, поступивших в редакцию, со всей очевидностью вытекает важная и, на наш взгляд, очень верная мысль: прежде чем вступить в серьезные отношения, людям, особенно молодым, надо хорошо представлять себе последствия этих отношений. Речь идет о том, чтобы меньше было несчастных судеб, чтобы материнство не омрачали те неприятности, которые произошли с Лидией К. Чтобы права матери и интересы ребенка находились под особой защитой закона о браке и семье. Чтобы у каждого ребенка было счастливое детство. Вот почему советское законодательство требует строгого соблюдения порядка вступления в брак.

ЩЕПКИ ИЗ-ПОД ТОПОРА

В лесу рубят, а в мир щепки летят.
(Старая пословица)

В самолете местной авиалинии Оренбург — Уфа за моей спиной сидел человек в новой, необношенной куртке из кожзаменителя. Стоило ее хозяину чуть пошевелиться, сделать какое-то легкое движение — куртка отчаянно скрипела на разные лады.

Под такую раздражающую «музыку» не читалось и не дремалось, да еще этот беспокойный попутчик что-то недовольно, бубняще рассказывал соседке, и опять: не хочешь, а услышишь... Короче, скоро я уже знал, что мужчина — бригадир на буровой установке, бурили они скважину в степи (видимо, артезианскую), там-то и произошел случай, которым он сейчас возмущался.

Во время буровых работ понадобился деревянный брус метра в три длиной. В степи, близ дороги, одиноко рос дуб, и они, буровики, чтобы не останавливать дела, накинув тросы, двумя тракторами свалили дерево, вытесали из него что им требовалось... А теперь, негодовал мужчина, полтора месяца прошло, он уже забыл про это — ему вдруг иск предъявляют: плати за погубленное дерево!

— Олухи, — кипятился он, — это ж надо: с меня! Будто б не для них, олухов, скважину пробивали и не для них старались вроде!

Внезапно один из пассажиров, сидевший через проход, наискось, — человек пожилой, лет под шестьдесят, с лицом смуглым, обожженным солнцем и ветрами, в кирзовых сапогах и старой порыжелой кепке, — тяжело (а мне почудилось — с ненавистью даже) сказал буровику:

— «Олухи»! Сам ты... обормот. Тот дуб, может, пятьдесят иль все семьдесят лет на юру держался, а ты пришел — изничтожил. Это как?!

— Ты тихо, батя, тихо, — и я услышал, как яростно, уже на весь салон закрипела куртка. — Ты разберись вначале... Я его что, для себя?

— А что, людям хорошо сделал? — вопросом же ответил пожилой. — Тот дуб, понимаю, стоял у дороги, его небось каждый знал. А теперь его нет. С тебя четвертной присудили — это плюнуть и растереть... Однако дерева такого больше не будет. Срубили, а кто посадит?

Они еще что-то — зло, резко — говорили друг другу, слова заглушались шумом двигателей, а во мне словно бы застряло вот это: «Срубили, а кто посадит?» В душе пока горячо держались видения беспрельной оренбургской степи, по которой в те дни ездил, и живо представлялось мне, как в величавом одиночестве высился посреди золотых разливов хлебов тот самый дуб... Сколько силы понадобилось ему, чтобы укорениться тут, вдали от человеческого жилья, на суровой земле, выжигаемой жестокими морозами, страдающей от безводья и суховеев! Здесь вообще — исключая побережье Урала, те районы, где река несет свои воды, — деревья приживаются плохо, лесов крайне мало: лишь четыре процента всей территории Оренбуржья занято ими.

И какова же истинная цена редкостному дубу, что наперекор стихии утвердился на голом степном просторе, радовал своим видом людей, дарил им тень, притягивал к себе птиц, был вроде маяка на однообразно-унылом большаке, пока недрогнувшие руки — «ради пользы» — не убили его? Да не просто руки, а по-современному всеильные, ибо были «оснащены» они мощными, в полтораста лошадиных сил, тракторными двигателями и зацепистыми, сокрушительными гусеницами... Представляю, как дуб гнулся, упирался, не поддаваясь, как сухо, выстрелами лопались его многолетние связи — сухожилия, но разве живому, как бы сильно ни было оно, устоять перед натиском не знающей устали железной мощи!

Впрямь ли взыскиваемый «четвертной» — цена дубу? Наверно, с лиходея (по-иному не назовешь!) решили взять 25 рублей, учитывая лишь стоимость изведенной древесины, поскольку красота, то, что можно определить хорошим старинным словом «диво», оценке в рублях не поддается.

И вот в чем суть, в чем главный вопрос: «Срубили, а кто посадит?»

Я думал об этом в самолете, и невеселые размышления сводились к тому, что вся моя подзатянувшаяся летне-осенняя поездка опять дала много примеров, как мы зачастую лихо рубим, не заботясь при этом — будет ли посажено. Имею в виду не сложную систему государственного лесопользования с ее проблемами, а обыкновенную — назову так — бытовую ситуацию: деревья, поля, реки — и мы в своем общении с ними... Как в этом вот эпизоде: был дуб — нет дуба.

Гром не грянул, земля не треснула, кто-то вздохнул, кто-то устало выругался, и трудовые рубли из кармана скрипучей куртки в качестве штрафа перекачуют в сейф... Инцидент исчерпан?

А в моем блокноте, среди других «оренбургских» записей были еще вот такие... В селе Сергушкино некто Качалов темной ночью пустил под топор сразу двадцать три дерева. Это в Северном районе. В Абдулинском тракторист Воронцов спилил себе на дрова пять берез. В этом же селе, Нижний Курмей, плотник Анисимов свалил три сосны.

Качалов заплатит за самовольную порубку три сотни, Анисимов с Воронцовым отдадут по сотне. Деньги, как положено, будут оприходованы, а на местах бывших деревьев останутся трухляво догнивать три десятка пней...

Кто посадит здесь сразу столько деревьев, посадит и обиходит так, чтоб выросли они при всех капризах местного климата?

Припомню другое... Мне сейчас под сорок, а те два огромных тополя, что спилили тридцать лет назад, видятся и поныне. Однако дело не просто в том, что они «видятся», рождая, так сказать, в душе сентиментальные отзвуки детской поры... Те могучие тополя росли на берегу пруда, поражая всех гигантским — вполне ба! — размахом своих ветвей и неоглядно-высооченными стволами, тоже уходящими куда-то под облака. Они, эти деревья, в поселке были «ничьи», как бы сами по себе, оставшиеся от погибшего в гражданскую старинного парка. И даже в трудные зимы последнего военного лихолетья устояли они: то ли пожалели люди, то ли слабые руки не смогли совладать с ними.

Для нас, ребяташек, два тополя на берегу пруда

были особой мальчишеской «республикой»: возле них мы все дела свои, все игры затевали и на драку с обидчиками сходились тут же... У матерей, конечно, лишняя заботушка была: как бы их огольцы не сверзились с тополевой верхотуры, с двадцатиметровой высоты! А тополя каждую весну зеленели, и бывало только, что какая-нибудь из раскидистых ветвей год пережидала, не одевалась листвой, но потом снова, обильнее прежнего, покрывалась молодыми побегами...

Однажды возле тополей появился человек в широченных брюках — ответственный за заготовку дров для районных учреждений. Он обмерил рулеткой неохватные стволы, посчитал, видимо, сколько «кубов» из них получится, и тут же привел мужиков с бензопилами. Неделю шло сражение: надсадно трещали моторчики, ухали топоры, вгоняющие клинья, матерились пильщики, затачивая то и дело зубья стальных полотен, проклиная неподатливые, как камень, деревья, и с каким-то мстительным восторгом, азартно покрикивал их начальничек: «Дави, ребята, дави, не таких ломали!..»

Один тополь в конце концов кое-как свалили, от другого, изувечив его, отступились. Но по весне, утыканный намертво вогнанными в него железными косяками, с глубокими, до сердцевины подпалинами, он не зазеленел, а через два-три года совсем зачах... И тут же — как следствие — обмелел, затянулся ряской пруд, а на другое лето вода из него ушла совсем. Стал он грязной, с липким дном ямой, да и она заросла вскоре лебедой, чертополохом — просто овражек посреди луговины!

Тополя-великаны, вероятно, пока живы были, давали этому водоему надежную тень, создали тут свой, особый микроклимат; их могучие корни-насосы, вглубь и вширь распространившиеся под землей, тоже, видимо, каким-то образом поддерживали уровень грунтовых вод... Короче, так ли, нет, но со смертью деревьев-«сторожей» моментально исчезло веселое голубое пятнышко на желтом, выжигаемом летним зноем ландшафте.

Каждый год бываю я в поселке, приезжаю в свой Сарай — и, как повсюду, тут нынче иная, более шумная, несравнимо богатая, чем когда-то, жизнь... Вокруг того пруда, на бывшем лугу-выгоне, выросли дома. Поселились на этом месте, кроме других-прочих, люди уцепистой, хозяйской хватки. Накупили утят и гусят —

стали чистить, углублять старый пруд. Да не лопатами, а как нынче водится — нанятым на стороне бульдозером...

Пруд восстановили, а утки и гуси по-прежнему в пыли купаются. Не вернулась вода! И та, что после снеготаяния накапливается, стоит самую малость, быстро уходит... Чешут хозяева затылки, хмурятся. И на вопрос, отчего же такое невезение, один из них сказал задумчиво:

— Ты-то должен помнить... Те тополя, знать, не надо было рушить...

«Знать, знать...» И как не помнить!

Предвижу, что кто-то, прочитав, плечами пожмет: вот, дескать, сколько слов из-за срубленного дуба, из-за того, что когда-то пруд извели... Тайгу рубим — щепки летят, болота утюжим-сушим, реки выпрямляем, если требуется, — а тут разная-всякая «мелочишка»! Туда ли смотришь, писатель?!

Туда, отвечу, в самый корень причем. Что касается тайги — это другая тема, я ее сейчас не трогаю, но знаем, в тайге тоже давно пора бережнее топориком размахивать: при всей своей кажущейся безграничности она уже изрядно затоптана и изрежена. Как беззащитен, уязвим перед разгулявшимся жадным человеком даже такой зеленый океан природы, недавно выстраданно написал Виктор Астафьев в книге «Царь-рыба».

«Однако живем, на наш век хватит!» — это ведь не только к заскорузлому браконьеру приложимо; этак же порой, лишь облекая свои приказы в другие слова, действуют те, кому «гнать план» надо — при строительстве, на заготовке, в изыскательных работах, в самой обычной хозяйственной деятельности. И, привыкнув не жалеть одно дерево, мы без содрогания замахиваемся на целую рощу: завалив мусором родниковый ручей, не задумываемся, что без него нет «дыхания» реке... «На наш век хватит — гони план, не за речку — за план спросят, премиальных лишат!» Особый уже вид браконьерства — под прикрытием служебных вывесок, с готовым на случай ответом (как у того, с буровой, бригадира): «Не для себя ж старался — для общества!»

И директор фабрики, когда выходят из строя очистные сооружения, не останавливает производства для

срочного ремонта фильтров — гонит в цехах тот самый «план» и одновременно гонит в реку тонны химической отравы, такой концентрации к тому ж, что на десятки километров травит в воде все живое, превращает ее в смрадные чернила. «Почему, как могли?» — спрашивают его потом в суде. «Дело делали, — твердо отвечает он. — Если бы разрешил остановить конвейер — десять тысяч галош не додали б народу!»

Получается так: народную речку прикончил, зато народ теперь может разгуливать по ее увядшим берегам в новых галошах! И какие к нему, директору, претензии: он прежде всего за галоши отвечает! Пугаться он не намерен: деньги возьмут с фабрики — спишут с фабричного счета, не свои кровные из кармана выложит.

Так, сошлюсь, было, когда из-за неполадок в очистных сооружениях ядовитые сточные воды Ивановской ГРЭС отравили речку Ухтомку: всплывала задохнувшаяся рыба, пришлось в разгар лета закрыть пляжи... Руководители ГРЭС, не принявшие никаких мер к устранению аварии, выступили на суде... свидетелями; охотно, глазом, как молвится, не моргнув, выплатили рыбоохране шестнадцать с половиной тысяч рублей. За счет ГРЭС, разумеется.

Набезобразивших ивановцев хоть в народный суд вызывали — поволновали малость. А вот их рязанскому «сподвижнику», начальнику станции перекачки воды управления «Водоканал», трое суток (!) прошлым летом морившему реки Павловку, Лебедь и Оку нечистотами из городского коллектора, объявили лишь дисциплинарное взыскание, то бишь выговор. Тем более что обязанные быть бдительными службы наблюдения за санитарным, биологическим режимами водного бассейна (горсанэпидстанция, инспекция рыбоохраны и т. д.) — когда рыба, всплывая кверху брюшком, «кричала» о беде, мертво серебрилась поверх изгаженной водной глади — безмолвствовали в какой-то странной расслабленной спячке. И может быть, все так и кончилось бы тихо — проточная вода посветлела бы, заморенная рыбешка догнила б у речных закраин, ни одно б служебное кресло в волнении не скрипнуло — да пошли возмущенные письма в «Приокскую правду», и встревоженная редакция тут же обратила на них внимание областной прокуратуры...

Уроки?

Но какие?

Давайте так порассуждаем... Каждый из тех, кто с особенной жестокостью губит природу, превосходно знает: подними он, к примеру, руку на человека — ему несдобровать. Закон тут строг, неумолим, во всем своем достоинстве он грозно предстанет перед правонарушителем в облике сотрудников милиции и прокуратуры, свой твердый приговор провозгласит суд в конце судебного заседания — когда к тому ж за спиной у осужденного будет стоять вооруженный конвой. Но вот кто-то не просто обидел природу — трудно залечиваемую рану нанес ей (лесу ли, реке, животным), и этот «кто-то», пожимая плечами, начинает уверять, что чуть ли не впервые слышит, что так нельзя было поступать. Он же, мол, не у соседа украл, не прохожего ограбил, не жену искалечил... За все то — он знает — ему бы крепенько «припаяли». А здесь, разбойно поразвлекавшись в царстве зелени-воды, он не думал, не знал, ему в голову не приходило... То есть потому что «в голову не приходило», он и не боялся!

Приблизительно так — искренне причем каясь, — оправдывались на суде рабочий Овсянников и шофер Казашин (оба из подмосковного совхоза «Дмитровский»). Ловили они удочками рыбу в речке Яхроме, клев был неважный, и тогда Казашин по подсказке раздосадованного дружка подогнал к воде свою автоцистерну, в три приема выкачал в воду около двухсот литров сильно концентрированного жидкого аммиака. Щуки, спасаясь, выпрыгивали прямо на берег... А общий результат «улова» таков: аммиак начисто отравил всю рыбу на восемь километров вниз по реке.

Выслушав приговор Дмитровского городского народного суда, Казашин и Овсянников, подавленные, перепуганные, все равно искренне недоумевали, за что им такое строгое наказание — по три года лишения свободы с возмещением материального ущерба (около 4,5 тысячи рублей). Они впрямь — в силу своей гражданской, правовой невоспитанности — не могли осознать: за что? Были трезвые, шума не поднимали, никого не трогали... За что, граждане судьи?!

В последнее время мы много говорим, пишем о необходимости более широкой, более эффективной пропаганды правовых знаний, о том, что требования зако-

на должны быть известны каждому еще со школьной скамьи. Но даже там, где не ограничиваются школьным курсом, где для подростков устраиваются университеты, семинары, кружки по изучению правовых норм, их программы, как правило, нацелены на одно: предостеречь податливые юные души от возможных дурных влияний «улицы». До разъяснения же законов, оберегающих права природы, руки не всегда доходят; тут, вероятно, надеются на просветительские усилия местных — со скудными штатами — организаций общества по охране природы. Из моей семьи в этом обществе состоит сын-второклассник. В прошлом году, к восторгу всего их первого «Б», каждому за гривенник дали по красной книжечке-удостоверению; следующей зимой велели принести еще по гривеннику — на марку. «А что ты делаешь в обществе?» — спрашиваю сына. «Не ломаю деревья», — отвечает.

И то, как говорится, слава богу!

Поездив, посмотрев, пришел я к заключению: если уж где и принимаются действенные меры по борьбе с губителями лесов и водоемов, флоры и фауны — это в районах заповедников, государственных и ведомственных заказников, промысловых управлений. То бишь там, где егеря с карабинами, инспектора с бланками актов «на потраву», всякие охранные таблички выставлены, загородочки возведены... Там уж сама обстановка, атмосфера житейско-деловых отношений настраивает: не переступай! При рассмотрении конфликтных ситуаций сразу же пускаются в ход положения и статьи Закона об охране природы, Водного кодекса, Правил охраны поверхностных вод и т. д. — вплоть до ссылок на статьи Уголовного кодекса республики, определяющие состав преступления и меры наказания за него.

Но вот выше поведал я историю о пересохшем пруде и, не меняя адреса, снова вернусь в рязанский поселок Сарай для рассказа куда более грустного. О речке моего детства, а стало быть, той, милее которой для меня нет. Имя ей — Вёрда. И в общем-то, не речка — река, обозначаемая на многих картах, по которым легко проследить ее путь до Каспийского моря. Да-да. Впадает она в Пару, пополняя ее воды; Пара бежит в Цну; та, в свою очередь, соединяется с Окой; ну а большая Ока — уже первородная сестрица Волги... В шко-

ле мы, помнится, гордились этим открытием: наша тихая Вёрда, глянь-ка, саму Волгу подпирает!

В конце сороковых и в пятидесятые годы, когда старики-умельцы, что каждую весну подновляли плотины, одряхлели, а молодые — в новых, перекроенных и укрупненных колхозах — не стали плотинами заниматься, воды в Вёрде поубавилось, но все же оставалась она речкой резвой, чистой, со своими «потайными» ямами, в которых жили сомы, откуда удачливые рыболовы выхватывали крупных, шириной с лопату лещей, округлых, тяжелых, смахивающих на поросят язей. В рачьих норах, по которым мы, мальчишки, неутомимо лазили, попадались налимы; и уж всякой мелочи — ершей, пескарей, плотвы, промышлявших этой мелочью щук — водилось с избытком. Река с ее песчаными косами, зелеными берегами, плакучими ивами, полоскавшими ветви в прозрачной воде, была не просто красива... Прекрасна она была своим незамутненным, цветущим ликом!

Была, была...

Поневоле сбиваюсь я на эти слова, потому что той, прежней реки больше нет, и во что превратилась она в последние пять-шесть лет — рука не поднимается описывать. Будто в черное, нежданное одночасье река вмиг постарела и обессилела: стала воробью по колено, застойная вода ее мутна, покрыта гусиным пухом-пером, загнивающими растениями, мазутными разводами; прибрежные кусты усохли, сами берега, высоко обнажившись, сделались неряшливыми, обваливаются глыбами пересохшей рыжей глины, желтый песок повсеместно перемешан с грязью, и уж где тут теперь рыбе быть — в теплой липкой тине обильно размножаются стада головастика и тучи злого комарья! Их царство наступило...

Что же подточило могучее природное здоровье реки?

В хозяйствах района стали создавать так называемые культурные — с орошением — пастбища. Вдоль реки лучшие луговые участки обнесли бетонными и железными столбиками с туго натянутой меж ними проволокой. У совхоза «Сараевский» свое такое пастбище, у колхоза имени Коминтерна — свое, у колхозов «Большевик», «Красный пахарь» и других — тоже... И заработали мощные насосы, безо всякой нормы выкачивали из реки воду на полив, и мелкая рыбешка, втя-

гиваемая в шланги силой могоров, серебряным дождем падала на траву! На всем протяжении реки, от одного села к другому — насосы, насосы...

Когда же река, безудержно перегоняемая из своего русла на простор лугов, стала показывать дно, в хозяйствах началась горячка по созданию временных плотин. Бульдозерами — где кому вздумается — делали земляные перемычки, сосед спешил обогнать соседа, «хватали» воду: тысячи тонн черной, с полей земли и всякого строительного мусора сволакивались в Вёрду. Такие примитивные запруды держатся плохо, даже слабая, с вялым течением вода подмывает, рассасывает их, и они, рушась, уносятся по реке, загрязняя ее, превращая упругий, профильтрованный за долгие годы донный песок в вязкую илистую массу... А смывает такую горе-плотину — снова на берегу в этом месте появляется колхозный бульдозер, снова тут громыхают железные кузова самосвалов, сваливая с кручи вниз щебенку!

Река Вёрда, поборовшись, выдохлась...

Почему не пришел ей на помощь закон, охраняющий — скажем так — суверенитет малых рек? Тех самых, что негромоздучны названиями своими, несудоходны, не промысловые по значению, однако столь же достойные в едином природном комплексе, тоже составляющие наше национальное богатство, являющиеся красотой Отечества? Вот так, в порыве деловых увлечений, губить их — это то же самое нелепое, безрассудное действие, что метко обозначено известным присловьем: рубить сук, на котором сидишь. Сук когда-то треснет, а вместе с ним уstraшенное сердце отзовется запоздалым горьким прозрением: а думал ли я, чего творил-делал?!

Нет, выходит, закон, призванный встать на защиту моей Вёрды, умеющий твердо заявить о себе там, где заповедано, в рязанской глубинке не достучался до должностных дверей, не заставил еще себя уважать, не стал нормой деловой жизни района. Судьба Вёрды, за которую никто не вступился, подтверждение тому.

И, само собой, ошибочно связывать нынешнее убогое состояние речки с тем только, что она, мол, вынужденно принесена в жертву ненасытным в потреблении воды культурным лугам-пастбищам. Вёрда, распорядись ее возможностями мудро, грамотно, с хозяйским подхо-

дом (и добавлю: с сыновней любовью!), могла бы досыта поить эти самые пастбища, оставаясь с хорошей глубиной, цветущими берегами, заводами-купальнями, чистым песком... Для этого надо лишь удерживать по весне ее послепаводковый уровень — тот самый, что бывал в ней всегда, в уже далекие теперь годы, когда мужики окрестных сел, собираясь «всем миром», ставили две-три надежные, по известным от дедов правилам плотины: под селом Паники, за Сысями, у Можар... Неужели колхозы, рьяно разворачивающие сейчас бульдозерными ножами речные берега, забивающие реку мусором, безжалостно высасывающие ее с помощью моторов, не в состоянии, объединившись, поставить именно такие плотины, гарантирующие необходимый уровень воды, оздоравливающие реку, а не уродующие ее?..

Впрочем, одни ль мои земляки столь недалёковидны, обрекая реку свою на высыхание? Передо мной номера газет, в которых маленькие, по несколько строк, заметочки — как крик, зов о помощи, требующий немедленных действий.

В «Комсомольскую правду» пишет И. Мигас из Донецка: «...Надо спасти реку! Родилась и выросла я на берегах Берды, которая протекает по территории нашего села Белоцерковка Куйбышевского района Запорожской области. Сейчас речка обмелела, и с трудом узнаешь в узеньком ручейке, который можно спокойно перешагнуть, бывшую красавицу реку».

Житель Подмосковья В. Мирсков сообщает на страницах областной газеты «Ленинское знамя» о горестной участи речки в Шаховском районе: из-за того, что на центральной усадьбе совхоза «Ново-Александровский» год не работают поля фильтрации, канализационные воды текут в эту речушку, превращая ее в мутный, кишащий нечистотами поток. А зловонный поток этот мчит всю грязь в реку Рузу...

А. Зудов (снова «Ленинское знамя») возмущается тем, во что превратили в Можайском районе «жемчужины этих мест» реки Берёгу и Протву: их вчера еще светлые воды загажены отходами совхозных ферм; плотины, что регулировали водный режим, в шестидесятые годы разрушены и никем не восстанавливаются...

Будучи по профессии юристом, А. Зудов напоминает: «Закон об охране природы, постановление о разви-

тии нечерноземной полосы России диктуют необходимость помочь обрести силу речкам Берёге и Протве... Реки — наше богатство, наше здоровье!»

Все правильно.

Кто только услышит этот призыв? Ведь руководителей хозяйств, предприятий, с молчаливого согласия которых оскверняется природа, не раз уже, поди, упрекали, стыдили... Вряд ли их встряхнут газетные строки!

Встряхнуть могут лишь действенные и незамедлительные меры, опирающиеся на требование закона. И значит, вопрос в том: кто по долгу службы вспомнит, что есть такой закон, кто в своей будничной должностной работе станет активным проводником его положений? В масштабах села, города, района... Пока же — видим на примерах — мы еще или робко обращаемся к законам государства об охране природы, или вообще не умеем ими пользоваться.

А потому где-то безнаказанно срубили дерево, где-то опалили лес ядовитыми химикатами, где-то угрожающе мелеет от угарных промышленных стоков река... И, как знать, через энное количество лет не напишет ли кто-нибудь печальные строки о том, что была-де на свете речка Вёрда, была, да вся вышла, «стерлась» голубая жилочка с географических карт (как я сейчас написал о старом, навсегда усохшем пруде...). И другой человек, возможно, возразит тому, кто вспомнит про Вёрду: «Нашел о чем жалеть. Вон Каспий мелеет, а ты про какую-то речку!..»

А ведь он, Каспий, будет мелеть и мелеть, если мы где-то вдали от него эту самую Вёрду не сохраним. В природе — доказано — все в равновесии, в жесткой взаимосвязи.

...И вот чего, признаться, не могу взять в толк, что томит душу тоскливым недоумением. Ведь в тех колхозах, по угодьям которых протекает река моего детства, председателями работают люди, в общем-то, дельные, уверенно ведущие многоотраслевые хозяйства вперед. Они толково решают масштабные задачи современного строительства, подъема урожайности, развития животноводства; они интересны в общении, потому что, кроме производственного опыта, у них жадное стремление не отстать от всего, чем богата нынешняя жизнь.

Они сами лихо водят «Волги», на них белоснежные сорочки и модные галстуки; они при своей деловой загруженности как-то умудряются прочитывать все, что в ходу у нашей широкой читающей публики, о чем говорят и спорят повсюду...

Мы неплохо знаем друг друга: росли, можно считать, вместе; возрастная разница меж нами — от трех до семи лет. Росли на сараевской земле, и что было для нас отрадой в суровые послевоенные годы — это те часы, что могли провести на ней, Вёрде нашей. Летом — жарясь на песочке или с удочками под ракетами; зимой — на коньках, по звонко поющему под ногами льду...

Что же сейчас-то эти бывшие мальчишки с Вёрды, преданные ей, любившие ее, повзрослев, озабоченные хозяйственными кампаниями, не только не хотят помочь своей реке — истощают последние ее силы?

Голубизна родной реки отразилась в наших глазах. Ее успели принять в себя дети наши...

А внукам что останется?

ЛИХОИМЦЫ

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Прежде чем постучать в дверь с табличкой «Старший следователь Раев», Вилков долго маялся, переминаясь с ноги на ногу, скреб затылок. Но все же решился.

Пришел не один. Привел с собой Урлина.

— Вместе затеяли, вместе и пойдем, — сказал.

— Мне-то зачем? — пытался возражать Урлин. Не хотелось ему идти к следователю. Как еще тот посмотрит на его действия, на его роль в этой истории. Но Вилков сущий медведь, разве вырвешься из его лап, чуть ли не в охапку сгреб. Ума нет, а силы — хоть отбавляй.

Капитан милиции Раев не успел предложить им сесть, как Вилков прогрохотал:

— Я вот с чем, товарищ начальник. Я, значит, «Волгу» выиграл по лотерейному билету... по денежно-вещевой...

— Поздравляю, — сказал Раев.

— Не с чем. Нету «Волги».

— Угнали?

— Не машину. Билет.

— Билет?

— Да, товарищ начальник.

— Что же все-таки произошло? Раз уж пришли, рассказывайте... Садитесь.

Вилков и Урлин сели.

— Значит, вчера мы были у его приятеля Варейко, — начал Вилков. — Они учатся вместе, студенты.

— Вы студент? — спросил Раев Урлина.

— Да, я учусь на третьем курсе в пединституте.

— А вы?

— Я в магазине работаю, грузчиком, — ответил Вилков.

— Рассказывайте дальше, — сказал Раев.

— Зашли мы к этому Варейко, а у того был еще Сысоев, так он назвался, я его впервые увидел. Ну и показал я им свой лотерейный билет. Похвалился... А когда мы уже ушли от них, он, — Вилков кивнул на

Урлина, — говорит: «Посмотри-ка на всякий случай, не подменили?» Я посмотрел: билет вроде мой, и номер — сто пятьдесят девять — тот же, и серия — тридцать три тысячи девятьсот — та же. А пригляделся — похолодел.

— Мы сразу побежали к Варейко, — вставил слово Урлин, — а его уже дома нет. Спросили соседа. Тот сказал, что, наверное, уехал к жене, в Куравлево. «А где его приятель, Сысоев?» — спросили. «Я, — говорит, — не знаю, как его зовут, но если тот, что утром был, то Варейко будто бы про Киев говорил, вроде в Киев должен был уехать...»

— Мы на вокзал, — продолжал Вилков. — Да где там, их след простыл.

— Покажите билет, — сказал следователь.

Вилков достал лотерейный билет и протянул следователю. Раев осмотрел внимательно билет. На лицевой стороне были аккуратно наклеены цифровые знаки, вырезанные из другого билета того же выпуска. На обратной стороне ясно пропечаталась его настоящая серия — 33301 и номер — 047. Явная подделка.

Следователь попросил Урлина выйти в коридор, подождать там.

— Что же все-таки привело вас к Варейко? Зачем пошли к нему? — спросил он Вилкова.

— Я... просто показывал ему билет... хвалился, — смущенно пробормотал тот.

— И многим показывали, перед многими хвалились?

— На работе все знали, а так больше никому.

— Тогда зачем же вы все-таки пошли к Варейко?

Смущенный Вилков не ответил.

— Что ж вы молчите? С какой целью вы пошли к Варейко?

Вилков знал, что ему обязательно зададут этот вопрос и что надо будет отвечать на него. Не отмолчишься. Но не решался.

А следователь не торопил, томил:

— Давно вы знаете Варейко?

— Нет, недавно.

— А точнее?

— Меня с ним познакомил Урлин.

— Когда?

— В тот же день.

— Значит, до вчерашнего дня вы с Варейко знакомы не были и билета ему не показывали?

— Точно так.

— Что-то вы не договариваете, Вилков... Мне, например, ясно, что поддельный билет, который вам подсунули взамен вашего, был изготовлен заранее. Чтобы уже при первой встрече вручить его вам. Значит, кто-то предупредил Варейко, что вы выиграли «Волгу». Так кто же это был, по-вашему?

— Наверно, Урлин.

— Наверно, говорите. А не точно ли? Выходит, они были в сговоре?

— Нет, Урлин не пойдет на это. Мы с ним знакомы еще со школы, вместе учились...

— Но ведь он же позвал? Или вы сами пошли к незнакомому человеку?

— Да, позвал он, но и сам подсказал: «Посмотри билет, не подделан ли?» И не скрылся.

— Ну, скрываться ему некуда. А во-вторых, ваш друг придумал для себя неплохую реабилитацию. Кстати, сколько прошло времени после тиража?

— Почти месяц.

— И вы целый месяц разгуливали с билетом. Что же вам мешало получить автомашину или деньги?

«И с той и с другой стороны заходит, — подумал Вилков, — окружает. И все верно, все к цели...»

В те минуты, когда его палец, спускаясь по цифровой лесенке тиражной таблицы, чуть не проскочил заветную строчку, Вилков и не думал о столь крупном выигрыше. Известная фраза: «Купи билет — выиграешь «Волгу», звучала для него лишь невинной шуткой. И счастливицы, которым выпало такое, казались менее реальными, чем марсиане, о них ходили легенды.

Для грузчика продовольственного магазина Вилкова самым доступным, потому и желанным выигрышем был рубль. В это счастье он верил. И когда толстый палец проехал вниз, он, зацепившись взглядом за серию, все же успел затормозить и вернуть палец на место. «Повезло», — просто и коротко выразил он свою нехитрую радость. Ему нужен был не автомобиль «Волга», не холодильник «Ока», не стиральная машина «Кама». А всего лишь безмянный рубль. И обязательно к приходу Регины, продавщицы винной секции. Два остальных рубля были на подходе. Он не знал, у кого, в чьих руках, но твердо знал, что к одиннадцати утра их принесут.

Вилков мельком взглянул на конец короткой строчки: «Автомобиль «Волга». И подумал без зависти: «Кому-то здорово повезло». А номер «159» ему ничего не сказал. Он знал серию своего билета, ее и сличал. С тем бы и пошел в сберкасса, которая была через дом, но решил сличить еще раз. И когда посмотрел на свой билет и на нем увидел «159», — замер, словно током дернуло. «Может, померещилось?» Он отвел глаза, протер их, вернул на строку и приложил билет. Сошлось. Ошибки нет. Вилкову стало жарко. Он расстегнул куртку и рукой, в которой держал газету, вытер лоб.

Во дворе, где он сидел на ящике из-под калифорнийских лимонов, дожидаясь фургона с мясом, никого не было. Прошла старушка с ярко-зеленой сумкой. Он знал старушку, как-то подносил ей мешок с капустой. Вышел из соседнего подъезда мальчик в клетчатом пиджаке с большим прозрачно-красным паровозом. И его он знал — сынок красивой парикмахерши. Додик покатал паровоз по лужам и скрылся за песочной горкой. С балкона четвертого этажа дома напротив свесилась женщина в желтом халате, потрясла скатертью, махнула ему рукой и скрылась в комнате. Анна, он был у нее дома, чинил проводку. Все это в память вlepилось, а остальное, что было в тот день, утонуло в тумане.

Сначала Вилков крепился, молчал. Механически принимал бело-красные туши и спускал их по скользкому железному желобу в подвал. Ставил ящики со звонкой стеклянной посудой. Носил жестяные коробки с крупой, подкатывал бочки с селедкой. Потом не выдержал, подошел к Регине и рассказал.

Регина не поверила, засмеялась. Тогда он показал ей газету и билет. И она смотрела на него строго и качала головой, будто он поделился не удачей своей, а тяжким горем, и она выражала ему искреннее бабье сочувствие.

— Смотри, Паша, никому не говори об этом. Лучше иди и сдай в сберкасса, пусть переведут на книжку, — сказала она. — И не вздумай выпить на радостях, слышишь. Смотри, парень, не проворонь счастье.

— Не провороню, Региночка, — сказал он весело. — Буду тебя на «Волге» катать.

В тот день он капли в рот не брал, но радостью своей делился с каждым, кого знал, кого встречал. И, странное дело, все ребята, рабочие магазина и продавцы, и

примелькавшиеся завсегдатаи винного закутка — никто не предложил «обмыть» выигрыш. Хлопали по плечу, поздравляли, но советовали идти домой, спрятать билет подальше или сразу сдать в сберкасса для сохранности.

Зато на другой день поджидали с раннего утра. Некоторые как на праздник пришли. Побрившись, надев чистые рубашки. И не было человека, кому бы Вилков не поднес, с кем бы не выпил на радостях.

— Давай, Вилков, в последний разок. Ведь за рулем, Павлуша, не выпьешь.

А вскоре стали давать мудрые советы...

— Я ведь не юрист, товарищ следователь, законов не знаю, я простой рабочий... А тут советчики нашлись, говорят: «Ты что, дурак? Выигрыш получать! Да за твой билет можно получить две «Волги», а не одну». — «Как это так, две «Волги»?» — спрашиваю. А они: «Есть такие дельцы, они за двойную цену у тебя купят билет. Им он позарез нужен, понимаешь, для оправдания...» Вы, конечно, знаете, товарищ следователь, для чего это делается.

— Знаю, Вилков.

— Заразили меня этими словами. Днем думаю, ночью, поверьте, спать не могу. Как у пьяного, в глазах «Волга» двоится. Хотя все эти дни в рот капли не брал, а пьяным ходил...

— От счастья, что привалило?

— Совсем нет. Одно беспокойство. Деньги ведь, они как снег. То тают в один момент, а то как снежок: покажи — а он все толще, все больше... Знаете, как зимой ребятишки баб лепят...

— Вас-то кто таким вылепил? — сказал следователь. — Простой рабочий, законов, мол, не знаю. Да разве рабочий пойдет на такое дело — жуликов прикрывать? Эх, парень... одних жуликов искал, на других напоролся. Дальше рассказывайте.

— Обратился я к Урлину. Он, конечно, в других сферах вращается, может, знает кого...

— А директор магазина?

— Максимов-то?.. Что вы! К нему с этим делом лучше не заикайся... Ну, вот Урлин и нашел Варейко, а тот обещал свести с таким человеком, кому билет нужен.

— Вилков правильно показал, — подтвердил Урлин, когда пришла его очередь. — Сам я таких людей не

знаю, откуда мне знать, а Варейко с нашего факультета, когда я с ним поделился, сказал, что есть такой человек.

— Сысоев?

— Нет. Он сказал: «Есть у меня один делец на примете — за этот листик двенадцать тысяч выложит». Сысоев поддакивал, а если, говорил он, не выйдет с ним, то сведет с другим верным человеком, тот еще больше уплатит.

— Номер и серию билета Варейко вы сказали?

— Я... Впрочем, он мог из газеты узнать... Он сказал, приводи парня с билетом, ну мы и пришли.

— Кто из них взял билет у Вилкова?

— Варейко взял и передал Сысоеву. А тот сказал, что сначала надо билет сфотографировать, чтобы показывать покупателям. Иначе они не поверят.

— Сфотографировали?

— Да, Сысоев ушел с билетом в каморку, у Варейко есть такая вроде чулана, там и сфотографировали.

— Я сам видел, как он его фотографировал, — сказал Вилков.

— Разве ты видел? — спросил Урлин.

— А как же! Пока ты разговаривал с Варейко, мы с Сысоевым были в чулане. При мне снимал. Он и билет вернул. Как подменил, я не заметил.

— Пленку проявил? — спросил Урлин.

— При мне не проявлял, может, потом.

Заявление было принято. Но прежде чем дать ход розыску людей, похитивших лотерейный билет с крупным выигрышем, необходимо было все же проверить показания Вилкова и его «ходатая». Вроде бы они не вызывали сомнения, да и Урлин достаточно толковый парень, должен понимать, во что может обойтись им ложный донос. Но в подобных делах случается всякое, бывают такие повороты, что подчас трудно разобраться, кто есть кто, кто смошенничал, а кого вконец надули, обобрали. Иной сам норовит попасться, ждет приманку, даже ищет ее. А схватит — так ловко обкусит крючок, что и сыт, и губа цела. Если же зацепится и не сорвется, и леску не оборвет, и удилище не сломает, тогда уж, попавшись, покрутившись, обернется жертвой со всеми ее правами. Находятся такие мошенники, что и следствие готовы использовать.

Но нельзя было медлить с розыском Варейко и Сысоева. Лотерейный билет не автомобиль. Его гораздо легче спрятать. Сами не пойдут выигрыш получать, а загнать могут.

Вилков на самом деле показывал билет многим, и они подтвердили, что видели билет. Хранил он его не дома, а у знакомой женщины. И она подтвердила. Но потом только ее показания остались.

Они сидели в маленьком уютном кафе за столиком в углу, потягивали пиво, слушали музыку. Когда «Меломан» замолкал и диск сбрасывал пластинку, один из них всякий раз вставал, приглаживая рыжеватые волосы и одергивая синюю нейлоновую стеганку, будто она налезала ему на шею, и отправлялся к музыкальному автомату.

Выбрав пластинку, он бросал в щель монету, нажимал кнопку и возвращался вразвалочку под музыку к соседу по столику, белокурому мужчине примерно одного с ним возраста, лет двадцати пяти, в желтой замшевой куртке поверх синего свитера.

Народу в кафе прибавилось, стало более шумно и дымно, и рыжего парня уже кое-кто подменял из любителей музыки.

В десять часов вечера в кафе вошли еще двое мужчин. Они направились прямо к стойке, взяли сигареты и, расплатившись, подошли к тем, что сидели в углу. Присели на свободные стулья.

— Здесь занято, — сказал грубовато мужчина в замшевой куртке. — В зале есть свободные места, а мы ждем знакомых...

— Думаю, что вы ждали нас, — пошутил один из присевших и, предупреждая ненужные осложнения, показал удостоверение сотрудника уголовного розыска. — Вот и приехали.

— С приездом, — сказал небрежно мужчина в замше, сохраняя спокойствие.

— Что это значит, — возмутился рыжий. — Тут что-то не то.

— Не прикидывайтесь, Бугров, — сказал второй сотрудник. Услышав имя, мужчина в замше вздрогнул. — Не суетитесь. Ну, так пошли, молодые люди, а то мы и

так припозднились. Пока добрались до вас, все Куравлево обегали.

Когда их привели в горотдел и рассадили по разным кабинетам, Варейко сразу перешел в наступление.

— Прежде всего я заявляю, что человека, с которым вы меня незаконно задержали, я увидел сегодня впервые, в кафе. А до этого с ним знаком не был, имя его мне ничего не говорит. Прошу это записать... Во-вторых, прошу объяснить, за что я задержан, в чем меня обвиняют.

— Прежде всего, — ответил в тон ему инспектор уголовного розыска, — Бугров — ваш давний знакомый. Как вам известно, он был судим за грабежи и отбывал наказание вместе с вами в одной колонии, где вы, Варейко, сидели за кражу, подделку документов и хранение огнестрельного оружия. Я не ошибся?.. Еще будут вопросы?

— Вы не ошиблись, — сказал Варейко довольно спокойно. Он не был обескуражен ответом инспектора. Его только удивляло, как скоро работники милиции установили эти факты и как быстро нашли их самих. — А вопросы будут... Сколько можно охотиться за людьми, которые когда-то по молодости лет в чем-то провинились, но честно отбыли свой срок и теперь желают только одного, чтобы их оставили в покое? Знали бы вы, что мне пришлось испытать, пока я не наладил свою жизнь, не поступил в институт.

И так как инспектор молчал, Варейко счел нужным продолжить.

— Спрашивается, хорош бы я был, если бы отпихнул человека, у которого нет крова и работы?..

— Да, он без определенных занятий и места жительства.

— Вот именно, это на вашем милицейском языке. А по мне — Бугров глубоко несчастный человек. Но он спал со мной рядом на нарах, вместе отрабатывал норму и делился последней пайкой. И теперь, когда я устроен, когда у меня есть все — семья, дом, любимая учеба, я должен его оттолкнуть?

— Но вы же сами от него отказывались...

— Для его же пользы. Откуда мне знать, что вы ему вяжете.

— Не прикидывайтесь, Варейко. Вы прекрасно знаете, в связи с чем вас задержали.

— Нет. Ведь вы не ответили на мой второй вопрос.

— Я отвечу, Варейко, но вы лишитесь последней возможности самому рассказать правду, нечто похожее на повинную.

— На повинную?! Не делайте из меня идиота, инспектор. Не забывайте, что и мне пришлось в свое время черпануть из юридической науки.

— Расскажите, каким образом вы вместе с Бугровым, называвшим себя Сысоевым, подделали билет денежно-вещевой лотереи и обманным путем вручили его гражданину Вилкову взамен подлинного билета, на который выпал выигрыш — автомобиль «Волга»? Вам ясен вопрос?

— Я не знаю, как зовут того типа, которого привел ко мне домой мой сокурсник Урлин, но если он Вилков, то этот вопрос вам лучше задать ему. Этот Вилков, к вашему сведению, пришел затем, чтобы мы, то есть я и Урлин, подыскали ему клиента на покупку билета, по которому якобы выпал выигрыш «Волги», причем за двойную цену. Я сразу понял, что здесь пахнет аферой. Не знаю, рассказывал он вам или нет, но мы сфотографировали его билет.

— Кто фотографировал?

— Бугров. Но это не имеет значения. Он фотографировал моим аппаратом.

— Почему он назвался Сысоевым?

— А это важно?

— Где фотопленка?

— Дай бог, чтобы она была цела. С этого надо было начинать... Пленка у моей жены, здесь, в Куравлеве. Поезжайте и заберите. Только осторожнее, не засветите, она еще не проявлена.

...Дверь открыла молодая миловидная женщина.

— Гражданка Варейко?

— Да, я.

— Мы из милиции. Ваш муж сказал, что вы храните фотопленку, которую он передал вам сегодня. Это верно?

— Да, пленка у меня. А в чем дело? — взволнованно спросила женщина. — И что с мужем, где он?

— Ваш муж пока у нас, а пленка очень нужна следствию.

— Нужна следствию? Я могу отдать ее вам.

Варейко взяла с буфета черный блестящий цилиндр и отдала инспектору.

— Спасибо, — сказал тот. — Сейчас оформим это протоколом добровольной выдачи...

— Вот, полюбуйте, — сказал эксперт и положил перед следователем Раевым отпечатки с пленки, выданной женой Варейко.

Раев увидел, что на снимках изображен билет, предъявленный следствию Вилковым. На увеличенных фотографиях хорошо проглядывалась подделка.

— Других снимков нет?

— Нет, только эти. Остальные кадры неотснятые.

— Здорово придумано, — сказал следователь.

— А может, не придумано? — сказал эксперт.

Раев вызвал Бугрова.

— Я снимал тот билет, который мне дали, — ответил Бугров, позевывая. Он проспал всю дорогу в машине, но все равно не выспался, сидел взъерошенный, недовольный. — Других билетов я в руки не брал. И этот не разглядывал. Просили снять, я и снял.

Потом настала очередь Варейко возмущаться.

— Благодарю бога, что я догадался сфотографировать проклятый билет. Мог ли я подумать, что мой соратник приведет ко мне в дом мошенника! Негодяй, как вы сами убедились, моими руками пытался продать подделанный билет, да еще втридорога.

— Значит, вы дали согласие на продажу билета?

— Никакого согласия я не давал. Но если быть откровенным до конца, я не отказал в просьбе. Конечно, если бы встретился подходящий покупатель. Криминального ничего не вижу, а если бы кое-что перепало от этой сделки, то вы же сами знаете материальное положение студента... Надеюсь, теперь вы сами убедились, кто кого обманывал... Я не протестую, что более двенадцати часов нахожусь в обществе работников милиции, что я всю ночь не спал... Зато бесплатно прокатили. Хотя я предпочел бы остаться у жены, успокоить ее. Но сейчас нам, право, пора распрощаться.

— Но прежде вы дадите объяснение по поводу некоторых интересных предметов, изъятых у вас на здешней квартире.

— Изъятых? У меня произвели обыск?

— Да, с санкции прокурора, — ответил следователь. — А вот что мы нашли у вас.

Он выдвинул ящик стола и вытащил несколько пакетов. Из одного вытряхнул на стол обрезки лотерейных билетов. Из другого — обломки бритвенных лезвий. В невысокой коробочке стоял пластмассовый початый пузырек с клеем.

— Все это находилось в вашем мусорном ящике, — пояснил следователь.

Варейко был обескуражен. Он ответил, не скрывая смущения:

— А правда, что можно сказать, когда такие доказательства находятся у тебя в доме?.. Мне остается лишь одобрить вашу оперативность, капитан... Но, — тут он приободрился, — рук не подниму... Разве я должен отвечать за то, что находят у меня в мое отсутствие?

— При обыске были понятые и работник ЖЭКа, — сказал следователь. — Или вы думаете?..

— Нет, нет, боже упаси! — вскричал Варейко, отталкивая руками воздух. — Я подумал совсем о другом... Когда Урлин приходил с этим Вилковым, тогда ведь не было представителей власти и понятых. Так кто же подбросил мне эти обрезки и обломки? Себе вы этот вопрос не задавали, капитан?

— Но если у Вилкова был настоящий билет, зачем же все это устраивать?! — не выдержал следователь.

— Зачем?.. Но он же хотел два выигрыша. Ему одной «Волги» оказалось мало, или он вам не признался в этом? Или не так?! И вот, имея как основу настоящий билет, прикрываясь им, он мог не один, а два, три, десяток билетов сфабриковать! Показал целый, а всучил липовый, а ведь не всякий пойдет заявлять. Раз купил за двойную или хотя бы полуторную цену. Ведь спросят, черт возьми, на какие деньги, какими махинациями добыты. Дельцы, товарищ капитан, надо отдать им должное, когда горят, то стойко и молча. Это те же воры, только масштабом крупнее, в таких случаях они не идут за помощью к правосудию. У них свой праведж.

— Но ведь Вилков сам заявил, — следователь уже не опровергал доводы подозреваемого, а, словно приняв его версию, через спор с ним хотел убедиться в ее основательности.

— Я же его не знаю, товарищ капитан, — сказал Варейко. — На вид, верно, лопух. Билет пропал — куда деваться, жалко, побежал заявлять... Хотя в душу

не влезешь... — Он замолчал. Будто сдерживал себя. Но решился: — Урлин!..

— Что Урлин?

— Его рук дело. Больше ничего не скажу...

Капитан вызвал Урлина.

— Какой билет фотографировался?

— Конечно, тот, что был у Вилкова. Я сам видел.

— Посмотрите на фотоснимки. Они отпечатаны с пленки, изъятой у Варейко.

Урлин взял. В его глазах была растерянность.

— Как передавался билет? Меня интересует очередность.

— Вилков отдал его Варейко, а тот передал Сысоеву.

— Нет, вы не совсем точны, — возразил следователь. — Сначала билет Вилков передал вам, а вы, в свою очередь, Варейко. Так они оба показали.

— Какая разница?

— Если бы билет не подменили, это бы не имело значения. Следствию важно узнать, на какой стадии это произошло.

— Вот как! — вспыхнул Урлин. — Уж не подозреваете ли вы меня?

— А почему мне не подозревать вас? — сказал следователь. И спросил: — Вы знали о том, что Варейко был судим?

— Я... знал.

«Даже если ты не виноват, эта встряска пойдет тебе на пользу», — подумал Раев, взирая на смущенного, трусившего студента.

Шел второй день следствия, и казалось, сделано немало: все участники дела в сборе, есть вещественные доказательства. Но где ясность?

Раздался телефонный звонок. Раев снял трубку. То, что ему сообщили, внесло в дело еще большую путаницу. Звонил сотрудник республиканского отдела БХСС. Он предупредил Раева, что потерпевший Вилков еще до похода к Варейко вызывался к ним в отдел, где его строго предупредили оставить затею с продажей билета.

— Не разыграл ли он всю эту историю, чтобы замаскировать спекуляцию? — сказал звонивший сотрудник. — Ты ему не слишком доверяй. Может, он уже продал билет... Во всяком случае, нас он не послушал.

Раев поблагодарил коллегу и положил трубку.

«Так кто же подменил билет?! Сам Вилков? Урлин? Варейко с Бугровым? Или за кем-то из них скрывается пятый, которому поручено хранить билет и анонимно представить следствию, если соучастнику станет худо?» Решил: «Ключ к разгадке — обрезки билетов». И первым вызвал Вилкова.

— Купил один, случайно, вместо сдачи дали, когда за квартиру платил. Я еще брать не хотел, кассирша уговорила, — ответил Вилков.

— У меня билетов не было, — сказал Урлин...

— Не покупал, — ответил Варейко...

— Не имел, — Бугров...

Раев продолжал искать. Беседовал с их товарищами по работе, учебе, соседям. Снова встретился со знакомой Вилкова, спросил Регину.

На допросе еще один свидетель — Яновский.

— Да, у меня были билеты, — ответил свидетель. — Погодите... Сейчас посмотрим. У меня ведь были записаны номера.

Свидетель стал листать записную книжку. Раев замер в напряжении.

— Вот запись, — Яновский протянул книжку капитану.

Сколько человек показало, что не имели билетов, сколько не записали номеров, у скольких не совпали записанные... Капитан смотрел и не верил глазам: «33301—047»!

— «Волгу» не выиграли? — спросил следователь, сдерживая радость.

— Не выпало счастье, — свидетель засмеялся.

Засмеялся и Раев.

Свидетель не знал, зачем у него спрашивали о никому уже не нужных билетах, пустых бумажках. Но он понимал, что они важны для следствия, а пока оно идет — это тайна.

— У вас эти билеты не сохранились случайно? — спросил следователь.

— Нет... Впрочем, я хотел уже выбросить, но мой сосед попросил, и я, конечно, дал...

— Какой сосед? — будто не знал Раев, о каком соседе идет речь.

— У меня один сосед, Варейко, — сказал Яновский. — Я человек не любопытный, но все же спросил,

зачем ему пустые билеты, но Варейко не сказал. Помню, у него тогда находился знакомый Сысоев, так зовут его. Тот сказал, что на память. Я торопился, должен был ехать за город, и ни к чему было... Дня через три или четыре приходили к ним еще двое молодых людей, они потом снова приходили, спрашивали Варейко и Сысоева, но те уехали. В тот же день и я уехал. Когда вернулся, жена рассказывала, что у Варейко был обыск, а в связи с чем — не знает.

— Скажите, Варейко, какие вещи вы привезли с собой, когда явились к жене в Куравлево?

Варейко пожал плечами, но вещи перечислил точно. Раев слушал очень внимательно и заметил, как он запнулся при описании чемодана: «Не то черный, не то коричневый».

— Вам знаком гражданин Яновский? — неожиданно спросил Раев.

— Да... Он мой сосед, — насторожился Варейко. — Но его нет дома, он в отъезде.

— С какой просьбой вы обращались к нему перед самым его отъездом?

— Он, что, вернулся?.. Ни с чем я к нему не обращался.

— Значит, обращался Бугров. С чем же? Впрочем, вы были оба при этом.

— Ну и что показал Яновский?

— А что он мог показать? Я вижу, его показания вас волнуют?

— Да, я говорил с Яновским о билетах. Кажется, я спрашивал, не выиграл ли он что-нибудь... Он сказал, что пустой номер, и при мне бросил их в помойное ведро... Да, да, припоминаю, при этом был и Бугров... Ах, черт возьми! Все ясно. Их взял Бугров. Так вот для чего он просил у меня ножницы и клей! Все ясно! Но когда он успел?!

— Вот именно, когда он успел?

— Когда я был в магазине, — быстро ответил Варейко. — Ну да, когда я ходил в магазин. Долго ли вырезать восемь цифр и наклеить... Я же ходил в магазин.

— Ходили, ходили, успокойтесь, — сказал следовательно, не скрывая презрения. — Но от кого, как не от вас, Бугров узнал о том, что Вилков выиграл «Волгу» и хочет, чтобы вы нашли покупателя на билет? Что он придет с этим билетом? И его надо было соответствующе-

щим образом встретить, то есть с поддельным билетом. А ведь, повторяю, Яновский показал, что именно вы, а не Бугров, попросили у него билеты.

— Мало ли чего старый хрыч покажет, у него склероз, он путает... Или, может, он скажет, какие были номера брошенных билетов? Да! Пусть скажет. Или он их помнит наизусть? — сказал Варейко и засмеялся нервно. Все лезло из него: наглость, страх, хитрость и даже проблески надежды, когда его изворотливость подбрасывала ему очередную соломинку.

— Зачем ему помнить? Они были записаны, — сказал Раев и показал Варейко страничку из записной книжки Яновского. В глазах Варейко что-то догорало, гасло. — Логично мыслящему человеку нетрудно уяснить, что срок выплаты выигрыша короче срока, который может назначить суд за эту аферу. Не лучше ли его сократить, вернув билет?

Варейко сидел обмягший, смотрел куда-то в сторону, будто не слышал следователя. Но поднял голову и вяло произнес:

— Ищите его сами, капитан... Без меня... Вы найдёте... — И все же он ухмыльнулся и сказал: — А мне уж лучше держаться своей версии. Я знаю, вы мне не верите. Вы юрист. Но и я не профан. Мы оба понимаем, что, кроме показаний Яновского, других доказательств против меня у вас нету. Моя версия — Бугров.

— Ваш друг, с которым вы лежали рядом на нарах и делили последнюю пайку.

— Да, черт с ним.

Раеву вдруг стало жалко Бугрова-Сысоева, этого рыжего неудачливого парня с перебитым носом. Он никогда не занимался боксом, но в его жизни было столько драк — ни одному боксеру не похвалиться. В какой-то из них ему перебили нос. Он создавал Бугрову известную репутацию, он предупреждал драки, и Бугрова это устраивало. Когда он в темном переулке или на глухой дорожке парка встречал скромную парочку или одинокого мечтателя, ему не приходилось махать ножом или выкрикивать угрозы. Убеждала грозная физиономия, в нормальных обстоятельствах довольно добродушная.

Встретив на своей плохо протоптанной жизненной тропе Варейко, Бугров был сбит с толку и, как изжаждавшийся путник, доверчиво припал к чужому источни-

ку соображения, полностью доверяясь ему. Но пил отраву.

Следователь думал о Бугрове, который отбился от семьи, а новой не завел, который не выбрал себе полезного дела, зато уже имел две фамилии — если не остановится, то со временем ему сможет позавидовать любой испанский гранд.

Раеву потому было жалко Бугрова, что за всей наросшей на него грязью в этом парне все же проглядывало то наивное, оставшееся от детства, что способно сохранить человека до конца его дней. Словно крепкое зернышко в уже подгнившем яблоке, готовое на доброй почве, в благоприятных условиях прорасти и дать плоды. В этом парне не было собственной хитрости, расчетливой корысти, вредности. Все это он занял и за все расплачивался с процентами. Раев понимал, что за таких стоит бороться, не оставляя один на один с собой или, еще хуже, с варейками. Бороться, не откладывая, сейчас, на следствии, передавая дальше, в заботливые руки воспитателей взрослых людей.

— Думайте, Бугров, думайте, — сказал Раев. — Все против вас. Загибайте пальцы. Вы были последним, кто держал настоящий билет. Это — раз. Вы взяли его фотографировать, а вернули фальшивый. Это — два. Я зачитал вам показания Яновского. Это — три. И наконец, что показал ваш лучший друг? Вам остается одно — выдать билет.

— Ладно. Во всем виноват я.

— Тогда где билет?

— Где билет, я не знаю.

Бугров снес предательство Варейко. Доверяя его уму, он не очень полагался на его человеческие качества. Таким уж слепцом Бугров не был. Но ответить тем же...

Следователь ждал. Бугров понял, что он все равно вытащит из них всю правду, не увернешься.

— Я только подменил билет...

— А подделал? — спросил Раев.

— Его работа...

Вместе с инспектором уголовного розыска Раев проверил всю одежду и обувь подозреваемых. Подкладки, воротники, пояса, стельки, подошвы, каблуки. Каждый шов, каждую складку. В одежде билета не оказалось.

Инспекторы произвели повторный обыск на квартире

Варейко. Осмотрели мебель, стены, полы, электропроводку, места общего пользования. Все предметы, все углы, все щели, каждый дециметр площади. Очень мал билет. Его могли скатать в трубочку, закрутить в шарик. Поиск был ювелирным, но безрезультатным.

«Билет был при них. Где? В чем?.. В чемодане... В каком? Коричневом или черном?.. Ага! Варейко подробно описал вещи, но утаил чемодан, с которым явился к жене».

Теперь обыск в Куравлеве. С той же тщательностью.

— С каким чемоданом приехал ваш муж?

Варейко показала на синий. В ее светлых глазах нет удивления, одна тоска. Она не была в курсе его афер. Не посвящал.

Инспектор отпарывает подкладку. Открывает замок. Отгибает наугольники. Нет, нет, нет. Осталась только ручка.

Он снимает ее. Разбирает.

Тоненькая трубочка целлофана.

Разворачивает... Лотерейный билет: серия — 33900, номер — 159. «Волга».

И вот следователь Раев разложил на своем столе все вещественные доказательства по делу. Получилась целая криминалистическая выставка. Главный экспонат — лотерейный билет Вилкова лежал в центре, рядом с поддельным.

Первым ввели Варейко. По взятой им привычке он уже хотел было небрежно развалиться перед следователем на стуле, но, увидев билет, вытянул шею и выкатил глаза. Не ожидал. Правой задрожавшей рукой стал нащаривать за собой стул, чтобы подвинуть и сесть, — вдруг почувствовал большую слабость в ногах. Левой потянулся к билету. Но пальцы застучали по стеклу. Оно надежно прикрывало билеты. Ни схватить, ни порвать.

Взгляд его прошелся по столу, фиксируя останки синего чемодана, разломанную ручку. Сел. Унимая дрожь, сказал:

— Торжествуете.

— Когда торжествует истина, и на нашу долю кое-что приходится, — сказал Раев просто. И подал Варейко

лист бумаги с машинописным текстом и круглой печатью в правом углу. — Ознакомьтесь и распишитесь.

Варейко взял лист рукой, продолжавшей дрожать. Прочитал: «Постановление о заключении под стражу». Побледнел.

— Съели меня, — сказал и тяжело вздохнул, подписывая бумагу.

...Когда билет показали Вилкову, тот посмотрел на него с сомнением, будто не узнал.

Билет лежал под стеклом, недосягаемый, совсем чужой, и Вилков подумал: чей же он теперь, кому достанется? И поднял глаза на следователя.

Раев понял его немой вопрос, но не хотел отвечать. Тоже молчал, чего-то ждал.

Потирая влажные чугунные ладони, опущенные между колен, Вилков почувствовал, как его лицо, плечи, все тело заливает жгучая волна стыда, — давно такого не ощущал, отвык. Потому что чуть не спросил, вернут ли ему билет, да осекся. Но когда еще раз посмотрел следователю в глаза, один лишь раз взглянул, а свои, казалось, горели, услышал следователя, который все понял:

— А если вернут тебе билет, Павел?

— Э-эх! — выдохнул тот и смахнул с лица капли пота, а может, другое что.

— Деньгами возьмешь? — спросил следователь.

— Нет, товарищ капитан. Ни за что! Если отдадут, — еще не верил он, да и не в билете было дело, — машину. Пить окончательно завяжу. И, честно, уйду с этой работы. Я ведь по специальности электрослесарь. Вернусь на завод, на котором раньше работал. Честное слово даю.

— Что ж, Вилков, если так решил, значит, выигрыш твой все равно будет больше.

...— Нашли?! — вскрикнул Бугров, увидев билет. В голосе было не только удивление, но и невольное уважение, даже восхищение, хотя это доказательство подвело под обвинение и последнюю черту. И без гнева, но с горечью добавил: — Связал меня черт с этими химиками... Ну, что я получил со всего этого марафета? Еще один срок... Гарантия, говорил... Козел проклятый... Гражданин начальник, дайте, пожалуйста, сигаретку, мои все кончились.

Он закурил, затянулся. Выпустил колечко дыма. Сле-

дил, как оно медленно расширялось, таяло. Пустил второе, третье. Он словно прощался с какой-то ведомой только ему, никаким следствием не раскрытой туманной мечтой, голубой, как этот дымок.

— Колесико... Колеса. Задавили меня «Волгой», — сказал он.

— На что вы все-таки рассчитывали? — спросил следователь. — Ведь в любой сберкассе, куда бы вы ни предъявили билет, его бы задержали, и плакали для вас денежки. Лопнула бы затея.

— Мы не думали, что Вилков сразу побежит в милицию. Варейко сказал: если заметит подделку, все равно побоится заявить.. А потом, мы сами бы не стали получать выигрыш. Сплавил бы билет подходящему покупателю, был такой у Варейко. А тот уж пускай сам со сберкассой воюет. Да и он бы не заявил. Такие не заявляют. Они же сами жулики. — Он вздохнул. — Сгубила нас, гражданин следователь, ваша быстрота.

Но Бугров не верил в удачу и тогда, когда смотрел, как ловкие пальцы Варейко аккуратненько вырезали бритвой зеленые цифирки из лотерейного билета, отданного соседом, слегка касались их кисточкой с клеем, а затем прикладывали к другому билету. Варейко приговаривал: «Это делается вот так». Не верил и после того, как ловко подсунул Вилкову фальшивку, и тот ушел с ней, не подозревая обмана. И потом, когда соучастник держал билет на ладони и напевал: «Ах ты, мой маленький, мой бесценный». И по дороге в Куравлево. И на пороге дома жены Варейко. Дальше его не пустили. И только в кафе, за кружкой пива, под музыку Бугрову вдруг привиделись проблески той райской жизни, которую посулил ему умудренный наставник, оглушив невероятно крупной добычей, идущей, по его словам, прямо к ним в руки. Но мечты были оборваны милицией.

Он стряхнул горькие мысли, как пепел с сигареты, потому что не умел не только долго грустить, но и вообще долго думать, и сказал залихватским тоном:

— Гражданин начальник, а нельзя пустить меня по делу потерпевшим... от автонаезда?

ДЕЛО ШТЕРНА И КАМПАНИЯ КЛЕВЕТЫ

Кампания клеветы и давления на советское правосудие в связи с делом Михаила Штерна началась несколько лет назад с митингов и сборов подписей в защиту этого человека, которого обвиняли в том, что, заведя поликлинику Винницкого областного эндокринологического диспансера, он вынуждал пациентов платить за лечение, вымогал взятки, спекулировал лекарствами. Тысячи терапевтов, хирургов, стоматологов, отоларингологов и других медиков в США, Канаде, Голландии, Англии, ФРГ подписывали послания и петиции, которые пачками приходили в советские государственные инстанции. Многочисленные телефонные звонки будоражили днем и ночью работников советской юстиции. Это требовали освободить Штерна, утверждая, что он не виновен.

И даже сейчас, когда советский суд, приняв во внимание возраст Штерна, состояние его здоровья, первую судимость, исходя из высокогуманных соображений, снизил срок наказания Штерну и освободил его, сионисты на Западе продолжают твердить, что процесс Штерна с самого своего начала не имел никаких оснований и был попросту затеян «антисемитами».

Недавно в Париже вышла в свет пухлая книга о деле Штерна — тенденциозная и фальсифицированная интерпретация судебного процесса в Виннице. Сионистская пропаганда пытается приравнять дело Штерна к одиозным делам Дрейфуса и Бейлиса, закрепленным в мировом общественном мнении в выгодной для сионистов трактовке, проводит между этими процессами спекулятивные и ложные параллели. Дело Штерна хотят превратить в хрестоматийный пример «антисемитского акта» в Советском Союзе. Не случайно сионисты инсценировали в Копенгагене суд над Штерном, превратив его в антисоветский спектакль. Организаторы фарса заранее потирали руки, предвкушая, как будут глумиться над демократией и правосудием в нашей стране: осво-

бождение Штерна они вознамерились выдать за признание неправоты суда, за поражение советского правосудия. Но это не так.

В судебном определении о снижении Штерну срока наказания особо подчеркнуто, что вина его была доказана полностью и преступлению дана верная квалификация. Однако суд счел возможным проявить снисхождение к Штерну, глубокую человечность. Все это извращает сионистская пропаганда, используя дело Штерна для идеологических диверсий против советского общества. Вот почему правда об этом деле замалчивается сионистами, и нужно дать его всестороннее и объективное освещение, чтобы исключить всякие кривотолки.

В ноябре 1974 года я впервые увидел Штерна, посетив его в камере для подсудимых Винницкой тюрьмы. Мы были вместе со старшим помощником прокурора области П. Лепшиным, который сообщил Штерну, что следствие по его делу закончилось и дело передано в суд. Он спросил затем Штерна, как тот себя чувствует и есть ли какие-либо жалобы.

— Жалоб никаких нет, — отвечал Штерн, экспансивный пятидесятишестилетний мужчина с черной густой бородой. — Здесь ко всем относятся вполне гуманно. Медицинская помощь оказывается каждому, кому требуется. Я в ней не нуждаюсь. Я не имею никаких претензий.

Когда представитель прокуратуры, побеседовав с другими подсудимыми (их в камере было несколько человек), собрался уходить, Штерн сказал, что хотел бы поговорить наедине. Его пригласили в отдельный кабинет, где он пространно и страстно стал доказывать свою невиновность (ну, подумаешь, брал червонец или два за прием — в качестве благодарности). Затем Штерн сообщил, что желает сделать заявление, которое просит передать председателю областного суда. В заявлении этом Штерн просил «в интересах Советской власти» отменить судебное разбирательство по его делу.

— За меня вступится за граница, и Советский Союз понесет большой пропагандистский ущерб, — так и сказал Штерн.

Ранее Штерн был согласен и на иной вариант. «В крайнем случае, мне может быть предъявлено обви-

нение в перепродаже дефицитных медикаментов по повышенным ценам, — писал он в заявлении в прокуратуру. — Как мне кажется, вышеизложенное дает основание предъявить обвинение в злоупотреблении служебным положением и спекуляции медикаментами... Мое условное осуждение будет свидетельствовать о советском гуманизме, терпимости, дальновидности и создаст благоприятную обстановку для полного переосмысливания моих ошибок и заблуждений». Это, повторяю, было написано ранее, когда следствие только началось. Теперь же, накануне суда, позиция Штерна явно ужесточилась, он стал говорить о «заступничестве границы».

Характер этого заступничества был к тому времени уже ясен из зарубежных петиций, телеграмм и звонков. Но апофеозом всего, вне сомнения, стала статья в лондонской «Таймс» от 28 ноября 1974 года, которую написал обозреватель газеты Бернард Левин.

«В предстоящий понедельник в маленьком украинском городе Винница, — писал Бернард Левин, — начинается судебный процесс, подобного которому цивилизованный мир не видел в течение последних пяти или шести веков. Заключение — еврейский доктор Михаил Штерн — обвиняется в намеренном убийстве младенца путем отравления... Все пациенты Штерна, которых он принимал в течение последних десяти лет, допрашивались специальной группой из 25 следователей. Эти следователи требовали подтвердить вину Штерна в детоубийстве».

В статье Левина утверждалось, что Штерн ни в чем не виновен, отвергалась сама возможность какой-либо его вины. Фактически Штерн объявлялся неподсудным лишь на том основании, что он еврей.

Публикация эта не оставляла сомнений в том, что сионисты решили раздуть, в общем-то, заурядное дело о мошенничестве и вымогательстве взяток для разжигания национальной розни, возбуждения на Западе недовольства внутренними порядками в Советской стране и для дискредитации социалистической демократии. Этим целям содействовали сам подсудимый и его родственники, которые думали повлиять таким способом на правосудие.

Процесс в Виннице проходил открыто и гласно. В зале присутствовали представители общественности, печать, родственники подсудимого. Приехали из Москвы и

несколько активных добровольных помощников, которые после каждого заседания звонили в Лондон и передавали в сионистские организации, ведущие пропагандистскую кампанию по делу Штерна, грубо искаженную информацию о ходе процесса. В Англии и других западных странах эту дезинформацию публиковали, подстрекая общественность выступать в поддержку «невинного доктора, которого судят антисемиты на Украине».

В первый день суда согласно процедуре председательствующий на процессе В. Орловский огласил обвинительное заключение, в котором говорилось, что Штерн, заведая поликлиникой Винницкого областного эндокринологического диспансера, использовал в целях наживы свое служебное положение. Он вынуждал пациентов платить ему за лечение, продавал лекарства по спекулятивным ценам. Эти действия квалифицировались как вымогательство взяток и мошенничество согласно статьям 168 и 143 Уголовного кодекса Украинской ССР. В свидетелях не было недостатка. Житель села Плиски Погребищенского района Семен Гужва сообщил суду, что его жена в октябре 1971 года была тяжело больна, перенесла операцию. Он привез ее в эндокринологический диспансер на прием к врачу. Штерн осмотрел больную, обещал вылечить, но потребовал магарыч. Семен Гужва тут же поехал домой и привез Штерну пятьдесят рублей. После этого Штерн дал направление в стационар. Семен почти каждый день навещал больную жену в больнице и часто встречался на территории диспансера с доктором Штерном. Тот зазывал его к себе в кабинет, говорил, что активно участвует в лечении больной, хотя не имел к этому никакого отношения — М. Гужву лечили другие врачи. Штерн же систематически вымогал у Семена Гужвы деньги и продукты питания. Семен полагал, что Штерн и вправду лечит его жену, достает ей «дефицитные заграничные лекарства». За это Семен регулярно давал Штерну деньги, приносил к нему домой уток, кур, яйца, масло и другие продукты.

После того как М. Гужва выписалась из стационара, ей требовалось пройти обследование в Киевском научно-исследовательском институте эндокринологии и во врачебно-трудовой экспертной комиссии для оформления инвалидности. За выдачу направлений на эти

обследования Штерн также требовал взятку и получил от Семена Гужвы девяносто пять рублей.

Вызванная в суд свидетельница Анна Оверчук сообщила, что ее сын лечился у Штерна. За это Штерн выудил у Оверчук и ее мужа тридцать два рубля для «покупки заграничных лекарств».

Ампулы Штерн продал матери своего несовершеннолетнего пациента В. Лесового Анне Матвиенко. Она сообщила суду, что за коробку сустанона она заплатила Штерну двадцать пять рублей, положив деньги в открытый ящик стола перед ним. После этого Штерн еще дважды продавал это лекарство Анне Матвиенко по завышенной цене.

Свидетельница Н. Кондратюк показала, что Штерн рекомендовал ей фепранон, за который она тут же уплатила ему пять рублей, тогда как это лекарство стоит в аптеке пятьдесят две копейки. «Я знала, что цена завышена в десять раз, — сказала Н. Кондратюк, — но я знала и то, что, если не уплачу, Штерн меня в следующий раз не примет».

Михаил Сушко рассказал, что Штерн прописал его несовершеннолетнему сыну тиреоидин и тут же предложил купить у него два флакона за десять рублей. Сушко купил лекарство и обнаружил, что цена на этикетке стерта. Он пошел в аптеку, где узнал, что флакон тиреоидина стоит пятнадцать копеек.

Отец другого пациента, Николай Безкурский из села Слободники, показал, что, осмотрев сына, Штерн сказал: «Лечение будет стоить дорого» — и предложил лекарство за плату. Взяв из рук Безкурского двадцать пять рублей, а затем три килограмма рыбы, Штерн на собственной автомашине подвез его к своему дому в Виннице, откуда вынес коробку префизона (государственная цена два рубля тридцать копеек). Когда через некоторое время Безкурский с сыном вновь приехали к Штерну и заявили, что лечение не дает результатов, Штерн предложил прийти к нему на квартиру, пообещав другие, «еще лучшие лекарства». Получив семь рублей, Штерн дал десять таблеток тиреоидина.

Колхозница Т. Плясун-Сокур сообщила суду, что Штерн продал ей для лечения сына коробку хориогонина, взяв за нее сорок рублей, тогда как она стоит два рубля двадцать восемь копеек.

«Штерн у меня вытряхнул последние деньги, — се-

товал свидетель П. Малишевский, отец больного ребенка, лечившегося у Штерна. — Дал две коробки инсулина, флакон тиреоидина, апилан — их цена шесть рублей шестнадцать копеек. Я набрал девятнадцать рублей, порылся еще в карманах. А Штерн говорит: «Клади шо маешь!» Я отдал последнюю пятерку».

Жительница одной из деревень близ Винницы Богуцкая рассказала, как привела сына-подростка на прием к Штерну. Врач осмотрел В. Богуцкого и сказал, что вылечит его, но нужно, чтобы «мать не скупилась». «Придется какую-то десятку потерять», — сказал Штерн. Богуцкая дала Штерну двадцать пять рублей, получив за это две ампулы сустанона (государственная цена два рубля девяносто копеек). Впоследствии, когда В. Богуцкий приходил на прием к Штерну, тот неоднократно требовал принести ему земляники, черной смородины и денег. Подросток вынужден был бросить лечение.

Похожую историю рассказала мать подростка С. Полищука М. Полищук. После приема Штерн пригласил их в свою автомашину «Волга», приехал вместе с ними к городской аптеке № 5. «Там он потребовал у меня сорок рублей, — говорила М. Полищук, — и сказал, чтобы мы ждали в машине. Из аптеки он вынес много медикаментов. Потребовал у меня еще пять рублей и дал два флакона инсулина, коробку сустанона двести пятьдесят и гонадотропина. После этого я еще отнесла на дом Штерну петуха и двадцать яиц».

Когда государственный обвинитель стал уточнять стоимость лекарства и продуктов, Штерн вскочил и в оскорбительной форме потребовал, чтобы прокурор не вмешивался в показания свидетелей. Председательствующий В. Орловский разъяснил, что обвинитель действует согласно закону. В перерыве Штерн в присутствии члена Московской коллегии адвокатов Д. Аксельбанта, который осуществлял защиту интересов подсудимого в процессе, извинился перед прокурором, сказав: «Я ведь не знал закона».

Свидетельница М. Коваль, которая лечила у Штерна сына Владимира, сказала суду, что привезла домой Штерну курицу, тридцать яиц, отдала деньгами пятнадцать рублей.

Савва Король рассказал, что 15 февраля 1973 года Штерн осмотрел его сына Николая и потребовал два-

дцать пять рублей. Король дал. Тогда Штерн выписал Николаю рецепт на бесплатное получение большого количества лекарств. «Все, что получите, принесите мне», — сказал Штерн. Король принес все медикаменты, полученные бесплатно в аптеке. Штерн забрал их себе, отдав ему лишь коробку сустанона и инсулина.

Мать больного М. Прибега сообщила в своих показаниях, что Штерн сначала принимал ее сына в поликлинике диспансера, а потом предложил продолжить лечение у него на дому. За это она заплатила Штерну пятьдесят рублей и отдала двадцать яиц. «А ты скупенька!» — сказал Штерн, получив все это (он израсходовал на П. Прибегу сустанона на восемь рублей семьдесят копеек).

В ходе процесса судом была назначена для участия в разбирательстве судебно-медицинская экспертиза. Требовалось определить, были ли у Штерна медицинские показания для освобождения от призыва на воинскую переподготовку жителя Винницы А. Гармасара. Заключение Штерна гласило, что тот болен тиреотоксикозом. Штерн, однако, отвел председателя этой комиссии. Тогда в Винницу прибыл для участия в деле новый эксперт — главный эндокринолог УССР профессор А. Ефимов.

Мать Гармасара Антонина Гармасар сообщила: «Когда Винницкий городской военкомат направил сына в эндокринологический диспансер для обследования здоровья, Штерн сказал, что освободит его от призыва, как говорится, авансом. За это мы будем должны его отблагодарить».

Невзирая на то, что лаборантка диспансера Л. Егорова правильно определила основной обмен у А. Гармасара, Штерн сам исправил в медицинском журнале эту цифру и дал заключение, что Гармасар болен тиреотоксикозом и подлежит освобождению от воинского призыва.

«Некоторое время спустя, — рассказала А. Гармасар, — Штерн приехал к нам на дом и потребовал магарыч. Мы дали ему двести рублей. Штерн сказал: «Маловато». Тогда я вытащила ему еще продуктов: лук, чеснок, яблоки, мешок картошки. Все это Штерн увез на своей «Волге».

Суду было зачитано заключение медицинских экспертов, обследовавших А. Гармасара. Их вывод:

«А. Гармасар здоров и никогда не болел тиреотоксикозом».

Когда суд приступил к допросу самого Штерна, тот ничего не говорил по существу, то и дело обращался к публике, сидящей в зале, и, энергично жестикулируя, вдавался в пространные рассуждения, обзывая всех, свидетельствующих против него, антисемитами. Председатель суда сделал Штерну замечание, подчеркнул, что Штерн избрал неубедительный и провокационный способ самозащиты, что национальная принадлежность Штерна ни при чем и его судят за вымогательство взяток и мошенничество.

Отчеты о ходе процесса, включавшие все свидетельские показания, агентство печати «Новости» направило по телексу в Лондон прямо в редакцию газеты «Таймс». Ее главный редактор сразу же понял, в какую лужу посадил респектабельную газету ставленник сионистов Бернард Левин. «Таймс» опубликовала отчеты советского агентства о процессе в Виннице и тем самым дезавуировала своего обозревателя.

Однако не дремали и сионисты. В разделе писем редактору «Таймс» появилось послание сионистского активиста из Англии Майкла Шербоурна. В его интерпретации свидетели, полностью изобличившие Штерна, превратились в хор, распевавший хвалебные гимны искусству «великого доктора». Судебно-медицинская экспертиза, раскрывшая обман при освобождении Гармасара от призыва в армию, была превращена в «комиссию», которая «оправдала» Штерна. Правда, в письме Шербоурна уже не утверждалось, что Штерна судят за отравление младенца.

На судебном следствии по делу Штерна были заслушаны показания 101 свидетеля. Такой объем свидетельского материала говорит об объективности следствия. Даже и неюристу ясно, что чем больше свидетельских показаний предъявляется суду, тем всестороннее и объективнее может быть рассмотрено дело.

Заместитель прокурора Винницкой области пригласил сына Штерна Виктора к себе на беседу. Прокурор указал, что в то время, как суд публично и гласно ведет разбирательство дела, за рубежом при участии В. Штерна передается намеренно извращенная и клеветническая информация — для того чтобы из-за границы оказать политическое давление на ход процесса.

«У меня свой, субъективный подход, — оправдывался Виктор Штерн. — Важно любой ценой освободить отца».

Суд приговорил Штерна к восьми годам лишения свободы согласно статьям 143 и 168 Уголовного кодекса Украинской ССР. Этот приговор не представляет собой какого-либо исключения в советской судебной практике. Более того, Штерн был приговорен к минимальной мере наказания, предусмотренной законом за вымогательство взяток (статья 168 УК Украинской ССР предусматривает лишение свободы на срок от 8 до 15 лет с последующей ссылкой и конфискацией имущества).

Не без злого умысла дело Штерна с самого его начала западная антисоветская пропаганда пыталась притянуть к одиозным казусам средневекового мракобесия, связанным с обвинениями иудеев в ритуальных убийствах христианских младенцев.

Социальный вред преступления Штерна обусловлен не только размером полученных им взяток — Штерн, являясь врачом на государственной службе, использовал в целях наживы свое официальное положение. Право на бесплатное медицинское обслуживание — одно из важнейших прав человека, о нем мечтают, его добиваются повсюду в мире. Советские люди обеспечили для себя это право и рассматривают его как большое социальное завоевание.

Как известно, платная медицина зачастую более усердно служит наживе врачей, нежели здоровью пациентов. В западной прессе не раз писали о том, например, что перед тем, как поставить одну-единственную пломбу, дантист требует от клиента дорогостоящих рентгеновских снимков обеих челюстей. Английская «Санди таймс» писала об алчных хирургах, готовых для укрупнения счета за операцию вырезать у клиента абсолютно здоровый орган «заодно» с заболевшим. Гангстер со скальпелем едва ли не более страшен, чем бандит с пистолетом. Система советского здравоохранения организована так, чтобы заболевание ни у кого не пробивало брешу в семейном бюджете. Медицинское обслуживание у нас бесплатное.

Нужно сказать, что «невинными жертвами» сионистская пропаганда систематически объявляет различных уголовных преступников, наказанных советским правосудием. Это и расхитители народной собственности, и

мошенники, подобные Штерну. Преступления, совершенные ими, наказуемы и по законам западных стран. Тем не менее «Таймс» и другие буржуазные газеты настаивают на невинности этих преступников, регулярно публикуют требования освободить их.

Доходит до курьезов. Возьмем дело Пинхаса Пинхасова, плотника из Дербента. В Нью-Йорке его именем даже нарекли условно авеню Беннет. Ему создали ореол «мученика за убеждения». «Убеждения» состояли в том, что Пинхасов собрал авансы за будущие работы и решил сбежать от заказчиков в Израиль. Узнав, что Пинхасов собирается уехать, не выполнив работы, заказчики всполошились и обратились в суд. Им повезло: у них были расписки Пинхасова на 1300 рублей. За мошенничество Пинхасов был осужден дербентским городским народным судом. Ни одна газета, печатавшая фамилию Пинхасова в списках «инакомыслящих», ни словом не обмолвилась об этой истории.

Супругов Анну и Юрия Берковских, живущих в Новосибирске, суд осудил условно. Они на свободе. Однако за рубежом их причисляют к «узникам за убеждения», их имена — в списке «диссидентов». Анна Берковская, работавшая преподавателем, занималась мелкой спекуляцией. Торговала из-под полы модными кофточками и другими вещами. Ее изобличили свидетели, да она и не отрицала своей виновности. На суде ее спросили, испытывали ли они материальную нужду. «Никаких материальных затруднений у нас не было, — отвечала Берковская, — просто хотела побольше денег». При обыске у Берковских обнаружили пистолет «вальтер» № 773211 и патроны к нему. Пистолет принадлежал Юрию Берковскому, который незаконно приобрел и хранил его.

Братьям-близнецам Аркадию и Леониду Вайнманам по двадцать четыре года. Они также числятся «страдальцами за убеждения» и «диссидентами». Их «инакомыслие» состояло в том, что пьяные они зашли в магазин «Союзпечати» на Сумской улице в Харькове, где продаются марки. Стали требовать у покупателя Юрия Щербова три рубля, чтобы купить еще водки. Тот не дал. Тогда Аркадий Вайнман выхватил у Щербова кляссер с марками и вышел на улицу. За Щербова заступился прохожий — Евгений Сурков. Братья Вайнманы жестоко избили его. Подроспела милиция. В свиде-

телях недостатка не было: все происходило в три часа пополудни.

В число «диссидентов» занесен Михаил Левиев, бывший директор фирменного магазина «Таджикистан» в Москве. Получаемые для продажи лучшие национальные таджикские шелковые ткани не попадали на прилавки, а распродавались тайно по спекулятивным ценам. Всего таким образом было реализовано 220 тысяч метров ткани на полтора миллиона рублей. За это Левиев получил 77 500 рублей взятки. Левиев скупал и перепродавал золото, занимался контрабандой и незаконными валютными операциями.

Советским судом к Штерну проявлен гуманный подход, он на свободе. Но клеветническая и провокационная кампания в связи с его делом на Западе не утихает. Например, стокгольмская газета «Дагенс нюхетер» отвела целую полосу для публикации письма Виктора Штерна, в котором он пробует оправдать своего отца и доказать, что осудили его несправедливо.

Кто-то заплатил за публикацию 10 тысяч долларов. Под письмом стоят подписи нескольких сотен шведских врачей. Одновременно это письмо было опубликовано в крупных газетах США, Великобритании, Франции. Кто-то заплатил еще несколько десятков тысяч долларов: под публикацию отведены страницы, предназначенные для рекламы. Почему врачи подписали письмо? До некоторой степени можно понять: врачу, практикующему в Швеции, Англии, Франции или США, не придет в голову считать преступлением получение платы от пациента. Наоборот, они скорее потянут в суд пациента, если тот не будет платить за лечение.

Истина же состоит в том, что Штерн был осужден в полном соответствии с законами Советской страны. Но благодаря своему провокационному поведению этот, в общем-то, заурядный мошенник был избран империалистической пропагандой как повод для дискредитации социалистического правосудия.

ТАРАКАНЫ

1

Тараканы не любят света. Подобно разбойникам, они действуют ночью. Голодные, осторожные, выползают они из укрытий в поисках добычи. Наверное, они знают, что занимаются противозаконным делом. Потому так суетливы, так юркают в щели при появлении человека. Может быть, у них высоко развито сознание и они понимают, что красть чужое предосудительно? Но так уж они устроены. Другой образ жизни им неведом. Они тараканы. Они созданы поедать чужой труд. Они воры по самой своей сущности — их не перевоспитывают. Бесполезно.

Я вспоминал о тараканах, когда листал многотомное уголовное дело, которое целый год вели следственные органы Комитета государственной безопасности. Нельзя не поражаться искусству, терпению и проницательности оперативных работников, экспертов, сумевших разгадать хитроумный замысел двуногих тараканов, пытавшихся — иногда безуспешно — переправить за рубеж золото, бриллианты, картины, старинные монеты, предметы антиквариата — вещи, сплошь и рядом имевшие музейную, а стало быть, и непреходящую национальную ценность. Это была не случайная группа любителей легкой наживы. Это был целый преступный синдикат, поставивший перед собой целью во что бы то ни стало, любой ценой сколотить себе капитал и здесь и за рубежом, ибо многие из них собирались выехать в Израиль или в какую-нибудь другую страну Запада. Они прекрасно знали, что земля обетованная будет для них таковой, если в банках ее они обзаведутся солидным счетом. Они не верили, что в окрестностях Мертвого моря их ждут сокровища копей Соломона. Поэтому сокровища они похищали здесь, в стране, где родились, выросли и жили. Они понимали, что

не могут появиться «там» с пустыми руками. И потому не брезговали ничем: на их счету спекуляция, незаконные валютные операции, контрабанда.

Я видел их на суде, слушал их показания и не мог отделаться от ощущения, что передо мной насекомые — ловкие, проворные, хитрые, положившие всю энергию и, если хотите, одаренность на то, чтобы красть чужое. Я хочу подробно рассказать о них потому, что мы должны четко осознать опасность тараканьей деятельности. И вот результат: сегодня, как заявляют специалисты, уже невозможно достать старинного русского фарфора — он почти целиком вывезен за рубеж. Очень мало осталось антикварной мебели — и ее растащили тараканы. Серьезный урон нанесен нашим кладовым живописи, особенно живописи начала века. И тут они потрудились — жадные, юркие, цепкие. Я хочу рассказать об этой истории подробно еще и потому, что речь идет об ограблении нашего национального богатства, факт, который не может не волновать каждого из нас.

Из показаний Л. Боксинера:

«...В соответствии с достигнутой между нами договоренностью о совместной преступной деятельности в мои обязанности входило оказание содействия Илизарову в скупке на территории СССР валютных ценностей, произведений живописи, антиквариата и иных предметов с целью их последующей перепродажи за иностранную валюту вне пределов СССР...»

В Баку, в ресторане «Интурист», суетились официанты — готовили банкетный стол на сто пятьдесят персон. Стройной шеренгой выстроились на столе марочные коньяки, запотевшие бутылки «Экстры» и редкие вина. Среди влажной зелени нежно розовела в вазочках кетовая икра. Радовали глаз багряные горки гранатов. Дымилась отварная осетрина.

Официанты знали — хозяин любит все по первому разряду, и выбивались из последних сил, справедливо предполагая, что «сладок будет отдых на снопах тяжелых».

Между тем к стоянке уже подруливали солидные «Волги» и скромные «Жигули», непременно с дугообразной итальянской антенной на левом боку, с кассетным, обязательно японским, магнитофоном. Дверцы рас-

пахивались, и дамы в мехах и золотых украшениях, сопровождаемые мужьями, степенно поднимались по гранитным ступеням к стеклянным дверцам, которые услужливо распахивал швейцар.

Но вот к подъезду подкатил темно-красный «форд» с хромированными крыльями и бампером, и взоры всех обратились к нему. «Сам, сам приехал», — прошелестело в толпе, в то время как пожилой швейцар бежал уже открывать дверь.

Из машины вышел невысокого роста молодой человек с худым нервным лицом, на котором лихорадочно темнели большие серые глаза. Ворот рубашки был распахнут, обнажая худую шею, на которой покачивался золотой медальон. Весь облик молодого человека как бы говорил о безмерной усталости или душевной апатии. Молча, ни на кого не глядя, он прошел сквозь почтительно расступившуюся толпу.

— Что происходит? — любопытствовал случайный прохожий. — Дипломатический прием?

— Прием, дорогой, прием, — ответили ему.

— По какому случаю?

— Сын родился.

— У кого?

— Ха! Он еще спрашивает. У Мансура, конечно!

Прохожий только пожал плечами: он не знал, кто такой Мансур. Зато весь «деловой» Баку с почтением произносил это имя. Большой человек! Не голова, а Президиум Академии наук!

Как ни ритуальны кавказские тосты, но на данном банкете они звучали почти искренне. Тамада и гости славил озабоченного Мансура, воздавали должное его роду — и в их застольных акафистах почти не было преувеличения. И дед, и отец Мансура Илизарова были богатыми людьми: деда знали в Баку в качестве искусного ювелира, оставившего потомкам круглую сумму. Что касается отца, невзрачного восьмидесятилетнего старца, восседавшего во главе стола, то он тоже не мог пожаловаться на бедность: во всяком случае, когда арестовали Мансура и произвели обыск у Илизарова-старшего, то в тайнике над сливным бачком сотрудники КГБ нашли чемодан со старыми облигациями на сумму 1 миллион 600 тысяч рублей (160,6 тысячи в новом исчислении).

Вся загадочная, как южная ночь, жизнь сего «по-

ченного» старца делилась примерно на две равные половины: одну из них он потратил на спекуляцию золотом и валютой, другую — в климатически некомфортных местах, где длительными сроками расплачивался за преступную душевную слабость к благородным металлам. Подобно председателю Фунту, он всегда имел наготове смену чистого белья и мешок с сухарями. В отличие от своего литературного прототипа он не засыпал на каждом слове. Даже в семьдесят с лишним лет Пинсах Илизаров энергично ворочал «делами».

— Дети, — говаривал он, — вечно только золото, а человек смертен.

Сын твердо усвоил завет отца. После окончания школы он не пошел ни на завод, ни в вуз. Он не желал поражать воображение друзей и родственников производственными успехами. Он пристроился в цех местной промышленности, продукция которого вряд ли фиксировалась в официальных отчетах. Мозолей здесь, как и почетных грамот, Илизаров-младший не нажил: он приходил два раза в месяц, чтобы расписаться в платежной ведомости за весьма скромные суммы. Зато негласные дивиденды радовали глаз круглыми цифрами.

Спустя несколько лет Илизаров поступил на заочное отделение Московского пищевого института, задавшись целью обзавестись дипломом. На всякий случай. Образование столь увлекло его, что он вообще порвал с родным предприятием. А последние три года вообще нигде не работал. Правда, это не помешало ему приобрести дорогую кооперативную квартиру, собственный «форд» (фургон, купленный по случаю за 27 тысяч), коллекцию восточных ковров, картин и антиквариата.

Но еще раньше он разъезжал в черной «Волге», сиденья которой были обиты полстью из черно-бурых лисич. Не мог же он иметь обыкновенные «Жигули» — это просто оскорбляло его возвышенную натуру!

Чем занимался Мансур Илизаров, из каких источников он черпал доходы, знал только узкий круг доверенных лиц. Когда его арестовали, в записной книжке нашли телефоны Иерусалима, Тель-Авива, Парижа, Антверпена, Брюсселя, Нью-Йорка, Ванкувера и других зарубежных городов. Создавалось впечатление, что перед вами ответственный сотрудник внешнеторговой фирмы, имеющей деловые интересы во всех регионах мира.

Но это было позже. А во время банкета в зал неожиданно вошел пожилой человек. Он отыскал глазами Илизарова и, остановившись у него за спиной, что-то прошептал ему на ухо. Илизаров поспешно встал, рассеянно поблагодарил гостей за добрые пожелания его потомку и объявил, что неотложные дела призывают его в столицу. Он щедро расплатился с официантами и покинул банкетный зал.

«Форд» стоял у подъезда. Едва Илизаров сел в кабину, как машина плавно взяла с места и, мигая в сумерках рубиновым светом, устремилась в аэропорт.

Среди многочисленных деловых партнеров Илизарова был и сорокалетний Миша К., московский врач по гласной профессии и спекулянт ценностями по негласной. (Не называю фамилии, поскольку его уже нет в живых.) Он мечтал выехать в одну из стран Запада, где у него жили родственники. Но отважиться на этот шаг он мог только при условии, что выедет не с пустыми карманами. В ином случае он не рассчитывал на встречу с распростертыми объятиями.

Миша К. намеревался сколотить капитал и, превратив его в твердую, конвертируемую валюту, перевести в какой-нибудь надежный западный банк. Боясь осложнений с выездом, Миша К. предпочитал совершать сделки в глубокой тайне.

Познакомившись с Илизаровым, он понял, что в лице этого предприимчивого, хваткого молодого человека заполучит надежного партнера. Смерив его пристальным взглядом, Миша К. заявил без обиняков:

— Мне нужны доллары. И как можно больше.

— Будет приличный гонорар, будут и доллары.

— За царем служба не пропадет, — пообещал Миша.

Вскоре он убедился, что молодой партнер — человек слова. Не прошло и нескольких дней, как доложил, что достал доллары.

— Где? — любопытствовал Миша К.

— Секрет фирмы.

Секрет был не бог весть какой: в мастерской одного художника Илизаров познакомился с молодым веселым иностранцем, бывшим студентом московского вуза. Он обладал замашками купца и потому всегда нуждался в деньгах. Он попросил у Илизарова займы три тысячи рублей.

— Это можно, — согласился Илизаров. — Только при одном условии. Когда выедете за рубеж, переведете в Бруклин тысячу долларов.

На том и порешили, Илизаров отсчитал студенту требуемую сумму. И тот действительно, выехав в Европу, перевел в адрес родственников Миши К. тысячу долларов. За эту услугу Миша К. отвалил своему партнеру 1 тысячу 200 рублей и с тех пор проникся к нему доверием.

С помощью Илизарова Миша К. все обращал в доллары. Жестокий, напористый «рыцарь наживы», он теперь частенько ссужал «бакинского брата» деньгами, когда не хватало какого-нибудь пустяка — 50—60 тысяч.

Но и Илизаров, и Миша К. понимали, что их операции лишены масштабности. Им мерещились семизначные цифры, а тут приходилось довольствоваться «жалкими грошами».

Помог случай. Они узнали, что некто Бершадер выехал в Бельгию и открыл там антикварный магазин. Бершадера они хорошо знали, но идею «сотрудничества» с ним подкинул Зелик-маленький. (Заметим: «маленьким» его прозвали отнюдь не по его доходам.) Этот человек, как и они, тоже мечтал переправить свой капитал на Запад. А капитал у него был немалый: в течение многих лет он занимался темными махинациями в местной промышленности. Раньше он жил в Баку, но, опасаясь разоблачений, перебрался в столицу и устроился старшим инспектором отдела рекламы в Госкино СССР.

Организационное совещание, куда и торопился с банкета Илизаров, было проведено на квартире Л. Боксинера, студента шестого курса Московского стоматологического института. Этот молодой, но уже лысоватый человек был ближайшим другом и помощником Илизарова. Когда-то они вместе учились в одной бакинской школе. Потом, женившись, Боксинер перебрался в Москву. Случайно встретившись на улице Горького, они с Илизаровым каким-то чутьем поняли, что нужны друг другу. И посему установили деловой контакт.

На совещании все сошлись на том, что главная проблема — это надежный курьер, имеющий возможность часто пересекать государственную границу

СССР. Эту роль взял на себя Давид Клайн, маленький, неизменно вежливый человек с тихим, вкрадчивым голосом, четко говоривший по-русски только тогда, когда дело касалось денежных сумм. Житель Закарпатской области, Клайн недавно перебрался на постоянное жительство в Венгрию, сохранив при этом советское гражданство. В Будапеште он работал директором холодильного предприятия и три-четыре раза в год наезжал в Москву. Особенно он интересовался комиссионными и антикварными магазинами.

Для Илизарова Клайн был не просто знакомый. Он являл собой образец крупного дельца с широкими международными связями. Клайн звонил, например, в Лондон — и оттуда в Будапешт являлся эксперт по живописи. Телеграфировал в Нью-Йорк — и из этого города могли откликнуться на его призыв. Вот так масштаб! Вот так деятельность! Илизаров в душе завидовал будапештскому другу. В Клайне ценны были его зарубежные связи, да и сам он в качестве курьера-контрабандиста — такого человека Илизаров искал давно.

Разные по возрасту, разные по жизненному опыту, люди вновь созданного «синдиката» были едины в одном — в жажде наживы, легкой, баснословной, исчисляемой в каратах, унциях, долларах. Всем или почти всем им снились собственная вилла где-то в окрестностях Лос-Анджелеса или Майами, яхты с поваром-китайцем, «роллс-ройс» с собственным шофером в мундире с галунами, словом, красивая жизнь, где нет ни забот, ни печалей, ни воздыханий, жизнь за счет чужого труда, чужих ценностей, чужого таланта и мозолей.

— От наших дел на версту разит кустарщиной, — изрек на совещании Илизаров.

— Да, мы могли бы создать фирму, — вставил свое слово Давид Клайн. — Или синдикат. Назовите как хотите. Я готов финансировать дело.

Илизаров и Боксинер тоже проголосовали «за».

— Теперь, когда Бершадер обосновался в Брюсселе и стал хозяином магазина...

— Бершадер — надежный человек, — согласился Илизаров.

Он знал, что говорил, ибо однажды уже имел де-

ло с брюссельским другом. Бершадер был родным братом Каленовой, профессорской вдовы. Эта дама много лет нигде не работала, но зато обожала благородные металлы. Узнав о замыслах Илизарова, она изъявила желание вступить «в долю». И даже познакомила Илизарова с одним иностранцем, который частенько наезжал к нам, прекрасно говорил по-русски и охотно якшался с людьми сомнительной репутации.

Илизаров попросил его о небольшой услуге — взять с собой для передачи Бершадеру бриллиант в 8,5 карата, оцененный хозяином в 15 тысяч долларов, и три картины старинных мастеров — «Кавалькада», «Бой петуха с индюком», «Лесной пейзаж» (кстати, по заключению специалистов, все они имели музейную ценность и не подлежали вывозу из страны).

Судя по тому, с какой готовностью советник согласился оказать помощь почти незнакомому человеку, он не отличался особой щепетильностью и уважением к законам страны, гостем которой он был. Перед отъездом советника Илизаров принес ему сверток с картинами и бриллиантом в гостиницу «Интурист». Вскоре после отъезда нового «друга», связавшись с Брюсселем по телефону, узнал, что сверток благополучно дошел до адресата. Бершадер с выгодой продал «товар» и, главное, скрупулезно рассчитался, переведя выручку в Бруклин и Иерусалим.

— Почему только Бершадер, — вмешался в разговор Клайн, — у меня тоже есть кое-какие связи...

В результате коротких словопрений роли распределились следующим образом. Илизаров и Боксинер должны скупать на территории Советского Союза золото, бриллианты, антиквариат, произведения живописи. Клайну же отвели роль курьера, поскольку он частенько курсировал между Москвой и Будапештом. Дело, конечно, рискованное, но за 50 процентов с чистой прибыли «будапештский друг» согласился взять на себя эту миссию. Реализовав за рубежом «товар», Клайн или его западные партнеры должны были переправлять чистую прибыль по двум адресам: Б. С. Алаева, улица Аврама Ташуди, 12, Иерусалим (дальняя родственница Илизарова, несколько лет назад выехавшая в Израиль). А также — США, 4 «Б», Аре Сант, 1014, Бруклин (мать Миши К.).

Из уголовного дела:

«Я, Клайн Давид Франтишкович, глубоко осознав свою вину и сожалея о содеянном, решил дать чисто-сердечные показания следственным органам КГБ...»

«...Таким образом, всего за указанный период (за два с лишним года. — В. Т.) Клайн незаконно перевез через государственную границу СССР ценностей, произведений живописи, товаров и иных предметов контрабанды на общую сумму 305 050 рублей...»

Давид Клайн вернулся из Москвы в Будапешт в прекрасном расположении духа. Его чемоданы, как всегда, были набиты дефицитными товарами для перепродажи, а голова — не менее дефицитными идеями.

Илизаров не зря брал его за образец. В свои пятьдесят с лишним лет Клайн стал истинным «бизнесменом». Темными махинациями он занимался «с молодых юных лет». Еще во время войны, находясь в Австрии, в американской зоне оккупации, угнал грузовик с сигаретами. Попытался загнать их на черном рынке, но неудачно. В ожидании суда сидел под охраной «мили-тэри полис», но тут городок Р. перешел в советскую зону оккупации. Выдав себя за жертву нацизма, Клайн избежал наказания. Его отправили на родину, в Закарпатскую область.

Клайн спекулировал всем, что попадало в его цепкие руки, вплоть до лодочных моторов и миксеров. Часто пересекая границу, знал, как усыпить бдительность таможенников.

Сейчас все складывалось как нельзя лучше. В лице Миши К., Илизарова и Боксинера он нашел нужных людей. Двое первых снабжали его ювелирными изделиями, картинами, бриллиантами, Боксинер — главным образом старинными монетами. Особенно Боксинер уважал серебряные монеты времен Петра I и Екатерины II, гангутские рубли, серебряные монеты немецких княжеств и т. д. Он гонялся за ними, поскольку за них Клайн обещал дать хорошую цену. В его коллекции едва не оказались даже платиновые монеты, выпущенные в сороковых годах прошлого века всего лишь в десятках экземпляров. Даже по официальному каталогу одна такая монета стоит 12 тысяч рублей.

Теперь, когда был создан синдикат по выкачиванию ценностей из Советского Союза, «компания» явственно ощущала в воздухе запах больших денег.

На сей раз Клайн привез из Москвы бриллиант в 7,5 карата, который купил у Илизарова. Еще в Москве, в гостинице «Россия», куда Илизаров принес драгоценный камень, он долго рассматривал его в лупу. Бриллиант искрился многочисленными гранями. И хотя по правилам игры Клайн не должен был обнаруживать своего восхищения, это давалось ему плохо.

— Сколько? — шепотом осведомился он.

— Тридцать пять, — ответил Илизаров.

— На каких условиях?

— Пятнадцать тысяч наличными. Остальные в долларах. Переведете по бруклинскому и иерусалимскому адресам.

Кроме того, Илизаров предложил старинный альбом репродукций гравюр Гойи за 20 тысяч долларов. У Миши К. он взял для продажи за рубежом коллекцию полудрагоценных камней, картину Виникса «Охота». Ее оценили в десять тысяч долларов.

Вернувшись в Будапешт, Клайн позвонил в Лондон своему знакомому, некоему Джеймсу Эвансу. Официально тот числился владельцем ювелирного магазина, но кем он был на самом деле, этого не мог сказать и Клайн. Раньше он его знал как Генрика Оберлендера. Но в его лондонской квартире Клайн видел заграничный паспорт и на третью фамилию. Судя по всему, это был аферист международного класса. Но именно такой человек и подходил Клайну и его «компании»: не каждый уважающий себя владелец магазина согласится торговать контрабандным товаром.

Вскоре лондонский «ювелир» прибыл в Будапешт вместе с женой.

«Эвансу, — показывал Клайн на суде, — я сообщил в общих чертах о том, что в Москве познакомился с молодыми людьми (Боксинером и Илизаровым, фамилии которых не называл). Они, сказал я, имеют возможность приобретать картины, иконы, старинные золотые и серебряные монеты, антикварные вещи, драгоценные камни, изделия из золота и другие ценности и что я договорился с ними о спекуляции этими предметами... Одновременно я сообщил Эвансу о затруднении

ях нашей «компании», связанных с желательностью реализации предметов спекуляции».

Клайн предложил «лондонцу» войти в «дело», и тот проявил большую заинтересованность. В обязанности Эванса, как и Бершадера из Брюсселя, входило продавать «товар» и переводить деньги по иерусалимскому и бруклинскому адресам. Разумеется, не безвозмездно, а за определенный процент.

Кроме бриллианта, репродукций гравюр Гойи и картины Виникса, Клайн привез с собой каталог с фотографиями икон, картин, ювелирных изделий, которые он мог предложить своему лондонскому покупателю при следующей встрече. В каталоге, между прочим, значились приобретенные Илизаровым картины Рубенса и Рембрандта, множество икон шестнадцатого и семнадцатого веков, в том числе лиможская эмаль. В серебряном окладе, с чеканкой и финифтью, она поражала необыкновенным изяществом работы. По счастливой случайности «тараканам» не удалось сплавить ее за рубеж. Когда после ареста членов синдиката ее показали в музее искусств, сбежались все эксперты: им хотелось полюбоваться на этот шедевр. Выяснилось, что даже государственный музей не имеет в своей богатой коллекции подобных вещей.

При виде всего этого богатства у «лондонца» засветились глаза. Да, сказал он будапештскому другу, он согласен вступить в «дело». Они ударили по рукам.

Узнав, что переговоры Клайна с лондонским ювелиром и иностранного советника с Бершадером завершились успешно, Илизаров и Боксинер принялись за работу. Они шныряли по магазинам, по частным коллекциям и скупали все, на чем можно было сшибить доллары или рубли. Драгоценные камни, иконы, старинные миниатюры с финифтью, шарманки, поставцы, серебряные самовары — все шло в дело.

У Боксинера был широкий круг знакомых среди коллекционеров, и посему с помощью этого «студента» Илизаров совершил несколько удачных операций.

Однажды Боксинер, например, позвонил ему в Баку и взволнованно сообщил, что есть «дядя Коля». Илизарову не нужно было объяснять, что это такое. Речь шла о золотых монетах царской чеканки. И как он понял — в большом количестве. Илизаров тут же вылетел в Москву. Когда они встретились у метро, столич-

ный друг рассказал, что одна его знакомая, сотрудница научно-исследовательского института, получила от бабки наследство — почти триста золотых монет. Ей срочно нужны деньги, и она готова их продать. Боксинер назвал цену — сто восемьдесят рублей за монету десятирублевого достоинства.

— Беру, — не колеблясь, сказал Илизаров.

Поехали на квартиру Боксинера, где их уже поджидала обладательница наследства. Она сидела в одной комнате, Илизарова поместили в другую. В целях конспирации продавец и покупатель не должны были встречаться друг с другом. И тот и другой прекрасно знали, что занимаются противозаконным делом, ибо золото в таких огромных размерах разрешается продавать только государству.

Боксинер принес в комнату и высыпал на журнальный столик сверкающие монеты. Они долго их считали дрожащими руками. Наконец Илизаров вытащил толстую пачку денег и отсчитал партнеру 50 тысяч 130 рублей. Сорок тысяч тот передал волновавшейся в соседней комнате «наследнице», остальное оставил себе «за риск». Илизаров тоже не остался внакладе. На следующий день он перепродал их одному из тех, кто уже «сидел на чемоданах», и получил свою долю прибыли.

Золото уплыло за рубеж.

Потом один из бакинских знакомых Илизарова, некто А. Матушанский, выезжал в Израиль, в связи с чем пристально интересовался драгоценными камнями, картинами, а также редкими изданиями книг по искусству. Разумеется, в подобной ситуации дело не могло обойтись без помощи столь квалифицированного эксперта, как Илизаров.

К хозяйке бриллианта, москвичке Г., «тонкий знаток искусства» заявился вместе с Матушанским под видом ювелира, желавшего бескорыстно оказать помощь другу. Хозяйка просила за бриллиант 15 тысяч. То ли Матушанскому «товар» не понравился, то ли он боялся, что накануне отъезда факт покупки приобретет огласку и затруднит ему выезд, но он воздержался от приобретения.

Но Илизарову не давал покоя блеск этого бриллианта. На следующий день он явился к Г. один и предложил за камень 16 тысяч.

— Знаете, — сказал он, — хотелось бы сделать же-

не подарок ко дню рождения. Моя жена, видите ли, прямо-таки обожает бриллианты. А что не сделаешь ради любимой женщины!

Так состоялась еще одна сделка.

Между тем Клайн мотался между Москвой и Будапештом, каждый раз вывозя что-нибудь то для брюссельского антиквара, то для лондонского, то для нью-йоркского — был у него и такой.

Из показаний Клайна:

«На сей раз, вернувшись из Москвы, я прежде всего встретился с Шомлан Йозафом в его номере гостиницы «Интерконтиненталь» и передал ему для перепродажи золотое кольцо с сапфиром весом в 35 каратов, полученное мною от Илизарова, и договорился об условиях его реализации...»

Клайн всегда был неутомимым дельцом. То он покупал слиток золота и перепродавал его знакомому аргентинцу за доллары, то за доллары скупил в Москве у родственника, ныне выехавшего в США, 37 тысяч рублей, то, наоборот, продавал доллары за форинты одному из своих постоянных контрагентов в Закарпатье, С. Ровту.

Теперь же для него настал «звездный час». Он приобрел в Москве одиннадцать икон, шесть образков, два бронзовых креста и девять картин — все за 2,5 тысячи. Переправив все ценности на Запад, он заработал только на одной этой операции 2700 долларов и золотой браслет в придачу.

В последний раз у одной московской коллекционерки он скупил десять картин. Но реализовать их полностью ему не удалось: его хлопотливой деятельностью вплотную занялись органы государственной безопасности.

Я видел на суде владельцев всех этих ценностей. Среди них были люди сомнительной порядочности. Заключая сделку, они руководствовались только одним соображением — побольше урвать с клиента. Кто он такой, куда уйдет картина или камень — это их совершенно не волновало.

Но были просто наивные люди. Они рассуждали так: в конце концов, вещь моя, что хочу с ней, то и делаю.

Нет, произведение искусства не только собственность частного лица, оно — национальное достояние. И это не просто расхожая истина. В недавно принятом Зако-

не об охране и использовании памятников истории и культуры говорится четко и ясно: «Вывоз памятников истории и культуры за пределы СССР запрещается». Подобные законы приняты почти во всех странах мира.

Известно, что крупные валютные ценности разрешается продавать только государству. Правило создано для того, чтобы драгоценности не стали предметом грязной спекуляции. И те, кто игнорировал это правило, вольно или невольно стали сообщниками Илизарова и «компаний», способствуя расхищению национальных богатств.

Разумеется, у читателя может возникнуть вопрос: откуда у фирмы «Илизаров и К°» взялся первоначальный капитал? Ведь чтобы совершать все эти сделки (многие исчислялись шестизначными цифрами!), нужны средства. Между тем средний ежемесячный официальный доход, например, того же Илизарова никогда не превышал ста рублей в месяц. У других ненамного больше. Из каких же родников били финансовые гейзеры?

Я уже упоминал Э. Этакый Александр Корейка образца 70-х годов, он сколотил огромное состояние с помощью подпольных цехов местной промышленности.

Допустим, цех выпускает детское белье. Стоит гроши. И хоть оно крайне необходимо, но пронырливым дельцам выпускать его невыгодно. Куда прибыльнее, например, женские кофты «под лапшу». Детское белье стоит каких-нибудь два-три рубля, а кофты — двадцать. Но, разумеется, чтобы наладить их выпуск, нужны необходимые станки, сырье, красители, оборудование. Дельцы складывают свои капиталы, достают с помощью взяток и подкупов все необходимое и налаживают подпольное производство кофточек. Или модной обуви. Товар идет в магазины, прибыль — в карманы предпринимателям. Солидная прибыль, миллионная.

Пайщики таких цехов делятся на две категории: на тех, кто непосредственно занят на производстве, и на тех, кто только вкладывает в это производство наличность, так называемые «плавающие пайщики». «Плавающие» потому, что они могут выйти из игры и продать свой пай другому.

Э. был как раз таким «плавающим» пайщиком. Ему долго удавалось быть в тени, ибо он нашел небескорыстного покровителя в лице ответственного работника административных органов Азербайджана — ныне,

правда, уже арестованного. Но еще раньше он догадывался, что его деятельность уже не секрет для соответствующих органов. Поэтому-то, заметая следы, он и покинул Баку.

Но были и другие статьи дохода. Время от времени Илизаров, например, получал в иностранной валюте переводы от неизвестных «благодетелей». Его отец — тоже. По 300—600 франков. Столь щедрое внимание оказывали не частные лица, а организации. Как нетрудно догадаться, сионистского толка. Уже после ареста Илизарова на имя его жены пришел перевод из Копенгагена на 1800 датских крон. За что? За какие выдающиеся заслуги? Не является ли подпись на чеке документальным одобрением преступной деятельности Илизарова? Не является ли эта сумма авансом за будущие сделки?

Тараканы в своих щелях молчат.

Да, они ворочали огромными суммами. Но при этом им пришлось попотеть от страха. По крайней мере, у тех «тараканов», что я видел на суде, была невеселая жизнь. Как и их ползучие родственники, они жили в постоянной тревоге, прячась от честного, прямого человеческого взгляда. Ибо они знали, что посвятили себя делу, бесперспективному в наших условиях. Они знали, что обречены на провал, и потому торопились.

А тут еще приключилась беда. Правда, не с той стороны, с которой они ждали (с той она пришла позже). Как-то в очередной приезд в Москву Илизаров узнал, что Миша К. убит неизвестными лицами. Прямо в своей квартире.

3

Из показания свидетеля Я. Глянц:

«Илизаров говорил, что когда он выедет в Израиль, то откроет там свои заводы и фабрики...»

Из речи прокурора:

«Их негласным девизом был буржуазный девиз: «Не обманешь — не продашь».

Мишу К. убили рано утром. Двое бандитов ворвались в его квартиру, набросили ему на рот полотенце и несколько раз пырнули ножом в горло.

В чемодане под кроватью хранилось 29 тысяч наличными. Шесть тысяч на сберкнижках, крупную сумму в облигациях (всего сорок тысяч) бандиты почему-то не взяли. Возможно, их кто-то спугнул, и они поторопились выскочить из квартиры. Возможно, ограничились тем, что попало им под руку в комнате. (Илизаров потом показывал, что он видел у Миши золото, бриллианты, валюту.)

Думается, что убийство это не было случайным. В нем просматривается некая роковая закономерность, некий закон возмездия, что ли. В поисках ценностей Миша К. не гнушался знакомством даже с матерыми уголовниками. Как правило, рядом с подпольными финансовыми акулами вьются хищники-прилипалы.

Узнав об убийстве «наставника», Илизаров в страхе заметался. Он опасался, что «те двое» расправятся и с ним, что они способны на все, лишь бы завладеть его «капиталом».

— На меня было пять покушений! — выкрикнул он на суде, выкрикнул с искренним отчаянием. — Моей жизни угрожала опасность!

Он хотел, чтобы ему посочувствовали. Но сочувствия он не вызывал.

По очень простой причине. Каждый нормальный человек живет под сенью закона. Общество охраняет его своим коллективным мнением, своей нравственной поддержкой, наконец, всей силой юридических, административных институтов.

Илизаров почти всю сознательную жизнь жил вне общества, вне здоровой человеческой организации. Он существовал в своем особом мирке, темном и жестоким, где моральные законы подменялись властью чистогана, мошенничеством и просто заурядной подлостью. Он даже не мог обратиться за защитой к милиции — пришлось бы слишком много рассказывать. Он мог рассчитывать только на себя. Живя вне общества, он тем самым лишился его покровительства и защиты.

Илизаров вспомнил, что в день убийства Миша К. позвонил ему в шесть утра. Спросил: нет ли бриллиантов для продажи? Илизарова удивил и сам звонок — в столь неурочное время, и то, что Миша К. говорил о запретных вещах «открытым текстом» по телефону.

— Ты что, с ума сошел? — отходя от сна, прорычал он в трубку.

— Вот видите, ребята, — сказал Миша кому-то, стоявшему рядом. — У него ничего нет.

Потом Илизаров догадался, что «те двое» хотели и его заманить с бриллиантами на квартиру к другу, что крайне необычным тоном разговора «покровитель» хотел предупредить его о грозившей опасности.

В панике Илизаров кинулся в Баку и прихватил с собой все самое ценное — и в первую очередь картины Рубенса и Рембрандта. Он отвалил за них чудовищные деньги. Особенно за Рубенса, у которого был паспорт всемирно известной картинной галереи. Он надеялся, что рано или поздно выедет «туда» и тогда ливень зеленых купюр осыплет его — только подставляй шапку. Картины он спрятал в Москве, на квартире сестры.

И все же он дрожал: и за жизнь, и за сокровища. Выходя из подъезда или входя в него, пугливо озирался.

Уже после ареста он узнал, что за Рубенса он дрожал напрасно: эксперты не признали полотна подлинниками. Правда, цена им все равно внушительная, если даже перед нами работы неизвестных голландских или фламандских мастеров. Только, естественно, не миллионная, на которую рассчитывал их владелец.

При этом известии Илизарова чуть не хватил удар. Будто земля уплывала из-под ног. Сколько средств, сколько ловкости потребовалось, чтобы раздобыть эти полотна! Даже в общество бакинских коллекционеров вступил. Конечно, не затем, чтобы отличиться на ниве общественной деятельности. А чтобы свести знакомство с «нужными людьми» да заодно и самому как-то «легализоваться».

Илизаров не поверил специалистам, хотя под заключением стояли авторитетные имена, и потребовал на суде повторной экспертизы. И хотя по решению суда полотна, как и все незаконно нажитое Илизаровым, подлежат конфискации, он все же стоял на своем. Тут уж, как говорится, загрохот его престиж, его «деловая репутация».

Я слушал Илизарова и Боксинера на суде и все пытался понять генезис их личностей. Ну, дед и отец Илизарова — это понятно. Они унаследовали мораль прошлого. Можно как-то объяснить и внутренний облик Клайна — он с детства тоже рос в затхлой атмосфере

стяжательства. Но Илизаров и Боксинер? Почему они, получившие образование в наших школах, в наших вузах, где прививались принципы нашей нравственности, всю энергию отдали грязным аферам? Почему не приложили силы в сфере разумной деятельности? Тем более что дипломы институтов выводили их на широкую дорогу. Только шагай — не ленись.

Оба молодых «одаренных» дельца росли в таких семьях, где человеческая личность взвешивалась на караты и унции, где важны были не доброта, не благородство, не талант, а только тугой бумажник, только количество ковров, только драгоценности в кубышке. В этих семьях всякий общественно полезный труд, если он только не сулил пятизначные цифры в месяц, вызывал глухую осеннюю тоску. Слово «работа» означало «красть». Да в этих семьях никто и не работал, а только числился. Вот эти понятия о жизни с детства прививались Илизарову и Боксинеру. Уроки тараканьей морали оказались действенней уроков школьных. Двухногие тараканы — не только паразиты, но и разносчики заразы. Нравственной! И тем они особенно опасны!

Илизаров был честолобив. Деньги давали ему ощущение силы. В минуты откровенности он признавался следователю, что в «бизнесе» его привлекал не столько результат, сколько сам процесс — острый, рискованный, будоражащий нервы. Если хотите, это был комплекс коммерческого бонапартизма: приятно было сознавать, что в этой запрещенной игре ты можешь сделать «мат» партнеру.

Он и в Израиль-то собрался, движимый прежде всего желанием развернуть коммерческие таланты. Наша действительность их как-то стесняла. Станные у нас законы: они, видите ли, не одобряют жульничества и темных махинаций!

Не считаясь ни с какими нормами нашего общежития, Илизаров умел выкручиваться из весьма затруднительных ситуаций. Как-то, например, в одной бакинской газете о его некоторых «делишках» подготовили фельетон. Прослышав о грядущих неприятностях, Илизаров позвонил в редакцию и заявил, что если фельетон будет опубликован, то он зарубит топором всех соседей.

И в редакции решили за благо не связываться со «странным типом». Кто его знает, а вдруг и впрямь осуществит свою угрозу?

И в суде Илизаров вел себя вызывающе, кричал на судью, обрывал свидетелей, закатывал истерики...

Продолжая семейную «традицию», Илизаров попал в среду людей, также не блиставших добродетелями. На суде, в частности, всплыли многие подробности, когда «компаньоны», клявшиеся друг другу в верности, действовали даже между собой как мошенники.

Однажды Клайн, например, привез три тысячи долларов. Илизаров быстро нашел на них покупателя и вскоре вручил будапештскому партнеру толстую пачку денег. Тот принял не моргнув глазом. А вскоре к Илизарову появился разъяренный покупатель и набросился на него с кулаками. Доллары оказались фальшивыми! В магазине «Березка» их новый владелец с трудом ускользнул от объяснений с милицией.

Клайн прикинулся тоже обманутым: мол, подвел зарубежный клиент. Он пообещал возместить убыток, но потом о нем «запамятовал».

Золотые десятирублевки Боксинер приобрел у женщины, с которой он находился в отношениях более чем дружеских. Но вот теперь, встретившись с ней на суде, этот «джентльмен» готов разорвать ее в клочья. Жаль только, что мешают барьер и охрана.

Кстати, Боксинер ловко надул и Илизарова, когда перепродавал ему эти монеты. Он не постеснялся нажиться на своем друге на целых десять тысяч рублей!

У Илизарова был еще враг и конкурент. Однажды, идя к нему на свидание, он прежде заехал в комиссионный магазин и купил за 500 рублей японский магнитофон: лишь затем, чтобы тайком записать беседу и потом шантажировать этой записью противника.

Э. отличался исключительной «широтой натуры». Он любил кутить в гостиницах с друзьями, непременно в окружении небольшого ансамбля девиц сомнительного поведения, которым в загуле имел обыкновение наклеивать на лоб купюры пятидесятирублевого достоинства.

В общем, как можно судить по настоящему делу, нынешний подпольный миллионер непохож на своего предшественника 20-х годов. Он уже не ходит в потертой толстовке, не пьет жидкий чай без сахара. Сегодня он облачен в импортный костюм, закатывает банкеты в ресторанах, разъезжает в собственной машине. Иногда даже иностранной марки. Да, он живет в страхе. Но не

настолько, чтобы скрывать свое благосостояние. Потому что как-то незаметно мы стали терпимее к нему. Потому что мещанское «умеет жить» звучит теперь все одобрительней. Иногда чуть ли не комплиментом.

И все же главное не в этом. Более существенным в этом деле представляется то, что эти люди грабили свою Родину. Беззастенчиво, не терзаясь угрызениями совести.

Грабителям не читают морали. Их попросту изолируют от общества. Их заставляют в судебном порядке познать цену настоящего труда.

И все же трудно удержаться от сентенций.

За каждым бриллиантом, золотым кольцом, уникальной монетой, за каждой картиной видится тяжкий труд сотен и тысяч людей, которые мерзли на якутских морозах, продувались стылými ветрами Колымы, подвергались массированным атакам гнуса. За каждым подлинным шедевром живописи видятся талант, творческие муки и душа его автора. Творцы художественных ценностей иногда годами, десятилетиями создавали то, что мы называем национальным достоянием. Оно, это достояние, не рождается вдруг, оно накапливается веками. Оно принадлежит народу — и только ему!

Между прочим, в трагические минуты нашей истории, скажем, во время минувшей войны, мы не только получали от союзников помощь по ленд-лизу. Мы платили за хлеб и оружие золотом и драгоценностями! В тот период у нас не было иного выхода. Пусть вечный металл всего лишь символ подлинного богатства, но символ пока еще необходимый для жизнедеятельности каждого государства.

Как-то мне довелось слушать одно судебное дело. Молодые супруги усыновили чужого ребенка. Шестнадцать лет его кормили, поили и дрожали от страха, если он чихнет или если его температура повысится хоть на один градус. Ему дали образование. Летом отправляли на побережье Черного моря.

Потом появились его настоящие родители. При этом вид у них был такой, как будто они на пять минут отлучились в булочную. Они предъявили права на сына. После долгих споров и тяжб уже рослое дитя в джинсах и патлах перебралось к настоящему отцу, не забыв, в частности, прихватить из когда-то родного дома без ведома бывших родителей кое-какие ценные

вещички. Отвратительность этого поступка не нуждается в комментариях.

Илизаров и «компания» напомнили этого «благодарного» сына. В том судебном деле пострадали двое супругов. В данном случае речь идет об интересах целой страны!

Они вывезли ценностей на крупную сумму. И могли бы вывезти больше, если бы органы государственной безопасности не положили конец их авантюрам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Коллегия Верховного Суда РСФСР под председательством Г. Дякина, при участии прокурора М. Илюхина и защитника В. Швейского, заслушав дело по обвинению М. Илизарова, Д. Клайна, Л. Боксинера, приговорила: Илизарова — к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества, Клайна — к 10 годам с конфискацией имущества, Л. Боксинера — к 8 годам.

Дело по обвинению З. Энгеля и других выделено в отдельное производство.

КОНЕЦ «НЕНАСЫТНЫХ»

К судебным заседаниям привыкнуть еще можно, но чтение приговора — зрелище непереносимое. Ведь, кроме удовлетворения тем, что преступники понесут заслуженное наказание, нормальный человек испытывает гнетущую тяжесть хоть и чужой, чуждой, но изуродованной судьбы. Как подумаешь, глядя на осужденных, особенно на пожилых, что это и есть итог их жизни, все, к чему они пришли, — делается страшно...

Процесс был громкий. Не то чтобы весь Киев только о нем и говорил — двухмиллионный город работал, строил, учился, как обычно, и не кучке воров занять его внимание. Но толков было предостаточно. В поезде совершенно случайная попутчица, лингвист по профессии, поведала мне, что у Елкиной (даже фамилию знала!) в квартире были дверные ручки чистого золота и что в милиции из конфискованных вещей устроен целый музей.

Музей не музей, но комнату в здании Министерства внутренних дел Украинской ССР под «сокровища» Елкиной действительно выделили. Странное впечатление она производит. Ни блеск норковых шкур, ни игра света в прекрасном хрустале не рождали восхищения, какое вызывает по-настоящему красивая вещь. Бирки оценщиков на каждом блюде, на каждой вазе и люстре белеют, точно клейма. Нет, это не музей. Скорее барахолка.

Нет здесь двух домработниц, чтобы протирать, чистить, перетряхивать. Ушли и шофер, и личный парикмахер, получавший по пятьдесят рублей за визит, и постоянный ветеринар, лечивший любимого песика Кордика — мудреную кличку Кардинал Елкиной было слишком трудно выговаривать. Подох Кордик, сгинули богатства, отшатнулись приближенные. Седая старуха злобно и бессильно кричит в зале суда...

Ресторан «Столичный» стоит на Крещатике, в самом центре Киева. На посещаемость здесь не жалуются.

Внизу кафе самообслуживания, мрачноватое помещение, тоже всегда заполненное людьми. Это и есть бывшие владения Лидии Лазаревны Елкиной, официально занимавшей должность заведующей производством, державшей в руках все хозяйство, включая даже директора и его заместителя.

Никто не знает точно, сколько она украла. На предварительном следствии вырисовывались суммы прямо-таки фантастические. В суде подсудимые срочно и неоднократно меняли показания, стремясь уйти из-под наиболее грозной статьи «за хищение в особо крупных размерах». Но, несмотря на это, Верховный Суд определил ущерб, нанесенный преступной группой государству, в цифрах, намного превышающих сто тысяч рублей. А ведь деятельность «ненасытных» изучена только после 1971 года, поскольку прежние документы уничтожены.

А в каких рублях измерить моральный урон, нанесенный людям? В коллективе, где работают десятки людей, не осталось почти ни одного незамазанного человека. Честному здесь нечего было делать, он мгновенно отторгался как нечто чужеродное. Или уходить — или красть. Свидетельствует официантка ресторана: «Я сказала сначала, что мне не хочется в этом участвовать. Но я понимала, что условия в таком случае будут самые жесткие, блюда буду получать позже всех, умышленные придирки начальства и жалобы, которые посыплются от посетителей, все равно заставят меня уволиться».

Это был какой-то другой мир — все в нем словно вывернуто наизнанку. Бухгалтер-калькулятор Шульман говорит: «Елкина, довольная моей работой, давала мне ежедневно деньги за честность». Сама Лидия Лазаревна на предварительном следствии подчеркивает: «В таком деле, как наше, крайне важно доверие».

О всплывшей на следствии Ларисе Полищук, пожалуй, стоит рассказать подробнее. Она закончила Донецкий институт советской торговли, и без нее, дипломированного инженера-технолога, Лидия Лазаревна вряд ли смогла бы наладить столь доходный бизнес. Полищук заменяла Елкину во время отпусков, болезней. Подчиненные ее побаивались и ненавидели. Из показаний Береговой: «При Полищук денег изымалось из кассы больше, а технология приготовления пищи нару-

шалась так, что уж дальше было некуда. Суммы, которые она разделяла между сотрудниками, уменьшались». А чего церемониться — все уже были повязаны одной веревкой — и те, кто, как Полищук и Елкина, клали в карман сотни рублей в день, и те, кто довольствовался пятеркой-десяткой.

Как же добывались эти деньги? Непосвященному источником неправых доходов всегда представляется ресторан — там банкеты, свадьбы, дорогие закуски. Да, наживались и на этом. Но несравненно выгоднее для жуликов было кафе, невзрачное, темноватое кафе, где мы терпеливо стоим со своими подносами и не подозреваем, чем, оказывается, иногда кормят нас и кого «кормим» мы.

Становится не по себе, когда читаешь обвинительное заключение. В котлеты вместо филе индейки шла свинина, бульон разбавлялся водой на треть, компот — на две трети. Вместо сливочного масла применялся свиной жир, слоеное тесто заменялось простым. Это втрое дешевле. Вес наращивали в котлетах за счет панировки, в заливном — за счет желе. На каждых пятидесяти килограммах фарша «экономили» десять килограммов мяса. Расход сметаны и масла в каждой порции уменьшали на две трети. Вместо маринованных фруктов на гарнир давали соленые огурцы. И так далее, и так далее. Из «сэкономленных» продуктов жулики стряпали новые порции. Самое смешное и удивительное при этом, что за все время разгула воров посетители записали всего одну жалобу на качество пищи. То ли безропотность, привычка, то ли боязнь показаться капризным, скуповатым в «шикарном» месте...

С каким удовлетворением написала бы я, что расплата к преступникам пришла в лице общественного контролера или сурового ревизора из торга. Увы! Как сказано в деле, с августа 1972 года Елкина «вступила в преступную связь с начальником торгово-производственного отдела городского треста ресторанов Саленко, старшим инспектором по кадрам Межуевой, а с сентября 1972 года — с заместителем заведующего отделом торговли и общественного питания Печерского райисполкома (на общественных началах) Пятилетовым». Елкина не боялась проверок, рейдов, ревизий, экспертиз — одни проводились формально, о других она зна-

ла заранее. Да, сейчас Пятилетов, Межуева, Саленко осуждены на долгие сроки лишения свободы, но тогда они были готовы для Елкиной на все. Лидия Лазаревна среди своих презрительно называла их нахлебниками.

Итак, началось не с ревизии, а с заявления, подробного и обстоятельного, адресованного Министерству внутренних дел. Дело было поручено двум сотрудникам республиканского управления УБХСС подполковнику милиции Георгию Леонидовичу Лебедеву и майору Валентину Николаевичу Горину.

Когда рассказывает Лебедев — это готовые новеллы, яркие детали, образы, а когда Горин излагает обстоятельства дела тихим, порой монотонным голосом — это логическая картина, где ни убавить, ни прибавить.

— Если откровенно, — говорит Лебедев, — мы вначале хотели пойти по легкому пути: найти анонима. Человек он был явно осведомленный. После письма раза два звонил, представился Иваном Ивановичем, интересовался, что мы намерены предпринять... Из автоматов звонил.

— Начали с азов, — продолжает уже Горин, — с инструктажа общественников, которые делали контрольные закупки.

— Понимаете, — подхватывает Лебедев, — у каждой кассирши в кафе стоит зеркальце — всю очередь видно. Они ведь психологи, сразу определяют, кто будет глядеть во все глаза, а кому можно что угодно подсунуть. А ведь надо их перехитрить, чтоб наших хлопцев да девчат они ни за что не распознали!

В ресторане «Столичный» и внизу, в кафе, появлялись посетители с определенными заданиями. Перед получением им заранее вручали специальные пакеты и мешочки, заказывали они определенные блюда; в точно отработанном порядке занимали очередь к кассам. В ресторане было проще — незаметно для официантки опустил в сумочку осетрину или злополучную котлету «Метро» — и дело с концом. Дальше слово за экспертами из пищевой лаборатории. Все пробы пищи ребята прямым ходом из «Столичного» несли в УБХСС, мешки пломбировались номерной пломбой, составлялся акт — в присутствии понятых, честь по чести.

Первые анализы дали ужаснейшие результаты. Свиные хвосты вместо фарша из вырезки, ополовиненные

по весу порции сразу показывали: здесь воруют! Но надо было проводить рейд за рейдом, чтобы доказать, что хищение здесь не случай, а система.

Следующим был вопрос: что воруют? Продукты или деньги?

Те же бригады общественников попутно проверили работу касс. В «Столичном» никого не обсчитывали. Разве что чеки небрежно отбрасывали в сторону, но кто из нас глядит на чеки? А кто обращает внимание на табло, где должна появиться сумма, которую кассир пробивает на чеке? К тому же в кафе аппараты продуманно были поставлены боком, чтобы цифры трудно было разглядеть. А чаще табло просто завешивалось образцами талонов на питание для спортсменов, туристов. Все эти совпадения тщательно фиксировались в протоколах после каждого рейда. Приметы кассира со слов каждого участника рейда также попадали в протокол. Чтобы избежать случайных ошибок, старались к словесному портрету присоединить незаметно сделанную фотографию.

Шли группой. Допустим, трое ребят ставили на поднос столько блюд, чтобы их цена явно превышала рубль. Свидетели указывают — и это закреплено в протоколе, — что, когда платили, к примеру, рубль сорок, рубль десять, рубль шестнадцать, на ленте и на табло значилось сорок, десять, шестнадцать копеек. Уловка простая — кассиры не пробивали рубли.

Несколько раз в день из глубины кухни появлялась женщина, брала у кассиров какую-то часть денег и уносила наверх. Так установили, что кассы и кухня тесно связаны. Кухня у ресторана и кафе одна, а заведует производством Лидия Лазаревна Елкина. Повнимательнее к ней приглядеться сразу не удавалось — даже получить ее личное дело у трестовских кадровиков пришлось с величайшей осторожностью, после долгого поиска невинного предлога.

Сила невидимого противника почувствовалась в таком эпизоде. Некоторое время назад из «Столичного» уволилась буфетчица, причем с обидами, ссорами. Решили с ней побеседовать. Вежливо пригласили после работы на полчаса. Во время беседы ни на чем не настаивали, так, легкие расспросы. Буфетчица отвечала настороженно, а простившись, немедленно сообщила Елкиной, что ею интересуется милиция!

Разумеется, сотрудники УБХСС не впервые в жизни ловили расхитителей, и арсенал средств накоплен у них приличный. Профессиональных тайн они мне, естественно, не открывали, и последующие страницы этой истории заменялись короткими фразами: «получили возможность изучать ежедневные товарные отчеты», «установили, что преступники вели учет излишков».

— А если бы просто явиться и сразу накрыть всех за «работой»? — спрашиваю.

— Мы так и сделали, — отвечает Лебедев. — Оцепили здание, все четыре входа блокировали, около каждого рабочего места мгновенно установили пост, чтобы все движение было парализовано. Никуда не отойти, ничего не припрятать — так минут десять продолжалось, но и этого было достаточно. Все зафиксировали: и излишки в кассе, и черновые записи о количестве лишних блюд. Но до этого мы долго изучали их механику, приемы, мы наверняка знали, что ищем и что найдем при операции. А сама инвентаризация дала нам всего 462 рубля недостачи. Представьте, если не было бы подготовительной работы! За недостачу дирекция получила бы выговор, и только. А кассирши бы виновато потупились: «Ах, это я ошиблась!» Мы тут же, в зале закрытого ресторана, вынесли постановление о возбуждении уголовного дела. Бригады немедленно выехали с обысками по известным уже нам адресам. Потом включили обрезанный на время операции телефон и в кабинете директора начали первые допросы.

Так в крошечной комнатухе на втором этаже впервые встретились лицом к лицу Елкина и Горин. Валентин Николаевич знал о ней, кажется, все, но увидел только сейчас.

— Так это ты — Горин?! — взревела Лидия Лазаревна, когда он представился. — Так это ты Вовку посадил?

Вовка, сын Елкиной, тоже заведовал производством в кафе «Галушки» и тоже воровал, но до родительницы по размаху ему было далеко.

Конечно, и Лебедев с Гориным, и следователи Кузьминов Александр Семенович, а затем Кудинов Виктор Иванович догадывались, что в «Столичном» свился клубок мучительных страстей — и зависть, и ненависть, и алчность... Но на первом месте был страх. Елкина сумела внушить его своему окружению. И сумела убедить

всех в полной своей собственной неуязвимости, безнаказанности. Да она и сама в этом уверилась. Подчиненных Лидия Лазаревна стравливала, оскорбляла. В ее «репертуаре» имелись и чисто художественные номера. Накануне важных правительственных приемов Елкина демонстративно исчезала из ресторана на полдня, потом появлялась в сногшибательных туалетах, на ходу отдавала распоряжения и снова отбывала, чтобы наутро подробно рассказывать, как прошел прием и как выглядели его участники. Сотрудники УБХСС, которые к тому времени уже следили за каждым ее шагом, знали, что Лидия Лазаревна отбывала не на прием, а к себе домой. Но кассирши, повара и официантки слушали ее рассказы, трепеща.

К ее допросу следователь Кузьминов готовился очень серьезно. Он решил работать на контрасте. Внимательно выслушав сыплющую проклятьями и угрозами матерую аферистку, он спокойно сказал:

— Что же, ошибки бывают. Давайте разберемся, кто мог вас, как вы говорите, оклеветать.

Первая беседа посвящалась теме: «Расскажите мне о себе». Вторая: «В чем состоит ваша работа». Третья: «Взаимоотношения внутри коллектива».

По-настоящему насторожилась она только на четвертой беседе, когда Кузьминов подошел к семейному бюджету. Но к этому времени кое-что было уже известно из допросов ее мужа. Стоило только сказать о его показаниях — и Лидия Лазаревна, кроме проклятий, не могла произнести ни слова. Вскоре она дала первые правдивые показания. Беседа тотчас была записана на видеомagnetофон.

К встрече с Ларисой Полищук следователь почти не готовился: было точно известно, что она не скажет ни слова. И действительно, Полищук хладнокровно все отрицала, а во время обыска, например, даже успела проглотить контрольный талон к сберкнижке на предъявителя. А ее приятельницы несли новые и новые сберкнижки, сумки с драгоценностями, которые она им отдавала накануне: пусть, мол, у тебя полежит. «Не мое. Впервые вижу», — усмехалась Полищук. От трех подчёрковедческих экспертиз, подтвердивших, что книжки ее, она отказалась наотрез. Она и на суде все отрицала, загадочно усмехалась, только во время чтения приговора побледнела. Она и Елкина получили по пятна-

дцать лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Большую часть награбленного Елкиной хранила Евдокия Усикова, член Союза художников. Причем хранила истово, утверждая потом, что все это принадлежит лично ей, а золотые вещи, прямо-таки как профессионал, закопала на даче, но не на участке, а на улице, под пешеходной дорожкой! Разумеется, все равно не помогло, но изобретательность какова! У родственников Лидии Лазаревны изъяли ее облигации — и каждая поездка была драмой. Племянник, например, презрительно швырнул на стол пачку облигаций — забирайте, мол, свое, кровное, вот этими руками добытое! А между тем две из этих облигаций были той же серии, что взятые накануне у другого родственника за пятьсот километров отсюда!

— Я там гостил и... украл у дяди две штуки, — нашелся племянник.

Кстати, в его ванной нашли при обыске теткинх облигаций на 18 тысяч рублей.

...Раньше я считала выдумкой обычные концовки детективных историй — преступники наказаны, следователи едут в машине на новое дело. А теперь с радостью думаю, что наконец отдохнут от этого кошмара и следователи, и член Верховного Суда Украины Антонов, суровый, добрый человек, фронтовик, ставший на войне инвалидом. И мысленно вижу, как, приподнимая брови, Лебедев скажет заядлому болельщику Горину с убийственной иронией: «Опять на стадион, безумец?»

И мне самой легко и странно, как после тяжелого сна, идти из зала суда по шумным улицам и видеть обычную жизнь, цветы, переполненные троллейбусы. И постепенно избавляться, избавляться от ощущения того, точно я долгое время пробыла в темном, сыром и грязном погребе.

ЛИХОИМЦЫ

Они живут среди нас, работают в одних с нами учреждениях, пользуются всеми благами нашего общества. И паспорта у них советских граждан, да и родились они при Советской власти и не видели живыми ни фабриканта, ни банкира или биржевого маклера.

На вид это респектабельные граждане, разъезжающие в собственных автомобилях. Они умеют блеснуть красноречием и манерами «интеллигентных» людей, поговорить о высоких материях, а при случае снисходительно поязвить над нашими недостатками. Советский образ жизни они принимают с серьезными оговорками и по возможности стараются вести свой образ жизни соответственно своему кодексу «нравственности». Если лучше к ним присмотреться, повнимательней взглянуть на их дела и поступки, сделать тайное явным, то можно обнаружить, что эти нелюди живут жизнью, несовместимой с нормами и принципами нашего общества.

Есть выражение «человек с двойным дном». Да, эти люди словно из другого мира, где действуют иные нравы, где процветает бизнес, где все продается и покупается. Вот почему им бывает неуютно среди нас — их образ жизни находится в постоянном противоречии с советскими законами. А закон порой бывает строг, особенно в тех случаях, когда речь идет об опасных преступлениях. Опасных тем более, что они, подобно тине, затягивают в свое болото людей неустойчивых, слабых духом.

Когда в 1963 году Лев Григорьевич Зельцер начал работать кладовщиком на плодово-овощной базе Тимирязевского района города Москвы, ему шел сорок пятый год. Сослуживцы Зельцера говорят, что именно на плодово-овощной ниве развернулся его могучий организаторский талант и недюжинные способности снабженца. Фрукт и овощ — продукт не только полезный, но и ценный. Зимой дефицитный, осенью скоропортящийся, но нужный людям круглый год. А коль нужный,

значит, прибыльный. История не сохранила ярких деталей и поучительных подробностей десятилетней деятельности Льва Григорьевича в плодово-овощной сфере, оставив лишь скупой перечень ступенек должностной лесенки, по которой он восходил медленно, но верно. Через год Зельцер уже заведовал складом. Должность пришлась по душе, начальство им было довольное: находчивый, инициативный. В мае 1970-го он стал директором базы, в январе 1971 года — заместителем директора конторы, а уже в декабре — и. о. начальника торгового отдела.

Организаторский талант и прирожденные способности инициатора позволяли Льву Григорьевичу шагать все дальше и выше, но минимум образования тянул вниз: диплом заочного техникума торговли не очень много для работника большого масштаба. Впрочем, Лев Григорьевич, будучи человеком трезвым, иллюзий насчет очень уж крупного поста не питал. Но и плодово-овощную ниву не считал пределом карьеры: хотя и прибыльная, но все же хлопотливая. Запах гнилых помидоров и соленых огурцов его раздражал.

Зельцер мечтал о должности непыльной, но денежной. И конечно, в пределах области торговли. Здесь он чувствовал себя как рыба в воде. Лев Григорьевич любил жить красиво и широко, не считая рублей и копеек. Любил внешний лоск. В этом смысле фрукты и овощи его, конечно, шокировали. Иное дело — директор специализированного магазина с дефицитным товаром. Это даже лучше, чем директор универмага, где только и слышишь: план, план, план, и этот план начинает тебе мерещиться во сне. В специализированном магазине с дефицитным товаром проблемы плана практически нет. Тут не ты ищешь покупателя, а покупатель ищет тебя, ты ему позарез нужен, ты его благодетель. Знакомства с тобой ищут, твоей благосклонности жаждут, о дружбе с тобой мечтают.

Нечто подобное Зельцер уже испытал, работая в плодово-овощной системе. Телефонные звонки зимой: «Лев Григорьевич, дорогой, рад вас слышать. Как поживаете? Здоровьице как?.. Нельзя ли достать у вас свежих помидоров, огурчиков? Буду весьма признателен. Знаете, семейное торжество...» Лев Григорьевич решает — уважить или отказать. Ну, разумеется, нужного человека, «своего», можно уважить, «чужому» от-

казать. Тут действует принцип: услуга за услугу, ты — мне, я — тебе. Услуги, впрочем, не ахти какие, пустяки: огурчики, помидоры, бананы, мандарины. Да ведь все для друзей...

В 1972 году стараниями преданных друзей Зельцер стал директором красногорского магазина «Автомобили». Отныне он уже деятель областного масштаба, потому как вверенный ему магазин призван обслуживать покупателей Московской области — тружеников села, рабочих и служащих промышленных предприятий и учреждений.

Как известно, автомобиль пока что относится к категории дефицитных товаров. Образовалась естественная в таких случаях очередь. Каждый район области имеет свои фонды. Будущие владельцы «Жигулей» обращаются в исполком с просьбой поставить их на очередь. Исполкомы принимают решения, в которых указываются должность, имя и фамилия очередного покупателя. Решения эти направляются в магазин «Автомобили», очередной счастливчик едет в Красногорск, вносит в кассу деньги и получает ключи от «Жигулей». Такого порядка придерживались до 1972 года, до того дня, когда в магазин пришел новый директор — Зельцер Л. Г., добросовестный и инициативный работник, как аттестовали его служебные характеристики.

Узнав о новой должности Зельцера, его друзья, «нужные люди», пришли в великое волнение. Льва Григорьевича поздравляли. Восторженные поздравления заканчивались напоминанием, что, мол, давно мечтаю... Иные без обиняков просили. Но Лев Григорьевич, человек твердых принципов, поспешил охладить пыл своих почитателей:

— Это вам не овощи-фрукты. «Жигули» продаю только жителям области по спискам, утвержденным исполкомами.

Друзья недоверчиво улыбались: мол, мы тебя знаем, не таков наш Лев Григорьевич, чтоб не найти выхода из любого положения...

И он нашел выход. Конечно, не «за так» — услуга за услугу. Этот принцип Зельцер считал элементарной нормой человеческих взаимоотношений. Но услуги с обеих сторон должны быть равноценны. Это неременное условие. Впрочем, помочь «своему» за счет «чужого» он тоже считал для себя делом принципа. Он

усвоил это давно: «своим» надо помогать, не считаясь с интересами «чужих», которых всегда больше.

А как же закон?

На этот счет у Зельцера есть свой твердый, непоколебимый взгляд: если закон стоит на твоём пути, его нужно обойти. В данном случае — существующий порядок продажи автомашин. Но это оказалось делом сложным. Нужен был сообщник в каком-нибудь одном или нескольких районах, кто-нибудь из тех, кто распределяет автомашины среди покупателей. Разумеется, дело это щепетильное, тут нельзя ошибиться: человек должен быть надежным и верным. Наиболее подходящей кандидатурой ему показался Вячеслав Николаевич Зонкин — председатель плановой комиссии одного из исполкомов. Молодой выпивоха, слабохарактерный, но в преступных махинациях он никогда не был замешан, словом, человек вне подозрений. Именно тот, кто был нужен Зельцеру. Зонкин составлял списки очередников на покупку автомашин, готовил решения исполкома.

Нужно было установить контакты, деловые, а затем и дружеские отношения с Зонкиным. Но... инициатива не должна исходить от Зельцера — Лев Григорьевич человек предусмотрительный и осторожный. Пусть Зонкин сам придет к Зельцеру. И Зонкин пришел. Пришел и спросил этак вежливо, почти заискивающе:

— Нельзя ли, Лев Григорьевич, увеличить району фонды на «Жигули»? Желающих много. Среди них есть уважаемые люди. Хочется помочь. А фонды не позволяют.

— Невозможного в этом мире, дорогой мой, ничего нет. Все возможно, — уверенно и с достоинством ответил Зельцер. — Все зависит от вас. Услужить достойному человеку необходимо и должно. Вы же исполком — вы принимаете решение! Давайте мне решение, и я продам тому, кому укажете.

Зонкин помялся, бросил на Зельцера многозначительный взгляд, решил пооткровенничать:

— Есть товарищи, которых не утвердят на исполкоме...

Зельцер ждал этих слов. Сказал загадочно:

— В том-то и дело. Я, конечно, могу вам дать несколько машин сверх фонда. Для ваших друзей. Но у меня тоже есть друзья и тоже уважаемые люди, но живут они в Москве и к вашему району тоже не имеют

никакого отношения. А им, как и вашим друзьям, тоже хочется поскорей сесть за баранку. Пожалуйста, включайте их в списки.

— Сложно, — задумчиво произнес Зонкин. — Каждая кандидатура заносится в решение исполкома.

— А вы не заносите. И вообще измените систему распределения автомашин. Исполком выносит общее решение, не указывая, кому конкретно продать. Именной список вы прилагаете к решению, — подсказал Зельцер.

Но Зонкин еще не улавливал смысла.

— Допустим. И что это даст?

— Вы наивный человек. — Лев Григорьевич строил ироническую гримасу. — Список можно заменить другим, это в вашей власти.

Зонкин понял. Так была заключена сделка, о которой затем в обвинительном заключении, утвержденном прокурором Московской области, будет сказано, что Зонкин обратился с просьбой «к директору магазина «Автомобили» Зельцеру Л. Г., деятельность которого с первых же шагов в должности директора автомагазина приняла преступный характер».

Итак, в 1972 году фирма «Зельцер и К°» начала деятельность. У читателя может возникнуть вопрос в отношении К°, мол, где же компания? Не спешите, уважаемый читатель, все в свое время. Одному Зельцеру и даже на пару с Зонкиным трудненько было бы осуществлять преступные операции. У них были подручные: у Зельцера — заведующий комиссионной секцией магазина Ценцеренский Борис Семенович; у Зонкина — старший экономист горплана Людмила Владимировна Овчинникова. Кроме того, у подручных были еще свои подручные.

Зельцер сдержал слово — район стал получать автомашины сверх плана. Каким образом? Самым обыкновенным и циничным: за счет других районов. Например, в четвертом квартале 1972 года ряд районов Московской области недополучил 32 машины, в 1973 году — 84 автомашины. Все Зельцер распределил по спискам Зонкина. По требованию Льва Григорьевича Зонкин включал в списки на продажу автомобилей не только своих приятелей и знакомых, но и приятелей знакомых Зельцера и Ценцеренского. Правда, приходилось на этих покупателей составлять липовые доку-

менты. Например, инженер Н. А. Сморчкова в решении исполкома названа бухгалтером совхоза, а работник столичного объединения музансамблей М. С. Гулько превратился в механизатора совхоза «Семеновский».

Таким образом, у Зельцера и Ценцеренского образовалась своя клиентура, у Зонкина и Овчинниковой — своя. Клиентура эта за соответствующее вознаграждение, именуемое в Уголовном кодексе кратким словом «взятка», вне очереди покупала автомашины.

На преступной стезе Зонкин был начинающим, неопытным деятелем. С одного покупателя в качестве благодарности брал импортную рубашку, с другого — дантиста — золотую коронку, с третьего — водолазный костюм, в котором, как потом шутили в зале суда, надеялся выйти сухим из воды. Двое покупателей «Жигулей» подарили Зонкину платяной шкаф с доставкой на дом. Иногда он довольствовался бутылкой отборного коньяка...

Иное дело Зельцер. Он не стал бы мारаться из-за какой-то рубашки или водолазного костюма — и без спецодежды он умел ловить рыбу в мутной воде. В обвинительном заключении сказано об этом довольно красочно: «Обладая значительным опытом руководящей работы в системе торговли, организаторскими способностями, Зельцер и на новом для себя поприще — в должности директора магазина «Автомобили» — действовал с присущим ему размахом, и особенно, когда дело касалось получения взяток с лиц, которых по его указанию Зонкин вносил в подложные решения исполкома на приобретение автомашин в магазине «Автомобили». Размеры взяток Зельцер определял, исходя из предполагаемого дохода лиц, желавших приобрести автомашины».

Как видим, у Зельцера был дифференцированный подход к клиентуре. Пришел, к примеру, к Зельцеру водитель такси Ю. Б. Борисов с просьбой «устроить» ему вне очереди покупку «Жигулей». Не с улицы пришел, а по рекомендации знакомого. С Борисова Лев Григорьевич запросил «по-божецки» — 300 рублей. А вот у дантиста Молочникова Лев Григорьевич потребовал 1500 рублей. Мол, знаю вашего брата, деньжата у вас водятся, раскошеливайся. И Молочников раскошелился — прямо в кабинете вручил Зельцеру 1400 рублей наличными. Больше не было.

— За оставшуюся сотню поставишь золотую коронку моему другу, — смилостивился Зельцер. — Зайдет к тебе товарищ Зонкин, так ты ему уж послужи.

И Молочников услужил. Он только удивлялся точности, с какой Зельцер оценил зубы своего компаньона.

Как известно, аппетит приходит во время еды. Аппетит на взятки у Зельцера разгорался стремительно. В феврале 1974 года приятель Зельцера Ю. М. Алимовский предложил выгодного клиента — известного спортсмена. Лев Григорьевич ответил с присущим ему лаконизмом:

— Хорошо. Я позвоню.

Через несколько дней Зельцер звонил Алимовскому:

— С «Жигулями» для хоккеиста о'кэй. Можете приезжать. Не забудьте захватить деньги.

Речь шла о взятке, сумму которой Алимовский знал: 2 тысячи рублей. Зельцер решил не мелочиться: клиент может раскошелиться. Примчавшемуся в магазин «Автомобили» на крыльях радости покупателю и Алимовскому Зельцер показал решение исполкома, в котором спортсмен увидел свою фамилию. Тот уже приготовился было вносить за «Жигули» деньги в кассу, но Зельцер остановил его:

— Сначала внесите мне.

Спортсмен выложил на стол Зельцеру 1150 рублей. Зельцер со спокойной деловитостью посчитал и невозмутимо охладил пыл покупателя:

— Здесь не хватает восемьсот пятьдесят рублей.

— При мне больше нет, — виновато ответил покупатель.

— Тогда и машины нет, — отчеканил Зельцер.

— Но я потом привезу вам...

— Потом уже не будет, — отрубил Зельцер, давая понять, что разговор окончен. Он знал психологию автолюбителя и был уверен, что этот покупатель от него не уйдет.

— Хорошо. Возьмите у меня автомобильный магнитофон. Японский. Восемьсот рублей стоит.

Магнитофон Зельцеру понравился. Он решил не уступать ни рубля. Сказал:

— Магнитофон я беру. А еще полсотни?

Пятьдесят рублей нашлось у Алимовского, он дал их взаймы, и дело уладили.

Если у Зельцера шкала взяток была подвижной, за-

висящей от платежеспособности клиентуры, то Овчинникова держала твердую таксу — 300 рублей за машину. Хочешь иметь вне очереди «Жигули» — плати наличными три сотни.

У Ценцеренского так же, как и у Зельцера, была своя клиентура и свои маклеры, которые поставляли ему выгодных покупателей, готовых щедро «отблагодарить» за услугу. Это были разного рода темные личности, мошенники, спекулянты и дельцы вроде Вади́ма Джибладзе и Гео́ргия Ага́ряна. Ценцеренский спекулировал не только комиссионными автомобилями, но и, воспользовавшись отсутствием Зельцера, продал за взятки четыре новые автомашины. Хитрый, осторожный, он получал взятки через Джибладзе. Как и у шефа, у Ценцеренского не было твердой таксы, но он был более сговорчив. С ним можно было торговаться. Когда работница ресторана Римма Михайловна Кулямзина — в официальной справке, выданной институтом имени Гнесиных, она значилась служительницей муз — пожелала купить «Жигули», Ценцеренский через Джибладзе запросил с нее 1000 рублей «за услугу». Но не тут-то было: Кулямзина умела торговаться. Она решительно сказала «нет». На любую половину согласна. Ценцеренский уступил: пятьсот рублей на дороге не валяются.

На следствии Зельцер утверждал, что со своих друзей он никаких взяток не брал. Ведь это же нехорошо — брать взятки со своих! Просто ему было приятно услужить своим людям, ну, например, с кем работал в плодово-овощной конторе: Е. И. Цехковскому, Л. Б. Червонному, М. А. Лайзерукову, Ю. И. Зазыкину.

Жил Лев Григорьевич на широкую ногу: разъезжал в собственной автомашине, кутил в ресторанах в обществе женщин легкого поведения. К одной из них «привязался», бросил семью и перешел к сожительнице. Так было удобней. Виллой и яхтой обзаводиться не стал. С начальством ладил — где польстит, где «пыль в глаза пустит», дабы поддержать репутацию деятельного, инициативного руководителя. Какова его подлинная инициативность — над этим никто не задумывался. Махровый комбинатор жил под вывеской «талантливый организатор». Эпитеты этой вывески украшали служебные характеристики Зельцера. Правда, в одной из характеристик проскочила фраза: с покупателями бы-

вает груб. Проскочила потому, что слишком уж явно, вызываясь демонстрировал Зельцер свое презрение к людям не своего круга.

И все же напрасно Зельцер пренебрег пословицей «сколько веревочке ни виться...». Тучи сгущались медленно. Грянул и гром, пока несильно. Сначала только над Зонкиным, но он насторожил, спугнул Зельцера. Лев Григорьевич по собственной инициативе оставил магазин «Автомобили» и снова перебрался в столицу, заняв пост директора магазина № 21 в РИТ Свердловского района. Надеялся таким образом избежать грозы, переждать. Пусть, мол, там Зонкин за все отдувается. А тот, почуяв беду, тоже избрал нехитрый, можно сказать, примитивный, но довольно распространенный способ улизнуть от ответственности. Он срочно «заболел» и даже слег в больницу (в этом ему тоже удружил Зельцер, который предпочитал держать Зонкина под рукой). И пока здоровьем Зонкина занимались столичные врачи, преступными делами его занимались старший инспектор УБХСС Анатолий Александрович Корнеев и старший следователь Московской областной прокуратуры Владимир Михайлович Гуженков. Дело было нелегкое. Пришлось много потрудиться, чтоб распутать клубок преступлений Зельцера и К°.

Лев Григорьевич внимательно следил за ходом следствия — опять же через многочисленных друзей и знакомых. Когда понял, что дело принимает угрожающий оборот, решил выставить в качестве козла отпущения своего сообщника Зонкина. Прежде всего вместе с Ценцеренским он помчался в больницу к Зонкину. Мол, там идет следствие, дело пахнет тюремной решеткой, а ты прячешься в больничной палате. Он посоветовал Зонкину немедленно выйти на работу и попытаться «замести следы», уничтожив кое-какие изобличающие документы. Зонкин колебался — он был явно растерян. На другой день в больницу к Зонкину уже явились трое: Зельцер, Ценцеренский и некто, назвавшийся Леонидом. Между прочим, личность этого Леонида так и осталась неустановленной... А события с этого дня разворачивались, как в детективном романе. Дружки и сообщники предложили Зонкину немедленно бежать из больницы. Тайком. Машина ждет внизу. Есть, мол, идея, которой нельзя не воспользоваться. Сам Зельцер советует.

— Надо выписаться, получить вещи, больничные документы, — заколебался Зонкин, но тон «хозяина» был строг, как приказ:

— Все это потом. А сейчас поедешь в чем есть.

И Зонкин подчинился. Подталкиваемый сообщниками, в больничном халате, он втиснулся в машину, и они помчались по каким-то переулкам старой Москвы. Куда и зачем его везут, Зонкин не знал и не спрашивал. Он был подавлен и деморализован. Тем более что в машине сидевший рядом с ним некто Леонид злобно рисовал ему картину предстоящего будущего: суд, колония усиленного режима, конфискация всего имущества, и советовал скрыться. Впрочем, это был скорее приказ, чем совет.

Неделей позже врач больницы, где «лечился» компаньон Зельцера, с невинно-покорным видом скажет следователю, что утром 15 июля больной В. Н. Зонкин бесследно исчез из палаты. Сам же Зонкин утверждал, что он был похищен и вывезен насильно. Привезли его в более чем странном одеянии на квартиру к гражданину Г. М. Абайдулину и сказали, что здесь будет его временное убежище. Сфотографировали. Объяснили, что для фальшивого паспорта. Обещали быстро изготовить документы и переправить в Израиль. Зонкину было все равно — Израиль, Сингапур или Берег Слоновой Кости. Только бы не колония.

Пока Зонкин, сидя взаперти в чужой квартире, терзался душевными муками, Ценцеренский и его подручные объезжали всех сто с лишним владельцев «Жигулей», купивших автомашины незаконным путем, показывали им фотографию Зонкина и давали подробный инструктаж, как вести себя на следствии. Инструктаж был до примитива прост: говорите, мол, что вы ездили к товарищу Зонкину, давали ему взятку, и он вносил вас в список на покупку автомашины. Если следователь попросит описать внешность Зонкина, вот вам, пожалуйста, его портрет. И еще: если следователь поинтересуется, кто вам посоветовал обратиться к Зонкину, назовите такого-то. И тут называлась фамилия человека, недавно уже отбывшего из СССР.

Казалось, все рассчитали, все предусмотрели. Вина во всем Зонкин, мошенничал он, взятки брал он, а магазин, то есть Зельцер и его заместители, лишь вы-

полнял решения исполкома. И думать не думали и знать не знали, что решения эти подложные.

Когда владельцы «Жигулей» были предупреждены и проинструктированы, на квартиру Абайдулина появился собственной персоной Лев Зельцер, встревоженный и удрученный. Сказал Зонкину, что выезд в Израиль с фальшивыми документами оказался делом весьма сложным и, в сущности, невозможным. Поэтому у Зонкина остается единственное — добровольно явиться в прокуратуру или в милицию и всю вину взять на себя одного. Мол, бес попутал. Судите, казните, признаюсь и каюсь. Никаких таких Зельцера и Ценцеренского знать не знаю. А уж Лев Григорьевич, с его огромными связями и деньгой, сделает так, чтобы следствие шло по благоприятному руслу, чтобы суд учел все смягчающие вину обстоятельства и вынес минимальное наказание. И еще — Зонкин получает от Зельцера кругленькую сумму в виде компенсации за страдания, а семья его за все время пребывания Зонкина в колонии будет получать ежемесячное пособие...

Щедрым был Лев Григорьевич, не скупился на обещания. Да, очевидно, и выполнил бы их, если б дело пошло по разработанному им плану. Но увы! Тщательно продуманный план рухнул. А. А. Корнеев и В. М. Гуженков оказались опытными следователями. Не такие дела приходилось распутывать. И похлестче Зельцера преступников видали.

Первым был арестован Зонкин. На следствии вел себя осторожно — свою вину признал, но выдавать Зельцера и К° не спешил. Проинструктированные Ценцеренским владельцы «Жигулей» вели себя на следствии довольно стереотипно. На вопрос следователя, каким образом попали в списки на приобретение машины, отвечали:

— Мой знакомый Фельдман посоветовал обратиться к Зонкину.

— Фельдман, конечно, уехал в Израиль, — с легкой иронией заметил Корнеев.

— Да! А вы откуда знаете?..

— Мы многое знаем. Вы на чем ездили к Зонкину? — полюбопытствовал Корнеев.

— На электричке.

— С какого вокзала отходит электричка?

— С Киевского... Хотя нет, кажется, с Белорусского. А впрочем, не помню.

— Тогда, может, скажете, сколько времени идет электропоезд от Москвы?

Незадачливый свидетель растерянно моргает глазами: этого Ценцеренский не предусмотрел, не подсказал. Отвечает наобум:

— Минут сорок.

— Ровно два часа, — уточняет Корнеев. И еще вопрос: — На каком этаже кабинет Зонкина?

— На втором, — уверенно отвечает свидетель. Этот вопрос Ценцеренский предвидел и предупредил.

— А сколько этажей имеет здание исполкома?

Вопрос ставит свидетеля в тупик, он мысленно ругает Ценцеренского, который не предусмотрел такой детали, отвечает невпопад:

— Кажется, четыре или пять. Не считал.

— Всего два, — уточняет Анатолий Александрович.

Неспокойно было в эти дни в «лагере» Зельцера. Его подручные дотошно выпытывали тех, кто вызывался к следователю в качестве свидетеля. Лев Григорьевич хотел знать, тянется ли ниточка к нему и его заместителям или оборвалась на Зонкине. Узнав, что свидетель Молочников все рассказал, Зельцер почувствовал себя как лиса, попавшая в капкан. Нужно было что-то предпринять. И тогда в зубоврачебный кабинет к Молочникову появился очередной пациент. Фамилии своей не назвал. Пришел и сел в кресло.

— Ну-с, что с вами случилось? — задал доктор обычный в таких случаях вопрос.

— Со мной ничего. С вами случилось, — с глухим раздражением ответил пациент.

— Со мной? — Молочников недоуменно уставился на незнакомца.

— Да, с вами. Нам известно, что вы были у следователя. Знаем, какие вы дали показания. Так вот, должен вам заметить, что поступили вы неразумно. Во-первых, вас будут судить как взяточдателя. Во-вторых, у вас конфискуют автомашину, как приобретенную незаконным путем. В-третьих, все так называемые свидетели покажут, что вы их направляли к Зонкину. А Зельцер тут ни при чем. В-четвертых, все друзья, родственники и знакомые Зельцера, у кого есть во рту хоть одна золотая коронка, укажут на вас, что вы им

вставляли и по спекулятивной цене. И в-пятых, вообще вам не жить на этом свете. Своей смертью не умрете. Но выход у вас есть: на суде отказаться от своих показаний. Скажите, что следователи вынудили вас дать ложные показания против Зельцера.

Аналогичные разговоры состоялись и с другими свидетелями, которые рассказали следствию правду.

Сам Зельцер на следствии и в суде вел себя как изворотливый преступник. Либо отказывался отвечать на вопросы, либо отрицал неопровержимые факты и улики. Иногда на него «находило», и он позволял себе потрошиться со следователем. Он говорил:

— Не понимаю вашей мелочности. Из-за чего весь этот сыр-бор разгорелся? Ну, предположим, получил я каких-то там три тысячи восемьсот рублей. Разве это деньги? И потом: учтите, не из кармана государства я взял, а у каких-то людишек. Взял потому, что дают.

Майор милиции Корнеев говорил мне потом:

— Противно было слушать его циничную «философию». Это человек из какого-то другого мира — ему враждебно все наше, советское. Он хищник, жестокий и жадный, презирающий людей, среди которых жил и которых бесстыже обирал. Впрочем, понятия «стыд», «совесть», «порядочность» для него не существуют. Пустой звук. Когда я сказал ему, что нельзя жить по принципу «человек человеку — волк», он ухмыльнулся и процедил: «Каждый живет по своим принципам».

У Зельцера свои принципы, они вполне определены. И на этот счет не может быть никаких сомнений. И не они вызывают особую тревогу. Вызывает тревогу то, что зельцеры действуют отнюдь не в одиночку, сбивая вокруг себя шайку, вышколенную, спаянную круговой порукой и общностью интересов, — шайку преступников. И борьба с подобными шайками должна быть решительной и беспощадной.

Суд над Зельцером и компанией состоялся. Приговор вступил в силу. Зельцер и Зонкин приговорены каждый к девяти годам лишения свободы, Ценцеренский и Овчинникова получили по шесть лет. Остальные приговорены к различным срокам лишения свободы. У взяточдателей были конфискованы машины, как приобретенные в результате незаконной сделки.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

В середине 1928 года внимание советской общественности было приковано к так называемому «шахтинскому делу». Можно с уверенностью сказать, что вряд ли судебный процесс оставил кого-либо равнодушным — речь шла далеко не об обычном преступлении. Расследованием было установлено, что старые буржуазные специалисты, принявшие предложение Советской власти работать на угольных шахтах Донбасса, в течение длительного времени занимались активной вредительской деятельностью. Портили машины, затопляли шахты, совершали поджоги, тратили крупные государственные средства на восстановление нерентабельных, отработанных шахт, а в действующих шахтах разрабатывали самые худшие пласты. Кроме того, члены вредительской группы, занимая руководящие посты, постоянно нарушали советское трудовое законодательство, пренебрегали техникой безопасности в шахтах, занижали заработную плату, чтобы этими действиями спровоцировать антисоветские выступления.

Однако, прежде чем остановиться на самом процессе, расскажем кратко о внутреннем положении, которое сложилось в нашей стране в 1928 году.

В конце двадцатых годов, когда пошло второе десятилетие Октябрьской революции, враги Советской власти, те, кто был не согласен с генеральной линией партии на развитие индустрии, на коллективизацию сельского хозяйства, предприняли яростную попытку изменить политику молодого государства, изменить цели Коммунистической партии, заставить ее отказаться от тех задач, которые были поставлены перед народом. О масштабе развернувшейся борьбы говорит тот факт, что в 1928 году было зарегистрировано 1440 актов террора.

К этому же времени относится и резкое усиление активности «правого уклона» в партии. 15 июня

1928 года, как раз в те самые дни, когда шел процесс над шахтинской группой вредителей, ответственный работник Фрумкин (который, кстати, используя служебное положение заместителя наркома финансов, постоянно настаивал на сокращении средств, выделяемых на индустриализацию, капитальное строительство, создание коллективных хозяйств в деревнях) направил членам Политбюро письмо, в котором обобщал политические воззрения и программу правых. Фрумкин утверждал, что трудности, которые переживает страна, станут непреодолимыми, если партия не изменит своей политики. Хотя письмо адресовалось лишь членам Политбюро, оно усиленно распространялось правыми элементами, поддерживаемыми Бухариным, Рыковым, Томским и другими.

Проходящий судебный процесс они использовали для навязывания партии своей точки зрения не только на отношение к старым специалистам, но и к индустриализации, подготовке инженерных, технических, руководящих кадров нового типа.

Характер деятельности вредительской группы можно себе представить из сообщения прокурора Верховного Суда СССР от 12 марта 1928 года:

«...В шахтинском районе Донбасса органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района.

Руководящий центр этой организации, как подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затратах капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и так далее. При этом задача злоумышленников в случае интервенции, на которую они неизменно рассчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический

срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь интервентам одолеть сопротивление Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Надо сказать, что экономический отдел ГПУ Украины еще в 1924 году вскрыл деятельность группы инженерно-технических работников Кадиевского рудоуправления, занимавшихся экономическим шпионажем и вредительством. Тогда же выяснилось, что в 1919 году, после разгрома деникинцев, члены правления Днепровского южнорусского металлургического общества, в состав которого входили и Кадиевские угольные рудники, бежали в Польшу, поручив доверенным лицам, своим бывшим служащим, сохранять предприятия и информировать их о положении дел. Из-за границы правленцы организовали связь со своей агентурой, используя для этого, в частности, аппарат польского консульства в Харькове — коммерческим советником туда был назначен бывший член правления общества Ружицкий. Именно он руководил шпионской деятельностью главного инженера Кадиевского рудоуправления Гулякова, он же и расплачивался с ним от имени бывших хозяев. В течение 1921—1923 годов Гуляков регулярно передавал Ружицкому сведения о техническом и хозяйственном состоянии шахт, выполнял его задания вредительского характера. При этом он вовлек в «работу» нескольких инженеров и техников — Балтайтиса, Манукьянца, Годзевича, Овсяного, с которыми делился хозяйскими подачками. Гуляков и члены его вредительской группы старались сохранить в исправности оборудование рудников, не допускали разработки ценных участков в надежде на скорое возвращение хозяев.

Предварительное следствие по «шахтинскому делу» установило, что начало вредительской деятельности в угольной промышленности Донбасса относится к годам гражданской войны. На состоявшемся еще в 1920 году в Ростове последнем съезде углепромышленников Донбасса был разработан детальный план действий для остающихся на предприятиях старослужащих, верных прежним хозяевам.

«Целая группа инженеров и техников с рудников приехала в Ростов, так как рудники были заняты красными... Была уверенность, что Советская власть просуществует очень недолго, и потому твердо вопрос об ор-

ганизации... не ставился. Но все разговоры велись в том направлении, что в случае занятия рудников красными войсками мы должны работать в пользу старых хозяев по сохранению рудников и оборудования».

Такие вот настроения господствовали тогда среди бывших владельцев угольных предприятий и буржуазных специалистов. Разработанный ими план сводился к тому, чтобы и при Советской власти действовать в интересах бывших хозяев — сохранять оборудование, сокращать добычу, эксплуатировать худшие пласты и приберегать более ценные «до лучших времен».

Вредительских организаций в тот период бывшие владельцы и их агенты еще не создавали. Уверенные в скором падении Советской власти, они лишь с помощью агентов следили за «своими» предприятиями. Шахтовладельцы «подкармливали» бывших служащих, надеясь, что те будут лучше охранять их хозяйские интересы. Подачи благовидно назывались «пособиями». Важно отметить, что в то время каждый владелец предприятия действовал единолично, на свой страх и риск, некоторые шахтовладельцы, получив сообщения о начале разработок их участков, отдавали буквально варварские указания о «консервации» предприятия. Например, горный техник С. А. Бабенко по указанию инженера Н. Н. Березовского осенью 1921 года затопил шахту бывшей Ново-Азовской компании. Он показал на следствии: «Березовский мне тогда говорил, что это надо сделать в интересах бывших хозяев, которым нежелательно, чтобы ее эксплуатировали. Шахта эта была на ходу, эксплуатация была бы выгодной».

Бывший управляющий Берестово-Богодуховским рудником, работавший при Советской власти уполномоченным Шахтинского района, Г. А. Шадлун по указанию спешно уезжавшего за границу директора французского акционерного общества Ремо в декабре 1917 года затопил шахту № 14, чтобы из нее «не выбирались недра».

Из показаний Г. А. Шадлуна: «Перед отъездом из Харькова (в конце 1919 года) Ремо выдал мне расписку на получение из кассы денег — восьмидесяти тысяч рублей и распорядился раздать их старшим служащим Берестово-Богодуховского рудника, чтобы они заботились о руднике и сохраняли имущество согласно его указанию».

Впоследствии, начиная с 1922 года, Шадлун получал деньги от Ремо несколько раз — долларами, фунтами, червонцами. Это была плата хозяина за верную сторожевую службу, за подробную информацию о состоянии рудников.

Но начиная примерно с 1923 года деятельность хозяйских подручных приобретает организованный характер вредительства. Устанавливается регулярная связь между бывшими шахтовладельцами и их агентурой на советских предприятиях. Новая экономическая политика, как казалось бывшим владельцам угольных предприятий, открыла для них возможность получить «свои» шахты и рудники в порядке денационализации или концессии. Завоевать страну внедрением частного капитала в экономику — такова была исходная позиция всей буржуазии в тот период.

В 1923 году в Париже из остатков капиталистического объединения «Совет съездов горнопромышленников Юга России» образовалось «Объединение бывших горнопромышленников Юга России» во главе с Соколовым, Прядкиным, Фениным. Примерно в то же время в Польше было учреждено «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе». Возглавил объединение Дворжанчик — бывший директор-распорядитель Донецко-Грушевского акционерного общества.

Эти капиталистические объединения, помимо охраны интересов бывших владельцев угольных предприятий, ставили целью добиться возвращения принадлежавших им предприятий в порядке денационализации или концессии. Для этого они решили организованно и планомерно направлять деятельность всей своей агентуры, оставшейся на советских шахтах и рудниках. Началась организация вредительских групп из антисоветски настроенных буржуазных специалистов. Если раньше связи служащих с бывшими хозяевами предприятий носили личный характер, то теперь наступил этап организованных действий объединений капиталистов и вредительских групп на советских предприятиях, теперь вредители выполняли не личные поручения хозяина, а задания объединений. Возросла и оплата — индивидуальные вознаграждения и подарки к праздникам были заменены организованным и целенаправленным финансированием.

Начиная с 1922 года в Донбассе постепенно образовались такие группы в Донецко-Грушевском, Власовском, Несветаевском, Щербиновском, Брянцевском, Селезневском, Екатерининском, Гришинском и других рудоуправлениях. К середине 1928 года в 11 из 28 рудоуправлений Донбасса уже действовали антисоветские группы инженерно-технических работников, занимающиеся активным вредительством.

Из показаний инженера Донецко-Грушевского рудоуправления Н. Н. Березовского: «Во второй половине 1922 года инженер Шадлун однажды похвастался передо мной, говоря, что его бывшие хозяева пересылают ему деньги из-за границы. Я заинтересовался этим и выразил сожаление, что не получаю денег от хозяев. Шадлун мне сказал, что это легко можно сделать через Горлецкого... Тогда же Шадлун мне сказал, что деньги эти являются вознаграждением со стороны хозяев за сохранение в порядке отобранных у них шахт... за сокрытие от Советской власти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения Советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощенными. Я согласился принять на себя выполнение этих заданий... После этого я получил от Горлецкого письмо с изложением директив по вредительской работе».

Впоследствии Березовский вовлек в преступную деятельность несколько инженеров и техников Донецко-Грушевского рудоуправления и образовал вредительскую группу. О порядке ее финансирования Н. Н. Березовский сообщил: «До конца 1923 года я получал деньги от Шадлуна не только для себя, но и для распределения по периферии. Деньги я передавал Калганову, и последний мне сообщал, что распределял их между членами организации. После расформирования института райуполномоченных я деньги получал непосредственно от Горлецкого; последний, как и Шадлун, деньги передавал мне лично, эти передачи происходили в правлении «Донугля». Расписок не требовалось, отчеты были устные: Калганов отчитывался передо мной, я перед Горлецким. Лично я получил в свою пользу за все время от 15 тысяч до 20 тысяч рублей».

В Екатерининском рудоуправлении вредительскую группу организовал инженер Д. М. Сущевский, он же

и распределял деньги. Впоследствии распределение денег было поручено Ю. Н. Матову, работавшему в правлении «Донугля».

Обвиняемый С. П. Братановский показал: «Деньги я получал от Сущевского в конвертах с надписями на машинке... Кроме денег, никаких писем или директив в пакетах не было. По внешнему виду конверты были заграничные. Первый пакет был получен осенью 1923 года. Деньги были в новых купюрах червонного исчисления, в 100 рублей каждая».

Так же распределялись деньги среди участников вредительских групп и в других рудоуправлениях.

В 1923 году образовался так называемый «Харьковский центр» вредительских групп, состоящий главным образом из инженерно-технических работников советского хозяйственного объединения «Донуголь». Руководители «Харьковского центра», являясь одновременно ответственными работниками «Донугля», имели возможность дезорганизовать работу советских шахт и рудников.

Большую роль в создании «Харьковского центра» сыграл все тот же Дворжанчик — активный белоэмигрантский деятель. Он поддерживал регулярную связь с бывшими служащими горных предприятий, перешедшими на советскую службу, Сущевским, Матовым, Детером, получал от них сведения о состоянии рудников, снабжал их деньгами. Экономический шпионаж Дворжанчик согласовывал с польскими разведывательными органами. В частности, он поддерживал отношения с советником польского консульства Ружицким, через которого передавал указания и деньги своим агентам. Кроме того, Дворжанчик имел постоянного связного — члена вредительской организации инженера С. З. Будного, который часто выезжал за границу по делам «Донугля».

Один из руководящих деятелей «Харьковского центра», Ю. Н. Матов, рассказал о некоторых обстоятельствах возникновения «центра»: «Однажды в «Донугле» ко мне подошел Сущевский и сказал, что у него есть для меня письмо от Дворжанчика, которое ему привез Будный. Я прочел это письмо, в котором Дворжанчик пишет, что предлагает мне периодически давать сведения о шахтах и принять участие в работе в

Донбассе, подробности о чем мне расскажет Сушевский».

Ю. Н. Матов решил примкнуть к организации. На него оказало немалое влияние то, что Дворжанчик предлагал довольно большое денежное вознаграждение — ежемесячное «пособие» не менее получаемого им жалованья в «Донугле».

Вот как этот хозяйский прихвостень описывает задачи «Харьковского центра»: «Информация бывших владельцев о... добыче, состоянии работ и перспективных планах развития рудников и шахт. Проведение вредительской работы при производстве добычи, замедление темпа нового строительства... Общая установка сводилась к дезорганизации всей каменноугольной промышленности».

Деятель «Харьковского центра» С. Б. Братановский, работавший в «Донугле» с 1925 года, в показаниях уточнил задачи «центра»: «Главнейшими задачами организации были: 1) сохранение в неприкосновенном виде более ценных недр и машин для эксплуатации в дальнейшем прежними владельцами или концессиями; 2) доведение рудничного хозяйства до такого состояния, при котором Советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом; 3) в случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затопляя рудники Донбасса; 4) пропаганда против Советской власти».

По признанию С. З. Будного, он получил нелегально из-за границы и передал организации с 1922 по 1926 год не менее 40 писем от Дворжанчика. Помимо переписки, член правления «Донугля» Н. Н. Бояршинов и Ю. Н. Матов имели личные свидания с Дворжанчиком и другими деятелями капиталистических объединений во время командировок за границу. Финансирование вредительских организаций полностью перешло теперь к «Харьковскому центру» и производилось из средств объединений бывших шахтовладельцев. Матов на следствии показал: «Деньги распределялись Сушевым... между всеми членами на основе месячной оплаты. Деньги поступали не всегда регулярно, но в сумме этот принцип выдерживался. Деньги поступали с 1924 по 1927 год включительно... Ориентировочно считаю:

50 членов организации, получая в среднем по 400 рублей ежемесячно, всего получили около 250 тысяч рублей в год, а за три года — 700—800 тысяч рублей».

Надо сказать, что в показаниях подсудимых вообще занимают большое место всевозможные денежные подсчеты, прикидки, сколько получила организация всего, сколько получил каждый. По всему было видно, что денежный вопрос в немалой степени занимал мысли и чувства вредителей. Наблюдая энтузиазм рабочих, советских людей, занятых восстановлением разрушенного хозяйства, наблюдая, как, несмотря ни на какие лишения, люди отдавали все силы строительству нового общества, вредители не могли не понимать беспочвенности надежд своих хозяев, не могли не видеть необратимости происходящих в стране перемен. Что же заставляло их продолжать свою деятельность и даже больше того — стремиться к ее расширению? Ответ очень прост — возможность заработать второй месячный оклад и смутная надежда, что когда-нибудь все-таки начнется обещанная хозяевами война и тогда они станут «большими людьми».

А пока они вели двойную жизнь — говорили правильные слова, участвовали в митингах и собраниях, регулярно получали не такую уж малую по сравнению с другими зарплату и думали только о том, чем бы еще ублажить заграничных хозяев, как заставить их лишний раз раскошелиться. И можно хорошо себе представить их радость по случаю затопления очередной шахты, очередной загубленной партии оборудования. Да, это были враги не менее жестокие и опасные, нежели те, которые пришли все-таки в нашу страну в сорок первом году.

Однако продолжим рассказ о «шахтинском деле». В 1926 году была создана вредительская группа в Москве. Надо сказать, что на нее возлагались особо большие надежды. Ведь в случае успеха вредить уже можно было не только в Донбассе, но и в масштабе всей страны, а там, глядишь, можно будет перекинуться и на другие отрасли промышленности. Среди руководителей московской группы оказался бывший акционер — директор Ирнинского каменноугольного общества Л. Г. Рабинович. Кстати, к тому времени Рабинович занимал очень ответственный пост председателя научно-технического совета каменноугольной промышлен-

ности Высшего Совета Народного Хозяйства. Специалисты были нужны, специалистов не было, и Советская власть предоставила буржуазной технической интеллигенции возможность работать на благо народа. Поскольку Рабинович поклялся, что всей душой принял задачи Советской власти, ему и был доверен столь ответственный пост. Кроме него, во вредительскую группу вошли работник плановых органов Н. И. Скорутто и другие специалисты чином поменьше. Планы у московской вредительской группы были довольно обширные — объединять и привлекать к антисоветской деятельности работников наркоматов, трестов, плановых органов, то есть тех, кто имел непосредственное отношение к руководству промышленностью.

Между тем так называемая «концессионная тактика» вредительских организаций, осуществляемая в 1922—1925 годах, не оправдала надежд, возлагаемых на нее «хозяевами». Начавшаяся социалистическая реконструкция народного хозяйства, общее укрепление Советской власти делали совершенно безнадежными расчеты бывших владельцев шахт и рудников, как и всей буржуазии в целом, на восстановление капитализма в стране. Достаточно сказать, что если по народно-хозяйственному плану на 1927/28 финансовый год увеличение выпуска промышленной продукции намечалось примерно на 16 процентов, то фактический прирост составил более 22 процентов. Значительно был перекрыт и план следующего года. Конечно, приходилось преодолевать немало трудностей, в том числе и искусственно созданных, приходилось вводить режим самой жесткой экономии, использовать буквально все резервы, однако дело двигалось, промышленность набирала темпы, осваивала все новые виды продукции.

И тогда заговорщики пришли к выводу о необходимости активного вредительства. Теперь они все чаще стали возвращаться к идее военной интервенции со стороны капиталистических стран. Срыв социалистического строительства, подготовка прямой вооруженной интервенции, организация экономических и хозяйственных кризисов — такова была теперь основная тактическая линия всей деятельности вредителей.

В 1926—1927 годах «шахтинцы» усилили подрывную деятельность. В результате участились случаи взрывов и затопления шахт, они портили дорогостоя-

щие механизмы, закупали за границей негодное оборудование. Чтобы вызвать недовольство рабочих Советской властью, были пущены в ход все средства: умышленное занижение зарплаты, нарушение законов о труде, полное пренебрежение правилами техники безопасности в шахтах.

Рабочие и служащие угольных предприятий подробно рассказали на следствии и на суде о вредительских актах, совершенных подсудимыми, их издевательском отношении к рабочим. «Нет почти ни одной области в производстве, — говорилось в обвинительном заключении по «шахтинскому делу», — где бы рабочие не указывали следствию на конкретные случаи вредительства и на определенных виновников его. Уличенные многочисленными показаниями, обвиняемые были вынуждены признать свою вредительскую деятельность».

Некоторые из обвиняемых во время пребывания белогвардейцев в Донбассе были тесно связаны с деникинской контрразведкой, это подтвердили и сами ее бывшие сотрудники. Вот показания Константина Клатько: «Контрразведку посещали и были связаны с ней специалисты с рудника Петропавловского — механик-инженер Абрам Борисович Башкин, техник Калганов Николай Ефимович и инженер Николай Николаевич Березовский. Все эти люди были связаны лично с головкой контрразведки ротмистром Прудентовым и его помощниками... Эти лица, безусловно, давали ценные для контрразведки сведения о лицах, сочувствующих Советской власти... Рабочие расстреливались пачками». Бывший начальник контрразведки ротмистр Павел Прудентов, между прочим, показал: «Инженер Калганов имел тесную связь с шахтинской контрразведкой, и не один раз его экипаж останавливался у подъезда, где помещалась наша контрразведка. В свои посещения контрразведки Калганов делился с нами сведениями о настроениях рабочих в Петропавловске, указывая на тех рабочих, которые выделялись среди последних или как агитаторы, или как большевистски настроенные». Прудентов подтвердил также связи с шахтинской контрразведкой Березовского, Колодуба, главного механика Власовского рудоуправления Башкина.

По окончании расследования суду было предано 53 участника вредительской организации в Донбассе. Среди них оказалось четыре бывших шахтовладельца,

однако в основном это были старые инженеры и техники, которые занимали при капиталистах важные посты, получали значительные жалованья, а некоторые даже участвовали в прибылях предприятий.

Вот резолютивная часть обвинительного заключения, составленного по материалам расследования деятельности антисоветских групп Донбасса:

«...Обвиняются в том, что они состояли членами вредительской контрреволюционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 год, разновременно вступив в нее и поставив своей целью подрыв советской каменноугольной промышленности в контрреволюционных целях, для достижения чего производили разрушение и срыв производства на местах, срыв работ организационного центра каменноугольной промышленности Донбасса — «Донугля», срыв работы центральных органов, руководивших каменноугольной промышленностью.

Для достижения этих целей означенная контрреволюционная организация не только использовала аппараты советских учреждений, противодействуя их нормальной деятельности, но и, связавшись с пребывающими за границей и на территории СССР враждебными СССР лицами, группировками и органами, выполняла их враждебные в отношении СССР задания, передавала им сведения об экономическом состоянии каменноугольной промышленности для использования этих сведений во вред СССР и получала от заграничных контрреволюционных объединений и иных органов денежные средства для продолжения и дальнейшего развития своей контрреволюционной деятельности».

На основании постановления Президиума ЦИК СССР от 24 марта 1928 года дело было передано на рассмотрение специального присутствия Верховного Суда СССР.

Судебный процесс, вызывавший огромный интерес советского общества, проходил с 18 мая по 6 июля 1928 года. Обвинение поддерживали государственные обвинители Н. В. Крыленко и Г. К. Рогинский, а также группа общественных обвинителей. В процессе участвовала и группа защитников.

Большинство подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии признали свою вину, дали подробные объяснения по существу дела. Их пока-

зания были подтверждены и другими материалами расследования.

Суд, который продолжался около двух месяцев, не только тщательно разобрался во всех деталях антигосударственной, антисоветской деятельности вредительской группы в Донбассе, но и определил вину и степень тяжести преступлений, совершенных каждым членом организации. Несколько человек были осуждены условно, десять человек были приговорены к лишению свободы от одного до трех лет. Но организаторы, активные вредители, враждебная деятельность которых привела к существенному ущербу, были осуждены по всей строгости закона. Например, Л. Г. Рабинович был приговорен к шести годам лишения свободы, Н. Е. Калганов, А. К. Колодуб и А. Б. Башкин — к восьми годам, Н. И. Скорутто, А. В. Детер, Д. М. Сущевский — к десяти годам лишения свободы. Что касается таких вредителей-«ветеранов», как Н. Н. Горлецкий, Н. Н. Березовский, Г. А. Шадлун, А. И. Казаринов, Н. Н. Бояршинов, Ю. Н. Матов, С. В. Братановский, Н. К. Кржижановский, В. Я. Юсевич, С. З. Будный, Н. А. Бояринов, то они были приговорены к расстрелу. Однако Верховный Суд СССР счел нужным довести до сведения Президиума ЦИК СССР, что осужденные признали свою вину и помогли следствию раскрыть преступную деятельность организации. В связи с этим суд просил Президиум ЦИК СССР заменить Березовскому, Братановскому, Казаринову, Матову, Шадлуну и Бояршинову расстрел другой мерой наказания. Президиум ЦИК СССР согласился с ходатайством и заменил расстрел десятью годами лишения свободы.

«Шахтинское дело» послужило серьезным уроком для советского народа. Оно обсуждалось на апрельском (1928 года) объединенном Пленуме ЦК и ЦИК Коммунистической партии, где был дан анализ классовый подоплеку «шахтинского дела». Пленум ЦК вскрыл недостатки в хозяйственной и политической работе советских и партийных организаций, проявившиеся в неправильном подборе хозяйственных кадров, плохой подготовке и недостаточном выпуске советских специалистов. Пленум констатировал, что в ряде мест существует слепое доверие к буржуазным специалистам, что руководящие хозяйственные кадры слабо привлекают широкие рабочие массы к управлению промышлен-

ностью, на предприятиях нарушаются советские законы о труде, правила техники безопасности, не ведется надлежащей борьбы с этими ненормальными явлениями.

Коммунистическая партия и Советское правительство наряду с ликвидацией очагов вредительства предложили хозяйственным и партийным организациям создать благоприятные условия для работы честных и добросовестных специалистов, привлекать их к активному участию в социалистическом строительстве.

В то же время был взят курс на подготовку специалистов, руководителей промышленности, проявивших себя преданными делу революции, делу построения социалистического общества. Как было сказано в документах Пленума, «в этом одна из основных задач хозяйственного строительства, без успешного осуществления которой не может быть проведена социалистическая индустриализация».

Олег ШМЕЛЕВ, Владимир ВОСТОКОВ

**ЗНАКОМЫЙ
ПОЧЕРК**
ПОВЕСТЬ

Глава I

ЯДОВИТЫЕ ОТКРЫТКИ

Генерал Басков много повидал на своем веку. Ему доводилось наблюдать человеческие поступки, в которых проявлялся такой высокий дух и такая могучая воля, что он считал для себя большой честью быть хотя бы простым их свидетелем. Приходилось ему по роду службы иметь дело с такими субъектами, что порой омерзительно было дышать с ними одним воздухом. В общем, широта его представлений о людях и о мотивах, движущих их деятельностью, давно уже позволяла ничему не удивляться.

И генерал не очень-то был удивлен, когда из Москвы ему прислали в пакете несколько необычных открыток. Начав читать одну, генерал держал ее за уголок между указательным и средним пальцами левой руки. Он никогда не был ни сентиментально-чувствительным, ни брезгливым, но после первой же фразы поставил открытку на стол, прислонив к чернильнице.

Она адресовалась в редакцию одной из московских газет, содержала ругательства и была антисоветской. Подписано: «Группа содействия». Что за группа? Кому содействует? Почерк, вероятно, чуть измененный, мелкий, но разборчивый. Ни одной ошибки, все запятые расставлены точно. Слог интеллигентный и говорит о начитанности автора. Почтовый штемпель свидетельствует, что открытка отправлена в Москву из города, где работает генерал.

Вторая открытка, тоже посланная в редакцию центральной газеты, была заполнена жалобами некоего «старого потомственного рабочего» Соломахина, который стал жертвой административной несправедливости, лишен квартиры. В конце — угрозы. Остальные открытки в том же духе. Все явно принадлежат одной руке, стиль везде одинаковый.

Разные бывают анонимщики. Когда человек сообщает в ОБХСС или в комиссию народного контроля о каких-то злоупотреблениях другого человека, о хищении или преступной бесхозяйственности и, опасаясь ответных мер со стороны разоблачаемого, не называет себя, — это еще как-то можно понять, да и то с трудом. Но есть анонимщики, которые шлют письма руководству учреждений, райкомам партии, разным комиссиям, женам и мужьям своих сослуживцев или соседей с единственной целью — укусить исподтишка, посеять сомнение в чьей-то честности или супружеской верности и из темноты наблюдать, потирая липкие свои ладони, как хорошие, прямодушные, наивные люди растерянно объясняются друг с другом, оскорбленные и удрученные низостью клеветника. Этот тип анонимщиков вызывает чувство гадливости. Диву даешься, неужели для того только и учили людей грамоте?

В принципе лучший ответ анонимщикам — не реагировать на их грязные писания. Генерал не мог поступить так. Его служебный опыт давал ему право рассматривать «Группу содействия» как мрачный курьез, плод воспаленного воображения, но антисоветский тон открыток и сам факт, что именно в открытых, а не закрытых письмах решил излить свою душу аноним, настораживал. Вероятно, писавший рассчитывал на то, что открытки прочтут по пути к адресату многие глаза: начинались они словами «К сведению всех!».

К тому же автор, вероятно, рассчитывал сыграть на внимании, которое оказывается в редакциях да и вообще во всех учреждениях письмам.

Перечитав их еще раз, Басков понял, что не отступится, пока не увидит автора. Что-то было задето в самой глубине его существа.

Кто он, этот аноним? Чем занимается? Как живет? Судя по стилю, ему привычнее держать авторучку, чем рукоятки токарного станка или баранку грузовика.

Что водило его пером? Бессильная злоба? Желчь злопыхательства? Или какая-то обида, переродившаяся в слепую ненависть? Ясно одно: это, конечно, не агент какой-то разведслужбы, агенты так не действуют. Это скорее всего полуфабрикат, но если такая личность вдруг попадет в чужие руки, она может превратиться в активного врага.

Генерал поднял трубку внутреннего телефона и набрал номер капитана Краснова.

— Зайдите ко мне...

Тут по устоявшемуся правилу — или штампу? — следует сказать: генерал неспроста вызвал именно капитана Краснова. Надо сказать, что, мол, Краснов был как раз тем человеком, который более других подходил для данного случая. Ничего не поделаешь, мы так и поступим, ибо так оно и было, именно Игорь Краснов, как никто другой, годился для розыска анонима и для работы с ним.

Путь Краснова в органы госбезопасности был если и не типичным, то очень простым. Окончив восемь лет назад юридический факультет, он полгода служил помощником районного прокурора, потом три года работал в угрозыске, тогда и в партию вступил. Когда ему предложили перейти в управление КГБ, он высказал совершенно искреннее сомнение: мол, справлюсь ли? — потому что считал все связанное с работой чекистов категорией какого-то высшего порядка, до которой он еще не дорос. Но беседовавший с ним человек напомнил, что, во-первых, в практике Краснова уже было два случая, которые по своим особенностям потребовали тесного контакта с чекистами, а во-вторых, чекистский опыт — дело наживное. Главное — в чертах личности. «Я не буду эти черты перечислять, потому что не люблю громких слов, — сказал тот человек. — Но, как нам кажется, вы, Игорь Иванович, ими обладаете. Поэтому не терзайтесь сомнениями». Краснов согласился, но все-таки не без сомнений.

Вообще-то он был, как говорится, не робкого десятка, иначе бы ему в угрозыске не удержаться. Более того, на его счету числилось там несколько дел, которые по зубам только очень решительным и смелым людям. Он стал самым заправским оперработником. За три года Краснов сделался даже несколько развязнее в общении, а в его обиходной речи проскакивали кое-какие словечки из специфического лексикона тех, кому он при аресте надевал наручники. Все это Краснов с удивлением замечал за собою и вел с этим борьбу, не всегда, правда, успешную, однако твердо знал, что избавится от шелухи. Склонный к самоанализу, он понимал, что начал поддаваться чисто внешнему влиянию своих малосимпатичных «подопечных» лишь по молодости.

сти лет. Но все же испытывал недовольство собою, особенно когда в разговоре с обычными, честными людьми у него с языка непроизвольно срывалось что-нибудь вроде «залепухи» или «поканали». Бреясь перед зеркалом, он иной раз ловил в выражении своего лица нечто неуловимо чуждое тому, что он привык видеть до поступления в угрозыск, — сдвинутые брови, кривую складку в углу рта. И чтобы все это разгладить, он в такие дни старался вспомнить себя совсем молоденьким, когда уезжал учиться из родного села, вспоминал, как в сопровождении заплаканной мамы перед тем, как идти на станцию, ходил прощаться с отцом в его авторемонтную мастерскую.

Когда решался вопрос о важной перемене в жизни, посоветоваться ему было не с кем. Жениться в свои тридцать два года он еще не успел — все не о том как-то думалось. Родителям он посылал письма, хоть и не часто, но регулярно, да ведь что могут посоветовать старики, столь далекие от его забот? И вообще о подобных вещах он ни с кем не считал себя вправе разговаривать, полагая, что эти вопросы надо самому решать. Не маленький...

Краснова сначала послали на краткосрочные спецкурсы, а сразу после их окончания его вызвал для знакомства и напутственной беседы начальник областного управления КГБ генерал-майор Басков.

Генерал увидел перед собой среднего роста светловолосого человека, смотревшего на него своими синими глазами чуть настороженно. Генерал по анкете знал, что он тридцать девятого года рождения, значит, ему всего тридцать два, но выглядел этот новичок значительно старше своих лет, эдак под сорок. Может быть, оттого, что был он плотного телосложения, а у глаз и на лбу даже издалека заметно прочерчивались морщины. Генерал давно, еще на заре своей чекистской юности, выработал правило не доверять первому впечатлению, однако новичок вызвал в нем симпатию. И генерал подумал, что будет рад, если не ошибется.

Краснов доложил о себе по форме, официально. Генерал, пригласив его сесть, сказал: «Меня зовут Анатолий Иванович. Можно без чинов». Краснов тихо произнес: «Есть, товарищ генерал», — чем вызвал у Баскова улыбку.

Первое дело, порученное Краснову, было не из тех,

о каких грезят мальчишки, мечтающие стать легендарными ловцами шпионов и диверсантов, однако оно сразу создало Краснову хорошую репутацию среди товарищей по управлению.

А суть вот в чем. Список государственных преступников включал в себя некоего С. Этот предатель служил у фашистов сначала полицаем, потом в гестапо и зверствовал в западных областях Украины, превосходя в усердии своих хозяев. После освобождения оккупированных территорий он исчез бесследно, однако удалось установить, что С. остался в пределах страны. Десятки лет числился он в списке разыскиваемых, и те, кому положено искать этих выродков, словно бы носили камень на своей человеческой и профессиональной совести, пока такой вот С. гулял на свободе, пока не отомщена пролитая им людская кровь.

От дела С. веяло безнадежностью, но прекращению оно не подлежало. И его поручили Игорю Краснову. Он, конечно, старался. За три месяца он облетел чуть не всю страну, встретился не менее как с двумя сотнями человек, вдоволь наглотался архивной пыли. Мало спал, мало ел и потому похудел на целых шесть кило. И хотя синие глаза его запали немного, он помолодел и выглядел теперь не на сорок, а на тридцать. И не столько потому, что сбросил лишние килограммы, сколько потому, что нашел С.

В истории поиска не было, собственно, ничего необычного, кроме одного момента, который и заставил старших товарищей Краснова глядеть на него с уважением, так как подобные моменты встречаются не столь уж часто.

С., чтобы надежнее замести след, придумал не укладывающуюся в голове нормального человека вещь. Нет, он был психически совершенно нормален, но в нем гнезился звериный страх перед расплатой, а расчет был прост: лучше лишиться какой-то одной части тела, чем жизни. То, что он сделал, каждый сочтет изуверством по отношению к самому себе, но такова уж была его лютая натура, а на всяческое костоломство он во времена службы в гестапо стал великим мастером. Без содрогания слышать о подобном невозможно, но если покопаться в истории человеческих пороков, то можно вспомнить, что в старинные времена находились же убийцы-каторжники, которые, чтобы, идя этапом на Са-

халин, подольше задержаться в приглянувшейся им пересыльной тюрьме, прибивали себя гвоздями к нарам. Подумать страшно...

Пробираясь подальше на восток, С. февральской ночью 1945 года на небольшой станции под городом Куйбышевом, метрах в пятидесяти от станционного здания, положил на рельс левую ногу перед проходившим тормозившим поездом, положил аккуратно, икрой. Закрутило его по щебенке, ободрало всего, но левая нога ниже колена была отрезана именно так, как ему хотелось. Закричал он неистово, сбежались люди — станционные и из пассажиров. Нашлась умелая женщина, наложившая ему тугой жгут, нашлись сани, на которых С. отправили в поселковую больницу, где хирург сделал ему операцию.

Надо сказать, что перед тем С. выпил две бутылки крепчайшего самогона — не для храбрости только, а и для того, чтобы все выглядело, по его собственному выражению, «в натуре». Заполняя после операции историю болезни, хирург записал, что пострадавший найден в состоянии сильного опьянения. В кармане гимнастерки у С. лежали документы на имя младшего сержанта Пахомова, демобилизованного из армии по причине тяжелого осколочного ранения именно в левую ногу, сделавшего голеностопный сустав неподвижным. Утром хирург без особенного любопытства и тщания осмотрел обрубок ноги, но он был так разmozжен, что разобраться, где там приходилась рана и подвижен ли сустав, не представлялось возможным, да хирург и не очень-то к этому стремился. Ведь хотя и по пьяному делу, но пострадал Пахомов хуже, чем на фронте.

Хирурга понять можно. Так же как и тех, кто занимался розыском С. до Краснова. На него и раньше выходили, но в конце концов все-таки снимали подозрения. Искали-то человека с двумя ногами, а С. — Пахомов был одноногий. Да к тому же он, между прочим, от протеза отказался, всегда на костылях, чтобы всякому было видно, что он одноногий инвалид.

Краснов нашел С. на Урале. Тот жил в большом городе вдвоем с женой, получал пенсию как инвалид войны и работал директором пошивочной мастерской. Краснов все раскопал, добыл такие доказательства и составил такое обвинительное заключение, что ни один суд не смог бы его опровергнуть.

Что называется, единым махом Краснов стал в один ряд с опытнейшими сотрудниками областного управления КГБ. Но дело, которое ему поручили после этого, показалось Краснову до обидного неинтересным и мало-значительным. Какие-то юнцы выются вокруг иностранцев, какие-то тряпки, жевательная резинка... Нет, он не задрал нос после первой же удачи, ему это не грозило даже и после десяти удач, ибо он никогда не считал себя лучше других, но все же ожидалось что-то более серьезное после того, как он показал себя в работе.

Словно подслащивая пилюлю, ему в тот же день выдали ордер на однокомнатную квартиру, в которой уже стоял телефон. Раньше он жил в коммунальной квартире с двумя соседями, в комнате площадью двенадцать квадратных метров.

Переехал он за один день и для кухни столик и шкафчик успел купить, и еще осталось время написать письмо матери с отцом.

Со следующего утра он занялся юнцами. Дело это было из того ряда, который проходит под аптекарски невкусной рубрикой: «Профилактика». Однако по мере углубления в новую работу Краснов неожиданно для себя обнаружил, что ему интересно. Оказалось все это не так уж невинно и незначительно. Двое из компании зашли уже так далеко, что еще шаг, и их можно было бы привлекать к ответственности по весьма суровой статье Уголовного кодекса, трактующей об измене.

Краснов занимался юнцами и их легкомысленными подругами дольше, чем с С. И в конце концов переломил их хрупкую судьбу. И почувствовал неведомую до того радость. Остановить человека в метре от черты, за которой начинается предательство, — это рождало совершенно особенное удовлетворение.

Краснов почувствовал вкус и тягу к такого рода делам и с тех пор в течение трех с лишним лет только ими и занимался...

Именно потому генерал Басков вызвал капитана Краснова, когда прочел ядовитые открытки. Басков считал профилактическую работу очень важной.

Войдя, Краснов остановился у двери.

— Вы меня звали, Анатолий Иванович? — Он уже давно перестал смущаться перед генералом и относил

ся к нему просто с тем почтением, которого достоин человек старше годами, опытом и должностью.

Басков кивнул на открытки, лежавшие перед ним, и откинулся на спинку кресла.

— Прочти.

Краснов взял открытки, сел к длинному столу. Прочел раз, прочел другой, сказал протяжно:

— Да-а...

— Надо найти автора.

— Автора? — спросил Краснов, нажимая на последнее «а».

— Писано одной рукой. Приглядишься: почерк изменен, но везде одинаково изменен.

Краснов перечел открытки.

— Вы правы, Анатолий Иванович.

— Ищи.

— Найдем. Я свободен?

— Текущее отложи, занимайся только этим. У тебя там ничто не горит?

— Только что закруглился.

— Ну и хорошо. Иди.

...Прежде чем составить план правильного регулярного поиска, Краснов решил выяснить, кто такой «старый потомственный рабочий Соломахин», которому посвящена одна из открыток. Если это не мифическая личность, у него сразу окажется в руках зацепка.

В городе нашлось четыре Соломахиных. Соблюдая обязательную в таких случаях щепетильность, Краснов собрал о них сведения, которые были глубже анкетных, но все же довольно поверхностны, и это вполне естественно. Если справки наводятся окольными путями да еще при жестком условии, чтобы не бросить на человека ни малейшей тени, — такие справки не могут дать о человеке исчерпывающего представления.

На дворе стоял июль, изнурительно жаркий в этом городе, и Краснову пришлось попотеть за десять дней, потраченных на Соломахиных, — и в буквальном и в переносном смысле. Даже в море ни разу не купался.

Из четырех только один Соломахин был рабочим — токарем электромеханического завода. Правда, он не старый, а всего на год старше самого Краснова. И квартиры не лишен, как утверждается в открытке, а, наоборот, полгода назад получил двухкомнатную в новом доме. Зовут этого Соломахина Николаем Егоровичем.

Член партии. Женат, есть сын семи лет. Имеет автомашину «Запорожец», старенькую, первого выпуска.

С него-то и начал Краснов и предпочел действовать в открытую.

Рано утром в субботу он приехал на улицу Гончарова. От автобусной остановки до дома № 47 было метров сто. Несмотря на то, что шел лишь девятый час, пекло неимоверно. Когда набегал ветерок, акации, уже успевшие припылиться, шелестели сухим бумажным шелестом.

Пройдя полпути, Краснов увидел справа небольшой пустырь и на нем разноцветные коробки вплотную друг к другу поставленных железных гаражей, штук двадцать. У большинства ворота были растворены, хозяева хлопотали возле машин.

Краснов подумал, что, может, и Соломахин здесь, и свернул к гаражам. В третьем справа стоял на домкратах «Запорожец» со снятыми задними колесами. В дальнем углу гремел железками невысокий человек с коротко стриженным затылком, в рубаше с короткими рукавами. Краснов чутьем угадал, что это и есть Соломахин. Из железной коробки дышало теплым бензином.

— Здравствуйте, Николай Егорыч! — сказал он весело.

Соломахин обернулся, ответил машинально, не разобрав, что голос незнакомый:

— Привет. — Потом, взглянув на Краснова, оставил свои железки, вышел из угла. — Ко мне? Вы что, из газеты?

— Нет. А почему вы решили — из газеты? Из какой? — все так же весело спросил Краснов.

Соломахин как будто насторожился и, в свою очередь, спросил:

— Ну, раз вы не корреспондент, так откуда меня знаете?

Краснов поглядел на белесо-голубое небо.

— Жарковато тут, Николай Егорыч. И курить опасно. Где бы нам поговорить?

Соломахин был, видно, человек догадливый.

— Можно пойти ко мне.

— Лучше прогуляемся по улице. Там хоть тенечек есть.

Соломахин запер гараж на висячий замок, и они пошагали на теневую сторону улицы.

— Закурим, — сказал Краснов и вместе с пачкой сигарет «Новость» достал из кармана свое служебное удостоверение, развернул его в пригоршне. — Вот, посмотрите.

Соломахин опять-таки все понял: незнакомец предъявляет документ так, чтобы не привлечь внимания посторонних. В удостоверение он глядеть не стал, а сигарету взял. Закурили.

— Вы не удивляйтесь, Николай Егорыч, — начал Краснов, но Соломахин перебил его:

— Не знаю, как вас звать.

— Игорь Иванович.

— Ну, будем знакомы, — серьезно сказал Соломахин.

У Краснова еще там, в гараже, когда Соломахин помянул про газету, мелькнула догадка — вовсе не блестящая, скорее простая, как гаечный ключ, который Соломахин держал в руке. Теперь у него план разговора изменился. Он спросил:

— Почему все-таки вы меня приняли за корреспондента? Приходилось давать интервью?

Соломахин усмехнулся:

— Какие там интервью! Фельетон обо мне писали.

Теперь совет не удивляться следовало бы дать Краснову.

— То есть как? За что?

— Не против меня фельетон. Наоборот.

— Не понимаю.

— Ну, конфликт был с администрацией.

— Из-за квартиры? — проверяя свою догадку, спросил Краснов.

— Да. Только ведь я никому не жаловался. Это ребята из бригады в газету написали, ну и завертелось. Приехал на завод корреспондент...

— А в чем конфликт?

Соломахин вздохнул. Можно было понять, что ворошить это дело ему не очень-то приятно.

— Понимаете, моя очередь на квартиру была, а дали Сушковой. Замдиректора на местком жал. Она в отделе кадров всего год проработала, а я тут с пятьдесят пятого... Не считая армии... А она ему оказалась племянницей, хотя фамилии разные.

— Значит, подействовал фельетон?

Соломахин как-то смутился.

— За мной квартира осталась. Только его-то зря освободили.

— Зама?

— Да.

— А может, не зря? — сказал Краснов.

— Может... Только мне неприятно... Получилось — из-за меня.

— А когда фельетон публиковали?

— Да сразу после октябрьского праздника.

— В «Вечерке»?

— Нет, в «Коммунисте».

Задерживать Соломахина разговорами больше не было нужды. Краснов повернулся, они зашагали обратно, к автобусной остановке.

— Спасибо, Николай Егорыч. Извините, что оторвал от дела.

— Какое дело! Сегодня ж суббота.

— Тем более. — Краснов подмигнул, уверенный, что Соломахин не сочтет это ни игрой в протаска, ни подлаживаньем. Как-то само собой получилось. Но добавил серьезным тоном: — Все это строго между нами.

— Ясно.

— Ни о чем не беспокойтесь. Что мне надо было от вас узнать, я узнал. И точка.

— Я и не беспокоюсь.

— Будьте здоровы.

У Соломахина руки были в масле, и он, сжав правую в кулак, протянул для пожатия запястье.

— Будьте здоровы, Игорь Иванович.

И они расстались...

Имелась богатая возможность пошутить в собственный адрес. Так-то вот, товарищ Краснов. Аноним, которого вы ищете, тоже выписывает газету «Коммунист», но читает ее гораздо внимательнее, чем вы. Действительно, Краснов выписывал эту газету и не пропускал ни одного фельетона, но вот не запомнил же случая с Соломахиным. А память у него не из худших.

Но что дальше? Как искать анонима?

Азбучная вещь: нельзя оставить без внимания корешки подписных квитанций. Они в большинстве пишутся пером или шариковой ручкой, и если аноним подписывается на областную газету, то... чем черт не шутит.

Работенка оказалась нудной. Перебрать несколько

тысяч квиточков, сличая их с открытками, — дело нешуточное. У Краснова после трех дней этой работы в глазах рябило так, что он целую неделю ни газет не мог читать, ни книжек перед сном. Но спину он гнул не напрасно: почерк на одной из квитанций чем-то был схож с почерком открыток. Краснов сделал с этой квитанции фотокопию и навел кое-какие справки о подписчике. Храмов Е. П. работал старшим преподавателем в технологическом институте, от роду пятьдесят восемь лет. Вроде бы странно человеку с такими данными выступать в роли анонима, да еще пасквилянта. Но все бывает... Краснов наметил разузнать в ближайшем будущем о Храмове поподробнее.

Он еще и еще раз перечитывал открытки и все пытался себе представить, что за человек этот аноним — какой у него характер, как выглядит, молод или стар.

На первый и последний пункты он отвечал самому себе категорически: по натуре это сквалыга и педант, и, конечно, не молод. Ну и что?

Как так «ну и что»? Если он педант, то непременно должен питать глубокое почтение к субординации и порядку. А значит, по логике можно предположить, что не сразу он рискнул воззвать к высшим инстанциям, не сразу обратился к Москве. Такой тип должен был сначала попытать себя, так сказать, на местном полприще. Может быть, какое-нибудь городское учреждение получало открытки, писанные тем же угловатым почерком, с явно искусственным наклоном влево? Получали и, безглаголиво поморщившись, бросали в корзину. А может, у кого-нибудь сохранилась хоть одна открыточка? Найти бы, получить в руки — стало бы легче. А если аноним писал кому-нибудь персонально — это будет в сто раз лучше...

Краснов понимал, что в этих выкладках больше гадания, чем здравого смысла. Надо по этой нитке пройти. Но как искать произведения анонима, предназначавшиеся им для местного употребления? Для этого у Краснова имелось подходящее средство.

Одним из важных инструментов в своей профилактической работе он считал лекции. За три минувших года он прочел их великое множество — на заводах, в институтах, у железнодорожников, в морском порту, в школах. Ему нравилось готовиться к лекции, составлять конспекты, обдумывать построение — нравилось, может

быть, потому, что все это напоминало далекие теперь студенческие годы.

У него еще до того, как генерал поручил ему это расследование, было намечено прочесть несколько лекций в учреждениях в первой декаде сентября, лишь колебался немного в направленности темы. Теперь тема определилась сама собой.

Потратив два дня, он написал доклад об идеологической борьбе, назвав его «Идеологическая диверсия». И подзаголовок: «Методы наших идейных противников». Так должно было стоять в исполненных от руки афишах.

Имея в виду тот факт, что аноним, безусловно, принадлежал к интеллигентной среде, Краснов наметил для своих лекций институты научно-исследовательские и учебные, консерваторию, областное издательство. С звонился с парткомами и партбюро, договорился о датах и попросил вывесить объявления заранее. Почти везде, куда он звонил, его уже знали по прежним выступлениям, никаких заминок не произошло...

Когда человек упорно ищет что-то и наконец находит, трудно порой бывает определить, закономерность это или везение. Но не впервые говорится: удача ждет ищущего только на правильно избранном пути. Краснов нашел анонима быстрее, чем рассчитывал, и в этом была удача, основанная на закономерности.

Лекцию свою Краснов составил не без хитрости, но хитрость эта и вообще шла на пользу делу и работала на его узкую задачу. В лекции был маленький раздел, посвященный бездумным брюзгам, раздражающимся по любому поводу, и гораздо реже встречающимся злопыхателям. В разделе рекомендовалось различать два эти типа людей. И как бы между прочим — но к месту — тут же говорилось об анонимщиках, портящих хорошим людям кровь, вносящих иногда разлад в семью и даже в целые коллективы.

Удача ждала Краснова в технологическом институте — там, где работал Е. П. Храмов, чья подписная квитанция в виде фотокопии хранилась у Краснова в сейфе.

После лекции к Краснову у выхода из актового зала робко подошла немолодая женщина в темно-синем костюме. Было заметно, что ей стоило труда решиться на разговор.

— Простите, можно задержать вас на минутку? — спросила она.

Краснов видел, что ее надо приободрить.

— Конечно! Для того я и здесь.

Они отошли в дальний, тупиковый конец коридора.

— Слушаю вас, — сказал Краснов.

— Я преподаю... уже семнадцать лет... Моя фамилия Волкова... Антонина Сергеевна... — Она все еще смущалась.

— Да, Антонина Сергеевна, я вас слушаю.

— Понимаете, как-то неудобно говорить... Вроде жалобы... Но, знаете, очень уж наболело... Я об анонимках...

— Это всегда неприятно. Но считайте, что мы развиваем тему лекции.

Она сделала неудачную попытку улыбнуться.

— Понимаете, нас всех просто трясет.

— Кого всех?

— Ну, преподавательский состав.

— От анонимок?

— Да.

— И вы лично тоже получали?

— Я — нет, но мои товарищи...

— А нельзя ли взглянуть хоть на одну анонимку?

Волкова уже оправилась от смущения и говорила спокойнее:

— Моя подруга несколько раз получала. Вернее, ее муж. Но вы же понимаете: такие гадости в доме хранить никто не будет. Их рвут и выбрасывают.

— И другие получали?

— Да.

— И что же, читали, проглатывали и молчали?

— А что поделаешь? Жаловаться как-то неприлично.

— Хорошо бы хоть одно письмо найти.

— Я, собственно, об этом и хотела посоветоваться. Вы ведь сумели бы разыскать анонима?

— Во всяком случае, постараюсь.

— Значит, можно к вам обратиться?

— Ну зачем же так торжественно — обратиться? Просто позвоните.

Волкова записала его рабочий телефон, однако звонить ей не пришлось.

На следующий день Краснову позвонил секретарь

партбюро института Нагаев. Они были знакомы еще с тех пор, когда Краснов работал в угрозыске.

— Слушай, Игорь Иванович, у нас к тебе дело есть, — сказал Нагаев. — Ты вчера про анонимщиков толковал. А сейчас, вот только-только, ко мне профессор один приходил, Терехов, принес анонимное письмо, им полученное. Пакостное письмо и далеко за рамки личных оскорблений уходит. Хочешь, прочту?

— Давно он получил?

— Да, говорит, еще в прошлом году. Прочесть?

— Не надо, я к вам заеду через полчаса, тогда и прочитаю. А что, он сам принес?

— Я же тебе говорю: сослался на твою вчерашнюю лекцию. Говорит, может, надо как-то воздействовать на автора в воспитательном смысле. Но я вообще-то не для того звоню, чтобы эту пакость читать. Скажи, что нам с анонимщиком делать?

— А профессор знает автора?

— Да мы все его уж сто лет знаем. Я лично до сей минуты и подумать не мог, что он способен на такое.

— Работает у вас?

— Да, преподает.

— Ладно, Мих-Мих, сейчас буду.

Через полчаса Краснов сидел в комнате институтского партбюро.

— Вот, насладись.

Нагаев положил перед ним открытку, исписанную фиолетовыми чернилами. На открытках, лежавших у Краснова в сейфе, чернила были синие, но Краснов, увидев почерк, почувствовал, как мурашки побежали по затылку: знакомый почерк, знакомый! Он даже испугался, не выдает ли своего волнения. Но, кажется, Нагаев ничего не заметил.

Открытка содержала в себе четырехстрочную эпigramму, довольно едкую. Правда, было ясно, что автору чуждо какое-либо понятие о просодии: стих сильно хромал в первой и третьей строках; пиит был явно не в ладах и с размером и с рифмой и вряд ли когда-нибудь «возбуждал улыбку дам огнем нежданных эпigramм». На оставшемся ниже четверостишия месте автор в энергичных выражениях оскорблял профессора Терехова, употреблял нехорошие слова, а напоследок отождествлял его с Советской властью в целом.

— Кто это писал? — спросил Краснов, подавив первую вспышку радости.

— Храмов Евгений Петрович.

У Краснова опять побежали мурашки по затылку: «Храмов Е. П., подписчик», — вспомнил он запись в своей рабочей тетради. Но он опять постарался не выдать волнения.

— А можно поговорить с профессором Тереховым?

— Сейчас позовем.

Нагаев позвонил по телефону, и минут через пять в комнату вошел высокий полный человек с густыми седыми волосами, румяный. Через толстые стекла очков усмешливо смотрели серые глаза. Он был далеко не молод, но назвать его стариком у Краснова язык бы не повернулся.

Нагаев представил их друг другу. Сели. Краснов понимал, что всякие вводные разговоры — о погоде, о самочувствии — с профессором были бы излишни, и он прямо спросил:

— Кого вы подозреваете? Кто писал это письмо?

Профессор снял очки, но от этого не сделался беспомощным, как обычно принято ожидать.

— Простите, молодой человек, у меня нет никаких оснований подозревать. — Профессор сделал паузу, легкой улыбкой как бы приглашая собеседника оценить эту мимолетную шутку. — Я не подозреваю, я определенно знаю, хотя автор не затруднил себя собственной подписью. Это мой коллега, к сожалению. Евгений Петрович Храмов. Поверьте, я не питаю к нему ненависти, но, знаете ли, он странный человек. Уж не первый раз шлет мне такие милые послания. Получать их не очень-то приятно, не правда ли?

— Почему вы так уверены, что это именно он? — В Краснове заговорил следователь, которому нужны доказательства и полная ясность.

Профессор взглянул на него вроде бы даже соболезнующе.

— Видите ли, в этих... гм... стихах, непосвященному не совсем понятных, изложен довольно невразумительным эзоповым языком один из аспектов нашего с ним спора, чисто научного. Как показали факты, прав был я, а не он. Но Евгений Петрович, насколько я могу судить, крайне самолюбив и эгоцентричен. Он не любит признавать свои ошибки. — Профессор опять улыбнул-

ся. — Впрочем, многие ли из нас с удовольствием признаются в собственных заблуждениях?

Краснов прочел стихи, пощелкал по открытке ногтем.

— Он очень ловко облек в стихотворную форму научный спор. Постороннему ничего не понять, не доказать.

Профессор словно прочел его мысли.

— Однажды, незадолго до того, как почтальон принес сей листок, коллега Храмов излил на меня в институте все эти сарказмы, только, разумеется, в прозе. Несolidно было бы в его возрасте изъясняться в разговоре стихами, но что он грешит версификацией — об этом в институте известно. Он наш Ювенал... Не правда ли, Михаил Михайлович?

— Грешит стишками, грешит, — подтвердил Нагаев.

— Что же это он так... так прозрачно? — скорее самому себе задал вопрос Краснов. — Опрометчиво для умного человека.

— Видите ли, насколько позволяет мне судить мой скромный опыт, когда кто-то считает себя умнее других людей, он, как правило, поступает опрометчиво. Уже тем самым, так сказать. — Профессор не упускал случая пошутить.

Краснов встал. Надев очки, встал и Терехов.

— Спасибо, профессор, за исчерпывающие объяснения.

— Не за что. Если эта открытка представляет какой-то интерес, я считаю, вам повезло, ибо я хотел ее порвать, как и прежние, но сразу этого не сделал. Потом она куда-то затерялась, а теперь вот нашлась.

— О нашем разговоре лучше будет никому не рассказывать.

— Я понимаю.

— Извините, что прошу об этом.

— Ничего, ничего. Это меня не обижает, не тревожьтесь.

Они пожали друг другу руки и раскланялись.

Он ушел, мягко притворив за собою дверь.

— Что скажешь? — спросил Нагаев.

— Открытку я возьму. — Краснов спрятал ее в свой портфель.

— А с Храмовым что делать?

— Ничего, решительно ничего, — с необычной поспешностью ответил Краснов.

— Ты чего это вострепнулся? — удивился Нагаев, и Краснов ругнул себя.

— Не надо его трогать, — уже спокойно сказал он. — Как будто никто ничего не знает. Я разберусь. Между прочим, он на лекции был?

— Нет, свой курс он начинает читать через неделю. В институте пока не появлялся.

— Ну, спасибо тебе, Мих-Мих.

— Повторяю за профессором: не за что...

От Нагаева Краснов вернулся к себе. Время было обедать, но ему не терпелось получить заключение почерковедческой экспертизы. Эксперт управления был в отпуске. Взяв открытки, лежавшие в сейфе, Краснов отправился пешком домой к старику графологу, который раньше проводил у них экспертизы, долго проработавшему в управлении. Сейчас он был на пенсии, но его часто приглашали в качестве консультанта.

Графолог продержал его целых два часа. Старик сначала сфотографировал открытки, проявил пленку, напечатал карточки — у него на дому оказалась целая фотолаборатория. Потом манипулировал какими-то трафаретами, глядя через огромную, диаметром чуть не в волейбольный мяч, лупу на бронзовой ручке, что-то чертил на разграфленных листах плотной бумаги. И наконец, сделав несколько оговорок, заявил, что, по всей вероятности, все открытки написаны одним человеком. Но это требует дополнительного исследования. Так изрек он официальным тоном после своих долгих священнодействий, а провожая Краснова до дверей, сказал уже по-свойски, домашним голосом:

— Одна рука писала, Игорь Иванович, одна...

Краснов знал, что надо провести официальную экспертизу, но сейчас ему и этого было довольно.

Прямо от графолога Краснов, не заходя к себе, поднялся на третий этаж, к генералу.

— Разрешите, Анатолий Иванович?

Басков поднял голову от бумаг, посмотрел на Краснова и сказал без всякой вопросительной интонации:

— Нашел.

Краснов заулыбался, подходя к столу.

— Нашел-ся, Анатолий Иванович.

— Не скромничай, когда не надо. Садись.

Генерал слушал, не перебивая и не глядя на Краснова. Сложив руки ладонями перед лицом и уперевшись в стол локтями, он глядел, не мигая, на противоположную стену — такая была у него привычка слушать. Новичков это поначалу сбивало с толку, но в конце концов все постепенно убеждались, что такая манера удобна и для докладывающего и для слушающего. Для докладывающего исключаются, если можно так выразиться, зрительные помехи, а слушающий, не отвлекаясь мимикой говорящего, может лучше сосредоточиться.

— Хорошо, — сказал Басков, когда Краснов закончил словами: «Все, Анатолий Иванович».

— Через неделю Храмов должен вернуться из отпуска. А может, уже вернулся. Будем вызывать?

— Подождем, — не раздумывая, решил Басков. — Дадим шанс его совести. Может, сам придет. Но понаблюдать за ним надо.

— Есть, Анатолий Иванович.

— Ты недельку-то отдохни. — Басков чуть заметно окал, потому что родом был с верхней Волги. Но уехал он из родных мест, как знал Краснов, лет сорок назад. Его легкое оканье вызывало в воображении Краснова тонкие обручи, но не круглые, а заметно смятые.

— Отдохнуть всегда не мешает, — сказал Краснов.

— Вот и давай. Море еще теплое.

Краснов уже взялся за медную ручку двери, но Басков остановил его вопросом:

— Как думаешь, он один?

— По-моему, одиночка.

— Иди.

Областное управление Комитета госбезопасности размещалось в старинном трехэтажном не то полудворце, не то в полуторном особняке — так определяли подобные здания в городе.

Краснов, идя по светлому коридору, где с одной стороны были окна от пола до потолка, увидел в простенке зеркало, похожее формой на щит или на фамильный герб какой-то плутовской династии, которую, как у Сухово-Кобылина, крестил пиковый король. Но зеркало было хорошее. В четырех кругло срезанных его углах медово поблескивали медные шурупы с те царские, неподдельные золотые десятирублевки, которые Краснов видел однажды в кабинете начальника

ОБХСС, когда его, работника угрозыска, вызвали по делу скромного заведующего уличным овощным ларьком, — монеты лежали в коробке из-под печенья почти доверху.

Честно говоря, Краснов, как все нестарые еще люди, любил зеркала. А зеркало, перед которым он останавливался, — это зеркало, несмотря на свой почтенный возраст, совсем не облупилось и было лучше любых новых. Он хотел посмотреть на себя потому, что генерал посоветовал ему отдохнуть.

Неужели ж ты, парень, так сдал за эти три месяца?

Нет, он себе все-таки понравился. Совсем исчезла кривая складка у рта, брови не сдвинуты...

Оставив зеркало, он поглядел в окно.

Начался дождь, крупный, с вишню. Девушка в голубенькой батистовой кофте, глянцево мелькая полными загорелыми икрами, перебегала через улицу, и дождь уже успел промочить батист на ее высокой груди. Батист быстро промокает и становится прозрачным, как будто и нет его. Краснов проводил девушку глазами, пока она не скрылась за углом.

Глава II

О ТОМ, ЧЕГО ПОКА НЕ ЗНАЕТ КРАСНОВ

Выражаясь архаичным языком, по неисповедимой прихоти судьбы нам придется еще раз обратиться к разговору о периодической печати, и опять в прямой связи с Евгением Петровичем Храмовым. Но не будем забежать вперед. Расскажем по порядку о том, чего не знает пока капитан Краснов и что станет ему известно в самом конце этой истории, которая начиналась столь незатейливо, а потом столь замутилась, что капитан Краснов едва не почел себя профессионально несостоятельным.

Контрразведчикам необходимо было определить мотивы, двигавшие Храмовым. А для этого мало располагать сведениями о его сегодняшнем бытии. Им нужно было познать жизнь Храмова в развитии. Никаких внешних причин питать злобу к советскому строю у Евгения Петровича не имелось. У него интересная работа. На свой заработок он свободно мог бы содержать семью из четырех человек, а между тем живет холостяком.

Не в одиночестве же дело. В том, что он одинок, никакая власть не может быть виновата.

Значит, причины лежат где-то глубже, может быть, в далеком прошлом?

Это действительно так, но Краснов этого не знает, и потому ему придется пережить много тяжелых часов и дней. Нам же нет нужды играть на неизвестности. Нам полезно высветить фигуру Евгения Петровича с самого начала, чтобы впоследствии не отвлекаться от других событий и лиц, которые потребуют к себе пристального внимания.

Биография Евгения Петровича удобна в том отношении, что из нее легко вычленить узловые моменты. Однако начать надобно издалека.

Отец его, Петр Арсентьевич Храмов, окончив в 1908 году Петербургский императорский лесной институт, поехал лесничим в глухую Вятскую губернию. Его оставили инспектором при губернском управлении, но он был человеком не чиновного склада. Взяв в жены красивую девушку из местных мещан, которая не боялась жить среди непроходимой чащобы, в настоящем медвежьем углу, научил ее ездить верхом на лошади и стрелять из ружья, а через год, летом 1909-го, добившись назначения лесничим, купил молодого жеребчика-двухлетку и трехлетнюю кобылку и отправился в лесничество; всадников сопровождал обоз из трех телег с приданым жены.

В 1910 году у Храмовых родился сын Петр, в 1916-м — Евгений. За неимением акушера повивальной бабкой был сам отец, которому помогала жена объездчика Андрея.

За отсутствием гимназии и школы Петр Арсентьевич учил сынов тоже сам. И, надо отметить, оказался недурным учителем.

Однако, как ни благотворно домашнее воспитание и учение, детям необходимо было дать правильное образование. Храмов предвидел горючие слезы жены, но, готовый к ним, действовал твердой рукой. В 1926 году он написал в Москву Лене Кирееву, своему единственному товарищу по институту, который был членом ВКП(б), большевиком, три раза ссылался при царском режиме в Сибирь и трижды бежал. Киреев занимал в столице высокий пост. Он никогда не звал друга к иной жизни, к иной должности — был убежден, что его из

лесу труднее вытащить, чем медведя из берлоги. Но в каждом письме спрашивал, не нужна ли какая-нибудь помощь, и это был не риторический вопрос.

К нему-то и обратился Петр Арсентьевич за советом, как и где лучше устроить детей на учебу: с нынешними порядками он знаком не был, ибо стал уже настоящим отшельником, хотя газеты выписывал.

Киреев скоро ответил длинным письмом. Не хитря и не обинуясь, он обосновал разумность своего предложения, так как ему хорошо была известна щепетильность друга и его решительное неприятие какой-либо зависимости. Он, Киреев, зарабатывает много. Жена тоже работает. Детей у них нет. Занимают они прекрасную квартиру в центре, на Трубной площади. С ними живет теща, добрая старая женщина. Она готовит отменно.

Вывод: самое разумное — привезти Петра и Евгения в Москву, поселить в квартире на Трубной. Школа совсем недалеко. Детям будет с тещей не хуже, чем цыплятам под крылом у наседки.

Храмов колебался недолго: видел, что предложение сделано от чистого сердца. И настал день, когда кордон был залит слезами. Плакали жены рабочих, женщины, с недавних пор тоже зачисленные в штат лесничества. Своей жене Петр Арсентьевич плакать на проводах запретил, приказав отплакаться ночью.

Объездчик Андрей заложил парой коляску на мягких рессорах, приторочил сзади чемоданы и узлы отъезжающих. Расцеловались со всеми чадами и домочадцами, уселись и, утирая мокрые от чужих слез щеки, тронули.

Это был первый узловый момент в биографии Евгения Петровича Храмова. Женя не плакал. С чего плакать десятилетнему мальчику, отправляющемуся в огромный, никогда не виданный мир?

Приезд в Москву был подгадан так, что через два дня начиналась запись в школу. Дядя Леня поселил гостей в просторной комнате с двумя широкими окнами, где стояли два дивана и непонятная кровать, называвшаяся, как узнали братья позже, раскладушкой. После ужина братьев отправили спать, а взрослые остались за столом.

Утром за завтраком составлялся план действий. Дядя Леня собирался самолично пойти к директору

школы, но отец сказал: «Пожалуйста, никаких протекций, сам поведу». И дядя Леня не настаивал на своем.

А когда за дядей Ленею пришла из наркомата машина и он предложил всем прокатиться, отец опять отказался: «Пожалуйста, Леня, не надо. Мы так погуляем».

Следующий день был посвящен повторению пройденного — отец экзаменовал их по всем дисциплинам и со всей возможной строгостью. Отвечали оба без запинки, но он все-таки беспокоился, потому что не знал, каковы нынче требования учителей.

На всех экзаменах — они продолжались три дня — отцу по его настоянию разрешили присутствовать, и, кажется, именно это и спасло их. Отвечая на вопросы учителей, и Евгений и Петр глядели только на него и отвечали спокойно. Результат ошеломил учительскую: при всей придирчивости экзаменаторов выяснилось, что десятилетнего можно принять в пятый класс, а старшего — в выпускной. Отец уезжал гордый и довольный. А у них начались школьные будни.

Это был второй узловый момент в жизни Евгения.

Учились братья отлично. В 1927 году Петр окончил школу и поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта на мостостроительный факультет. Может, выбор был сделан безотчетно, под впечатлением незабываемой поездки из Вятки в Москву, но Петр рвался именно в этот институт.

В 1932 году, когда Евгений окончил школу, Петр получил диплом инженера и женился на девушке-москвичке, лицом очень похожей на их мать, а значит, и на Евгения, который был копией матери.

В 1932 году в жизни Евгения произошло два важных события, и оба можно считать узловыми. Первое: он поступил в институт стали. Почему именно туда? Хотелось чего-то основательного. Второе: он получил паспорт. Хотя свидетельств о рождении у братьев не было, ибо на кордоне, где они родились, не было ни церкви, ни попа, ни администрации, а везти новорожденных в Вятку для крещения и регистрации Петр Арсентьевич Храмов посчитал необязательным, однако дядя Леня все уладил.

Случись по-иному, обидно было бы братьям. Ведь тогда, в тридцать втором, в Советском Союзе прово-

дилась паспортизация. Это был праздник для всего народа.

О втором событии надо сказать особо еще и потому, что его оттенил маленький штришок, который с течением времени превратился в характерную черту личности Евгения Храмова. А дело такое. Получали паспорта братья вместе. Когда им их вручили, каждый долго рассматривал свою книжечку, а потом они книжечками поменялись и опять долго рассматривали. И вдруг Петр дернул брата за рукав, кивнул на дверь, они вышли на улицу. «Эй, гражданин Храмов, вы разве в Ленинграде родились?» — спросил Петр, тыча пальцем в графу «место рождения». Евгений не смутился. «Писать — на кордоне? Ха!» Старший пристально глядел на младшего, будто за пять лет корпения над конспектами и чертежами видел его в первый раз. «Балда, зачем же здесь врать?» — «Красивей так!» В тот миг Петр понял, что его влияние на братишку, влияние, в прочности которого он никогда не сомневался, кончилось. И у него возникло смутное ощущение, что они — две ветви одного дерева — растут в разные стороны. «Ладно, с этого дня зову тебя ленинградцем».

Вскоре Петр получил назначение и уехал в Днепропетровск. Братья расставались надолго.

Евгений учился играючи, все ему давалось с лету. А немецким занимался так серьезно и успешно, что стал отрадой преподавателя. Но вот товарищей у него почему-то не было. Правда, это с лихвой восполнялось вниманием к нему со стороны девушек. Сам он мужской дружбы, которую принято называть суровой, как мужскую слезу — скупой, не искал. Ему довольно было и женской.

В студенческие времена в нем сильно развилось чувство превосходства над другими. Во-первых, лучший на курсе, во-вторых, самый молодой в институте. И не хочешь, а возгордишься.

То, что с ним происходило, нередко случается с юношами: он перерос не только сверстников, но и людей гораздо старше себя. Однако, как известно, природа не терпит никакого неравновесия, и во второй половине жизни обычно происходит нечто обратное.

Нарушив обычай, существовавший при старшем брате, он перестал ездить на каникулы к отцу с матерью. Отец присылал ему деньги — этого вполне до-

статочно. А стипендию, кстати, он стал откладывать, для чего завел сберегательную книжку. Каникулы проводил на подмосковных дачах у знакомых девушек. Родителям писал мало, а брату совсем не писал.

Диплом был в 1937 году защищен блестяще. Евгения Храмова оставили в аспирантуре. Профессор, ставший его руководителем, был специалистом по твердым сортам стали. Но тут явились и неприятности — так, во всяком случае, квалифицировал это Евгений. В ноябре схоронили тещу дяди Лени, и это породило массу неудобств: некому стало готовить, стирать и ходить по магазинам, а также убирать квартиру.

В декабре на Север перевели дядю Леню и его жену. Квартиранту Храмову, хоть он и был уже прописан, предложили съехать. Ему дали комнату в общежитии на Соколе, во Всехсвятском. Ходить надо через комнату, в которой живут четверо студентов младших курсов и стенка тонкая, всякое реготанье слышно, как через бумагу, и уборная общая, и умывальник. После удобств квартиры Киреева он страдал.

И вдруг — это было в апреле — его вызвала секретарша ректора. Она сказала, что звонил товарищ Киреев, просил зайти к нему домой.

По состоянию здоровья дядя Леня с женой вынуждены были вернуться в Москву. Все опять пришло в норму. Пока Евгений переходил с курса на курс и сдавал кандидатский минимум, Петр успел поработать на строительстве Днепрогэса и перекинуть несколько мостов через реки — мостов, которые он же сам скоро будет взрывать. В 1939 году, когда младший собирался защищать кандидатскую диссертацию, старший базировался в Киеве. Они по-прежнему не переписывались. Обоим было некогда.

И тут стряслось несчастье — да, это называлось уже не просто неприятностями, а несчастьем: у Жени открылась язва двенадцатиперстной кишки. На пороге диссертации! Дядя Леня повез его в поликлинику старых большевиков. Старичок врач, обследовавший его, сказал, что болезнь — результат расшатанных нервов и переутомления. Никаких препаратов прописывать не стал, назначил диету и посоветовал ехать в деревню пить мед.

Вот и еще три большие вехи на жизненном пути Храмова: институт, диссертация, болезнь. Многие ему

сочувствовали. Действительно досадно. Другие недоумевали: неужели положение так серьезно, что немедленно надо все бросать и лечиться? Ведь осталось всего ничего, защитился бы и стал самым, может быть, молодым в стране кандидатом наук.

Но Храмов ни о чем не в силах думать. Ему кажется — но, возможно, это и в самом деле так, — что он устал смертельно и болен тоже смертельно. Отныне единственной его заботой становится язва. Она не дает ему покоя, хотя особенных физических страданий не причиняет.

С сожалением его отчислили из аспирантуры — временно, с правом вернуться, когда позволит здоровье.

Храмов вечером у себя в комнате составил план дальнейшей жизни и записал его в маленький блокнотик в переплете из зеленого сафьяна — получилось пять пунктов. Привычку планировать он завел еще по окончании института. Сам придумал, никому не подражал. Он не выписывался из квартиры дяди Лени, не снимался с комсомольского и военного учета, не снимал денег со сберкнижки — в предвидении скорого возвращения. В букинистическом магазине он купил несколько французских и английских книг. Учебники английского и французского были куплены раньше. Он намеревался к знанию немецкого прибавить знание и этих языков (четвертый пункт плана).

Дядя Леня купил ему билет на поезд. Его жена приготовила еды на дорогу. Храмов упаковал два чемодана, послал телеграмму отцу, чтобы встречал, и отбыл в город Киров.

Все тот же, даже ничуть не постаревший объездчик Андрей ждал его с коляской, только лошади были другие. В коляске лежал провиант на три дня пути — мать обо всем позаботилась. Июльская погода стояла прекрасная, солнце, смолистый дух безбрежных лесов — а Евгений Храмов был мрачен, во всю дорогу едва перекинулся с Андреем тремя словами. И стал еще мрачнее, когда коляска свернула на усадьбу и отец крикнул радостно: «Мать, ленинградец наш приехал!» Они целовали его и обнимали, а он стоял, повесив руки вдоль худого своего тела. Очень обиделся за «ленинградца». Даже то, чему следовало бы радоваться, его раздражало. Отец был крепок, на лице ни морщинки, только чуть поседел, а ведь ему уже пятьдесят че-

тыре. Мать как будто остановилась на сорока годах и больше не старела. Узнав о причине его неожиданно-го появления, отец чуть ли не весело сказал: «Ну и ничего, эка невидаль — язва! Поправишься, поправим тебя!» Мать в первую минуту опечалилась, но, сообразив, что из-за болезни Евгений проживет у них долго, может быть, целый год, даже обрадовалась. И это окончательно испортило приехавшему всякое настроение. Он решил, что ему или не верят, считают это каким-то притворством, или им его здоровье недорого.

И потекли в семействе Храмовых новые будни — для матери с отцом радостные, для сына как бы подневольные. Пасеки в лесничестве не было, но меду нашли по окрестным ближним и дальним деревням во множестве и самого разного. И травных настоек мать наделала по старинным народным рецептам, но пить их Евгений категорически отказался. За ним ухаживали, как за младенцем, ловили каждое его слово, каждый взгляд, а он все больше замыкался в себе. Мед, впрочем, пил.

В конце концов, видя, что их повышенное внимание только раздражает сына, родители предоставили его самому себе. Он много гулял, немного читал — книг было маловато — и порою заглядывал в свою недописанную диссертацию, намечая дальнейший ее ход. И принялся за английский...

Однако пора покончить с подробным жизнеописанием молодого Евгения Храмова. Его портрет, конечно же, не завершен, но главные черты, как надеемся, каждому ясны. Перезимовав, Евгений отправился в Москву показаться доктору. Тот нашел его посвежевшим и окрепшим. Однако язва не исчезла. Рекомендовали лечь в стационар.

Следующие шесть лет изложим сжато, используя лаконичные записи дневника, ведшегося Храмовым нерегулярно.

«Дядя Леня все устроил... Три месяца лечения не дали заметного результата. Лежать больше нет смысла. Вернулся в лесничество.

Пожилой гражданин (лежал со мной в палате) ругал меня — при такой язве надо работать, все пройдет. Черта с два! Еще разок перезимуем».

«Началась война. Немцы напали».

«Отец гонит в Киров, в военкомат. Поехал в Мо-

скву. Взял выписку из истории болезни. В военкомате посмотрели, решили освидетельствовать. Снова глотал трубку, сдавал анализы. К службе негоден. Попутно нашли еще что-то. Кровь плохая. Должен освидетельствоваться через год. Открепился, встану на учет в Кирове.

В институте заплатил комсомольские взносы, снялся с учета. Никто меня не хочет узнавать. Свинство. Набиваться не собираюсь. Хорошо, что за месяц до войны успел взять деньги со сберкнижки — 11 383 р.».

«Отец смотрел документы из военкомата. Успокоился. Беспокоит радиопр. Я сделал к нему приставки, может ловить европейские станции, но движок работает плохо, дает неровный накал. О. обещал испр.». «Все время говорят о вкладе в оборону. Моим вкладом будет диссертац.».

«Я же не виноват, что болен. Я бы рад».

«Петр с женой (я забыл ее имя, оказывается, Ольга) пишут — уезжают из Москвы. Надолго, м. б., на год или больше. Куда — не пишут, адреса не дают. Интересно. Мать плачет».

«Ездил в Киров — военкомат. Язва на месте. Теперь еще год».

«Немцы вышли к Волге. Что же будет?»

«Пишу диссертацию. Сюда бы Ленинскую библиотеку!»

«Ездил в военкомат. Лучше, но язва на месте. Была комиссия. Сняли с учета совсем. Тем лучше. Противно одно — 27 лет, а уже белобилетник».

«Отец сломал ногу. Помогал геодезистам чинить триангуляционную вышку. Сам виноват. Мог бы послать плотника. Андрей ездил за врачом. Положили в гипс».

«Обследовался по собственному почину. Язвы нет. Здоров».

«Пробую писать рассказы. Несколько уже готово. Кажется, ничего себе».

«Победа!»

...Последнее слово записано уже не в лесничестве. Солнечным апрельским утром 1945 года Евгений Храмов с готовой диссертацией в чемодане — не кандидатской, а как он считал, докторской диссертацией — приехал в Москву.

Если использовать его же выражение, все было на

месте, кроме язвы, которая исчезла. Дядя Леня оставался на своем прежнем высоком посту, только почему-то ходил в военной форме с погонами генерал-майора. Жена его тоже продолжала работать. Комната сохранялась в нетронutom виде, ждала его. В институте принимали если и не с распростертыми объятиями, то вполне по-товарищески. Но... ах, если бы не это «но»!

Его диссертацию читали три очень знающих специалиста, и мнение было единодушным: не только на докторскую, как самонадеянно рассчитывал Храмов, но и на кандидатскую она не тянет. Автор сильно отстал от жизни. Все, о чем он трактует, давно оставлено практикой позади. Но искра божья у автора, безусловно, есть. Вывод: следует повторить аспирантуру.

Это был удар для его самолюбия, хотя в глубине души Храмов понимал, что уважаемые профессора правы. Понимал, но не принимал. Затая обиду, считая себя чуть ли не оскорбленным, он поступил в аспирантуру, как будто делал институту великое одолжение, тогда как одолжение делали ему.

Начав заниматься, он быстро убедился, что за прошедшие годы в области знаний, касающихся твердых сталей, накопилось так много нового, что ему в пору было идти не в аспирантуру, а на студенческую скамью. Давняя привычка ходить в лидерах не позволяла Храмову признать свою отсталость, а преувеличенное самолюбие — оказаться незнающим. Он всерьез засел за изучение нового.

Но было еще и тщеславие. Он привез с собою из лесов десяток рассказов — надо попробовать их опубликовать. Осенью 1946 года Храмов пошел в редакцию одного из популярных органов. Вот почему в начале этой главы мы говорили, что нам еще придется вернуться к периодическим изданиям.

Напустив на себя застенчивость, которой вовсе не испытывал, Храмов вошел в большую комнату литературного отдела, где по четырем углам стояли письменные столы. Увидев не сидевшего, а стоявшего за столом слева у окна мужчину, Храмов безошибочно определил, что он и есть заведующий. За другими столами сидели женщины.

Отделом литературы в этой редакции заведовал человек лет пятидесяти. Отменно вежлив, прекрасные манеры, очки в тонкой, как намек, золотой оправе. Его

можно было бы отнести к тому типу мужчин, который принято называть англазированным, если бы не чичиковское брюшко.

Храмов робко поздоровался, зав спросил, что ему угодно. Храмов подошел поближе, вынул из портфеля рукопись, отпечатанную на машинке, и сказал, что принес рассказ. «Вообще-то надо бы вам сдать ее в наш отдел писем, но раз уж вы пришли прямо к нам... — Зав протянул руку. — Давайте». Храмов по неопытности думал, что рассказ тут же и будет прочтен, но на сей раз ошибся. Респектабельный зав заглянул только в последнюю страничку, чтобы узнать, каков объем рукописи. А Храмов успел за это время разглядеть среди раскиданных по всему столу журналов и бумаг две яркие обложки — журналы «Лайф» и «Лук». Он смотрел на них так, словно увидел наконец на прилавке в магазине давно разыскиваемый галстук. Английский он изучил, но читал только классику, а ему хотелось узнать, что такое современный язык. Наблюдательный зав перехватил его взгляд и спросил с симпатией:

— Вы знаете английский?

— Да, немного. Самоучкой.

Зав бросил его рассказ на стол и сказал по-английски, указывая на стул:

— Садитесь, пожалуйста. Кем вы работаете?

Храмов сел и, чувствуя уже неподдельную застенчивость, ответил тоже по-английски:

— Я аспирант института стали.

— Сколько вам лет?

— Тридцать.

Зав опять заглянул в последнюю страницу его рукописи.

— Ну что ж, рад познакомиться, Евгений Петрович. Меня зовут Анисим Михайлович. У вас прекрасное произношение. Никогда не подумаешь, что вы самоучка.

— Всю войну слушал английское радио. Я жил в лесу на кордоне, приемник мы не сдавали. — Храмов был польщен безмерно, он весь сиял.

— Минуточку, — сказал зав по-русски, взял рассказ и подошел к женщине, сидевшей у окна в другом углу. — Алла Михайловна, голубушка, прочтите в ближайшее время, пожалуйста. — Вернулся к своему столу, выдвинул из правой тумбы ящик, достал пачку журналов «Лайф», протянул их Храмову: — Вот, возьмите.

Я вижу, вы заинтересовались. Эти, на столе, я только что получил, еще не читал. Но и эти не старые.

— Спасибо. — Храмов даже растерялся, что редко с ним случалось. — Но как же...

— Вернете, когда явитесь получать отказ. — Зав повел очками в сторону женщины, которую звали Аллой Михайловной.

Шутка могла бы прозвучать двусмысленно, если бы эта женщина не была в столь почтенном возрасте. Храмов положил журналы в портфель.

— Огромное спасибо. Извините. — Он поклонился, но Анисим Михайлович не прощался, вышел вместе с ним.

В коридоре Анисим Михайлович взял Храмова под руку и заговорил совсем другим тоном, очень доверительно:

— Вам когда-нибудь приходилось заниматься редактированием?

— Нет. — Храмов чувствовал себя удивительно свободно с этим человеком, хотя они были знакомы всего пятнадцать минут. — А почему вы спрашиваете?

— Не хотите попробовать?

— А это что?

— Очерки, статьи, рассказы.

— На русском?

— Да. Переводные. С английского. Я потому и говорю с вами, что вы знаете язык.

— И оригиналы есть?

— Есть. — Анисим Михайлович остановил его в небольшом холле. — Хотите попробовать?

— С удовольствием.

— Подождите меня.

Он вернулся с голубовато-серой папкой в руке.

— Вот. Здесь сорок страниц. И оригиналы. Можете принести через неделю?

— Постараюсь. А править прямо на этих страничках?

— Да.

— Карандашом?

— Можно чернилами.

— Ясно.

— Запишите на всякий случай мой рабочий телефон.

Храмов спрятал папку в портфель, записал телефон. Анисим Михайлович протянул руку.

— До свидания.

Рука у него была мягкая, как пастила...

Шагая к центру, Храмов мысленно восстанавливал секунда за секундой свой краткий, но так неожиданно закончившийся визит в редакцию. Скоропалительность, с которой Анисим Михайлович сделал свое предложение, его удивляла. Но, может, так вообще принято в журналистской и литературной среде?

Не менее удивительным было разительное несоответствие внешности этого человека и его имени. Анисим... Храмову представлялось, что обладатель такого имени должен, во-первых, жить в деревне, а во-вторых, быть дюжим, ражим мужиком. Или, наоборот, затюканным, облезлым мужичонкой. Это, конечно, из области фантазии, но, во всяком случае, Храмову так подсказывало воображение: Анисимов он до сих пор в жизни не встречал...

Вечером он с неведомым доселе удовольствием принялся за работу. В папке оказались две статьи и рассказ. Бумага необыкновенно белая и плотная, шрифт на машинке явно не наш — заметно мельче, и рисунок букв другой. Анисим — так стал звать про себя Храмов скорого на решения заведующего литературным отделом — дал ему второй экземпляр, из-под копирки. Ну, да, понятно: если он, Храмов, только зря измарает этот экземпляр, у Анисима останется для работы первый.

Сначала Храмов прочел все насквозь. Перевод был плохой. Собственно, не перевод, а подстрочник, калька. Непохоже, чтобы переводил русский. Статьи посвящены Америке.

Затем он приступил к правке, сверяясь с английским оригиналом. Правил все-таки карандашом, чтобы после обвести чернилами.

В школе за сочинения он неизменно получал пятерки, ошибок не допускал. Значит, кое-какая культура языка у него есть. А сейчас он видел перед глазами вывернутые наизнанку, скособоченные, искаленные фразы. Эта работа представлялась ему работой косто-права, починяющего вывихнутые руки и ноги.

Через неделю он принес Анисиму выправленные рукописи. Тот посмотрел страниц пять и объявил:

— По-моему, недурно. Кажется, у нас с вами дело пойдет. Кстати, и рассказ ваш неплох.

Храмов рос в собственных глазах. Со злорадством вспомнил забракованную диссертацию.

— Будете печатать? — спросил он.

— Заслали в набор. Посмотрим. Вы запишите, пожалуйста, мой домашний телефон и адрес.

Храмов записал.

— Скажем... скажем, встретимся через два дня. После восьми.

Через два дня Храмов в девять часов вечера звонил в квартиру дома на Беговой улице. Дверь еще не открылась, а он уже обонял какие-то вкусные запахи, сочившиеся из этой квартиры.

Анисим был в жемчужного цвета шелковом халате до пола, под халатом рубаха с галстуком. Видно, пришел совсем недавно.

— Прошу. Снимайте пальто.

Посреди большой светлой комнаты стоял круглый стол, на котором были разбросаны журналы, ярко раскрашенные консервные банки, три трубки с длинными прямыми мундштуками.

— Располагайтесь, Евгений, — сказал Анисим, показывая на кресло. — Курите?

— Нет.

— Сейчас сварим кофе. Прошу, будьте как дома.

Анисим ногтем открыл крышечку одной из банок, набил трубку, закурил и пошел на кухню. Храмов понял, что так вкусно пахнет: табак и кофе. Но что это за табак? Он никогда не видел его в такой упаковке... Храмов не удержался, взял открытую банку, понюхал. За этим и застал его Анисим, вошедший с двумя чашками кофе. Храмов смутился. Но Анисим, поставив перед ним чашку и лукаво поглядев поверх очков, легко снял неловкость:

— Что, хочется закурить?

— Это, по-моему, можно и есть.

— Не устроить ли вам жевательный табак?

— Ну что вы, не надо!

Анисим показал ему трубкой на чашку, сам сделал несколько глотков.

— Могу я вас звать просто Женей?

— Конечно.

— Я ведь намного старше... Да... Так вот, Женя, работа ваша меня вполне устраивает. Будем продолжать. А пока... — Анисим обернулся, взял с тахты конверт и положил его перед Храмовым. — Здесь четыре тысячи рублей.

— Но, Анисим Михайлович, я же работал непрофессионально! — воскликнул Храмов.

— Очень даже профессионально. И я вам сейчас же дам еще порцию для правки.

— Но это слишком много — четыре тысячи, — уже спокойнее сказал Храмов, накрывая конверт рукой.

— Такие у нас расценки. Берите. Это честные деньги.

Храмов не заставил себя уговаривать дольше, положил конверт во внутренний карман.

— Вы не интересуетесь, для кого работали? — спросил Анисим.

— Если не секрет.

— Есть одно американское издание на русском языке. Вам его читать, наверное, не приходилось.

— Наверняка не приходилось.

— Хотите выпить чего-нибудь?

— В принципе я не пью. Разве что каплю вина.

Анисим пошел на кухню, а Храмов огляделся. Его поразил стоявший в углу на столике огромный плоский приемник, чернеющий эбонитом и сверкающий никелем.

Анисим принес два стакана и бутылку с золотым вином. Когда пробка была открыта, пахло апельсином. Анисим налил по половине и, подавая пример, отпил глоток. И заговорил:

— Видите ли, Женья, я не только заведую отделом литературы, я еще и редактор этого американского издания на русском языке.

Храмов ждал продолжения.

— Американцы — наши друзья. Я занимаю у них должность совершенно официально, с ведома советских властей. Следовательно, вам, дружок, нечего опасаться. А меня вы просто выручите, потому что литредактор, работавший до вас, внезапно уехал из Москвы. Вы не будете в обиде, уверяю. — Он сделал еще глоток.

— Я не опасаюсь.

— И правильно делаете. Вы член партии?

— Нет.

— Тем лучше, — обронил Анисим, а Храмов отметил про себя, что это вроде бы нелогично. Но Анисим, кажется, угадал его мысли.

— Я говорю, тем лучше, потому что вам ни с кем ни о чем не надо советоваться. Но вас не удивляет, что я так быстро проникся к вам доверием?

— Если откровенно — удивляет.

Анисим чиркнул спичкой, раскурил трубку, спросил, не глядя на Храмова:

— Я не произвожу впечатления компанейского парня, не правда ли?

Храмов улыбнулся.

— Нисколько.

— Но со своими я свой. Вы, по-моему, тоже не очень-то компанейский.

— Пожалуй.

— Вот видите, значит, мы с вами — свои. И я это сразу понял. И никакого шаманства. Поживете с мое — тоже научитесь. Еще налить? Или кофе?

— Спасибо, ничего не надо.

Анисим достал из портфеля, стоявшего возле тахты, папку с рукописью.

— Вот еще порция, здесь тридцать семь страниц. Срок — пять дней.

— Хорошо.

— У вас дома есть телефон?

— Есть.

Записав номер, Анисим посмотрел на часы и встал.

— Возможно, я вам позвоню и раньше. Надо вас показать начальству. Я-то русский редактор, а есть и заокеанский. Никаких анкет не потребуется, простое знакомство.

Одеваясь в коридоре, Храмов обратил внимание на дверь, ведущую в другую комнату. На ней была наклеена большая, с метр в высоту и с полметра в ширину, фотография, изображавшая голову осьминога. Его глазки смотрели очень выразительно.

Анисим подарил Храмову на прощание обворожительную улыбку и дал пожать свою пухлую руку.

Выйдя на холод, Храмов явственно ощутил исходящий от одежды кофейно-табачно-апельсиновый запах — так он пропитался весь у Анисима.

Удивительная личность, думал он. Вещи, окружающие этого человека, создают какую-то пряную атмосферу исключительности, недоступности. Прекрасная атмосфера!

Храмов впервые в жизни готов был признать над собою превосходство другого, уже признавал. Ему даже хотелось подражать Анисиму.

Да, но такое подражание, вероятно, стоит немалых денег? Что ж, он их заработает. Издание выходит офи-

циально. И сам Анисим открыто, официально работает редактором, одновременно заведую отделом в крупнейшей редакции. Чего же здесь предосудительного?

Удаль чувствовал Храмов. Он взял такси, тоже впервые в жизни.

Дома он сосчитал деньги. Сорок сотенных, совершенно новеньких, гремевших в пальцах, как фольга. Жаль сгибать пополам и тратить такие жаль...

Анисим позвонил через день, под вечер. Голос звучал приподнято:

— Привет, Женя! Вы можете быть свободны завтра в четыре часа?

— Да, в любое время.

— Если быть совсем точным, мы должны встретиться без четверти четыре на Смоленской.

— Я готов.

— Знаете гастрономический магазин на углу Арбата и Смоленской?

— Не бывал, но знаю.

— Там несколько входов. Вы входите с угла. Слева от дверей — отдел соков. Будьте там.

— Хорошо.

— Без четверти четыре.

...Храмов не любил опаздывать, поэтому Анисим, явившийся без десяти четыре, застал его там, где условились. У Анисима был тяжелый портфель. Храмов свой оставил дома, поэтому предложил:

— Дайте я понесу.

— Спасибо, дружок, — охотно согласился тот.

Они перешли на другую сторону улицы и пошли по Арбату, но тут же свернули направо, на улицу Веснина.

— Не робейте, американцы — люди простые... Ничему не удивляйтесь... Ведите себя естественно... — Анисим говорил прерывисто. У него, кажется, была одышка. — Вот, пришли... — Они остановились перед особняком.

Анисим выдернул из кармана большой клетчатый платок, вытер переносье, вытер под глазами, посмотрел направо, налево, взглянул на часы. Вроде давал себе время отдышаться. Потом сказал:

— Пора.

В прихожей они отдали пальто и шапки швейцару. Из прихожей через широкий проем в противоположной стене, по бокам драпированный материей, был виден

светлый холл, куда вело несколько ступеней. Прямо против них, лицом к дверям, сидела машинистка. Она печатала. Над пепельницей стоял голубой жгут дыма. Анисим поманил Храмова за собой. Они поднялись в холл, Анисим поздоровался с машинисткой, повернулся направо и застыл. Проследив за его взглядом, Храмов увидел в углу человека, стоявшего на руках. Ноги уперты в стену где-то под потолком, пепельного цвета пиджак спал вниз, едва держится на плечах, галстук лижет языком светлый ковер. Окончив «производственную гимнастику», человек оттолкнулся ногами от стены, принял нормальное положение, отряхнул одну о другую руки и, подойдя, протянул правую Анисиму, сказав по-русски: — Ковер чистый.

Анисим сделался как-то суетлив.

— Мистер Смит, разрешите представить моего молодого коллегу. Мистер Евгений Храмов. Он будет нашим литературным редактором. Я вам уже говорил о нем.

Мистер Смит протянул руку Храмову, прямо глядя при этом ему в глаза своими серо-голубыми, совершенно русскими глазами. Он был выше Храмова почти на полголовы, а у Храмова рост — сто восемьдесят сантиметров. Худой. В выражении лица проскальзывает что-то мальчишеское.

— Очень приятно, мистер Храмов. Будем работать вместе.

— Очень рад.

И мистер Смит, еще раз внимательно посмотрев на Храмова, стремительно покинул холл.

— Вот и все! — веселым тенорком громко сказал Анисим, как говорит добрый доктор малышу, боявшемуся показать горлышко. — Вы свободны, мой дорогой мистер Храмов!

— А вы разве не идете?

— Мне надо тут побыть еще немножко.

Храмов все стоял, словно ему не хотелось уходить.

— Знаете, кто это? — Анисим перешел на шепот. — Очень, очень большой шеф. Идите. Вы приняты.

...У Храмова завелись крупные деньги. Он шутя за неделю зарабатывал у Анисима шесть тысяч — так было каждый месяц. То, что он когда-то снял с книжки, было снова положено в сберкассу и служило неприкосновенным запасом. Теперь он клал на книжку аспи-

рантскую тысячу, а остальное тратил. Он резко изменил свои привычки, словно какая-то плотина прорвалась. Анисим приносил для него по дешевой цене американские костюмы, туфли, рубашки, галстуки. Он купил золотые запонки. Он стал ходить к маникюрше. В полгода он сделался неузнаваем. Ради того, чтобы возможность доставать прекрасный трубочный табак не пропадала зря, он научился курить. Анисим подарил ему английскую трубку, сказав, что это из самых дорогих. Такие трубки раздаются матросам королевского флота вместе с табаком, матросы в плавании целый год обкуривают их. Трубка, обкуренная в море, обретает особые свойства...

Храмов не постеснялся и спросил, может ли Анисим помочь приобрести такой же приемник, какой стоит у него дома, и Анисим продал ему свой приемник за полцены.

И вот — стоп. Как-то поздно вечером в квартире Киреевых зазвонил телефон, просили Храмова. Он взял трубку из рук дяди Лени.

— Слушаю.

— Евгений Петрович? — спросил вежливый мужской голос.

— Да.

— Это говорят из Министерства госбезопасности. Храмов повернулся лицом к стене, сказал тише:

— Да, слушаю.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Пожалуйста.

— Не по телефону. Будьте, пожалуйста, завтра в пять вечера у парикмахерской на Кузнецком мосту. Наверху, ближе к Дзержинке, эта парикмахерская. Знаете?

— Знаю.

— Домашним скажите, если спросят: звонил кто-нибудь из института.

— Хорошо.

Уже положив трубку, он спохватился: а как же они друг друга узнают? И этот товарищ тоже ничего не сказал... Стало быть, его, Храмова, узнают...

У парикмахерской к нему подошел человек неприметной наружности, лет на десять старше его, в черном пальто, в серой мерлушковой шапке.

— Евгений Петрович, здравствуйте.

— Здравствуйтесь.

— Перейдем улицу.

Они вошли в приемную КГБ, и там в одной из комнат состоялся недолгий разговор.

— Мы пригласили вас для того, чтобы предупредить. Вы человек уже не молодой, правомочный, образованный, должны все понять правильно. Путь, которым вы идете, может завести вас очень далеко. — Он помолчал. — Вы давно знакомы с Анисимом Михайловичем?

— С сентября... с конца сентября.

— На какой почве познакомились?

— Я принес в редакцию рассказ...

— А потом?

— Рассказ набрали, но так и не напечатали. Анисим Михайлович предложил мне редактировать переводы с английского...

— Больше ничего не предлагал?

— Н-нет.

— Знакомил вас с кем-нибудь?

— На улице Веснина мы были в каком-то особняке. Там он меня представил мистеру Смит.

— Вы знаете, кто это?

— Понятия не имею. Какой-то большой начальник.

— Не предлагали вам сотрудничества другого толка, помимо редактирования?

— Н-нет.

— А много он вам платит за работу?

— Тысяч шесть в месяц.

— Вы считаете, плата справедливая?

— Более чем справедливая.

— Вот именно — более. — Он встал. — Советуем вам найти другую работу.

— Хорошо, обязательно... Но мне, собственно, и не надо, я в аспирантуре.

— Вот именно. Приятно, что вы все поняли. Будьте здоровы.

— Мне можно идти? — удивился Храмов.

— С одним условием: о нашем разговоре никому не сообщать.

И все...

Анисим Михайлович вскоре был арестован и осужден. Чуть позже Храмову стало известно, что мистер Смит — матерый разведчик.

Храмов благодарил судьбу, что сам не попал в нехорошую историю, точнее, не судьбу, а того товарища, который беседовал с ним в приемной на Кузнецком.

Но благодарил лишь до той поры, пока не улетучился страх. А потом начал ругать, и чем дальше, тем злее. Он горевал. Ничто не утешало его. Защита диссертации прошла отлично — ему никакой радости. Пригласили на работу в институт — он в запальчивости отказался. Ректор позвал его к себе в кабинет и смущенно взывал к его гражданской совести: мол, институт, а если быть точным, то государство через институт потратило на образование Храмова достаточно, чтобы ожидать от него какой-то отдачи. Храмов отвечал ректору, не выбирая выражений, и хлопнул дверью. Вызванный в партбюро, хотя и был беспартийный, он услышал более жесткие слова. Ему напомнили, что он получал сначала студенческую, а потом аспирантскую стипендию в течение девяти лет, положили перед его глазами вычисленную кем-то и записанную на бумажке сумму, в которую обошлось государству его обучение и которая составлялась из зарплаты преподавателей, стоимости оборудования и т. п. Ему уже тридцать два года, а он не работал ни часу...

Он не внял ничему. И ушел не простясь.

Позже Храмов склонен был объяснять собственное поведение временной невменяемостью. Но он был вменяем. Скорее тогдашнюю его демонстрацию следует расценить как своеобразную и несколько запоздалую тризну по Анисиму. Крах человека, которого единственно он взял себе за образец, выбил у Храмова почву из-под ног, образовал пустоту в его жизни. По прошествии многих лет он признается, что никто — ни мать, ни отец — не оказал на него такого влияния, как Анисим, вернее, не он сам как личность, а все, что он собою олицетворял, что окружало и сопровождало ему.

Он все забыл, все бросил. Лежал дома. Жена дяди Лени готовила ему, он ел и снова ложился.

У Петра и Ольги, живших в отдельной квартире на Зубовском бульваре, родилась дочка, звали его на символические крестины в символические кумовья — не пошел. Звонила много раз женщина, которой он клялся в любви три месяца назад, — сказал, чтоб не звонила. Кризис духа, если можно определить так капризы затосковавшей по кудеснику Анисиму великовозрастной институтки в брюках, разрешился неожиданно просто. Храмов вдруг собрался в один день и уехал отдыхать к морю — в тот благословенный город, где живет и по-

ныне. Прогуливаясь однажды по улице, он увидел объявление, гласившее, что технологический институт объявляет конкурс на замещение вакантной должности преподавателя. Профиль ему подходил. Город очень понравился. Храмов собрал необходимые документы, для чего пришлось съездить в Москву, подал их в институт, и место осталось за ним.

Все вроде бы налаживалось. Студенты его полюбили. Год он жил в гостинице, потом ему дали комнату, а потом и квартиру, отличную однокомнатную квартиру в старом доме, перепланированном и имеющем все удобства. Вскоре его сделали старшим преподавателем.

В 1951 году летом умер отец, но он на похороны не ездил, так как Петр не мог его разыскать, он никому не сообщал своего адреса. Мать переехала к Петру и через два месяца скончалась. И ее не хоронил младший сын. Об этих двух смертях он узнал лишь в 1952 году, когда ездил в Москву во время отпуска. Петр в разговоре опять назвал его «ленинградцем», и Евгений Петрович Храмов больше брата не навещал.

И дядю Леню хоронить он не ездил. Он отрезал прошлое навсегда. Так ему было удобнее. Время шло. Честолюбие вновь вспыхнуло в его душе, он снова сделал попытку написать докторскую диссертацию. Но не было ни материала, ни темы, ни свежести мысли. Он с ужасом осознал, что никогда уже ничего не напишет. А кругом поднималось молодое, напористое, глядящее только вперед и не оглядывающееся по сторонам. А он смотрел ему вослед, в спину, зависть своим остреньким жалом все большее колола его. Ни мимолетные, легкие успехи у женщин, ни обилие денег не утешали его. Он катастрофически старел душой и отставал в развитии, — тут уместно вспомнить, что он в свое время развивался быстрее сверстников. К 1974 году это был уже, так сказать, законченный старик, старик в пятьдесят восемь лет.

В 1973-м скончался от инфаркта Петр, следом за своей женой Ольгой, у которой был рак печени. Храмов превозмог себя, отправился на похороны, потому что получил телеграмму от его дочери Гали, оставшейся круглой сиротой. Правда, в применении к двадцатипятилетней женщине слово «сирота»; как считал Храмов, несколько отдает карикатурой, но она сама назвала себя так, сказав ему со слезами на глазах, когда они

встретились у открытого гроба: «Дядя Женья, я теперь совсем сирота». Или он не прав насчет карикатурности? Может быть, иногда человек становится сиротой и в пятьдесят лет?

Он уехал прямо с кладбища, не пожелав остаться на поминки: его пугали незнакомые люди с суровыми лицами — многие в военном, — собравшиеся на похороны Петра.

Нет, наверное, никто никогда не разрешит загадку, почему два родных брата, наследовавшие одну кровь и выросшие в одном обществе, бывают порою разительно непохожи.

...Обо всем этом и еще о многом другом в мельчайших подробностях будет вслух горько вспоминать Евгений Петрович Храмов перед чужим человеком, годящимся ему в сыновья, и перед магнитофоном. А нам нужно продолжать рассказ о текущих событиях, предварив его небольшой оговоркой.

В описываемой истории есть только два случайных совпадения. Одно из них никакого значения не имеет. Другое сыграло определенную роль в том, что капитан Краснов едва не почел себя профессионально несостоятельным, потому что совпадение это заставило его усомниться в правильности своей версии. Но, может быть, так даже лучше: лишний опыт никому не мешает, вернее, опыт лишним не бывает, если иметь в виду опыт порядочных людей.

Глава III

ТУРИСТ «ЛЮКС»

Начальница, суровая, энергичная женщина, питавшая слабость к мороженому, вызвала Галину Храмову 22 августа 1974 года с утра.

— Вы будете работать с мистером Деем. Важная персона. Имеется просьба сопровождать его по маршруту, — глядя в листок, сказала начальница. — Из Канады. Доктор социологии и бизнесмен — такое интересное сочетание. Идет по туру «люкс». Срок — месяц. Прилетает завтра рейсом из Стокгольма. Маршрут: Ленинград — Таллин — Рига — Сочи — Одесса — Брест —

Москва. Берите книжку-подтверждение. — Она помолчала немного и добавила: — Он просил назначить ему гидом персонально вас. Вы что, уже работали с ним?

Галине Храмовой нетрудно было вспомнить, о ком идет речь.

— Да, — ответила она. — В прошлом году.

— Тем лучше. Оформляйтесь.

Галина Храмова чувствовала, что начальница относится к ней хорошо. Дело не в том, что ей все чаще поручали сопровождать «люксовых» туристов-одиночек — это считается среди переводчиков хорошей работой, — гораздо больше Галина ценила те мелкие на первый взгляд знаки доброго расположения, которые не имеют никакого материального эквивалента и проявляются непроизвольно. Мимоходом данный маленький, чисто женский совет, вопрос «Как самочувствие?», заданный не из любезности, а с действительным желанием знать, как ты себя чувствуешь после перенесенного гриппа... Мелочь, конечно, но она для одинокого человека не имеет цены.

Начальница сама, без зова — Галина хотела позвать, но посчитала это неудобным — пришла на похороны ее отца. С тех пор между ними установились доверительные отношения. На службе, однако, это нисколько не отразилось. Покровительства и послаблений не было.

Одиночество Галина ощущала только дома, в опустевшей квартире, но горе постепенно сгладилось. Тогда, в первые месяцы после смерти матери и отца, она ни за что бы не поверила, что через год примирится с потерей и будет жить как жила прежде. Она не поверила бы, что сможет ночевать одна в трех комнатах.

Два месяца у нее жила подруга, Лена Смолина. Володя Яковлев, человек, с которым Галина была близка более трех лет, предлагал сойтись, жениться, хотел переехать с вещами, но она отвергла предложение: по ее понятиям, это оскорбило бы память родителей. Она ему сказала: «Подождем год». Он не обиделся, но был задет.

Они познакомились еще в шестьдесят девятом в кинотеатре «Россия». Три студента института стали и сплавов стояли в очереди к кассе, а впереди — студентки института иностранных языков. Была пущена рэплика без адреса, Лена Смолина ответила. Слово за слово, и кончилось тем, что студенты предложили оставить

кино в покое и посетить кафе на улице Горького, против телеграфа. Студентки, переглянувшись, сочли предложение приемлемым. Было заказано шампанское — у одного из студентов водились деньги, к тому же он отмечал день рождения. После этого вечера у Галины и Володи завязалась любовь, и, как оказалось, надолго.

В том, что Владимир Яковлев окончил институт стали и сплавов, состоит одно из двух случайных совпадений, о которых говорилось выше: дядя Галины, Евгений Петрович Храмов, тоже ведь учился в этом институте. Но это никакого значения для нашего повествования не имеет.

У Владимира Яковлева, как и у Храмова, тоже были честолюбивые замыслы, но отец пресек их. Старший Яковлев работал плавильщиком на одном из заводов Москвы, где имелся литейный цех. Вполне допустимо, что и он действовал из честолюбивых побуждений, когда настоял на том, чтобы сын поступил на его завод мастером литейного цеха, но это было честолюбие совсем иного толка. Отцу не нравились молодые специалисты, которые ловят каких-то неизвестных журавлей в министерском небе. Он хотел, чтобы сын был ближе к расплавленному металлу, он говорил: «Это, знаешь, очищает». От чего очищает, он не уточнял, да и не был ничем замаран его сын.

Владимир поступил на завод мастером, а в 1972 году его сделали начальником литейного цеха. Тогда же приняли в партию. Работа серьезная, иногда и за порогом проходной не отпускает от себя, а бывает, что после какой-нибудь крупной накладки и ночью спать не дает, но Владимир так втянулся, что с трудом мог себя представить на другом месте, в другом качестве. Он работал не за страх, а за совесть и был доволен.

Не хватало одного — ясности с Галиной. Она все чего-то колебалась, и это его злило. Ну понятно — умерли родители, но уж больше года прошло, даже самые строгие люди дольше траур, кажется, не соблюдают. Между ними назревал серьезный разговор. Владимир ждал его со дня на день, однако торопить дела не желал: хватит, он уже трижды пытался форсировать. Он ждал, когда она сама предпримет наконец что-нибудь.

...Он стоял на железном полу возле строгального станка, на котором обдирают доскообразные, плоские слитки,

разговаривал с мастером, когда вверху, в его конторке, зазвонил телефон. Взбежав по железной, узкой и крутой, как корабельный трап, лестнице, снял трубку.

— Володя? — услышал он голос Гали.

— Здравствуй. Как жизнь?

— Дали люксового туриста. Скоро уеду с ним.

— Ну вот, — сказал он невесело. — Надолго?

— Месяц. Но я не сразу уеду. Он несколько дней побудет в Москве.

— Звонишь только для этого? Чтобы сообщить?

— Не злись. Надо бы повидаться.

— Зависит от тебя.

— Завтра мне рано вставать, да и в порядок себя надо привести...

— А ты что, не в порядке? — перебил он.

— Но я же буду работать.

— Ну да, с люксовым.

— Не злись, говорю, а то повешу трубку.

— Ладно, перестал.

— Я позвоню тебе завтра или в другой день, но мы увидимся перед отъездом. Хорошо?

— А чего хорошего?

— Опять?

— Ладно. Жду звонка...

...Утром 23 августа Галина Храмова встретила мистера Дея в аэропорту Шереметьево. Он совсем не изменился за год и по-прежнему производил приятное впечатление. Высокий, благообразный пожилой человек с проседью в темных густых волосах, зачесанных назад. Стекла очков без оправы. Мистер Дей был очень молоджав и держался молодцом. Одет безукоризненно. Все высшего сорта, и ничего крикливого, как бывает порой у молодящихся старичков, прилетающих из-за границы посмотреть на Советский Союз.

У мистера Дея было два больших чемодана и огромный кожаный кофр для костюмов и пальто. Пока он проходил таможенный досмотр, который не был слишком придирчивым, Галя успела сходить к машине, попросила шофера такси помочь: где-то должны быть носильщики, но она их не видела. Шофер отнес кофр и чемодан, вернулся, взял другой чемодан. Мистер Дей и Галина шли следом. Она чувствовала на себе его пристальный взгляд искоса.

— Вы, по-моему, еще больше похорошели, — нако-

нец сказал он. — Если все москвички так же прекрасны, как вы, отсюда, наверное, никто уже не возвращается. — И по тону и по содержанию это было намного фамильярнее всего, что могли себе позволить ее обычные подопечные в первые четверть часа после прилета. Мистер Дей на правах старого знакомого допускал некоторые вольности, и она сочла нужным немного его охладить;

— Благодарю вас, мистер Дей. Не опасайтесь. Уверю вас, вам это не грозит. Вы же все-таки улетели из Москвы в прошлый раз.

— Тогда мне некогда было смотреть по сторонам. И на красивых женщин тоже.

Действительно, в прошлом году мистер Дей приезжал в Москву всего на пять дней. Он не ходил ни по музеям, ни по театрам и прибыл налегке, с одним небольшим чемоданом. Единственное, что его интересовало, — торговые представительства некоторых европейских стран и промтоварные магазины. За пять дней он воспользовался помощью гида лишь однажды: когда захотел посмотреть университет на Ленинских горах. Галина Храмова про себя удивлялась, к чему вообще мистеру Дею потребовался гид. В переводчике он не нуждался, так как сам прекрасно говорил по-русски. Обычного туристского любопытства и жажды увидеть как можно больше не проявлял. Так что они за все время его пребывания едва ли перекинулись десятком фраз.

Но теперь мистер Дей приехал на целый месяц...

— Наверное, это трусость, но я ужасно неуютно себя чувствую в воздухе. Но зато после посадки испытываю необыкновенный прилив энергии. Молодею на двадцать лет.

Мистер Дей как будто оправдывался. Она спросила:

— Мы опять будем говорить только по-русски? И опять, кажется, вам моя помощь не понадобится?

— Нет, нет, что вы, — воскликнул он несколько театрально. — Я был бы последним глупцом, если бы лишил себя вашего общества. У меня много дел, но и развлечься будет время.

Кажется, галантерейность сидела в нем глубоко и прочно, хотя было заметно, что он хочет найти нужный тон.

— Но вы лишаете меня возможности лишний раз попрактиковаться в английском, — сказала она.

Они уже дошли до машины. Шофер укладывал чемоданы в багажник. Кофр он поместил в машину, поставив его наискосок позади своего кресла. Мистер Дей открыл переднюю дверцу и округлым движением руки пригласил Галину садиться. Потом сел сам на заднее сиденье и сказал:

— Знаете, что я предлагаю? Чтобы ваши интересы не пострадали, давайте сделаем так: один день будем разговаривать по-английски, другой — по-русски. Мне хотелось бы наговориться по-русски. Вы меня понимаете?

Вот это уже был вполне человеческий тон.

— Понимаю. А где вы изучили наш язык?

Он ответил не сразу, словно взвешивал, стоит ли объяснять, или просто задумался:

— Разве я в прошлый раз не рассказывал?

— Не успели.

— Я родился в Западной Белоруссии. Тогда это была Польша. Мать моя русская.

Машина миновала березовую рощу и набирала скорость. Галина молчала.

— Я немножко волнуюсь, — признался мистер Дей. — Старики подвержены сентиментальности.

— Ну какой же вы старик... — искренне возразила Галина.

Мистер Дей моментально взыграл. «Как боевой конь, слышавший звуки трубы» — к нему это древнее, испытанное сравнение очень подходило.

— О, — воскликнул он радостно. — Теперь уже мне надо вас благодарить?

— Пожалуйста. Но это совсем не комплимент.

Мистер Дей был счастлив.

— А почему вы меня не спросите, давно ли я покинул родину и где скитался?

— У нас не принято расспрашивать гостей. Это было бы, с моей стороны, бестактностью.

— Я тоже понимаю вас. И поверьте, испытываю восторг.

— Отчего же?

— Вам этого не оценить. В России, в Советской России, появилось такое вот поколение...

Ей показалось, что его душат подавляемые слезы. Она пыталась его успокоить.

— Уже не одно поколение.

Он покрутил головой и произнес дрожащим голосом:
— Нет, нет... Я смотрю на вас... Такого никогда не могло быть в России...

Галина вспомнила, как сопровождала однажды группу туристов из Канады. Их было семь человек, все выходцы с Украины. Они стосковались по родине так, что на аэродроме в Киеве, выйдя из самолета, упали на колени и целовали бетонные плиты. А потом в городе плакали на каждом шагу.

Похоже, у мистера Дея переход от улыбки к слезам и обратно накатан. Впору было удивляться, но Галина тут же ругнула себя: а может, человек действительно растроган и не в силах сдерживать сменяющих друг друга чувств? Нельзя заранее думать о нем плохо. Мистер Дей меж тем опять уже улыбался.

Справа над низкими деревьями мелькнул острый белый шпиль.

— Что это? — спросил мистер Дей.

— Северный речной вокзал.

— Мы уже в городе?

— Да.

Он помолчал, а когда возобновил разговор, был деловит, сентиментальность исчезла без следа:

— Должен вам признаться, я порядочный кинолюбитель, но у меня, вероятно, склероз. Все взял, даже проектор, а химикалии и бачки для проявки, кажется, забыл. А проявить хотя бы одну пленку надо обязательно. Чтобы знать, как снимать.

— А мы сейчас мимо магазина поедem. Кинофото, — вставил слово шофер, по-молодому худой, лет сорока, с бедовыми голубыми глазами.

А Галина подумала: все-таки долгая жизнь за границей сказывается. Ей показалось, что мистер Дей совсем некстати, не по-московски как-то употребил слово «порядочный». Впрочем, может, это по старым канонам и правильно...

Мистер Дей впервые поглядел на шофера.

— Правда? — И тут же спохватился: — Но у меня нет советских денег, надо обменять. Или можно купить на доллары?

— На доллары в магазинах не продают, — сказала Галина. — Мы обменяем в гостинице.

— Отлично.

Они ехали мимо станции метро.

— А это что? — поинтересовался мистер Дей.

— Метро «Сокол», — объяснил шофер. Ему, видно, нравился пассажир. И очень хотелось принять участие в разговоре. Голос у него был тонкий, но с хрипотцой. Как у щуплого петуха.

Миновали Белорусский вокзал, поехали по улице Горького.

— Вот магазин, — сказал шофер, показав рукой направо. — Деньги получите — купим все, что надо.

Галина была довольна, что попался такой общительный и, по всему виду, расторопный водитель, только бы не переборщил. А то иной раз попадется молчун, сидит, дуется, как мышь на крупу, на лице — благородное презрение, словно его заставили возить черт знает кого.

— Великолепно, — сказал мистер Дей.

— Нас прямо к «Интуристу», — напомнила шоферу Галина.

Через три минуты они остановились у гостиницы, она вышла первая.

— Номер заказан. На пятом этаже, — сказала она мистеру Дею. — Кого бы попросить снести вещи?

Шофер, тоже оставивший машину и стоявший чуть сбоку, буркнул ей ворчливо:

— Вот еще. Сами управимся.

Он быстро-быстро внес чемоданы и кофр в вестибюль, к лифтам. Галина с мистером Деем подошли к администратору. Мистер Дей заполнил карточку.

— Все в порядке, — сказал он. — Поднимемся в номер, обсудим наше ближайшее будущее.

— Я подожду вас в вестибюле, — возразила Галина.

Мистер Дей взялся за сердце.

— Ради бога, помогите расположиться, мне как-то не по себе.

— Что с вами?

— В последние годы дальние перелеты не проходят мне даром. Стенокардия, дорогая Галина, стенокардия. — Он достал из внутреннего кармана пузырек с облатками, проглотил одну.

— Это меняет дело, — сказала Галина. — Идемте.

Через минуту они поднялись на пятый этаж. Номер состоял из гостиной и спальни. Внеся вещи в спальню, бедовый шофер всюду сунул нос и одобрительно заметил своим петушиным тенором:

— Порядок. Можно жить.

— Как вас зовут? — спросила Галя.

— Коля.

— Как-то неудобно — Коля...

— Ничего, — решительно возразил он. — Неудобно только штаны через голову надевать.

— Коля! — ужаснулась, но не очень всерьез Галина. Мистер Дей прилег на диван.

— Ничего, сойдет, — так же решительно успокоил ее Коля. — Мне ждать или как?

— Подождите.

— Буду в машине.

Шофер исчез, а Галина подошла к Дею.

— Может быть, позвать врача?

— Ничего, ничего, спасибо. Все прошло. Посидите минутку.

Мистер Дей встал, поправил галстук и ушел в спальню.

Вернулся он, держа в охапке аппараты, какие-то коробки и журналы в ярких обложках. Все это он свалил на диван и сказал:

— Дорогая Галина, я полагаю, вам по протоколу не рекомендуется рассиживаться в номере у приезжего иностранца...

— При чем здесь протокол? — возразила она. — Это вообще неприлично и невежливо со всех точек зрения. И у всякой профессии есть своя этика.

— Понимаю, понимаю, — быстро заговорил он. — Вы правы. Но я не хочу терять ни минуты времени попусту. И к тому же мы ведь с вами старые знакомые.

— Так что вы предлагаете?

— Не уходите. Мне только побриться...

— Ну, хорошо, я подожду, хотя это и правда не в наших правилах.

Мистер Дей обрадовался, как-то засуетился, выдернул из пачки на диване журнал в яркой обложке — это был «Плейбой», — протянул его Галине:

— Не знаю, чем вас занять... Полистайте пока, а я быстренько побреюсь.

Она взяла журнал, села в кресло.

— Мне немножко неловко, что я вас так вот ангажировал.

— Ангажировал меня «Интурист», это моя работа.

— Я не могу относиться к вам просто как к гиду. Это было бы чудовищно с моей стороны.

— Напрасно. Вы только осложните жизнь и себе и мне. Я ваш переводчик и гид, и располагайте мною с утра до вечера, не думая о моих удобствах. Это нормально.

— Люблю ясные позиции. Вы курите?

— Иногда.

Мистер Дей принес из спальни блок сигарет «Марльборо».

— Сам я не подвержен этой пагубной привычке, но захватил, чтобы угощать других.

— О, эти очень крепкие.

Он хлопнул себя рукой по лбу.

— Старый дурак! У меня же там есть другие, дамские.

Он принес блок сигарет «Сильвия».

В сумочке у нее была газовая зажигалка. Она взяла пепельницу, поставила ее на пол, закурила и раскрыла журнал. Мистер Дей снял пиджак, развязал галстук и с несессером пошел в ванную бриться. Журнал был с «картинками», однако она видывала и похлестче — иные «люксовые» туристы пытались ее просвещать посредством массовых изданий. Она относилась к этому спокойно. Мистер Дей что-то напевал, пока брился. Потом долго полоскался, потом переодевался в спальне. И явился перед ней свежий — прямо хоть на дипломатический прием.

— А теперь не позавтракать ли нам?

— Но вам надо обменять деньги.

Они спустились на лифте. Обменная касса только что начала работать. Мистер Дей обменял всю свою наличность на советские деньги. В портмоне у него лежало две тысячи долларов.

— У меня есть еще хорошенький чек, — сказал он Галине. — Так что мы с вами богаты, можем не стесняться.

Это было похуже, чем комплименты в аэропорту. Она промолчала, но он, вероятно, успел заметить движение ее тонких бровей, потому что поспешил добавить:

— Суесловие еще в детстве доставляло мне массу неприятностей. Мы идем завтракать?

— Я уже завтракала.

— Ну, не обижайте старика.

В ресторане они управились за полчаса. Галина только выпила кофе.

— Нам надо составить план, — предложила она, — чтобы не разбрасываться.

— Вы знаете, не сейчас, — попросил мистер Дей. — Сейчас давайте походим по Красной площади, потом пообедаем, отдохнем, а уж потом займемся планом. Хорошо?

— Можно и так. В таком случае будем собираться.

Храмова осталась ждать в холле.

Мистер Дей поднялся в номер, надел на шею киноаппарат, фотоаппарат, два каких-то маленьких аппарата, похожих на экспонометры, а через плечо повесил кожаную сумку с запасными кассетами. Из лифта он шел к Галине, металлически позвякивая всей этой кинофотоэкипировкой.

— Что сказать шоферу? — спросила Галина, когда вышли на улицу. — На площадь в машине нельзя.

— Он, по-моему, нам сегодня не понадобится.

— Вы собирались купить какие-то бачки.

— Ах, да... Надо сообразить. Бачки и химикалии я действительно забыл.

Они разыскали машину. Шофер Коля горячо разговаривал с кем-то, вероятно, с собратом по профессии, но, увидев их, поспешил навстречу. Вид мистера Дея, увешанного аппаратурой, прибавил ему энтузиазма.

— Вот это да, — восхитился он. — Это машинки.

— Поедем в магазин? — спросила у мистера Дея Галина.

Но Коля уже чувствовал себя хозяином.

— Зачем вам время терять? Я могу сам все купить. Что нужно?

Мистеру Дею это понравилось.

— Надо четыре, нет, шесть бачков. Знаете...

— Знаю, — перебил Коля. — Сам такой. Что еще?

— Химикалии для кинопленки и фотопленки.

— Пленка цветная?

— Да.

— Ясно. Что еще?

— Больше ничего. — Мистер Дей достал портмоне, выдернул наугад бумажку, как делает человек, еще не привыкший к незнакомым денежным знакам, помахал ею. — Этого хватит?

Коля взял зеленую пятидесятирублевую купюру.

— На целую кинофабрику. Сдача будет. Куда привезти? Или после заберете?

Мистер Дей посмотрел на Галину.

— Мы отпустим товарища шофера, не так ли?

Она сказала:

— Вы, Коля, оставьте все швейцару, я его предупрежу. А сами можете быть свободны.

— Целуем, пани, ручки, — закричал Коля.

Следовало его немножко укоротить, и Галина сказала по-товарищески, но жестко:

— Коля, ведите себя потише, что ли. Ведь вы уже не мальчик. Несolidно так...

— Вас понял, — тут же согласился Коля. — Вставляем сурдинку. — И к мистеру Дею: — Желаю вам.

Он отдал честь, сел за руль, тронул так, что колеса взвизгнули. Галина пошла предупредить швейцара, а потом они отправились через подземный переход на Красную площадь.

Мистер Дей ахал и охал, умиленно всплескивал руками и совсем забыл про свои аппараты. Возле Василия Блаженного он стоял полчаса с одной стороны, потом полчаса с другой. Снимать он начал лишь после того, как Галина напомнила ему о его кинолюбительстве. Обошли всю площадь по периметру. Ходили в гостиницу «Россия» выпить воды. Прошлись по улице Разина до площади Ногина, вернулись, зашли в ГУМ. Мистер Дей снимал без конца, накрутил несколько роликов.

Незаметно прошли четыре часа. Оба устали и проголодались. После обеда мистер Дей забрал у швейцара купленные Колей бачки и химикалии и сдачу также и отправился спать, а Галя поехала домой сменить платье. Условились, что она зайдет за ним в пять часов, чтобы поводить его по улице Горького...

Приехав в гостиницу, она позвонила из холла мистеру Дею.

— Очень прошу, зайдите, пожалуйста. У меня опять сердце пошаливает.

Она застала мистера Дея перед телевизором. Он смотрел какую-то передачу не то о пионерах, не то для пионеров.

— Безумно интересно, — сказал он, как ни в чем не бывало поднимаясь ей навстречу. — Кажется, мне надо было брать для поездки не месяц, а полгода. Разве узнаешь такую страну за тридцать дней.

— Вы, кажется, сказали, что у вас опять сердце...

— Прошло, дорогая Галина, прошло, пока вы поднимались.

Он усадил ее в кресло.

— Вы меня извините, я вас оставляю на пять минут. Вообразите, спускался за газетой, встретил в лифте старого знакомого. Он живет в Лондоне, тоже приехал туристом.

Мистер Дей подошел к столу, стоявшему левее телевизора, покопался там в груде бачков и аппаратов, ища что-то, потом подал ей кипу журналов.

— Буквально пять минут.

Он ушел, оставив телевизор включенным. Галина листала журналы.

— Ну вот, все в порядке, — сказал мистер Дей, вернувшись и подойдя к столу с аппаратурой. — Что будем делать? Идем гулять или составим план?

— Как хотите.

Мистер Дей выключил телевизор.

— Давайте займемся планом, а на улицу пойдем, когда свечереет.

Она достала из сумки блокнот и шариковую ручку. Мистер Дей сел на диван.

— Ну, с театрами вопрос решим на обратном пути, сезон еще не открылся, — сказала Галя. — Что бы вы хотели увидеть в Москве сейчас? И сколько дней отводите Москве?

— Видите, какая вещь, дорогая Галина... Я ведь рассматриваю свою поездку не как увеселительную. Я не хочу быть и обычным туристом. — Он поправил очки. — Ведь я прежде всего бизнесмен и социолог. В этом сочетании нет ничего необычного — наука, изучающая общество, помогает успешно вести дела. Наша фирма специализируется в области бытовой химии, медикаментозной и агрохимии. Практический смысл социологических исследований состоит в том, чтобы выяснить потребности общества и таким образом определить, какие товары и продукты найдут спрос. Хотя с Советским Союзом наша фирма еще не торгует... Я не слишком специально объясняю? Вам понятно?

— Да, конечно.

— Так вот. С практической, утилитарной стороной все ясно. Но...

Пока он подыскивал подходящие выражения, чтобы

сформулировать свою мысль, Галина вспомнила слова своей начальницы насчет «интересного сочетания» и подивилась тому, что мистер Дей тоже употребил слово «сочетание», будто полемизируя с начальницей. Пожалуй, делец и социолог в одном лице — это не так уж противоестественно, скорее наоборот.

— Но для меня социология не только рычаг в бизнесе. Меня, добрейшая Галина, глубоко интересует и даже волнует жизнь всякого общества сама по себе, вне связи с моим бизнесом. И у меня есть свой взгляд, может быть, не очень оригинальный, на методику изучения. Я считаю, например, что для того, чтобы определить жизнеспособность и потенциальные возможности любого общества, достаточно изучить лишь одну его возрастную прослойку, выяснить, чем живут и дышат молодые люди от семнадцати до двадцати трех лет... Но хватит, я вас совсем засушу.

— Мне интересно.

— Довольно. Я прочел вам целую лекцию. И сделал это с умыслом.

— В чем же умысел, мистер Дей?

— Очень мне хотелось бы встретиться с молодыми людьми, побеседовать откровенно.

— Не понимаю... Вы можете на улице остановить любого молодого человека...

— Нет, не то. Вот если бы организовать какую-то вечеринку, что ли... Под крышей, в домашней обстановке.

— Это не входит в мои обязанности. Но я могу переговорить, и вам, возможно, организуют такую встречу.

Мистер Дей обрадовался:

— Вы в самом деле можете устроить?

— Постараюсь. — Галина пожала плечами. — Но сколько вы хотите пробыть в Москве?

— Скажем, пять дней. Достаточно этого? Всего я все равно не увижу, так что пять или семь дней...

— Хорошо. Я себе записываю: встреча с молодежью.

— Вы мой добрый ангел, дорогая Галина.

— Старомодно звучит. Давайте составлять программу. Что вы хотите посмотреть?

— Ну, музеи, конечно... Выставку... как она называется? Забыл.

— Достижений народного хозяйства.

— Вот-вот.

— Пишем: ВДНХ — двадцать четвертого августа, с десяти утра до двух дня... Дальше...

— Это завтра? — спросил мистер Дей. — Нет, завтра мне надо встретиться с сотрудником одного посольства. Это сын моего друга. Мы с вами поедем туда утром.

— Тогда выставку можно перенести на после обеда.

— Хорошо.

— Значит, выставка...

За полчаса они составили подробное расписание и договорились строго его придерживаться.

Затем мистер Дей принес из спальни и положил Галине прямо на колени две красивые коробочки. Она даже вздрогнула от неожиданности, но машинально успела заметить, что это духи и одеколон фирмы «Кристиан Диор». Странные манеры у этого человека. Она взяла коробочки и, быстро поднявшись, положила их на стол.

— Прошу вас, — серьезно сказал мистер Дей. — Не обижайте меня, пожалуйста.

— Вы ставите меня в глупое положение.

— Но это всего лишь парфюмерия! — горестно воскликнул он.

Галина не уловила в его тоне ни капли наигранности. Мистера Дея действительно обидел бы отказ от подарка. Она знала, что это очень дорогие духи. Лена Смолина не далее как позавчера предлагала ей купить пополам флакон — кто-то привез из Франции, — но они прикинули ресурсы и отказались. Слишком дорого.

У нее было такое ощущение, что он ее все время испытывает. Сейчас ей явственно вспомнилось выражение его лица в ресторане, когда после недолгих препирательств она согласилась, чтобы он заплатил за ее обед. На лице его изобразилось — мимолетно, на мгновение — самодовольство. Как у человека, который не ошибся в своих расчетах, хотя расчеты были сомнительные...

— Прошу вас, ради всего святого, — видя ее колебания, взмолился мистер Дей.

Ну вот, опять сбился на пошлости... Но в самом деле, что это она раздувает из ничего целую проблему? Мистер Дей прав: это всего лишь парфюмерия... Парфюмерный знак внимания. И потом — сигареты-то она уже взяла...

— Святой дух... Святые духи, — сказала она, усмехнувшись. — Ну хорошо. Большое спасибо.

Надо будет отлить половину Ленке; решила она. Вопрос о подарках мучает не одну ее, Галину Храмову. Все гиды-переводчики с ним сталкиваются. Она для себя решила его так: не брать ничего от туристов-мужчин. От женщин — смотря от кого и что. И вот впервые ею принят подарок от мужчины. Но, собственно, он ей в дедушки годится — можно его мужчиной не считать. Она положила коробочки в сумку.

— Идемте?

Мистер Дей аппараты брать не стал — уже смеркалось. Они прошли по улице Горького до площади Маяковского. По пути заглянули в книжный магазин, где он купил две только что выпущенные книжки каких-то неизвестных Галине авторов — ему все равно было, лишь бы свежие.

В восемь часов вечера они расстались у гостиницы с тем, чтобы встретиться утром. Галина сильно изумилась бы, если бы узнала, что делал и как переменялся в этот вечер мистер Дей.

...Поднявшись в номер и переодевшись в костюм по-проще, мистер Дей покинул гостиницу. Путь в метро он уже знал. Ознакомившись с надписями указателей, он сел в поезд и доехал до станции «Сокол». Вверху, на улице, ему только раз пришлось задать вопрос прохожему: как пройти на Песчаную улицу? Прохожий объяснил и сказал, что теперь это улица Вальтера Ульбрихта.

Мистер Дей зашел в будку телефона-автомата — двухкопеечными монетами он запасся еще днем, когда покупал газеты. Ему ответил молодой женский голос:

— Вас слушают.

— Это квартира Паскевича?

— Да, это наша квартира. Кого нужно? — Голос был не из вежливых.

— Станислав Михайлович дома?

— Сейчас. — Трубка стукнулась, и через минуту мистер Дей услышал мужской голос:

— Да, у телефона.

— Станислав Михайлович?

— Да, да, я. Кто говорит?

— Стась, — с придыханием, волнуясь и сдерживая волнение, сказал мистер Дей. Трубка долго молчала. Наконец он услышал испуганное:

— Кто это? Кто говорит?
— Стась, это я, Казимир.
— Боже мой, где ты?
— Недалеко от тебя.
— Ты жив-здоров?
— Пока в порядке.
— Но подожди... Могу я тебя увидеть?
— Разумеется.
— Так где, когда?
— Я сию минуту буду у тебя. Подожди, скажу твой адрес... Правильно ли? — Он вынул блокнот, вслух прочел адрес.
— Правильно, — сказал Паскевич. — Может, тебя встретить?
— Не надо. Я рядом...
Через десять минут мистер Дей сидел за столом в квартире своего родного брата Станислава Михайловича Паскевича, с которым не виделся тридцать семь лет, с 1937 года...
Вот и еще два брата в этой невеселой повести. Но тут история несколько иная.

Г л а в а IV

ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Казимир Михайлович прекрасно замечал, как неодинаково смотрят на него эти три пары глаз. На добром, округлом лице брата блуждала растерянно-умильная улыбка, глаза увлажнились. Он, кажется, и верил и не верил. Его жена, Александра Ивановна, сразу как бы одобрила в госте решительно все и глядела с явной симпатией, даже утвердительно кивала головой, когда он что-нибудь говорил: мол, да, да, вы правы. Дочь Лена — как сказал Стась, ей двадцать один год — больше разглядывала золотые дужки его очков, булавку в галстук, костюм. Взгляд у нее был смелый, несмущающийся. Она была рослая, миловидная, с размашистыми движениями.

Когда прошла первая неловкость, брат сказал:

— Ну как ты, что ты, где ты?

— В двух словах не расскажешь. Фирма моя в Канаде. Но я на месте не сижу. Все время в разъездах.

— А что за фирма? — спросила Лена.

— Химические продукты. Мы торгуем со многими странами.

— А вы кто там, в этой фирме? — Она была грубовата и не старалась это скрывать.

— Я один из директоров.

— У тебя семья, дети? — спросил брат.

— Нет, Стась, не обзавелся.

— И у вас больше никого родственников нет? — удивилась Лена.

— У нас с вашим отцом никого больше нет. Да он, наверное, рассказывал...

— Он у нас не очень-то разговорчивый.

— Елена, — осадил ее мать.

— Саша, я думаю, надо бы закусочку организовать, — сказал жене Станислав Михайлович.

— Можно, только где ты вина купишь? Все уже закрыто.

— Достанем.

— В ресторан поедешь?

— Конечно.

Казимир Михайлович повернулся и рассматривал кружевную розовую накидку, лежавшую на крышке черного пианино, которое стояло у стены справа.

Брат поднялся.

— Я быстренько. Автомобиль во дворе. Вы поговорите тут пока.

Казимир Михайлович почему-то не хотел оставаться один с матерью и дочерью.

— Вы извините, мы съездим вместе.

— Пожалуйста, ради бога, — сказала Александра Ивановна.

Во дворе стояла светлая машина «Жигули».

— Тут недалеко ресторан «Загородный», — сказал Стась, когда уселись и поехали.

— У тебя в семье что-то не очень мирно. Или мне показалось?

— Крупно поговорили. Ленка на дамского мастера выучилась, в парикмахерской работает. Поступила в институт на заочное. Сегодня объявила, что заниматься не будет.

— У тебя что, родительской власти нет?

— Не тот характер, — сказал Стась.

— Выпиваешь? — спросил Казимир Михайлович.

— Нет. По праздникам да в дни рождения.

— В партии состоишь?

— Да.

— Работаешь где?

— В статистическом управлении. Заведую сектором. Я ведь, знаешь, Плехановский институт закончил. Народного хозяйства.

— Много зарабатываешь?

— Двести. Вот мы и приехали.

Стась поставил машину недалеко от ресторана. Они прошли через прокуренный, пропахший кухонным чадом зал в буфет. Стась попросил бутылку «Столичной». Казимир Михайлович добавил:

— И вина.

— Какого? — уточнила буфетчица.

— Узбекское десертное у вас есть? — спросил Стась.

— И шампанского две бутылки, — сказал Казимир Михайлович, разглядывавший полку с винами.

Он не позволил брату платить. Через десять минут они вернулись. Александра Ивановна уже приготовила закуску. Была и черная икра и балык.

Казимир Михайлович лишь попробовал шампанского и больше не сделал ни глотка.

— Расскажите о себе, нам очень интересно, — попросила Александра Ивановна.

— Что ж, попробую. Но ведь как уложить тридцать семь лет в застольную беседу?

— Ничего, у вас получится. Вы так хорошо говорите, — ободрила его Лена.

— Вы имеете в виду мой язык, Леночка? В нашей фирме работают люди разных национальностей. Есть и русские, очень интеллигентные люди. Так что мне язык забыть не дают. Да и с литературой приходится дело иметь. Я ведь доктор социологии.

— Правда?

— Некоторым образом.

— Ну, рассказывайте. Все, все, вы ведь в тридцать седьмом со Станиславом расстались? — напомнила Александра Ивановна.

Казимир Михайлович посмотрел на брата.

— Помнишь, Стась, как я уезжал?

— Ты уходил, а не уезжал, — уточнил Стась.

— Верно, лошади у нас не было, а на воле ехать скучновато. От хутора до большой дороги пешком дотопал, там до Бреста на попутных, а от Бреста до че-

хословацкой границы — зайцем на поездах. — Казимир Михайлович засмеялся, вспоминая. — Трудно мне было зайцем. Двадцать три года, здоров, как бугай. В ящик под вагоном не спрячешься.

— На билет не было?

— Мы с отцом больше двадцати злотых за раз в руках не держали... Да, одним словом, доехал. И границу перешел благополучно. А там меня схватили, за немецкого шпиона приняли. Швейка принимали за русского, а меня за немецкого. Но сторожили плохо, и я утек. Шел лесами, пил из речки. Сало и сухари у меня еще оставались. Самое трудное было Дунай переплыть. Но я плотик из тростника смастерил, и переплыл, и очутился в Австрии...

Александра Ивановна наливала шампанского дочери и себе. Они закусывали с большим аппетитом. Брат пил водку маленькими рюмками и не закусывал. Он слушал. Казимир Михайлович повернулся к нему:

— Помнишь, мать повесила мне серебряный крестик? На голубой ленточке. Продал я его в Констанце какому-то барахольщику.

— Постой, — сказал брат, — где же это — Констанца?

— В Румынии. Я из Австрии по Дунаю на нефтяных баржах в Черное море свалился. Там Констанца. Потом Бургас, а потом Стамбул. В Стамбуле нанялся на аргентинский пароход матросом — бесплатно, за одно питание — и прибыл в Монтевидео... Конечным пунктом я себе наметил Канаду и добрался туда через полгода. Там повезло — встретил в Монреале земляков. У них своя организация была, что-то вроде профсоюза. Помогли мне устроиться на работу, а немного погодя добились для меня канадского гражданства. Очень хорошие люди, я им многим обязан...

— Вы ничего не едите, — заметила Лена.

— Спасибо, не хочу.

— А вот мы с мамой любим поесть. Ну дальше. — Она по-прежнему не очень-то церемонилась.

— Что же дальше? Выбился я постепенно в люди. Работал и учился. Много работал, мало спал. Сколачивал капитал, а это требует усилий.

— И все время один? — посочувствовала Александра Ивановна.

— На пути, который я себе избрал, лучше быть одному.

— Ну а потом? — спросил Стась.

— Слушай, брат, давай на этом поставим точку. Как ни расписывай, всего не опишешь. Достаточно тебе и того, что вот сижу я здесь благополучный, но старый. Не хочется ворошить. Жизнь целая прошла, не очень сладкая жизнь. Ты лучше об отце с матерью скажи, я ведь ничего не знаю.

— С ними все получилось просто. Но я тоже долго ничего не знал.

— Ты уехал от них, что ли?

— Да, в сороковом. Когда у нас уже Советская власть была.

— Учиться?

— В ремесленное, в Минск. На слесаря.

— А они?

— Ну потом война. Они остались в оккупации. Отец с партизанами был связан. Повесили его немцы.

Казимир Михайлович прикрыл очки рукой.

— Боже мой, бедный отец.

— Матери еще хуже пришлось. В сарае у полицаев семь дней помирала.

— Ты ездил туда?

— В сорок шестом. Тогда и узнал. Хутор наш сожгли. Дуб, правда, остался.

Казимир Михайлович вытер платком под глазами, минуту молчал.

— Как же у тебя сложилось, Стась?

— Нас эвакуировали на Урал. Там работали. А в сорок втором меня взяли в армию.

— Кем служил?

— ВУС номер один — стрелок. Был командиром отделения. Сержант.

— Пришлось воевать?

— Немножко. На Курской дуге первую дырку получил. После еще две.

— У него орден Славы есть, — сообщила Александра Ивановна.

— Третьей степени, — уточнил Стась.

— И где же закончил?

— В Будапеште. Осенью сорок пятого демобилизовался по ранениям.

— А потом?

Стась посмотрел на жену.

— Вот ее встретил в Москве — заехал столицу поглядеть.

— Это уж в сорок шестом году, — уточнила на сей раз она.

— Поженились, она меня прописала. Поступил на автомобильный, на ЗИС. Учился в вечерней школе. Потом институт. Да, кажется, плохо выбрал.

— Ты и не выбирал, — поправила жена. — Просто что ближе к дому. Мы тогда на Большой Серпуховке жили, а там Плехановский рядом.

Стась ничего на это не сказал.

— Где же вы наш адрес взяли? — спросила Лена.

— В справочном бюро, — соврал Казимир Михайлович. — И телефон тоже.

— А что ж раньше? Не пытались разыскать?

Казимир Михайлович, отвечая на этот вопрос, опять повернулся к брату и говорил как бы для него одного:

— Если быть откровенным, то боялся.

— Чего? — удивился Стась.

— Боялся разыскивать тебя.

— Почему?

— Ну видишь ли... Думал, начну посылать запросы — у тебя неприятности будут.

— Какие неприятности?

— Не притворяйся, Стась. Ты же прекрасно понимаешь. За это преследовали.

— За что?

— Брат за границей.

— Никто за это не преследовал. Чепуха какая-то.

— Значит, я был неверно информирован. Во всяком случае, у нас много об этом писали.

— А я в анкетах писал, что ты за границей.

— Оставим это. Есть у меня мысль... Надо бы обсудить.

— Давай обсудим.

— Если я пришлю тебе приглашение, приедешь?

— В Канаду?

— Нет. Видишь, какая штука. У нас в Австрии есть филиал. Ближайшие полгода я буду работать там. Можно оформить приглашение. Все расходы, разумеется, я возьму на себя.

— Паскевич в Европе! — Лена захлопала в ладоши, как в театре.

— Можно всей семьей, — сказал, не обратив на нее внимания, Казимир Михайлович.

— А что? Мы бы с матерью махнули.

— Веди себя прилично, — сказала дочери Александра Ивановна.

— Никуда вы не махнете. — Станислав Михайлович повернулся к брату. — Стоит ли? Канитель...

— Но тебе разрешат?

— А кто может запретить? Чепуха какая-то.

— Я пробуду здесь месяц. Поеду по стране, в Брест загляну. Может, до хутора доберусь. Но обратно полечу из Москвы. Мы еще повидаемся и тогда детально договоримся. — Он встал.

— Уходишь?

— Поздно уже. — Казимир Михайлович посмотрел на часы. — Половина двенадцатого.

— Я тебя отвезу.

— Ты что, с ума сошел? — возмутилась Лена. — Выпил же. «Отвезу».

— Да, отставить. Я тебя лучше пешком провожу.

— Не беспокойся, дорогу знаю.

— Не пьяный я, честное слово. За руль, конечно, не надо, но до метро я тебя провожу.

Казимир Михайлович попрощался с женщинами породственному, Александра Ивановна даже поцеловала его в щеку. Он высказал надежду, что они еще увидятся, и неоднократно. На улице он взял брата, который был чуть ниже ростом, под руку.

— Приедешь ко мне?

— Видно будет. Почему бы и нет?

— Приезжай. Я документы начну оформлять, как только прилечу в Вену.

— Давай.

— Позвоню тебе, когда буду в Москве на обратном пути.

— Обязательно.

Они подходили к метро. Казимир Михайлович замедлил шаг.

— Ну поцелуемся.

— Ты где остановился?

— В «России», — снова соврал Казимир Михайлович.

— Идем, я тебя в поезд посажу.

— Нет, нет, нет. Наоборот. Я тебя доведу до угла.

Как ни настаивал Стась, брат не разрешил посадить

себя в поезд. Они расстались на полдороге между метро и углом улицы Вальтера Ульбрихта...

В начале первого часа Казимир Михайлович был у себя в номере. Но спать лег еще не скоро. Сняв костюм и облачившись в пижаму, он занялся бачками и химикалиями. Конструкция бачков несколько отличалась от тех, с какими он привык иметь дело, но разобраться ему не составило труда. Химикалии были стандартные. Разобравшись, Казимир Михайлович отнес все в ванную и приступил к проявке пленок. У него уже было отснято четыре киноленты и одна фотопленка, но он решил проявить только фото- и одну из кинолент — ту, что вынул из камеры. Приготовил растворы проявителя и закрепителя, погасил свет, зарядил бачки пленками и перешел в гостиную. В блокноте, вынутом из сумки с кассетами, сделал несколько записей. Потом тщательно осмотрел в обеих комнатах свои вещи. Он еще днем, до прихода Галины, везде оставил невидимые метки — где волосок, где нитку, где крошку табака из сигареты. Все оказалось нетронутым. Его, вопреки ожиданиям, не обыскивали. Он был рад этому. Выждав срок, промыл пленки после проявителя, поместил в закрепитель. Подремал в кресле, потом пошел в ванную, опять промыл пленку, посмотрел ее на свет. Снимал он хорошо — ни недодержки, ни передержки ни в одном кадре. Надо было пленку высушить к утру, но у него не оказалось зажимов. Вспомнил, что в чемодане есть машинка для сшивания бумаг, извлек из нее медные прутики, загнул их крючками. Потом, кряхтя, взобрался на стол, отстегнул штору с двух колец и повесил на них пленку. И только после этого лег, не снимая пижамы, в постель. Он порядком устал — заснул быстро, как давно не засыпал. А в половине восьмого был уже на ногах и, как ни удивительно, чувствовал себя выспавшимся и бодрым. Наверное, оттого, что воздух в номере был свежий: кондиционер делал свое дело. Первым делом, еще не побрившись, Казимир Михайлович, — а точнее, мистер Дей, ибо тут он был именно мистером Деем, — первым делом обратил свое внимание на кинопленку. Напевая что-то безмотивное, он снял ее, осмотрел и остался доволен. Затем достал из чемодана плоский маленький проектор, нашел штепсель. Напряжение 220 вольт — то, что ему надо. Он установил проектор, подвинув низкий столик ближе к штепселю. Зарядил пленку. Задернул шторы. Включил проектор и

навел фокус на противоположную стену. Высветился прямоугольник метр на полтора.

— Сегодня на экране... — сказал он сам себе и пустил ленту.

Экран показывал сидящую в кресле Галину. Три минуты она листала журнал и ни разу с кресла не поднималась. По лицу мистера Дея нельзя было определить, доволен он или, наоборот, разочарован. Он и сам бы не сумел ответить на этот вопрос.

Глава V

КЛУБ «ДИСКУССИЯ»

Мистер Дей побрился, принял душ, оделся перед зеркалом, почистил и подровнял пилкой ногти. Потом сходил за газетами и выглянул на улицу. День начинался чудесный.

В девять часов раздался стук в дверь. Он поднял голову от газеты.

— Прошу.

Вошла Галина.

— Доброе утро. Как спали?

— Великолечно.

Она заметила на столике проектор с пленкой.

— О, вы уже и кино смотрели?

— Да, и очень интересное. Хотите? Всего одна серия.

— Так рано? Давно не ходила на детские сеансы. Ну что ж, крутите. — Она села в кресло, в котором сидела вчера. — Можно закурить?

— Да, конечно, у нас на Западе в кинотеатрах курят. — Он подал ей пепельницу и стал к проектору. На стене возник светлый прямоугольник, аппарат тихонько зашипел, и Галина увидела сидящую в кресле женщину. Она не узнала себя, ничего не успела понять, а лента уже кончилась.

— Ну как фильм? — весело спросил мистер Дей.

— Мало действия.

— Натурально, натурально, — обрадовался он.

— Но кто эта дама?

Только тогда он сообразил, что Галина себя не узнала, — так была она далека от мысли, что ее могут снимать скрытой камерой.

— Как, вы не узнаете? В таком случае повторим.

Он перемотал пленку и пустил ее снова. На этот раз она поняла, что видит себя.

— Так, так, мистер Дей. Когда же успели?

Он подошел к столу, где лежали аппараты, взял в руки кинокамеру.

— Вчера, прежде чем пойти к своему знакомому, я незаметно включил эту штучку. Она не очень шумит, но если бы и шумела, вы бы не услышали: работал телевизор. Вы сидели там же, где сидите сейчас. — Он поставил камеру на стол, навел ее. — Вот так, видите? И весь фокус.

Она задумалась, докурила сигарету. Хорошее настроение пропало.

— Зачем вам это нужно? Только не говорите, что на память.

— Я мог бы не показывать вам ленту, не так ли? Поэтому прошу оценить мою откровенность.

— Слишком сложно. Не пойму.

Он стал серьезным.

— Объяснимся, дорогая Галина. Дело в том, что я почему-то думал: вы приставлены ко мне шпионить.

— Вот как? Почему же?

— Вероятно, я жертва западной пропаганды. Это очень мощный пресс.

— Все-таки не понимаю: зачем вы меня снимали у себя в номере? Неужели... — Она не смела вслух высказать свою догадку.

Но ему ничего не стоило называть вещи своими именами.

— Нет, я, конечно же, не думал, что вы будете интересоваться содержимым моих чемоданов. Я не настолько оболванен западной пропагандой. Но мне хотелось посмотреть, какое у вас выражение лица, когда вы в одиночестве.

— Спасибо за откровенность, мистер Дей. У вас имеются другие способы проверки?

— Не сердитесь. Я ведь вижу: моя прямота вам по душе. Это лучше, чем глухая скрытность.

Старый жуир угадал: Галина, вначале расстроившаяся и почувствовавшая неприязнь к своему «люксовому» подопечному, быстро сменила гнев на милость; ей нравилось такое безбоязненное отношение к самым щепетильным вопросам. Она ни на миг не допускала мысли, что этот психологический этюд еще сложнее, чем ей показа-

лось, что у откровенности мистера Дея двойное дно, что все это устроено специально — именно в расчете на то, что она проникнется к нему симпатией и доверием. У него были все основания считать этюд удачным.

— Идемте завтракать, и в посольство, — сказал он громко. — Хочу есть.

— Я позавтракала.

— Кофе никому не помешает.

Из ресторана мистер Дей после завтрака позвонил в посольство, и они вышли на улицу. Такси со знакомым номером ожидало их на стоянке. За рулем сидел не Коля. Кто-то плотный, с толстой шеей.

— Это наше? — спросил мистер Дей у Галины.

— Да. Шофер другой.

— А где же Коля? — Это уже обращено было к водителю.

— Выходной. Мы работаем через день. Я его сменщик.

— Понятно, понятно.

— Куда прикажете?

Мистер Дей назвал посольство — не канадское, другой страны.

Ехали недолго, минут десять. Мистер Дей не настаивал, когда Галина отказалась сопровождать его в здание посольства. Она осталась в машине.

Он отсутствовал минут сорок и вышел вместе с двумя мужчинами. Им было лет по тридцать. Один светловолосый и худощавый. Другой темный, с пушистыми длинными бакенбардами, ростом и сложением походивший на боксера полутяжелого веса. Они проводили мистера Дея до машины.

— Познакомьтесь, — сказал он, открывая заднюю дверцу. — Это Фридрих. — Он показал на блондина, тот низко поклонился. — А это Джордж. — Боксер кивнул ей. — А это, господа, моя очаровательная спутница и хозяйка, леди Галина.

Боксер был в темных, непроницаемых очках. Галина не любила такие очки. Если ей приходилось разговаривать с людьми в темных очках, у нее возникало такое чувство, словно ее поставили под яркий, слепящий луч софита и рассматривают из темного угла. Чем непроницаемее стекла, тем большее раздражение они вызывают.

Она не протянула им руки. Мистер Дей с одного взгляда распознал ее настроение.

— Мы прощаемся до завтра, друзья мои, — сказал он. — Я на всякий случай утром позвоню.

Они помахали вслед машине рукой.

— Очень хорошие молодые люди, — как бы оправдываясь, заверил ее мистер Дей. — Серьезные... Как это у вас говорят? Целеустремленные.

— Рада за них.

— Между прочим, моя просьба к вам... ну, насчет вечера в кругу молодежи... отпадает. Все устроилось. Джордж берет это на себя.

— Он что, массовик-затейник?

Мистер Дей впервые не уловил иронии — может быть, потому, что не понимал выражения «массовик-затейник».

— Он студент... Так мы куда теперь?

— По плану выставка.

— Едем на выставку.

Езда с новым таксистом отличалась от езды с Колей, как рыбная ловля — еще в детстве отец возил Галину с собой на рыбалку — от забивания «козла», которое она ежедневно видит у себя во дворе с мая по сентябрь включительно. Второй раз они услышали его голос, когда приехали на ВДНХ. Он спросил у Галины:

— Вы долго рассчитываете здесь пробыть?

— Не меньше трех часов.

— Сейчас половина двенадцатого. Разрешите до двух быть свободным?

— Пожалуйста.

— Почему он отпрашивается так робко? — поинтересовался мистер Дей.

— Хочет подхалтурить.

— Подхалтурить? А что это значит?

— В данном случае — повозить других пассажиров. В Москве большой спрос на такси.

— Интересно. У нас таких понятий нет.

— Зато у вас есть кое-что другое.

— Например?

— Жаждете спора на социально-политические темы? Ну, например, безработица или расовое неравенство.

— Зачем спорить нам с вами? Пусть спорят системы. Я за свободный обмен мнениями.

Они шли прямой и широкой пешеходной магистралью к главному павильону выставки.

— Мистер Джордж устраивает вам именно такой обмен? — спросила она.

— Хорошо, что напомнили. У них там какое-то подобие клуба, собираются молодые люди, обсуждают актуальные проблемы. Я за вас поручился. Возьмите своих друзей, кого пожелаете.

— А почему надо давать ручательство? У них тайное общество?

— Насколько я понял, ничего тайного там нет. Просто собираются единомышленники, полемизируют.

— Какая же полемика между единомышленниками? Мистеру Дею не нравился такой поворот.

— Добрейшая Галина, прекратим. Смотрите, как красиво вокруг. Оставим сухие предметы.

Они пробыли на выставке три с половиной часа, но до ее противоположного конца не добрались. В павильоне «Животноводство» мистер Дей сказал:

— Вы не устали? Я уже нагляделся. Все очень интересно, но пора и честь знать.

Сели в автопоезд, доехали до выхода. Таксист ждал их. После обеда мистер Дей отправился в гостиницу отдыхать, а Галина позвонила на работу Лене Смолиной, и таксист отвез ее на Смоленскую площадь, к Министерству иностранных дел. Лена вышла, и они поговорили. Галина передала подруге отлитые в пузырек из под перекиси водорода духи «Кристиан Диор». Лена убежала, а Галина вернулась к гостинице. Она немного вздремнула в машине. В половине пятого явился мистер Дей, и они отправились смотреть Московский университет. В девять мистер Дей завез ее домой. На завтра была составлена обширная программа, заключительным пунктом которой значилось посещение квартиры на проспекте Вернадского — адрес у мистера Дея был записан, — где Джордж организовывал нечто вроде клуба.

Уже лежа в постели, Галина позвонила Володе. Разговор получился нервный.

— Я хотела бы пригласить тебя сейчас к себе, но у меня завтра два музея, — сказала она.

— И на том спасибо.

— Как твои дела?

— Благодарю, в порядке.

— Завтра вечером свободен?

— Да.

Он только отвечал на вопросы, не более.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя по-детски?
И что у тебя тяжелый характер?

— Может быть. Не хочу притворяться.

— Ты и не сумеешь.

— Предпочитаю не уметь.

— Хочешь, чтобы я не спала?

— Спи, пожалуйста, на здоровье.

— Ах, Володя, Володя. Ты же большой, сильный, где же твоя снисходительность?

Вероятно, это его задело.

— Прости. Правда, что-то меня не туда несет. Прости.

— Хочешь со мной завтра вечером в одну компанию?

— Что за компания?

— Какой-то домашний клуб. Мой мистер Дей желает там быть. А потом поедет ко мне.

— Где встретимся?

— Я за тобой заеду. Будь дома от семи до восьми.

— Договорились. Спи спокойно...

Без четверти восемь шофер Коля привез мистера Дея и Галину на Профсоюзную улицу, она зашла за Володей, а потом поехали на проспект Вернадского и остановились у длинного, в полквартала, дома. Колю отпустили на полтора часа.

Квартира, куда они пришли, уже с порога производила впечатление проходного двора. На полу валялся придавленный окурок сигареты. Вешалка перегружена какими-то пыльными одеждами. Под вешалкой стоят несколько портфелей. В углу — табун пустых бутылок. Их встретили Джордж и высокий молодой человек с удивительно свежим цветом лица. Джордж был без очков.

— Это хозяин квартиры, — сказал он. — Ричард Славский.

— Очень рады, мистер Дей. — Хозяин уже помогал гостю освободиться от аппаратов.

Потом Джордж и Ричард познакомились с Володей, пожали руку Галине. Хозяину было не больше двадцати двух, но смотрел он на пришедших несколько покровительственно, как старший на меньших. У него был не по летам проницательный взгляд и нагловатая манера разглядывать людей. А в углах рта таилась чуть заметная усмешка, словно этот Ричард о каждом, на кого смотрел, знал что-то не совсем пристойное. Как стало известно Галине много позже, Ричард в то время пере-

живал бурную полосу. Его родители, оба врачи, уехали на два года в Африку, и он остался один в трехкомнатной квартире. Медицинский институт, где он учился на третьем курсе, был заброшен. Ричард, прекрасно знавший английский язык, завел знакомства среди иностранцев и начал заниматься фарцовкой. Но все это она узнала после, а сейчас их пригласили в просторную гостиную, где за раздвинутым во всю длину обеденным столом сидело шесть человек: два брюнета студенческого возраста, очень похожие, оба с очень черными кудрявыми волосами, с узкими белыми лицами; юнец в цветастой женской кофте; странный толстощекий субъект, стриженный под машинку, весь какой-то сдобный, мелко и часто жевавший что-то, и две девы — одна миниатюрная, с живыми черными глазами, другая довольно крупная, с соломенными пышными волосами, раскиданными по плечам; она хранила устало-томный вид, и это делало ее комичной, потому что у нее был задорно вздернутый носик и веснушки, проступавшие даже сквозь пудру.

Вновь прибывших ни с кем не познакомили. Придвинули еще три стула, положили на стол перед каждым по пачке сигарет «Честерфильд», по пачке жевательной резинки и несколько тоненьких журнальчиков. Они были отпечатаны на русском. Владимир Яковлев взял их в руки, прочел заглавия: «Континент», «Посев», «Грани», «Вольное слово».

Хозяин меж тем носил кое-что из кухни — высокие стаканы с толстым литым дном, бутылки с виски и содовой водой, апельсиновый сок в литровых консервных банках с пробитыми в двух местах верхними крышками, стеклянный сифон, оплетенный серебристым металлом, и вазы с кубиками льда. Джордж следил за его действиями, как строгий метрдотель. Наконец все было принесено, Ричард пошептался с Джорджем и, обратясь к гостям, сказал:

— Итак, друзья, каждый ухаживает сам за собой или за соседом. Сегодня у нас знаменательный вечер. Мне доверена приятная миссия сообщить вам, что наш творческий клуб начинает свою деятельность. Вводное слово скажет наш друг Джордж, студент Московского государственного университета.

— Дорогие коллеги, — с пафосом, рассчитанным на большую аудиторию, заговорил Джордж. — Девизом

и главным законом нашего клуба будет свобода слова, полная и ничем не ограниченная. Каждый сможет говорить то, что он думает, и в выражениях, которые считает подходящими. Не все из вас к этому привыкли, но проблема разрешима. Нас будут регулярно посещать люди, воспитанные в условиях подлинной демократии. Они дадут нам пример, как человек свободного образа мыслей может широко и непредубежденно судить о явлениях общественной жизни и о государственной политике. Это будет для всех нас отдушиной, это освежит наш ум и наше сердце.

Володя шепнул Галине:

— Слушай, это же шпана с антисоветским оперением. Куда мы попали?

— Подожди, не торопись.

Джордж неодобрительно покосился на них, помолчал немного и продолжал:

— Клуб должен иметь свое название. Прошу подумать и предложить.

— У меня есть предложение, — сказал Ричард.

— Мы слушаем.

— «Дискуссия». Клуб «Дискуссия». По-моему, подходит.

Джордж посмотрел в потолок, шевеля беззвучно губами, будто пробовал слово на вкус.

— Что ж, действительно ничего. Все согласны? Или есть другие предложения?

Брюнеты кивали головами. Томная курносая девица сказала:

— «Дискуссия» — это прекрасно.

— Утвердили, — подытожил Джордж. — Надо сказать о порядке нашей работы. Я думаю, форму наших собраний мы можем заимствовать у семинаров, которые проводятся в советских вузах и организациях. Только форму, но не дух. Кто-то делает доклад на определенную, выбранную нами же тему, а потом свободная дискуссия. Это первое. Второе: наш клуб должен стать тесным сообществом индивидуальностей, у которых нет тайн друг от друга. Каждый может принести сюда свое горе и найти здесь помощь и утешение...

— Он что, поп? — снова шепнул Володя.

— Молчи, молчи, — сказала Галя.

— ...Мы не ставим себе политических целей, — закруглялся Джордж. — Мы остаемся лояльными по отно-

шению к системе общественного и политического устройства, существующего в стране нашего пребывания. Свободное духовное общение свободных личностей — вот наши средства и наша цель. Наши двери открыты для всех. Нам некого и нечего опасаться.

Раздались дружные аплодисменты двух девиц и длинноволосого юнца.

Мистер Дей склонился к Галине:

— Что ж, все очень разумно, не правда ли?

— Сомневаюсь. Никогда ничего подобного не слышала.

— Еще несколько слов, — после паузы сказал Джордж. — Мир переживает сейчас счастливое время. Расширяются контакты между странами, процветает торговля. Но духовные контакты, на мой взгляд, еще очень сильно отстают от экономических аспектов разрядки. Я имею в виду непосредственный контакт между людьми, нерегламентированный обмен идеями. Наш клуб призван до какой-то степени исправить это несоответствие. Я кончил, спасибо за внимание.

Снова дружные аплодисменты с того же конца стола. Один из кудрявых брюнетов как-то вяло и небрежно поднял руку, прося слова.

— Пожалуйста, мы вас слушаем, — быстро проговорил Ричард. — Вставать не надо.

— Я хотел бы сделать доклад на следующем заседании, — солидно, не торопясь и ни на кого не глядя, сказал брюнет.

— Просим. Какая тема?

— История демократии.

— Согласны? — спросил Ричард, обращаясь ко всем сразу.

Девицы кивали.

— Утверждаем. А сейчас прошу высказываться. Коллега Джордж набросал перед нами программу нашего клуба. Мы можем принять ее или поправить. Каждый имеет право внести изменения.

Все молчали, и молчание неприлично затянулось. Обойдя стол и став против Владимира и Галины, Джордж сказал:

— У вас, по-моему, есть какие-то замечания. Но здесь все можно говорить вслух.

— Вы ко мне? — спросил Владимир.

— Да. Вы шептали на ухо вашей коллеге. Говорите для всех. — Джордж улыбался.

— Боюсь, это вам не понравится.

— Здесь полная свобода.

Владимир встал, отодвинул стул подальше.

— Ну что же, так и быть. Я говорил своей... своей коллеге, что здесь собралась антисоветская шпана. И еще спросил, не поп ли вы, мистер... как вас там?

Курносая девица пискнула, как будто прищемила зубами язык. Джордж непроизвольно сделал угрожающее движение. Хорошо, что их разделял стол. Галина знала, как ловок и силен Володя, знала, что у него первый разряд по вольной борьбе. Начнись драка — неизвестно, чем обернется. Она тоже встала и взяла Володю за руку.

— Спокойно, — сказал он. — Спокойно, мистер... как вас там? Не становитесь в позицию, не доводите дело до Совета Безопасности. — И к Галине: — Я ухожу. Ты как?

Джордж снисходительно усмехнулся, обвел взглядом сидевших за столом и, как бы апеллируя к ним, сказал:

— Вот так ведет себя человек, воспитанный не в демократическом обществе. У него один аргумент — кулаки.

— Хотите поговорить о демократии? — мгновенно успокоившись, спросил Володя.

— А что ж, мы для того и собрались.

— У вашей демократии есть верх и есть низ, не так ли?

— Не понимаю.

— Ну есть правящие и управляемые.

— Правящими становятся в результате свободных выборов. — Джордж все еще говорил со снисходительной улыбкой. Сидевшие за столом улыбались, поглядывая на Володю полупрезрительно. Мистер Дей наблюдал за поединком с нескрываемым удовольствием.

— И в Соединенных Штатах любой гражданин может стать президентом? — спросил Володя.

— Разумеется.

— А вы когда-нибудь выдвигали свою кандидатуру?

— Я не политический деятель.

— Ну а если бы выдвинули, хватило бы у вас денег на избирательную кампанию?

Джордж сразу заметно поубавил самоуверенности в тоне.

— Это неудачный пример.

— Хорошо, возьмем другой, — охотно согласился Володя. — Что вы скажете об уотергейтском деле? Это так заведено у вашей демократии — совершать кражи со взломом, чтобы добыть улики, компрометирующие политических противников?

— Это осуждено общественностью. Виновные будут наказаны.

— А как насчет убийства президента Кеннеди?

Джордж уже начинал раздражаться, ответил резко:

— Мы договорились не трогать президентов.

— Ладно. Тронем Ольстер. Почему там ваша демократия убивает людей?

— Это не имеет отношения к демократии. В Ольстере происходят беспорядки на религиозной почве.

— А английские солдаты тоже действуют на религиозной почве?

— Вы берете все время не те примеры, — снова попробовал улыбнуться Джордж. — Мы тут обсуждаем вопросы свободного обмена идеями.

Володя смотрел на него исподлобья с выражением глубокой неприязни.

— Ну хорошо. Я не литератор и не журналист, но могу, не сходя с места, назвать вам десяток или два английских, американских и французских современных писателей, книжки которых читал в переводе на русский. Назовите вы хотя бы трех современных советских писателей, которых вы читали в переводе на английский. И скажите, пожалуйста, сколько советских фильмов видели вы у себя там, в демократическом раю?

Джордж пожал плечами.

— Это, как у вас говорится, не по существу.

— А что же тогда по существу? В чем существо вашего обмена идеями?

— Вам этого не понять, — брезгливо ответил Джордж. — Вы слишком... слишком... — Он искал подходящее слово и не мог найти.

— Просто я достаточно взрослый человек и думаю своей головой, а не чужой, — не дождавшись, когда Джордж выйдет из положения, сказал Володя. Помол-

чав, кивнул на притихшую компанию и добавил: — Если вы и заморочите эту шантрапу, туда им и дорога.

Шантрапа зароптала. Джордж молчал, сжав зубы и играя желваками на скулах. Володя закончил дискуссию:

— В общем, мистер... как вас там?... смотрите не поскользнитесь. Я вам категорически не кланяюсь.

При полном молчании он покинул комнату. Галина догнала его у выходной двери, где Володя задержался, возясь с незнакомым замком. На лестничной площадке он сказал:

— Ты что, остаешься?

Она придерживала дверь, чтобы не захлопнулась.

— Не могу же я его бросить.

— Учти, это не бутафория. Это не «союз меча и орала» из «Двенадцати стульев». Гораздо хуже.

— Я же к ним записываться не собираюсь.

— Ладно. Будь здорова. — Он сбежал на один марш.

— Володя, но при чем здесь я?

— Не маленькая. Звони.

Галина вернулась в гостиную, а Владимир Яковлев сел в троллейбус и поехал домой. Ни номера дома, ни номера квартиры он не запомнил — не до того было. Он ругательски ругал себя...

Учредительное заседание клуба «Дискуссия», испорченное столь грубо, скомкалось. Ричард налил девушкам виски, бросил в стаканы по два кубика подтаявшего льда и разбавил содовой.

Мистер Дей, поблагодарив за доставленное удовольствие, объявил о своем уходе. В машине он сказал Галине возмущенным тоном:

— Черт знает что! Действительно, как это сказал ваш Володя? Шантрапа... Я думал, все это несколько солиднее. — И неожиданно рассмеялся. — Впрочем, все довольно невинно.

— Нет, мистер Дей, это не так невинно, как вы думаете. По-моему, все это омерзительно.

— Ну не будьте так нетерпимы к инакомыслию. Как же тогда говорить о разрядке?

— При чем здесь разрядка?

— Джордж очень верно заметил: одной торговли мало.

— В таком случае почему же ваш Джордж не захотел отвечать на вопросы?

— Ах, оставим эту чепуху, — примирительно сказал мистер Дей. — Есть вещи поинтереснее.

— Изучаете жизнь советских людей? — петушиным своим тенором спросил шофер Коля.

— Некоторым образом. Пытаюсь.

— Я, между прочим, тоже советский человек, — сказал Коля.

Это был прямой намек, и мистер Дей его понял. Галина подумала: ну вот, этого еще не хватало.

— Что вы предлагаете, дорогой Коля? — заинтересовался мистер Дей.

— Могу в гости пригласить. Посмотрите, как живет рабочий класс.

— А что? — Мистер Дей посмотрел на Галину, ища ее одобрения. — Мне эта идея нравится.

— Какой же вы рабочий класс, Коля? — сказала она.

— А кто ж мы? Хлопкоробы, что ли? — завелся с пол-оборота Коля. — Если хотите знать, мы, шоферы, — самая распространенная профессия. Нас в стране больше десяти миллионов.

— Да я ничего не имею против вашей профессии. Не волнуйтесь, пожалуйста.

Коля повернул голову, подмигнул ей.

— Я волнуюсь, только когда с тещей капусту на зиму рубим. Зимой под капустку хорошо идет.

— Смотрите вперед.

— Ничего, мы милиционера и макушкой увидим. Так что, мистер Дей, печь блины?

— Вы хотите позвать меня на блины?

— А что? Теща утром поставит, к вечеру напечет. Правда, икры у меня нет. С селедочкой.

— Завтра?

— Да. Я как раз выходной. Мой напарник вас привезет, адрес знает.

— Во сколько?

— Хоть в шесть, хоть в семь.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, дорогой Коля. Я сам подумывал о чем-то подобном.

Таким образом у мистера Дея возникло мероприятие сверх программы.

...Ложась спать, Галина подумала, что следовало

бы позвонить Володе. Но ей не хотелось звонить. Так, наверное, избегают встреч и разговоров сразу после неудачи сообщники по неблагоприятному делу. Ей было неприятно после сцены в квартире Ричарда.

Следующий день был отдан Третьяковской галерее, а вечером они отправились к Коле. Он жил в коммунальной квартире, с одним соседом. Большая, метров двадцать с лишним, светлая комната была тесно заставлена. И не мудрено: широкая кровать, диван, шкаф для платья, шкаф для книг, обеденный стол, письменный стол, телевизор, холодильник. И все нужно, ничего не выбросишь. Жена и теща хлопотали на кухне. Сам Коля встретил их в фартуке поверх костюма. Галстук у него был завязан неумело и висел криво, но это его, кажется, не смущало. Пахло блинами.

— А-а! — громко, на всю лестничную клетку заорал он, открыв дверь. — Привет акулам капитализма. — Глаза его горели отчаянным гостеприимством. — Прошу, прошу.

— Колька, идол. С ума сошел? — слышался из кухни низкий женский голос.

— Я же шучу, они же понимают.

Мистер Дей не был испуган таким приемом. Он улыбался, когда Коля тряс его руку, улыбался и в комнате, когда его усаживали на диван и познакомили с женой и тещей. Вскоре пришел друг Коли, широкоплечий, медлительный мужчина с сильно загорелым лицом. Ладонь у него была жесткая, как доска, руку мистеру Дею и Галине он пожимал очень осторожно. Мистер Дей при начале застолья объявил, что не пьет крепкого. Коля сказал, что есть вино, но и от вина гость отказался. Тогда Коля приказал жене налить мистеру Дею клюквенного сока.

— Но мы немножко выпьем, если вы разрешите, — обратился он к мистеру Дею. — А потом поговорим.

— О, вы не обращайтесь на меня внимания. Я свою порцию давно выпил.

— У нас говорят: свою цистерну. Верно, Леха?

Друг Коли покашлял в кулак.

— Верно.

— Ну, за здоровье дорогого гостя. И за нашу товарища Галю.

Стол был забит закусками. Жена Коли положила

гостям блинов и придвинула поближе тарелку с семгой. Закусив, Коля держал краткую речь.

— Дорогой мистер Дей. Мы, конечно, не дипломаты, но мы все рады приветствовать вас в нашей тесной комнате. Разрешите сказать, кто жует за этим столом. — Он обвел сидящих взглядом, и при этом жена его, не сдержав смеха, поперхнулась. — Вот это моя супружница, Мария Петровна, год рождения — сорок третий. Дитя войны.

— Что ты мелешь, — перебила теща, дородная пожилая женщина добродушного вида.

— Нет, нет, законное дитя. Не мешай, теща, я все скажу. Значит, Мария Петровна — передовой труженик, не выпускает вымпел из рук. Она ткачиха. А это ее мать, почетный пенсионер, тридцать пять лет проработала тоже ткачихой, — Анна Афанасьевна.

— Прядильщицей, — поправила теща.

— Все равно. А это мой друг Алексей, безбожный человек, работает прокатчиком, мнет металл. Женат, двое детей. В настоящее время холост, жена в деревне. И вот я, известный вам водитель Коля, лучший друг автоинспекции и гроза собственной жены, когда приходим с именин.

— Угомонись, — сказала теща.

— Ничего подобного, я только начал. Что я хочу сказать, дорогой мистер Дей? Вот вы капиталист, правда?

Мистер Дей уже освоился с манерой Коли вести разговор и был готов ко всему.

— До некоторой степени.

— Вы живете богато?

— Не жалуюсь.

— Мы тоже не жалуемся. Вот посмотрите. Что вы видите? Комната. А что в этой комнате? Холодильник? Вот холодильник. Телевизор? Вот телевизор. Стиральная машина? На кухне. Автомобиль? Можем, но не будем. Мне зеленый глазок во как надоед. Теще могу купить велосипед, но она ездить не будет.

— Понесло, — сказала теща.

Галина рассмеялась. Коля махнул рукой, требуя тишины.

— Я говорю не по писаному, мы на бумажке только заявление на отпуск рисуем. Но что я хочу сказать? Жить троим в одной комнате — конечно, никакой театр

не нужен. Но мы скоро получим квартиру. Мне лично будет хуже. Почему? Придется во все горло орать.

— Ты и так орешь, — сказала теща.

— У меня всё. Извините за внимание, — закончил свою речь Коля.

Весь вечер Коля не дал никому рта раскрыть. Он был набит мыслями и различными историями. Гостям скучать не приходилось. Поговорить самим им удалось лишь в тот момент, когда Коля вышел на улицу, чтобы позвать своего напарника, сидевшего в машине. Его накормили, а выпить не предлагали.

Провожали гостей до машины всей компанией...

Откровенно сказать, Галина, отправляясь к Коле, немного побаивалась. От Коли можно было ждать каких угодно выходов. Но все прошло как нельзя лучше, и она осталась очень довольна.

— Веселый человек, — сказал мистер Дей, когда они отъехали.

— Вы про Колю? — спросил шофер.

— Да.

— Он у нас стенгазету делает. Карикатуры рисует, как в «Крокодиле».

...Через два дня московская программа была выполнена. Мистер Дей и Галина отправились на «Красной стреле» в Ленинград. Там задержались на пять дней. После Ленинграда — Таллин. Два дня. После Таллина — Рига. Три дня. Галине маршрут этот был уже давно известен, так же как все обычные объекты туристского внимания. От других туристов мистер Дей отличался только особым пристрастием к морским портам. Он много снимал кинокамерой и фотоаппаратом.

Во всех трех городах у мистера Дея были какие-то встречи — он говорил, что навещал торговых представителей своей страны, — на которые он Галину не брал. Ее это не интересовало. Скорее она была рада отдохнуть полдня от обязанностей гида.

Из Риги они перелетели на юг, а 12 сентября вышли из самолета в аэропорту того благословенного города, где жил и страдал Евгений Петрович Храмов. Машина, заказанная Галиной заранее, ждала их.

— У меня, между прочим, здесь родной дядя, — сказала Галина, когда въезжали в город.

— Правда? Что он делает?

— Преподает в институте. Ему, если не ошибаюсь, уже пятьдесят восемь. Совсем одинокий.

— Надо вам его навестить.

— Посмотрим.

— Мне тоже надо тут повидать одного человека. Родственник моих знакомых.

— У вас есть адрес?

— Да. И даже телефон.

Шофер спросил:

— У вас какая гостиница?

— «Черное море», — сказала Галина.

— Отель первый класс, — важно заметил шофер.

Он подвез их к многоэтажному зданию. Номера им дали на одиннадцатом этаже — мистеру Дею, как всегда, люкс, Галине — обычный номер на одного человека.

Настроение у нее было паршивое. В последние дни она часто вспоминала Володю и бранила себя за то, что уехала, так и не поговорив с ним. Надо бы написать...

Глава VI

НОВОИСПЕЧЕННЫЕ ДРУЗЬЯ И ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ

Генеральским разрешением отдохнуть капитан Краснов воспользовался лишь отчасти. Он купался в море два дня. 11 сентября позвонил секретарь партбюро технологического института Нагаев и сказал, что преподаватель Евгений Петрович Храмов приступил к чтению лекций. В тот же день Краснов познакомился с Храмовым — издалека и в одностороннем порядке. Евгений Петрович не понравился бы капитану Краснову во всех случаях, даже если бы и не писал открыток. Краснов ожидал увидеть человека желчного, иссушенного долгим одиночеством, а увидел самодовольного, подтянутого пожилого мужчину. Не понравился он капитану потому, что лицо его было чересчур холеным — похоже, употреблялись и косметические средства, — а выражение лица ясно свидетельствовало, что Евгений Петрович относится к собственной персоне с великим почтением. Он был хорошего роста, почти совсем не сутулился. Одет великолепно: светло-серый дорогой костюм, голубоватая рубаша с твердым воротничком, полосатый серо-вишневый галстук вывязан с артистиче-

ской небрежностью. И ко всему — палка с бронзовым набалдашником в виде собачьей головы. И трубка, которую он не курил, а посасывал пустую. Да, великолепен был Евгений Петрович Храмов, и это несколько сбило Краснова с толку. Никак не вязался вылепившийся в его сознании образ анонимщика с тем, что он увидел в действительности. Судя по всему, Евгений Петрович отлично отдохнул.

Краснов был убежден, что открытки и «Группа содействия» — порождение личной инициативы Евгения Петровича Храмова, что никакой организацией здесь и не пахнет. Этого убеждения не поколебал и сложный для Краснова день 14 сентября. В двенадцать часов ему стало известно, что Храмов сидит в кафе «Астра» с приезжими людьми. Шел теплый дождь. Краснов набросил, не надевая в рукава, плащ и зашагал в «Астру». С Храмовым были красивая молодая женщина и солидный стареющий мужчина в очках, с кустистыми бровями, увешанный кино- и фотоаппаратами. Все трое ели мороженое. Разговаривали мужчины. Женщина молчала. Краснов посидел минут пятнадцать и ушел. Дождь не переставал.

Он пробыл у себя в управлении до шести вечера. В шесть ему стало известно, что Евгений Петрович сидел в кафе с иностранным туристом по фамилии Дей и его гидом Галиной Храмовой, остановившимися в гостинице «Черное море».

Услышав фамилию гида, Краснов не удивился и не встревожился, напротив, это его успокоило. Если бы иностранец, встретившийся с Храмовым, был один или с гидом под другой фамилией, — это могло бы заставить Краснова глубоко задуматься. Больше того: он наверняка поставил бы над своей версией — что Храмов действует в одиночку — огромный знак вопроса. Но ему к тому времени уже удалось выяснить, что у Евгения Петровича существует единственная племянница, носящая ту же фамилию и работающая гидом-переводчиком в «Интуристе». Так что его версия пока оставалась непоколебленной. Он даже не считал это совпадением, игрой случая: ведь гид Храмова могла и может в любой момент приехать с иностранцем в их город. А то, что она пожелала, приехав, встретиться со своим дядей, — не менее естественно.

Знак вопроса наметился — пока лишь пунктирно —

на следующий день, 15 сентября 1974 года. Иностран-
ный турист, которого все в гостинице «Черное море»
успели узнать и звали мистером Деем, посетил Евгения
Петровича Храмова на дому. Он был без гида Храмо-
вой. Пришел с небольшим плоским чемоданчиком и
вышел с ним. Свидание продолжалось два часа. Крас-
нов слегка обеспокоился.

Мистер Дей выдает себя за социолога. Храмов пре-
подает технологию производства твердых сплавов.
С точки зрения профессиональной мало общего. Но их
объединяет возраст. Чисто формальная деталь: Евге-
ний Петрович гостя не встречал на улице, не про-
вожал...

С этого момента Краснов начал сомневаться в сво-
ей первоначальной версии. А впереди его ждал другой,
настоящий удар, но он пока этого не подозревал. Его
вины тут не было ни капли. Так сложились обстоятель-
ства. Если б он мог слышать разговор Евгения Петро-
вича с мистером Деем... Но Краснов не присутствовал
при беседе двух пожилых людей. Он узнал о ее содер-
жании позже.

Посещение мистером Деем холостяцкой квартиры
Храмова и разговор с ним были для хозяина пиром ду-
ши — иначе не назовешь. Евгений Петрович готовился
к приему гостя с великим тщанием: протер мебель,
пропылесосил ковер и полы, запасся коньяком и шам-
панским и даже нажарил миндаля.

Наконец гость явился. Сначала, как водится между
недавними пожилыми знакомыми, был разговор о пого-
де, о здоровье, о диете, о прекрасном виде из окон квар-
тиры хозяина и о прочих тому подобных вещах.

Когда они сели друг перед другом за стол — мистер
Дей спиной к окну, — гость сказал:

— Позвольте мне, дорогой Евгений Петрович, побла-
годарить вас за приглашение.

— Ну что вы, что вы, — запротестовал хозяин. —
Скорее я вас должен благодарить.

Эта учтивость и взаимная симпатия не были наиг-
ранными, во всяком случае со стороны Храмова. Ему
нисколько не нужно было притворяться — впервые за
долгие-долгие годы, — и потому он чувствовал истин-
ный подъем и испытывал желание распахнуться.

— Но у меня к вам огромная просьба, — сказал
Храмов, предупреждая собиравшегося возразить ми-

стера Дея, — давайте говорить по-английски. Очень меня обяжете.

— С удовольствием. Между прочим, ваша племянница тоже просила меня об этом. Я вас понимаю. Когда я ехал в Москву, я мечтал поговорить по-русски. За три недели вполне наговорился, можно сказать, получил компенсацию за тридцать пять лет. А вам сколько надо компенсировать?

— Двадцать семь лет.

Дальше они говорили по-английски.

— Что, вы жили где-нибудь в англоязычной стране? — спросил мистер Дей.

— Нет, просто был человек, с которым можно говорить по-английски.

— Где же он теперь? Что с ним стало?

— Вам знакомо выражение «в местах не столь отдаленных»?

— Конечно.

— Ну вот, тут был как раз такой случай.

В тоне Евгения Петровича слышалось так много печали, что мистер Дей вздохнул.

— Дорогой Евгений Петрович, хочу вам сделать маленькое признание, да, боюсь, не обижу ли.

— Помилуйте, чем вы можете меня обидеть?

— Ну хорошо, я скажу. Вы ведь знаете, я социолог. Когда вы пригласили меня в гости, я обрадовался: вот еще один объект для кратковременного изучения. И шел к вам именно со своими социологическими целями. Но сейчас мне стыдно признаться в этом.

— Я непохож на подопытного кролика, не правда ли? — Храмов усмехнулся.

— Но то, что я сказал, не задевает вашего самолюбия?

— Нисколько.

— Тогда все в порядке, и камень свалился с моей души.

— Вам этого? — Храмов взял в руку бутылку с коньяком.

— Нет, лучше уж шампанского.

Храмов откупорил не успевшую еще согреться вынутую из холодильника туманно запотевшую бутылку, налил в два узких высоких бокальчика. Пока он все это проделывал, мистер Дей оглядывал комнату, потом сказал:

— Простите за бестактность, других комнат в вашей квартире нет?

— Нет. Но я одинок, мне больше не требуется. Меньше уборки.

Мистер Дей в удивлении поднял брови.

— Не хотите ли вы сказать, что собственноручно убираете квартиру?

— Представьте себе!

— Неужели у вас нет возможности нанять прислугу?

— Если вы имеете в виду деньги, то возможность есть. Нет прислуги. Не найдешь.

— Черт знает что! Я понимаю, когда рабочий обслуживает сам себя, но преподаватель института...

— Это еще не самое печальное, дорогой мистер Дей. Давайте наконец пригубим.

Они отпили по глотку, и мистер Дей задумчиво произнес:

— Ваша очаровательная племянница кое-что рассказывала мне о вас, но вот эта деталь — ученый сам убирает свою квартиру — бросает на все особый оттенок.

— У нас этому не придают значения. Я ведь сказал: это далеко не самое печальное в моей жизни. Есть вещи пострашнее. А жить без прислуги — что ж, ко всему привыкаешь.

— Не имею права ожидать исповеди, но слова ваши полны скрытой тоски... и протеста...

— Одиночество, дорогой мистер Дей, одиночество, — поглаживая свой бокал, меланхолически объяснил Евгений Петрович. — Прислугу мне заменяет пылесос, а вот что делать с одиночеством?

Мистер Дей как бы воспрянул от охватившего их чувства подавленности.

— Но послушайте, мой друг, мы с вами уже немолды, но и не так еще стары, чтобы не рассчитывать больше на внимание женщин. — Он говорил быстро и возбужденно. — Я нахожу у нас с вами много общего. Я тоже холостяк, но поверьте мне...

Евгений Петрович снова усмехнулся и перебил его:

— Я не это одиночество имею в виду. Есть одиночество иного рода. А что касается рассказов моей племянницы, то она обо мне ничего не знает.

Несколько секунд длилось молчание. Мистер Дей как бы старался постичь глубинный смысл сказанного.

— Понимаю, — наконец откликнулся он. — Есть что-то такое важное для вас, в чем вы не имеете единомышленников. Или я ошибаюсь?

Евгений Петрович ответил на вопрос не прямо:

— Человеческий мозг не радиопередатчик и не приемник. Об этом можно и сожалеть, но скорее это к счастью.

— Да, есть мысли, которые нежелательно было бы делать слышимыми.

— Я вас немного поправлю, мистер Дей. Желательно, но при одном условии — чтобы их источник не стал известен нежелательным людям.

Разговор велся обиняками, но даже самые прямолинейные, недвусмысленные слова не сделали бы его более откровенным: с этого момента они поняли друг друга совершенно и повели речь открыто.

— Вам многое не нравится из того, что вас окружает? — спросил мистер Дей.

— Не нравится — в данном случае невинный эвфемизм.

Возможно, мистеру Дею не было известно, что эвфемизм — это мягкая, благозвучная замена более грубого, сильного выражения. Но он понял, что хотел сказать Храмов.

— Чужой в своей стране — это, конечно, тяжело.

— Не считайте меня страдальцем, мистер Дей. Я по ночам не обливаю подушку слезами.

— В нашем возрасте не стыдно проявлять смирение.

— Вы себе противоречите, — с неожиданной запальчивостью возразил Евгений Петрович. — Вы пятью минутами раньше утверждали, что мы еще имеем право на внимание женщин.

— Я говорю о смирении духа.

Евгений Петрович взял свою пустую, холодную трубку, пососал ее, пристально глядя в глаза мистеру Дею. Казалось, он собирался в чем-то уличить своего гостя.

— Можно один вопрос, мистер Дей?

— Ради бога.

— Только вполне откровенно.

— У меня такое ощущение, что мы друг перед другом не притворяемся.

— Я-то безусловно.

— Не обижайте меня. Лучше давайте ваш вопрос.

Евгений Петрович отвел взгляд в сторону, как бы не желая смущать собеседника, и спросил:

— Когда вы сюда ехали, у вас уже был мой адрес?

Снова взглянув на мистера Дея, он увидел, что тот искренне удивлен.

— Уверяю вас, не было у меня адреса! — воскликнул мистер Дей.

— А я почему-то думал, что все это не случайно. — В голосе Храмова звучало легкое разочарование.

— Но почему же?

Евгений Петрович помолчал, отхлебнул из давно переставшего пузыриться бокала.

— Понимаете, я, вероятно, преувеличивал кое-что, но мне казалось... В общем, история простая... Несколько лет назад в Москве, в Сокольниках, проходила международная выставка, и я ее посещал, был в отпуске. У меня завязалось знакомство в одном павильоне... Не знаю точно, кем был этот человек, но он прекрасно разбирался в технологии производства твердых сплавов — это моя специальность... Вообще интересная личность. Короче, мы быстро сошлись. Я бывал у него в гостинице, говорили часами. Я, безусловно, давно уже не мальчик, но, знаете, общение с этим человеком на многое открыло мне глаза... При расставании он записал мой адрес, и, знаете, были такие разговоры, что, мол, гора с горой не сходится, а человек с человеком... Он намекнул, что как-нибудь меня навестит. В крайнем случае если не сам, то даст о себе весть. Но, кажется, я ждал все это время напрасно...

Статистики еще не сделали одного любопытного подсчета: сколько слов, произнесенных вслух, приходится в среднем в год на одного жителя каждой страны. Наверное, наибольшее количество пришлось бы на француза, а наименьшее — на жителя Тибета. Россиянин занял бы место где-то посередине, соответственно географическому своему положению. Но Евгений Петрович в тот день был гораздо многоречивее среднего российского уровня.

— А может, и не напрасно? Возможно, он еще появится? — сказал мистер Дей. — Как его имя?

— Оно, наверное, ничего вам не скажет. Джейкоб Фишер.

— Фишеров много. Только чемпион по шахматам

один, а других много. Но могу ли теперь я задать вопрос? И могу ли тоже рассчитывать на полную откровенность?

— Безусловно.

— Скажите, Евгений Петрович, а не предлагал ли вам этот Джейкоб Фишер... ну, сотрудничества, что ли?

Евгений Петрович вздрогнул, хотя мистер Дей ничего и не заметил: ему явственно вспомнилась давняя-давняя беседа в приемной КГБ на Кузнецком мосту, вспомнилось, как такой же вопрос и почти в таких же выражениях задал ему товарищ, беседовавший с ним по поводу связей с Анисимом.

— Нет, — сказал он не очень уверенно, — ничего такого не было. Но общий тон... Понимаете, после этих встреч я понял, что его образ мыслей ближе мне, чем образ мыслей моих коллег по институту.

— Потому что шире?

— В одном определенном смысле.

— А именно?

— Он убеждал, что всякий интеллигентный человек должен считать себя гражданином целого мира, а не одной какой-то страны.

— У вас это когда-то не одобрялось. Это же космополитизм.

— Я не согласен с таким подходом.

— Можно понять. Но какой же практический вывод вы для себя сделали?

Евгений Петрович несколько замялся. Может быть, он чувствовал, что в том, о чем собирался сообщить мистеру Дею, присутствует изрядная доля чего-то опереточного, маскарадного. Но он все же сообщил:

— Я создал группу.

После довольно долгого молчания мистер Дей спросил:

— Что это такое?

— Называется «Группа содействия».

— И много у вас членов? И как все это оформлено?

— Пока я один.

Мистер Дей непроизвольно хмыкнул. Если бы Евгений Петрович Храмов, считавший себя умным человеком, был бы все-таки хоть немного умнее и наблюдательнее, он обязательно заметил бы оскорбительную сострадательность во взгляде своего друга.

— В чем же заключается деятельность группы? —

спросил мистер Дей, умышленно или неумышленно переходя на русский язык. — Или, простите за вульгарность, все это только кукиш в кармане? Вы, если дозволено так выразиться, не любите Советскую власть лишь чисто платонически?

Как-то исподволь почувствовалось, что если несколько минут назад за столом беседовали два равноправных и равно свободных в выражении своих мнений человека, то теперь тон задавал мистер Дей. Он уже словно бы упрекал Евгения Петровича в непозволительных глупостях. А Евгений Петрович словно бы признавал свою вину и старался оправдаться. Мистер Дей спросил:

— В чем выражается ваша активная деятельность?

— Я пишу разоблачительные письма в редакции газет.

— О чем?

— Тут не столько важно содержание, сколько сам факт существования группы.

Мистер Дей не удержался и воскликнул с нескрываемым сарказмом:

— Но никакой группы нет!

— Это знаете вы, потому что я вам сказал, а там никто не знает.

— И в этом-то вся ваша тактика?

— Да. Разве этого мало?

— Боже, какая кустарщина! И это говорит образованный человек! И вообще тут пахнет мальчишеством. Вы одиночка, а что может сделать человек в одиночку? Нужно осторожно искать единомышленников, объединяться. Больше того, нужно выдвигать политические и экономические требования. И что это за «Группа содействия»? Непонятно. Расплывчато. Почему бы вам не попытаться организовать настоящий союз? Ну, скажем, «Союз борьбы за демократию»? Это уже солидно. Это веско и ко многому обязывает. Подумайте, и если будете согласны, тогда поговорим на эту тему более основательно. — Мистер Дей посмотрел, приподняв крахмальную манжету, на часы. — Простите, по расписанию мне пора. Но вы разрешите заглянуть к вам сегодня еще раз, хотя бы на полчаса?

— Прошу вас.

— Я надеюсь, Евгений Петрович, нам с вами еще представится достаточно случаев поговорить по душам. — Было заметно, что мистер Дей хочет сгладить

впечатление от слишком резких своих высказываний, но Евгений Петрович или не желал этого замечать, или действительно ничего не замечал. — Стало быть, я зайду к вам сегодня. Есть одна мысль.

Краснов много бы дал, чтобы установить, почему и за чем являлся мистер Дей к Евгению Петровичу вечером. Краснов знал, что чемоданчик, с которым приходил и уходил мистер Дей, был один и тот же, но он не мог знать, что мистер Дей вынул из чемоданчика и оставил Евгению Петровичу детскую игрушку. Эта игрушка представляла собой печатный станок для производства фальшивых игрушечных долларов. Но в дополнение в этой игрушке имелась маленькая касса с литерами, то есть с буквами. Вообще игрушка была более похожа на миниатюрную типографию. Там имелась даже верстатка, в которую укладываются литеры, и все эти литеры были русского алфавита.

Мистер Дей объяснил и продемонстрировал Евгению Петровичу, как работать с типографией. Он набрал несколько строк текста, продиктованного Евгением Петровичем и точно повторявшего содержание одной из открыток, заключил набор в рамку, укрепил рамку в гнезде на дне ящика, накатал на набор цилиндрическим каучуковым валиком синюю краску, затем вставил в пазы на боковых стенках ящика другой валик, побольше и жестче, подсунул под него краешек чистого листка размером с листок отрывного настольного календаря, крутнул ручку валика и с противоположной стороны двумя пальцами извлек уже не просто листок, а листовку с четко отпечатанным текстом.

— Видите, как удобно, — сказал мистер Дей.

— Великолепно, — согласился Евгений Петрович.

— Правда, пачкает руки, и краска плохо смывается, но это уж, так сказать, неизбежные издержки производства. Хотите потренироваться?

Евгений Петрович сначала разобрал типографию на составные части, рассыпал набор, а потом проделал все, что до этого делал мистер Дей. У него получилось не столь быстро и ловко, но в общем штука оказалась немудреная. Мистер Дей похвалил его, а Евгений Петрович был польщен похвалой. И если бы кто-нибудь наблюдал за ними в этот момент, он непременно решил бы, что эти два весьма пожилых человека впали или в детство или в старческий маразм. Но капитан Игорь

Краснов, присутствуй он незримо при свидании двух интересовавших его людей, так бы не подумал.

Отмыв руки одеколоном и мылом, мистер Дей посмотрел, как и в первое свое посещение, на часы и заторопился.

— Ну мне пора. Я улетаю завтра ночным самолетом, а дел еще много.

— Что ж, счастливого пути, — печально сказал Евгений Петрович.

— Помните, вы отныне не один в целом мире, но будьте осторожны.

— Я давно осторожен.

Мистер Дей взял чемоданчик, на секунду задумался.

— И вот что... Как звали того господина на выставке? Забыл...

— Джейкоб Фишер.

— Может, я и не прав, но мне кажется, дорогой Евгений Петрович, вы думаете, что этот ваш Джейкоб Фишер не очень серьезный человек.

— Почему? Наоборот.

— Обещал встретиться с вами еще раз, но не встретился. Гора с горой и так далее...

— Значит, у него не было случая.

— Так вот, дорогой Евгений Петрович, я навестил вас по просьбе Джейкоба Фишера.

Эти слова обратили Евгения Петровича в статую. Он даже дышать перестал.

— Не ожидали? — спросил мистер Дей. — Простите, что не открылся сразу. В таких ситуациях надо принимать определенные меры предосторожности.

У Евгения Петровича дрожали руки. И голос дрожал, когда он наконец заговорил:

— Я рад... У меня было предчувствие...

— Теперь у нас с вами полная ясность, — бодро сказал мистер Дей. — Ну, прощайте. Вернее, до свидания. И желаю здравствовать «Союзу борьбы за демократию».

Они пожали друг другу руки.

— Может быть, проводить вас? — нерешительно спросил Евгений Петрович.

— Нет, этого делать не следует. Дорога мне знакома, тут совсем рядом...

Мистер Дей ушел, а Евгений Петрович, накладывая дверную цепочку, с благодарностью и некоторой гор-

достью подумал, что его неожиданный знакомец сумел проявить достаточно такта, чтобы не поднимать вопроса о материальной базе их сотрудничества. Значит, понял, с кем имеет дело, понял, что он, Храмов, действует по убеждению, а не из шкурных интересов...

До сих пор для капитана Краснова, не знавшего о цели двух посещений мистером Деем квартиры Евгения Петровича, все развивалось так, что у него не было серьезных оснований сомневаться в правильности своей первоначальной версии, а именно: Храмов — обозленный одиночка, а «Группа содействия» — плод его больного воображения. Оставалось лишь легкое беспокойство. Однако уже менее чем через сутки наступил момент, заставивший Краснова сильно усомниться не только в своей правоте, но и в своей профессиональной пригодности.

...Мистер Дей вернулся в гостиницу без пятнадцати одиннадцать. Поднявшись к себе в номер, он позвонил в номер Галины. Она быстро взяла трубку.

— Вы еще не спите? — спросил мистер Дей.

— Собираюсь. Но я заказала Москву. Велели ждать.

— Можно, я загляну на минутку? Уточним завтрашнюю программу.

— Пожалуйста.

Галина сидела за журнальным столиком, перед нею стоял телефонный аппарат. Мистер Дей опустился в кресло напротив.

— Ужасный день сегодня. — Он вытер платком лоб.

— Да, я тоже устала.

— Что у нас завтра?

— Катакомбы и по городу.

— А нельзя ли без катакомб?

— На ваше усмотрение. Но там хотя бы не так жарко.

— Позавчера был дождь. Может, будет и завтра.

— В общем, катакомбы вычеркиваем, — полувопросительно сказала Галина, открывая свой блокнотик.

Мистер Дей при виде блокнотика снова приложил платок ко лбу.

— Боже, совсем забыл. А все ваша «интересная, насыщенная программа». Мне ведь надо позвонить родственнику моих друзей.

— Так позвоните, — сказала она, поворачивая аппарат диском к мистеру Дею.

— Удобно ли? Уже довольно позднее время... У нас в такой час звонят только коротким знакомым.

— Ну, люди поймут. Не каждый же день вы приезжаете в этот город.

— А ведь и верно. — Мистер Дей вынул из кармана записную книжку, полистал ее и снял трубку. Но все-таки он колебался, набрал номер не сразу.

Галина слышала только одну половину разговора, но весь он целиком, реконструированный впоследствии работниками областного управления КГБ на допросах, выглядел так.

— Алло, добрый вечер, — сказал мистер Дей, услышав в трубке молодой серьезный женский голос. — Извините за столь поздний звонок, но это квартира Юрия Георгиевича Фастова?

— Да. — Мистеру Дею показалось, что голос у женщины не столько серьезен, сколько печален.

— Можно к телефону Юрия Георгиевича?

— Вы знаете, его нет дома, он на даче. А кто его спрашивает?

— Я приехал из Москвы. Простите, я говорю с супругой Юрия Георгиевича? Вы Валентина Ивановна?

— Да.

— Понимаете, Валентина Ивановна, наши общие знакомые просили меня позвонить вашему мужу. А лучше даже повидаться. Тут у меня небольшая посылочка. А я завтра улетаю.

Женщина несколько мгновений молчала, а потом сказала более весело:

— Вообще-то он должен завтра заехать ненадолго домой. Вы когда улетаєте?

— В ночь.

— Юра будет около четырех. Вы адрес знаете? Заходите в четыре.

— Адрес у меня тоже есть, но я лучше предварительно позвоню.

— Ну хорошо.

— Еще раз извините. Спокойной ночи.

— Вам также.

Мистер Дей положил трубку на аппарат, захлопнул записную книжку, спрятал ее в карман и поднялся.

— Вот видите, какие уж тут катакомбы, — с усталой усмешкой сказал он. — Желаю вам тоже спокойной ночи, дорогая Галя. И побыстрее получить Москву.

Когда он шел в свой номер, Валентина Ивановна, которая положила трубку не на аппарат, а на стол, бегом спускалась с четвертого этажа на улицу.

Ближний телефон-автомат был в пятнадцати метрах, на углу. Опустив монету, Валентина Ивановна набрала номер телефонной станции, который давно запомнила наизусть.

— Девушка, — услышав ответ, сказала она, стараясь не выдать волнения, — мне надо быстро узнать, с какого номера мне только что звонили. Трубку я не опустила.

— Что значит быстро? Хулиганы звонили или кто? — довольно грубо спросила девушка.

— Я вас прошу, девушка. Мне велела вам звонить Никольских. — Это была фамилия начальника станции, и она подействовала магически.

— Какой у вас телефон?

Валентина Ивановна назвала.

— Минутку, не уходите.

Действительно, не более чем через минуту Валентина Ивановна услышала номер, который ей тоже пришлось запомнить, потому что в спешке забыла захватить карандаш и бумагу. Вернувшись к себе, она записала его, потом взяла часто и тонко гудевшую трубку, нажала пальцем на рычаг и набрала номер, но совсем другой, а не только что записанный.

— Борис Николаевич, это Фастова, — быстро заговорила она. — Был звонок.

— Давно?

— Минут пять назад.

— Кто?

— Мужчина. Сказал, приехал из Москвы.

— Назвал себя?

— Нет, сказал, от общих знакомых. Хочет передать посылку. Завтра улетает.

— Как вы ему ответили?

— В точности как вы мне говорили. Что Юра на даче, но завтра будет к четырем.

— Молодец, Валентина Ивановна. Пригласили его в гости?

— Я предлагала, но он сказал, сначала позвонит.

— Хорошо. Спасибо.

— Да не за что, Борис Николаевич.

— Ну это еще неизвестно. Ложитесь спать, вам завтра вставать раненько придется.

Борис Николаевич Сысоев, майор госбезопасности, вел следствие по делу моряка торгового флота, старшего помощника капитана сухогрузного судна «Альбатрос» Юрия Георгиевича Фастова. А Фастов в данный момент находился вовсе не на даче, а как подследственный — в тюремной камере. Почему он туда попал, будет рассказано несколько позже, ибо это длинная история, а сейчас надо последить за стремительным рядом событий, которые были вызваны этими ночными телефонными разговорами.

Глава VII

ЗАЧЕМ ОН ПРИЕХАЛ?

Было восемь часов утра, когда в кабинете генерала Баскова началось совещание. Ближе всех к генеральскому столу сидел майор Сысоев, дальше всех — капитан Краснов.

— Прошу вас, Борис Николаевич, — сказал Басков.

— Тут мы все в курсе дела, — начал Сысоев, — так что скажу только новенькое. Вчера в двадцать три ноль-ноль звонили на квартиру к Фастову. Звонили с телефона, который стоит в номере переводчицы «Интуриста» Галины Храмовой, но говорил мужчина. Так что естественно предположить...

— Ясно, — сказал Басков и посмотрел при этом на Краснова. — Игорь Иванович, а во сколько ваш подопечный покинул квартиру Храмова?

— В половине одиннадцатого.

— Быстро же он бегает.

— Там от гостиницы пять минут ходьбы, — словно оправдывая мистера Дея, сказал Краснов.

Генерал по своему обыкновению без всяких смягчающих переходов спросил прямо:

— Игорь Иванович, нет ли трещин в нашей с вами версии насчет Храмова, будто он одиночка?

Краснов остро ощутил, что ему дают предметный урок, но, кажется, это уже бесполезно. Он был всегда чересчур самокритичным. Он собрался встать и громко выпалить: «Товарищ генерал, считаю себя негодным к

службе в органах госбезопасности и прошу меня отчислить». Он и встал, но сказал короче:

— Кажется, есть, Анатолий Иванович.

Урок продолжался.

— Но торопиться с окончательными выводами не следует, — сказал генсрал, как бы успокаивая его, и снова поднял взгляд на Сысоева. — Вернемся к звонкам. Когда Фастову опять будут звонить?

— Вероятно, около шестнадцати.

Недолго помолчали, потом генерал спросил у Сысоева:

— А как себя чувствует Фастов?

— Похудел малость, а в общем ничего. — Сысоев, отличавшийся от большинства присутствующих, бывших помоложе его, всегдашней готовностью улыбаться, улыбнулся и теперь.

— Что вас так радует? — Басков изобразил вид, что удивлен, но на самом деле он не удивлялся. Они с Сысоевым давно понимали друг друга, и Басков ждал от майора ответа, заранее угадав его смысл и не зная лишь формы и подробностей.

— Как же не радоваться? Он же просил не стричь его под машинку. Его и не остригли.

Собственно, в этом ответе содержался целый план дальнейших действий, исходивший из одного важного предположения. За то и уважали Сысоева в управлении, что он умел вот так, словно невзначай и шутя, изложить самую суть своих замыслов и предложений.

— Значит, считаете, Борис Николаевич, ничего такого никто не заметит?

— По обличью не заметит.

— А как насчет душевного состояния?

— Фастов сильно злой.

— Тогда рискнем. Прошу всех сесть поближе...

Можно сказать, что эту непростую операцию начал тюремный парикмахер, который подровнял Юрию Георгиевичу Фастову волосы на шее и висках и побрил его лучше обычного. К восьми утра Валентина Ивановна привезла в тюрьму хорошо выглаженный костюм, галстук, сорочку, белье, носки и туфли — во все это и облачился ее муж. Затем его привезли в тихий двор, где уже ждал Сысоев. А Сысоев к тому времени успел договориться с хозяевами одной из квартир в доме, стоящем напротив гостиницы, где остановился мистер Дей.

Окна квартиры смотрели на угол гостиницы, так что оттуда можно было наблюдать за обоими входами — и за центральным и за боковым, из которого лестница вела в гостиничный ресторан.

В половине девятого мистер Дей и его гид позавтракали и вышли на улицу через боковой выход.

Фастов и Сысоев, сидевшие в комнате, чуть отодвинувшись от окна, увидели их одновременно. Когда мистер Дей сел в ожидавшую его машину и машина уехала, Фастов спокойно сказал:

— Это господин Скеенс.

— Вы не ошибаетесь? — спросил Сысоев. — Тут довольно далеко.

— Я узнаю его за милю.

— В Амстердаме он был похоже одет?

— Это не имеет значения. Я бы его и на пляже узнал.

Сысоев не скрывал, что доволен, ибо самое важное из его предположений оказалось правильным. Фастов посмотрел на него и лишь сейчас окончательно понял, как сильно недооценивал этого простоватого на вид, очень тихого и спокойного человека.

— Так что же, Борис Николаевич, кончен бал, поехали обратно?

— Поехали, но все, наоборот, только начинается.

Они отправились на той же машине, на которой Фастова привезли, но путь их был не в тюрьму. Сысоев и Фастов вышли на одном из загородных шоссе, где его пересекал проселок, постепенно спускавшийся в заросший кустарником овраг. В овраге Фастов увидел свой автомобиль. Серый «Жигуленок» стоял между двух больших кустов. Он был пуст.

— Заправлен, — сказал Сысоев. — Тормоза в порядке. — И, предвосхищая вопрос Фастова, почему именно здесь оказалась его машина, объяснил: — Место потаенное. А господин Скеенс по городу мотается, может вас увидеть.

— Куда поедем?

— Ну уж, закудыкали. Пока посидим, потолкуем. Тут ветерок, прохладно.

Сысоев протянул ему ключи. Фастов распахнул обе задние дверцы, и они уселись на сквознячке. Сысоев закурил, не предложив сигарету Фастову, потому что знал: он некурящий.

— Голова кружится, — сказал Фастов вялым голосом.

— От природы. Тут же не на тюремном дворе, — добродушно отозвался Сысоев и загасил между пальцами не докуренную и до половины сигарету.

Фастов поглядел на него пристально.

— Ничего, потом накурюсь, а вам подышать надо, — объяснил Сысоев. — Дело вам предстоит серьезное. Вы еще не проголодались?

— Терпимо.

— Мы попозже покормимся. Время еще есть. А теперь слушайте.

И Сысоев очень подробно изложил план предстоящей Фастову встречи и беседы с мистером Деем — Сысоев называл при этом последнего господином Скеенсом, под каковым именем Фастов только и знал мистера Дея.

Потом Фастов сел за руль, и они поехали в город, пообедали в первой же попавшейся на пути шашлычной, а в три часа Фастов был у себя в квартире, где его ждала жена.

В последний раз они виделись на очной ставке у майора Сысоева два месяца назад, вскоре после ареста Юрия Георгиевича. Отчуждение, возникшее между ними еще задолго до ареста, отчуждение, которое станет понятно читателю из дальнейшего повествования, за два месяца улетучилось. И если к этому добавить, что они каждый по-своему любили друг друга, то станет ясно, что никакими словами это короткое свидание супругов в собственном доме не опишешь.

Без пяти четыре зазвонил телефон.

— Алло, Юрий Георгиевич? — услышал Фастов знакомый голос. — Рад, очень рад.

— Каким ветром?

— Путешествую.

— Откуда звоните?

— Из автомата. С набережной, с бульвара.

— Если хотите меня видеть...

— Непременно, — перебил его мистер Дей. — И чем скорей, тем лучше. Я сегодня улетаю.

— Я на машине, могу приехать куда угодно.

— Назначьте сами.

— Ну, скажем... — Фастов секунду соображал. — Нет, лучше всего на набережной я вас и найду.

— Долго мне ждать?

— Через пятнадцать минут буду...

Юрий Георгиевич нашел мистера Дея на скамье тенистого бульвара. Они обменялись рукопожатием, как старые знакомые, сели в машину — мистер Дей предпочел заднее сиденье, — и Фастов вывел ее на причудливо петлявшую улицу.

— Что случилось? — спокойно, без тени тревоги спросил мистер Дей, он же Скеенс.

— Смотря о чем речь.

— «Альбатрос» приходил в Амстердам, а вы почему-то не явились.

— Сейчас объясню. Дайте вырвемся из центра. Тут в сутолоке не поговоришь.

Помолчав, мистер Дей сказал:

— Вы стали немного бледнее. И похудели, кажется.

— Похудеешь.

— А что такое?

— Болел. Печень.

— Рано бы говорить о печени в такие цветущие годы.

— Думаю, ваша малинка сработала.

— Какая малинка?

— Не притворяйтесь. Та малинка, которую ваш подручный бармен Фред мне в бокал подсыпал. В тот раз, когда вы меня сделали борцом против гангстеров.

— Ничего не знаю. Что такое малинка?

— Ну, снотворное. Быстродействующее. Сногшибательное.

— Сменим тему, Юрий Георгиевич. В конце концов, не это нас с вами сейчас волнует.

— Верно.

Фастов вел машину осторожно, на малой скорости: отвык от баранки. Наконец ему надоела такая езда, он выбрал глухой переулок, свернул в него и выключил мотор.

— Здесь можно поговорить спокойно. На чем мы остановились?

— «Альбатрос» был в Амстердаме полтора месяца назад.

— А-а, правильно, — с еле уловимой издевкой согласился Фастов. — Но по закону или по принципу достаточного основания, или достаточной причины, или, как там его, забыл, давненько учили...

— По какому закону? — не понял мистер Дей.

Фастов поглядел на него насмешливо: выдает себя за образованного человека, а элементарных вещей не знает.

— Есть такой закон в логике. Он иллюстрируется примером. Рассказать?

— С удовольствием послушаю, если это имеет отношение к нам с вами.

— Имеет. Вам полезно послушать для общего развития. Значит, так. Какой-то король или герцог объезжал свои владения. Каждая крепость должна была приветствовать его пушечным салютом. И вдруг одна крепость молчит. «Позвать коменданта!» Подъезжает комендант. «В чем дело, почему я не слышу салюта?» Комендант отвечает: «На то имеется семнадцать причин, ваше величество». — «Назовите их». — «Во-первых, нет пороха». Король сказал: «Достаточно, остальные можете не перечислять».

— Но какая тут связь? — спросил мистер Дей.

— Я вам тоже мог бы назвать семнадцать причин.

— А если «во-первых»?

— Во-первых, у меня не было с собой денег, которые я вам должен.

— Но вы по крайней мере могли бы прийти или, наконец, позвонить и сказать об этом.

— В таком случае я должен говорить и «во-вторых» и вообще о всех причинах.

— Например?

— Во-вторых, мы стояли в Амстердаме под погрузкой всего сутки. Я старпом. Как я мог отлучиться? Сутки никто из команды, даже коки, глаз не сомкнули, грузились как бешеные. При всем желании ничего у меня не получилось бы. Можете понять?

Мистер Дей недовольно пожевал губами.

— Вас трудно узнать, Юрий Георгиевич. Совсем другой стиль, другой тон.

— Вы меня видели только там, в Амстердаме. Одно дело — обедать в гостях, совсем другое — дома.

Фраза эта прозвучала двусмысленно, однако мистер Дей понять ее двусмысленности не мог: он ведь не знал, что Фастов сидит в тюрьме.

— Это верно. Но теперь деньги при вас?

— Увы, нет.

Мистер Дей как будто оледенел.

— То есть что это значит?

— Это значит, мой клиент подвел меня, а я огорчаю вас. И сам, поверьте, огорчен.

— Но объясните же. Какой это клиент — что-то на «швили»?

— На «швили» или на «ов» — не имеет значения. У него были неприятности.

— Были? Следовательно, больше их нет? Правильно я вас понимаю?

— Но и денег пока нет. И я заинтересован их получить не меньше вас.

— Разумеется. Но как же будет обстоять дело дальше?

— Надо немного подождать.

— Но я не могу, я сегодня улетаю отсюда, а через три дня из Москвы.

— Трех дней мало. Боюсь, раньше чем через две недели денег мне не доставят.

— Да-а...

Наступило молчание, которое в подобных ситуациях принято называть неловким. Его нарушил Фастов:

— Слушайте, Скеенс, неужели вы приехали сюда из-за этих денег?

Мистер Дей откликнулся не сразу. Может быть, оттого, что к нему обратились по имени, которым он не пользовался по прибытии в Советский Союз.

— Что? Ну, не только из-за них. Но и деньги ведь немалые — тридцать пять тысяч.

— Давно хотел вас спросить: зачем вам столько? И ведь, наверное, не я один вас снабжаю...

— Видите, какое дело, Юрий Георгиевич... Когда ваши туристы едут к нам, кое-кто из них, полагаю, желает завестись долларами. Не так ли?

— Значит, вы снабжаете советскими деньгами своих туристов?

— Вот именно. Я же вам еще в Амстердаме сказал, что занимаюсь валютными спекуляциями.

— А что это за туристы?

Мистер Дей сердито взглянул на него.

— У вас в машине не спрятан магнитофон?

— А у вас в чемодане?

Мистер Дей раскрыл лежавший у него на коленях чемоданчик, тот самый, с которым он навещал Храмова.

— Хорошо, что напомнили. Я сказал вашей жене, что привез посылку. Вот, возьмите.

В руках у Фастова оказался портативный магнитофон фирмы «Филипс».

— Благодарю, вы меня балуете.

— Хороший механизм, — сказал мистер Дей.

— У меня такой есть.

— Ну, продадите.

Это была пауза, чтобы отвлечься от главной темы, немного передохнуть. Но она не затянулась.

— Так что же мы предпримем, дорогой Юра? — Мистер Дей перешел на фамильярный тон.

— Можно подождать следующего рейса, но это будет очень не скоро.

— Почему?

— «Альбатрос» ставят в док. Ремонт, вероятно, сильно затянется.

— А вас не могут перевести на другой корабль, который ходит за границу?

— Все бывает. Но на это рассчитывать глупо. Можно прождать полгода.

— Это слишком много. — Мистер Дей покачал головой. — Деньги должны быть в обороте.

— Приезжайте еще раз месяца через два, тогда наверняка все будет о'кэй.

Мистер Дей насторожился.

— Два месяца? Вы говорите, два месяца? Только тогда у вас окажутся деньги?

— Нет, просто они могут поступать частями. Так уже случалось.

— Мне все это порядком не нравится.

— Мне тоже.

— Слушайте, оставьте, ради бога, этот ваш идиотский шутовской тон! — не выдержал мистер Дей.

— Хорошо, оставил. Я думал, вам так будет легче.

— Сдается мне, вы просто хотите меня успокоить, а в действительности все не так уж радужно.

— Обыкновенная задержка в передаче товара и денег. Зачем мне перед вами разыгрывать комедию?

Мистер Дей, кажется, немного успокоился. Он думал. Фастов разглядывал магнитофон.

— Вы говорите, деньги будут поступать частями? — спросил наконец мистер Дей.

— Возможно.

— Большими?

— Может, по пять, может, по десять тысяч. Трудно сказать точно.

— Гм, гм... Тогда вот что... Вы ведь ездите в Москву?

— Иногда.

— У вас будет много свободного времени, так что это не проблема. А дорога за мой счет.

— Да, но при чем здесь Москва?

— Я вам дам телефон одного молодого человека. У него часто собираются компании, к нему можно звонить и заходить, не опасаясь привлечь внимание.

— А не наоборот?

Мистер Дей зажмурился, словно от яркой вспышки.

— Пожалуй, наоборот, пожалуй... Видите, вы можете говорить совсем по-иному. — И он опять задумался, а потом сказал, отвечая своим мыслям: — Другие варианты еще хуже. Все-таки остановимся на Ричарде.

— Что за Ричард? Мне ведь, понимаете, не со всеми удобно встречаться.

— Он русский, советский, — поспешил успокоить мистер Дей, доставая блокнот и ручку. Он написал имя, фамилию и номер телефона, вырвал листок и хотел отдать его Фастову, но передумал.

— Нет, лучше запишите своей рукой. У вас есть на чем?

Фастов, в свою очередь, достал блокнот и ручку из ящичка на приборной панели автомобиля.

— Пишите: Ричард Славский. — Мистер Дей продиктовал семизначный московский телефон. Листок из своего блокнота разорвал и обрывки сунул в карман брюк.

— И что я ему должен сказать? Что привез деньги? — съязвил Фастов. — Это у вас, наверное, от жары.

— Вы опять за свое, — укоризненно заметил мистер Дей. — Скажите, что телефон вам дал человек по фамилии Дей, канадец. И назначьте свидание. Не у него дома, как вы сами подсказали.

— Это что, ваш псевдоним? Вас так теперь зовут?

— Нет, пусть это будет паролем. Я его предупрежу.

— Расписку с него брать?

— Зачем же? Мы с вами друг с друга расписок не требуем.

— Посторонний человек?

— Не совсем.

— Ну, вам виднее. Не пора ли расставаться? Смеркается. Вас, наверное, ждут.

— Гид беспокоится, конечно.

Фастов завел мотор, развернул машину.

— Вы в какой гостинице?

— «Черное море».

— Где вас высадить?

— Не у подъезда, разумеется, но где-нибудь поближе. — И, не меняя безмятежного тона, мистер Дей сказал страшные, как он думал, для Фастова слова: — Не забывайте, Юрий Георгиевич, ваша амстердамская история хранится в тайне, но ведь она может и всплыть.

Фастов молчал, не зная, что ответить.

Мистер Дей покинул машину у железнодорожного вокзала. Простились они, пожелав друг другу удачи. Мистер Дей сказал на прощание:

— Не исключено, что я скоро опять приеду. Тогда увидимся.

— Так, может, проще дождаться вас?

— Нет, нет, делайте как договорились.

Сысоев ждал Фастова у кафе «Астра». Выслушивать показания Фастова о его беседе с мистером Деом не было необходимости: потайной магнитофон в машине все-таки имелся. Сысоев извлек его, забрал и тот магнитофон, что был подарен, отвез Фастова в тюрьму, велел письменно изложить весь ход встречи и разговора, поставил машину в гараж Фастова и на попутной добрался до управления.

Генерал Басков еще утром говорил с Москвой, попросил навести кое-какие справки и обещал вечером дать подробное сообщение обо всем новом, что станет известно касательно попавшего в поле зрения контрразведки иностранного туриста мистера Дея. Басков ожидал вестей от Сысоева с вполне понятным нетерпением.

Вечернее совещание проходило в том же составе, что и утреннее.

Сначала дважды прослушали магнитофонную ленту, потом началось обсуждение.

— Борис Николаевич, так кто же он, этот Скеенс-Дей? — спросил Басков.

— На простого курьера непохож.

— А приезжал за деньгами как курьер?

— Может, это не самое главное, хотя деньги немалые.

— А если главная цель — Храмов? — вставил слово Краснов.

Генерал посмотрел на него.

— Игорь Иванович, но это уже прямо противоположно первой версии.

Сысоев поддержал Краснова, но в своей особой манере. Он задал неожиданный вопрос:

— А если Скеенс специально Галину Храмову попросил себе в гиды?

Краснов благодарно взглянул на Сысоева, но генерал, перехватив этот взгляд, сказал с улыбкой:

— Не одним вам этот вопрос в голову пришел. Уже проверено. Да, мистер Дей гида себе выбрал сам. Но это лишь потому, что он уже приезжал в Советский Союз год назад и гидом у него была Храмова. Но в тот раз он ее не выбирал — взял, кого «Интурист» назначил. Так что это все же случайность.

Сысоев не сдавался:

— Тогда была случайность, а теперь, может, нет. Может, он узнал о таком удобном совпадении, и дай, думает, я все так незаметно подведу, что не сам Храмова разыскивать буду, а она меня с ним познакомит? Житейское дело.

— Вы хотите сказать, что у Дея имелся адрес Храмова, что у него была запланирована встреча? — уточнил генерал.

— Да.

— Может быть, поговорить об этом с Храмовой и нечего гадать? — мрачновато сказал лейтенант Прилепский, помощник Сысоева.

Сысоев даже головой покрутил, но возразил с обычным добродушием:

— Какая же польза? Если он незаметно подводил, значит, она ничего и не заметила.

— Тоже верно, — неохотно согласился Прилепский.

— А сама Галина Храмова... — начал Краснов и осекся.

— А что Храмова? — повернулся к нему Сысоев. — Она выбирала Дея? Это же роман-газета получается.

— Она его не выбирала, — вмешался Басков. — Не будем накручивать в связи с Храмовой замысловатые сюжеты. С нею все ясно. Тоже проверено. Не та личность.

— Все-таки дядя и племянница, — сказал Прилепский.

— Они не поддерживают между собой никаких отношений, — ответил Басков.

— Так что же нам остается? — спросил Сысоев. — Все между пальцами ушло.

— Зачем же вы так? — Басков откинулся на спинку кресла. — Подзадориваете?

— Нет, правда, Анатолий Иванович. На руках у нас остается один Храмов.

— И Фастов.

— Фастов — это на будущее. А сейчас, сейчас?

— За Храмовым надо смотреть построже, — сказал Басков, меняя тон почти на официальный. — Краснов с этим справится. Только не пугать. — Он сделал паузу. — С Фастовым мы начали хорошо. Дальше разворачивать будем вместе с Москвой. Центр очень заинтересовался.

— Пощупать бы этого Сукинса-Дея как следует! — мечтательно проговорил Сысоев.

— Сукинс через три дня вылетает из страны. Билет заказан на Вену.

— А жаль!

— Всем жаль. Но мы ведь ленту слышали — он может и сам вернуться. А нет — надо ему в этом помочь. — Генерал посмотрел на стенные часы. — Ну, Краснов, тебе скоро его провожать, а остальным спать пора...

Краснов действительно провожал мистера Дея в аэропорту, издали, конечно. А из аэропорта поехал домой.

В то время когда Краснов, кинув голову на подушку, провалился в мертвый сон, в тюремной камере на своей не слишком мягкой постели Фастов перевернулся с боку на бок в сотый или двухсотый раз. Встреча со Skeенсом подняла со дна души улегшуюся было муть, и он вспоминал недавнее прошлое. И стонал иногда тихо и мучительно.

ВОСПОМИНАНИЯ В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

Как все это произошло? Что его сбило с пути? Вроде бы курс его был всегда проложен правильно и никакие течения, никакие штормовые ветры не были страшны...

Он с отличием окончил мореходку, о которой мечтал с детства. Два года плавал на каботажных линиях на рудовозе. Потом перевели на танкер, и пять лет он ходил в загранку. Их судно считалось одним из лучших в пароходстве.

Он женился на самой красивой из всех своих знакомых, а знакомых у него было много. Он всегда нравился женщинам, ибо был мужествен, не лез за словом в карман и вообще производил на женщин такое впечатление, что любая будет за ним, как за каменной стеной.

К тридцати восьми годам у него было все, к чему он стремился. Жена красивая. Сын пошел в школу. Квартира обставлена великолепно. Он уже шестой год ходит первым помощником капитана на «Альбатросе» — сухогрузном судне водоизмещением восемь тысяч тонн. И недалек тот день, когда должна исполниться главная мечта — он станет капитаном дальнего плавания. Чего еще надо? Автомобиль? Но деньги уже скоплены, и очередь его недалека.

Он знал людей, которые откровенно завидовали ему: напористый, удачливый, всего добился быстро и без усилий, и по всему видно: еще далеко пойдет. К таким Фастов относился чуть свысока.

Но были и люди, которым завидовал он сам, сознавая, что завидует глупо, однако ничего не мог с собой поделать. Например, был у него один друг — не друг, но, в общем, из тех, к кому порою неудержимо тянет и от кого после недолгого общения хочется бежать подальше. Они познакомились в ресторане, на встрече Нового года. Тогда Юрий с Валентиной и своими ближайшими друзьями, тоже мужем и женой, решили попробовать, как это люди говорят друг другу: «С Новым годом, с новым счастьем!» — не за домашним столом, а за ресторанным, на виду у незнакомой публики. Заказали столик. Как водится, после нескольких рюмок, где-то во втором часу, в ресторане началось повальное братание. Их соседями оказалась симпатичная и очень веселая

компания — две пары, примерно одного с ними возраста. Мужчины перекинулись шуточками, и вскоре столики были сдвинуты. Потом танцы, потом анекдоты. К пяти часам утра уже всем казалось странным, как это они до сих пор жили отдельно и ни разу не встретились. Может быть, из картины общей приподнятости чуть выпадала неестественная улыбка Валентины, которая не умела притворяться, но никто, кроме Фастова, этого не замечал. Юрию особенно понравился один из новообретенных друзей — тот, кого звали Мишей. Он был, правда, несколько полноват, с животиком и жирными щеками, но по всему чувствовалось, что это настоящий мужик, знающий себе цену. Он сказал, что по профессии юрист, а чем именно занимается, не уточнял. Все обменялись телефонными номерами и поклялись, что созовятся в ближайшее время.

На улице, когда разошлись, Фастов спросил жену: «Почему они тебе не понравились?» Она сказала: «Не знаю. По-моему, не нашего поля ягода». Он только посмеялся.

Миша позвонил под старый Новый год, 13 января, и говорил с Фастовым так, словно считал его холостяком: он приглашал на вечер к себе домой одного Юру. И обращался к нему на «ты». Фастов, понизив голос — Валентина была на кухне, — сказал, что без жены не может. «Жаль, — весело посокрушался Миша. — Моя уехала к родичам в Ленинград. Приезжай, а?» Фастов отказывался. «Ну, тогда завтра днем. Сумеешь?» Что-то такое завлекающее было в голосе Миши. Фастов сказал, что заедет. И записал адрес.

Нет, до женитьбы он вовсе не был монахом, но Валентине не изменял ни разу. И когда 14 января утром он сказал ей, что надо съездить в пароходство, ему стала даже как-то страшновата эта первая между ними ложь. Ей, конечно, и в голову не пришло, что он врет. А он успокоил себя тем, что собрался не на свидание, а в гости к мужику. Ну, подумаешь, посидят, выпьют по чарке. Разве ж это измена?

Миша жил в старом районе, в старинном доме, где лестничные площадки были выложены цветным изразцом, где на каждом этаже было только по две квартиры, а перила лестницы сделаны из литого фигурного чугуна. Дверь Мишиной квартиры обита черной стеганой кожей — да, настоящей кожей, а не дерматином или

клеенкой. И была эта дверь выше, чем потолки в его, Фастова, квартире. Он это почему-то отметил, и, забега вперёд, надо сказать, что именно дверь, обитая кожей, сыграла, как ни странно, чуть ли не главную роль в его отношениях с Мишей. Именно она дала толчок зависти, на которую он не считал себя дотоле способным, и она же послужила очень важным аргументом, может быть решающим, в тот ключевой момент, когда Фастову пришлось окончательно определяться — идти за Мишей или послать его к черту. Но то ещё впереди, а пока Фастов нажал на кнопку звонка.

Миша открыл дверь.

— Юра, дорогой, как мы без тебя скучаем!

От него пахло перегаром, когда он попытался поцеловать Фастова в губы. Обернувшись, он крикнул:

— Черное и белое! — И стал снимать с Фастова пальто.

В конце длинной прихожей из открытой двери появились две девушки, одна черненькая, другая беленькая. Лет им было никак не больше двадцати.

— Таня.

— Наташа.

А Фастов непроизвольно представился по имени-отчеству: уж очень молоды они были по сравнению с ним.

— К столу, к столу, — громко призвал Миша. — Ведите его.

Девушки взяли Фастова под руки и повели...

Он вернулся домой на следующее утро. Он узнал за эти сутки много такого, чего при всем своем довольно многообразном опыте не успел узнать за предыдущие тридцать семь лет жизни.

Костя встретил его в коридоре и хотел поздороваться за руку, но он не позволил себе прикоснуться к сыну. Жена вышла из кухни, посмотрела на него, сдвинув брови, и сказала только одно слово: «Хорош». Он молчал. Уже из кухни она спросила: «Завтракать будешь?» Он все еще стоял у дверей и молчал. Ему вдруг остро захотелось содрать с себя все и выбросить за дверь, нет, в мусорный ящик на дворе. Костя смотрел на него и, казалось, начинал что-то соображать. Но он, конечно, ничего не понимал. Фастов снял пальто, снял пиджак, повесил отдельно, на крайний крючок. И заперся в ванной, где просидел целый час. Спали они в ту

ночь врозь. Фастова тянуло покаяться во всем, но, пока он колебался между двумя решениями — сказать, не сказать, — его сморил сон. А на следующее утро все представилось не таким уж и гадким. Угнетало лишь то, что Валентина ни о чем не спрашивала.

А через неделю снова позвонил Миша, и они встретились днем в том же составе, но теперь Фастов сумел выдержать характер и ускользнул в восемь часов вечера, как ни хотелось ему остаться на ночь.

В этот раз удалось немного поболтать с Мишей о вещах, не касавшихся женщин. Миша сказал, что работает юрисконсультом на двух фабриках, что у него есть новая «Волга», но зимой он ездить не хочет — опасно; что эта огромная трехкомнатная квартира досталась ему от родителей, которые умерли; правда, в одной комнате раньше жила еще одна семья, но он дал им денег и устроил в кооператив, так что никто не внакладе. Квартира, как разглядел Фастов, была замечательная, а мебели в ней и всякого добра, от хрустальных люстр до стереофонического радиокомбайна, набралось бы на десятки тысяч.

Фастову не было дела до того, как это нажито, — он никогда не любил считать чужих денег. Но у него тогда шевельнулась мысль: неужели все юрисконсулы так роскошествуют? Для Фастова все заслонялось тем, что Миша приобщил его к неведомой раньше, какой-то терпкой, запретной и потому притягательной жизни неограниченно вольного человека. Удивляло одно: как умеет Миша так безбоязненно устраивать оргии в своем доме? Ведь в любой момент может нагрянуть жена. Или у него и с женой все устроено по законам свободной любви?

Такие вопросы занимали Фастова уже после второй попойки с Мишей, занимали без возмущения, а в смысле только чисто техническом. Он как бы примерял все это к себе. А ведь еще месяц назад ни о чем подобном он и подумать не мог.

С Валентиной отношения как будто наладились, но что-то ушло. Появилась натяжка. Фастову хотелось исчезнуть из дому, уйти в рейс. Там, в море, на соленом ветру, он очистится — не для жены, так для сына. Здесь, дома, время все сгладит и вернет прежнюю простоту и ясность.

У «Альбатроса» второй месяц ремонтировали маши-

ну и отлаживали разболтавшийся гребной вал, потому Фастов и бездельничал. Но вот наконец-то ремонт закончился. Приступили к погрузке, и теперь он дневал и ночевал на борту, даже когда его присутствия не требовалось. Однажды капитан, встретив его на пирсе, сказал грубоватым своим басом: «Видать, стосковался по хомуту». Каюта казалась Фастову убежищем от гнета.

И вот отвал. На пирсе разноцветная толпа провожающих, среди них Валентина с Костей. Никогда еще не было, чтобы прощание с ними доставляло Фастову радость, а сейчас он радовался. И за нее и за себя. Его очистит море, ее смягчит время, повторял он про себя...

Сухогруз «Альбатрос» курсировал между советскими портами и портами Северной Африки и Западной Европы. В своих трюмах он перевозил самые разнообразные грузы — от кофе и вина до транзисторных приемников и металлорежущих станков. Команда его пользовалась самой лестной репутацией у всех грузополучателей и грузоотправителей, потому что еще не бывало так, чтобы погрузка или разгрузка задерживались по ее вине.

Сейчас «Альбатрос» шел в Амстердам, где швартовался уже много раз. Обычный рейс. Наезженная дорога. Никаких неожиданностей не предвидится. Только, как всегда, надо быть построже в Бискайском заливе, который может в любое время года сильно потрепать, если зазеваешься, а в зимнее время особенно.

Их действительно немного потрепало, едва не сорвало одну шлюпку с правого борта, но команде это было не впервой. В Амстердам пришли точно по графику.

Между разгрузкой и погрузкой образовалось окно, однако капитана это не беспокоило. Из пароходства получена радиограмма, что в Амстердаме он должен принять вполтину меньше груза, чем предполагалось, потому что на обратном пути нужно забрать срочный груз в Марселе, который будет там готов к отправке через четыре дня. Так что время есть, волноваться нечего. Команда получила разрешение сойти на берег.

Валюты морякам выдается немного, но купить кое-что из недорогих вещей можно.

Фастов обычно покупал что-нибудь жене, но с тех пор, как у них родился Костя, она просила привозить только детские вещички. Вот и в этот раз он зашел в знакомый супермаркет, чтобы купить что-нибудь для сы-

на. Ему понравился шерстяной свитерок и башмаки на толстой подошве с медными гвоздями. На это, собственно, и ушла его валюта, потому что шерсть всюду в мире стоит дорого. Осталось несколько разменных монет, и Фастов решил навестить бар, тоже давно знакомый, где ему уже случалось пропускать рюмочку-другую джина на остатки от покупок. Ему нравилось такое соприкосновение с чужим бытом — именно посидеть в баре. Магазин — он везде магазин, только в одном больше товаров, в другом меньше, а бар или ресторанчик — совсем иной разрез. Тут видишь не покупателей, которые тоже везде одинаковые, а людей, чувствуешь дух чужой жизни.

Бар, облюбованный Фастовым, был чистенький и необъяснимо уютный. Бармена звали Фред. Ему наверняка уже перевалило за пятьдесят, но он обладал такой юношески гибкой фигурой, был при небольшом росте так великолепно сложен и так подвижен, что издали Фастов в первый свой приход дал ему не больше двадцати пяти. Во всем облике Фреда сквозило изящество. Косой пробор в его ярко блестящих черных волосах был сделан, кажется, не по линейке, а по синему лазерному лучу. Он двигался быстро и порывисто, но в нем не было ни суетливости, ни угодливости. И к тому же Фред мог изъясняться чуть ли не на всех языках мира, в том числе и на русском. К Фастову он с первого раза отнесся с симпатией, потому что русский моряк пил неразведенный джин, даже и льда не клал. При втором посещении они немного поболтали: Фастов прилично владел английским, как все настоящие моряки.

В последнее посещение произошел неожиданный для Фастова разговор. По обыкновению он высыпал на стойку монеты и, хотя знал цену рюмки джина, сказал:

— На сколько хватит.

Хватало на полторы рюмки, но Фред налил две полных. Фастов выпил их, но не уходил: хотелось побыть здесь.

— Желаете еще? — предложил Фред.

— Больше не на что.

— Я угощаю. Рюмка джина, даже две рюмки не очень большая проблема. Вы мой постоянный клиент, а у нас принято таких клиентов поощрять премиями. — Он уже налил рюмку.

— Нет, — решительно отодвинул ее Фастов. — У нас это не принято.

Фред потрогал свои маленькие чаплинские усики мизинцем как бы в раздумье.

— Тогда знаете что... У вас есть советские деньги?

— Но они же у вас не ходят.

— У меня ходят. Поищите в карманах.

У Фастова в кармане кителя лежала десятка. Ему хотелось выпить, а Фред не шутил.

— Вот десять рублей.

— Отлично. Сколько это будет на доллары по официальному курсу?

Фастов посчитал.

— Приблизительно тринадцать. Но у вас же гульдены.

— Я переведу. — Он взял десятку, бросил ее в кассу. — Теперь пейте сколько хотите. Может, желаете поесть? У меня прекрасная ветчина с горошком. Мое фирменное блюдо. Поставщик специальный.

— Ну что ж, поссорите вы меня с законом, дорогой Фред, но где наша не пропадала!

Фастов сел за столик, и Фред принес ему едва початую бутылку джина и ветчину с горошком.

Но это еще не все. Когда Фастов, допив бутылку и закусив, встал из-за стола, Фред подошел к нему со сдачей. Фастов был в том состоянии, когда человек не пьян, но ощущает, что выпил. У него была поговорочка: «Для меня бутылка джина — как слону дробина».

— Спасибо, Фред, но какая сдача? По-моему, вы себя обсчитываете.

— Это не в моих правилах. Тогда бы я давно вылетел в трубу. Расчет точный.

— В таком случае оставьте себе на чай.

— Бармены на чай не берут.

— Ну, тогда до следующего раза.

Фред перешел на шепот:

— Имейте в виду на следующий раз: не будет валюты — привозите ваши деньги. Я возьму у вас и двадцать, и сто, и сколько хотите рублей. Я себя не надую. Я сумею их обменять.

— Правда?

— Совершенно серьезно.

...Отправляясь в нынешний рейс, Фастов вспомнил эту необычную историю, о которой, по правде сказать, он постарался тогда забыть, как только вернулся на ко-

рабль. Сейчас у него в кармане кителя лежало сто рублей — четыре купюры по двадцать пять.

Он не увидел за стойкой Фреда и даже растерялся, почувствовал уныние. В зале из десяти столиков был занят лишь один: там сидели три солидных господина с лицами розовыми, как ветчина, которую они ели, и с усами пшеничного цвета, как пиво, которое они пили.

— О, товарищ Альбатрос! — услышал он за плечом знакомый голос. Фред с первого знакомства называл его так — по имени корабля.

Бармен, как всегда изящный и порывистый, появился из двери за стойкой.

— Добрый день, Фред. Сто лет не виделись. — Фастов положил сверток с покупками на табурет.

— Джин?

— Ну конечно. — Фастов высыпал на стойку монеты.

— У вас осталась сдача с прошлого раза, — напомнил Фред, подвигая рюмку.

Фастов выпил, показал пальцами на рюмку, Фред снова налил.

— А остался ли у вас в памяти тот разговор? — спросил Фастов.

— Я ничего не забываю, товарищ Альбатрос.

Фастов выложил деньги.

— О, таких бумажек я еще не видел, — с интересом беря их, сказал Фред. — Сколько здесь?

— Сто рублей.

— Значит, так. Тогда было десять рублей и тридцать долларов. Теперь будет сто рублей и сто тридцать долларов. Верно, товарищ Альбатрос?

— У вас прекрасная голова, Фред.

— О да, не жалуюсь. На гульденy я тоже сумею перевести. Вам ведь нужны гульденy?

— Хотелось бы.

— Сейчас сделаем. — Он отвернулся к кассе, покопался в ней и положил перед Фастовым толстенную пачку неновых банкнотов. Фастов быстро спрятал ее в карман брюк.

— Спасибо. Я у вас в неоплатном долгу. Что вам подарить, что привезти из России?

— Лучшим подарком было бы, если бы вы все это пропили в моем баре, — пошутил Фред.

— Нет, серьезно.

— Приходите чаще в Амстердам и ко мне... Ну, подарите мне балалайку.

Фастов поморщился.

— Очень громоздко.

— Ну, в таком случае маленький самоварчик.

— Обязательно! А теперь извините — тороплюсь.

— Счастливого плавания. И не стесняйтесь — привозите денег побольше.

Фастов действительно торопился, но не на корабль, а в ювелирный магазин.

Еще дома, до отплытия, он продумал, как загладить вину перед Валентиной. Она хоть и равнодушна была ко всякой дамской мишуре, но дорогие серьги и кольца любила. Однажды они заглянули в лучший ювелирный магазин родного города — просто так, поглядеть. И Фастов заметил, с каким восторгом жена рассматривала сквозь стекло витрины подвески с большими розоватыми жемчужинами, стоявшие больше трех его зарплат. После он подарил ей перстенок с гранатом, и она его чуть не задушила в знак благодарности. Вероятно, это у нее было безотчетное, чисто детское, потому что он твердо знал: она, если попрекнуть ее в жадности или в чрезмерной тяге к побрякушкам, не моргнув глазом, выбросит любую драгоценность в форточку.

Но ему надо было как-то доказать, что он ее не разлюбил. А лучшего способа, чем сделать дорогой подарок, он не видел.

Выбирал Фастов недолго. Массивное золотое кольцо, витое, с печаткой, на которой была выдавлена латинская буква V, стоило ровно столько, сколько он получил от Фреда за свои сто рублей. Дома оно стоило бы, наверное, дороже: взяв его в руку, Фастов прикинул, что в нем граммов пятнадцать. И золото червонное...

Валентине кольцо понравилось, но она сразу спросила, откуда он взял столько валюты. Не вдаваясь в подробности, он объяснил, что в Амстердаме можно при желании обменять советские деньги. «Ой, смотри», — сказала она с сомнением.

На третий или на четвертый день, когда Валентина, проводив Костю в школу, отправилась рано утром по магазинам, Фастов позвонил Мише. Стали договариваться о встрече, и Миша как бы между прочим сказал: «Тебе привет от Веры», — то есть от жены, давая этим понять, что у него дома организовать ничего нельзя. Ре-

шили посидеть в «Молодежном» кафе. В одиннадцать часов, оставив Валентине записку, что скоро вернется, Фастов ушел из дому. Непонятное беспокойство зародилось в нем от Валиного «ой, смотри», имелось желание как-то развеяться.

Миша был рад его видеть. В кафе подавали только сухое вино, и, распив бутылку, они перебрались в соседний ресторан. С водкой разговаривать веселее. Миша расспрашивал о рейсе, об Амстердаме, вообще о морской службе, и как-то само собой получилось, что Фастов помимо воли рассказал о бармене Фреде, о ста рублях, обмененных на гульдены, и о золотом кольце. Миша слушал с большим интересом. Фастов, выложив то, что выкладывать не следовало бы, спохватился и вмиг протрезвел. «Но это глубоко между нами», — предупредил он. «Ты чужак, — сказал Миша. — Разве о таких вещах кому-нибудь говорят? Мне-то ты можешь, но другим — не советую. А меня не бойся, не продам». И дальше Фастов пил с легкой душой.

Как они очутились в гостях у Мишиных знакомых женщин, Фастов вспомнил после с трудом, но так или иначе, а домой он вернулся лишь на следующий день. И тут уж Валентина высказала ему все, что думает о его поведении. Ему бы покаяться, а он, еще не совсем протрезвев, накричал на нее. Кончилось тем, что Фастов ушел из дому. Хотел побродить по улицам, проветриться, но, увидев первый же телефон-автомат, позвонил Мише: «Плохо мне, дорогой». Миша оказался настоящим другом, пригласил к себе, они с женой его пригостили, приголубили, напоили чаем и оставили у себя ночевать.

Таким вот образом в жизни семьи Фастовых, до той поры самой счастливой на свете, произошел перелом, обернувшийся настоящей трагедией. Но до финала было еще далеко.

Во всей этой истории объяснить, понять и даже до какой-то степени оправдать можно только одно — то, что Фастов столь быстро прилепился к Мише. Дело простое: с тех пор как Фастов женился, у него не было друга, так сказать, для одного себя. Да, по правде говоря, и никогда не было. Товарищи по работе или люди, с которыми дружат семьями, никому не заменят того единственного друга, перед которым не надо ни в чем отчитываться, который прощает дурное настроение и сорвав-

шееся с языка грубое слово, который не навязывает своих проблем и не требует к себе постоянного внимания. Короче, у Фастова впервые появился друг.

За неделю, остававшуюся до очередного рейса, они очень сблизились. У Миши работа была такая, что он мог не ходить на нее по два и даже по три дня. Больших загулов они не устраивали, но встречались и выпивали ежедневно. Платил, как правило, Миша, но иногда Фастов восставал и расплачивался сам. Разговоры вертелись вокруг женщин вообще и жен в частности. Однажды Миша всерьез посоветовал:

— Да брось ты ее к чертовой матери, купи кооперативную квартиру, оставь ей все и уходи.

— Ты с ума спятил? — чуть не закричал Фастов. — У нас же Костя, сын.

Мишу это не смутило.

— Ладно, это ты сейчас такой сознательный. Посмотрим, что будет через годик.

Фастов попросил Мишу насчет развода речей вообще не заводить. И тогда Миша завел другие речи:

— Скоро уходишь?

— Слава аллаху, осталось два дня.

— Далеко?

— Гавр, Портсмут, потом Амстердам.

— Ты сейчас злой. Не кинешься на меня, если кое-какие идеи подкину?

— Валяй.

Миша скатал из черного хлеба шарик, смял его в лепешку величиной с трехкопеечную монету, положил на скатерть.

— Что это такое?

Фастов пожал плечами.

— Ну, был хлеб, а что ты слепил — не знаю.

Миша взял вазочку с черной икрой, которой они закусывали, поставил рядом с лепешечкой.

— А это что такое?

— Ну, икра.

— Так. Черный хлеб и черная икра. Во сколько раз икра дороже этого кружочка?

— Без нее можно обойтись. Без хлеба не обойдешься. Все относительно. Сравнивать и оценивать такие вещи — дело рискованное.

— Подожди, не философствуй. Ответь: во сколько она дороже?

— Ну, черт ее знает. Ну, пусть в тысячу раз.

— Во! — Миша поднял палец. — И зачем же без нее обходиться? Сейчас ведь не война.

— Ладно, ты мне мозги не пудри. К чему это?

Миша стал серьезным:

— Я тут как-то вспомнил об этом твоём бармене. И покой потерял, честное слово.

— А нада? — Фастов употребил старую курсантскую шутку, они в мореходке ею увлекались: на любую фразу собеседника отвечать вопросом «А нада?». Это даже самых невозмутимых выводило из себя.

— Что надо?

— Покой.

— Это же фантастика — такой бармен.

— А нада?

Миша в раздражении поправил галстук.

— Ты что, издеваешься? Могу и не отвечать.

Фастов еще не совсем понимал, к чему клонит Миша, но догадаться было нетрудно.

— Не злись, я же шучу, — миролюбиво сказал он. — Продолжайте, сэр.

— Болван ты, слушай дело. Можешь стать богатым человеком.

— Каким образом? И зачем?

— Затем! Сейчас ты молод и здоров, а искупаешься в ледяной воде... или свалится на тебя ящик с какой-нибудь железякой — куковать будешь?

— Не стой под стрелой.

— Ну, брось, пожалуйста, я ж не шучу. Ты пьяный, что ли?

— Никто еще не видел Фастова пьяным.

— Врешь, я видел, и не один раз.

Он был все же пьян немножко. Необычно деловой тон друга заставил его собраться.

— Миша, я тебя еще никогда так внимательно не слушал.

Но у Миши, кажется, пропала охота развивать свою идею. Он налил себе рюмку, выпил и сидел молча.

— Ну, дорогой мой, не злись, говорю. Продолжай.

— Я считал тебя серьезным парнем, — жестко сказал Миша, — а ты, оказывается, балаболка.

Весь хмель слетел с Фастова.

— Ты всерьез так считаешь?

Еще бы секунда, и они бы разошлись и больше не

встретились. Миша вовремя уловил критичность момента.

— Теперь я тебе скажу: не злись. Не лезь в бутылку. Давай говорить по-человечески.

— Так ты и говори по-человечески. Что ты вола крутишь? Хлебушек, икорка... Проще можно?

Миша заговорил по-деловому:

— Я не напрасно про хлеб и икру. — Он взял лепешечку. — Ты везешь туда это, а привозишь это. — Он взял вазочку с икрой. — Конкретнее: повези, скажем, три тысячи рублей. Бармен по официальному курсу меняет?

— Да.

— Значит, привезешь три тысячи девятьсот долларов.

— Ты и курсы знаешь?

— А как же. И представляешь, сколько мы будем иметь процентов прибыли? Пятьсот процентов, дорогой, пятьсот минимум.

— Да-а... Есть на чем шею сломать. — Фастов тоже налил себе и выпил.

— Ты же через досмотр не проходишь?

— Пока верят... А там — поди знай...

Миша коротко махнул рукой.

— Сколько ты в загранку ходишь?

— Одиннадцать годков.

— Что ж, на двенадцатом проверять будут?

— Искушаешь ты меня, Миша, ох, искушаешь.

— Я бы на твоём месте не задумывался.

— Я бы на твоём тоже.

— Скажи лучше — трусишь.

— Не без этого. Но и совесть — она ещё где-то там трепыхается.

— Но ты уже оскоромился, ты ж два раза из этой лужицы пил. Какая разница — один глоток или досыта напиться? Лужа-то отравлена, ты уж отравился.

— Пока не смертельно.

— И не будет смертельно.

Фастов взял уже подсохшую лепешечку, повертел ее в пальцах.

— Ну, привезу я доллары, что мы с ними делать будем?

— Не твоя забота. Найдутся люди.

— У меня лежат на книжке деньги, но я снимать не буду. Машинные. Скоро получать, — сказал Фастов, и это надо было понимать как полное согласие.

Миша улыбнулся.

— Найдем...

Тут-то в голове у Фастова и возникли соображения, которые заставили его вспомнить о высокой двери, обитой настоящей кожей. Опустив голову, он думал: что за человек этот Миша? Тот ли, за кого себя выдает? Судя по всему, он сильно смахивает на какого-то подпольного дельца. Почти никогда не ходит на службу. Иногда исчезает на несколько дней, и никто не знает куда. И разве можно на зарплату юрисконсульта, даже работая на двух фабриках, жить так широко? А Миша однажды выбросил за один вечер тысячу двести рублей — они гуляли тогда большой компанией в ресторане аэропорта...

Да, но дверь... Разве подпольные дельцы обивают двери своих квартир натуральной кожей, да еще стегаемой? Снаружи они скорее предпочитают придавать ей такой вид, будто об нее собаки когти точили.

Как ни странно, Мишина дверь оказалась для него более убедительным аргументом, чем все другие, заставлявшие настораживаться. А может быть, наоборот, это не странно, а вполне логично.

Они ударили по рукам.

Так Фастов кинулся во все тяжкие, и ходу назад ему не было...

Бармен Фред встретил его как всегда, но с первого же взгляда определил, что на сей раз «товарищ Альбатрос» несколько взволнован, и, угостив его обычной рюмкой джина, проявил редкий такт и проницательность. Хотя бар, как обычно в этот дневной час, был пуст, Фред сказал:

— Может быть, мы пройдем ко мне за кулисы? Там вам будет уютнее.

— Да, так лучше.

Фастов вслед за барменом прошел через дверь сбоку от стойки в узкий коридорчик. Фред толкнул дверь справа и пропустил Фастова в просторную комнату с двумя окнами, выходившими на чистенький дворик. Она была похожа на контору, только, кроме конторской мебели, в ней стояла широкая кровать на низких медных ножках в форме львиных лап.

— Садитесь, прошу вас. — Фред отодвинул для него свое, хозяйское, кресло перед столом, а сам остался стоять.

— Присядьте и вы, надо поговорить.

— Может быть, сначала принести вам чего-нибудь?

— Не надо. Серьезный вопрос, Фред.

Бармен сел.

— Слушаю вас, товарищ Альбатрос.

Фастов развернул пакет из плотной бумаги и поставил на стол сверкавший серебряными гранями маленький, на литр, самоварчик.

— О, какая прелесть! Спасибо, спасибо!

Фред взял самоварчик и поворачивал его из стороны в сторону, цокая и прищелкивая языком, как это делают, когда играют с младенцем.

— Фред, я пришел с очень серьезным делом. Даже боюсь начинать.

Бармен поставил самоварчик.

— Моряк чего-то боится? Тогда он не моряк. Вы, наверное, насчет валюты?

— Да, но сумма слишком велика.

— Сколько?

— Три тысячи.

Фред внимательно посмотрел на него.

— Вы хотите, наверное, долларами?

— Да.

— Надо подумать. — Фред по привычке тронул мизинцем свои аккуратные чаплинские усики. — Вы, наверное, догадываетесь, что в превращениях одних денег в другие участвую не один я...

— Скорее всего.

— Разрешите, я тут же позвоню одному человеку?

— Ну, конечно.

Фред подвинул к себе стоявший на столе телефон, покрутил диск и заговорил быстро, как хоккейный радиокомментатор. Языка Фастов не понимал.

Потом Фред слушал, а потом зажал микрофон ладонью и спросил у Фастова:

— Вам удобно, если один господин придет сейчас сюда?

— Я вам доверяюсь, Фред.

Еще несколько слов в трубку, и разговор закончился. В комнате мелодично прозвенело, как будто кто-то чокнулся хрустальными рюмками.

— Это меня зовут, — объяснил Фред, вставая. — На стойке есть кнопка. Пойду отпущу.

Его не было минут десять. Фастов уже начинал ежиться и подумывать, не переломить ли все это к чертовой матери, не обрубить ли швартовы. Но тут появился Фред и с ним какой-то господин с портфелем. Фред встал. Незнакомец был его роста, с густой сединой в рыжеватых волосах, с лицом старого актера, играющего роли благородных отцов. Ему было лет под шестьдесят.

— Разрешите представить, — сказал Фред по-английски, — это господин Гутман, мой... мой компаньон, а это...

— Товарищ Альбатрос, — сказал Фастов.

Сели — Гутман в хозяйское кресло, Фастов и Фред по бокам на стулья. Гутман, видимо, торопился.

— Товарищ Альбатрос хочет обменять три тысячи советских рублей на доллары. Сколько он думает получить долларов?

Фастов в недоумении посмотрел на Фреда.

— Раньше мы меняли по курсу, — сказал тот, словно извиняясь.

— Это не пойдет. Две с половиной тысячи пойдет.

— Вы согласны? — спросил Фред у Фастова.

— Да. Не везти же обратно.

Гутман повернулся к нему, и Фастову показалось, что на него смотрят не глаза, а два фотообъектива. Фастов достал из карманов брюк две плотные пачки, обернутые тонкой резиной, и вскрыл их. На столе перед Гутманом легли две стопки сотенных новеньких банкнотов.

— Здесь три тысячи, — сказал Фастов. — Можете проверить.

— Зачем? — возразил Гутман, открывая портфель. — Какого достоинства вы предпочитаете?

— Все равно... Впрочем, не очень крупные.

— По пятьдесят?

— Хорошо.

Гутман дал Фреду пачку пятидесятидолларовых, тоже новеньких. Тот быстро-быстро, как профессиональный кассир, отсчитал пятьдесят штук и положил их перед Фастовым, а остальные вернул Гутману.

Гутман закрыл портфель и встал. Фастов тоже хотел встать, но Гутман положил ему руку на плечо.

— Если вы довольны обменом, то мы будем продолжать знакомство. До свидания.

— До свидания.

Фред пошел проводить этого важного и, по-видимому, весьма делового господина, а Фастов начал упаковывать доллары в резину, где раньше лежали сотенные. За тем и застал его Фред:

— Ну вот. Немножко не так, как вы хотели, но все же, я думаю, неплохо. Вы повезете домой?

— Да.

— Джину?

— Нет, надо идти.

— Удачи вам.

— Пока.

...На этот раз Фастов не вез домой ничего, кроме подарков сыну и долларов.

С Мишей Фастов встретился в день прибытия, не заходя к себе домой. Тем, что он принес только две тысячи пятсот, а не три девятьсот, как ожидалось, Миша не огорчился.

Придя домой, Фастов узнал новость: Валентина поступила на работу. Когда они только познакомились, она работала хирургической сестрой в больнице, а до этого окончила медицинское училище. Между прочим, отпустили ее тогда с большой неохотой. Теперь она вернулась на старое место. Фастов взорвался: «А что будет с сыном?» Она спокойно сказала: «Ничего, как-нибудь. В школу я его отвожу, из школы привожу. Одному сидеть приходится лишь два часа. Он мальчик умный». Шуметь дальше было бесполезно, и Фастов махнул рукой.

Друг позвонил ему только через неделю — вероятно, куда-то уезжал. Сколько процентов прибыли в этой операции получил Миша, неизвестно, но Фастову он вручил шесть с половиной тысяч.

— Идем, положишь на книжку, потом обмоем, — сказал Миша.

— Ну ее к черту, книжку. Откуда у меня сразу такая сумма, если кому захочется проверить?

— Ты что, правда псих или прикидываешься? Кто это имеет право проверять книжки?

Миша говорил верно, но Фастов за последний рейс так изнервничался, что чувствовал себя не совсем нормальным. Ему противно было ощущать в карманах эти

засаленные пятерки, десятки, четвертные. Да, правильно говорит Миша, надо положить на книжку: где такую сумму дома спрячешь?

Они отправились в сберкасса, Фастов открыл новую книжку — на предъявителя, как посоветовал Миша, — и положил шесть тысяч, а пятьсот рублей оставил на расходы. Миша позвонил Тане Черной, велел взять Наташу, и они закатились в аэропорт. Пили много, а потом Миша предложил немедленно махнуть самолетом в Сочи. «Погреемся, — сказал он. — Там сейчас тепло» (было 20 апреля). Наташа заколебалась: «Мне завтра на работу». — «И мне», — сказала Таня. «Ай ерунда, я вам бюллетени достану». И Миша пошел узнать насчет самолета. Вернулся расстроенный: «Только утром. Ну, в следующий раз». И опять Фастов дома не ночевал — Наташа увезла его к какой-то своей подруге.

После этого Валентина разговаривала с ним исключительно по поводу еды и ни о чем ином. Она поставила только одно условие: чтобы он не показывался пьяным на глаза Косте. «Может, мне совсем уйти?» — зло спросил он. «Как знаешь», — и больше ни слова.

Это и бесило Фастова. Хоть бы накричала, пощечину дала. Раз ей все так безразлично, значит, кто он ей? Никто. Значит, и вся прежняя любовь — притворство?

Оставаясь по утрам один в квартире — до того, как идти за Костей в школу, — Фастов день за днем перебирал все восемь лет их жизни, придирчиво выискивая признаки неискренности или расчета со стороны Валентины. И не находил ничего. И знал, что не найдет. Ему хотелось подравнять ее под себя, чтобы не так мучила совесть, но ничего не получалось. Он знал, что любил ее. Ни одна тень никогда на нее не пала. Была бы тень, так бы не любил, уж в себе-то он разбирался. Он не то что их судовой врач. У того жена два раза подряд неизвестно откуда являлась домой в час ночи, а он, размазня, все ей прощал. Нет, Фастов бы не простил... И все же были моменты, когда у него возникала дикая мысль: пришла бы Валя часа в два ночи со сладким запахом вина от губ — все бы у них образовалось, все бы разбитые чашки склеились...

Но он тут же в ужасе гнал эти поганые мысли и решал завтра же порвать с Мишей. Всклакивал, доставал из тайника, сделанного им в тахте, сберегательную книжку на предъявителя, чтобы изорвать ее в мелкие

клучки, и... прятал обратно. А потом шел в школу за Костей — единственной своей отрадой.

Самое прискорбное состояло в том, что Валентина, мучаясь гораздо больше мужа, не хотела перед ним этого обнаружить. Может быть, ее так воспитала мать: никогда, мол, не показывай мужчине, что страдаешь. Наверное, у нее именно это называлось женской гордостью.

Порою Валентина едва сдерживала себя, чтобы не упасть Юре в ноги, обнять за колени и умолять: зачем губишь себя, очнись, ты же хороший, я тебя люблю, смотри, какой у нас сын, давай вернем прежнюю жизнь. И он бы скорее всего и Мишу бросил и сберегательную книжку порвал. Но эта проклятая так называемая женская гордость мешала Валентине сказать самые простые бабьи слова. И все катилось само собой неизвестно куда, неуправляемо, если не считать, что Фастовым управлял Миша.

За несколько дней до очередного рейса Фастов встретился с Мишей у него на квартире — жена Мишина опять была в отъезде. Пить Фастов отказался, Миша не упрашивал, так как им предстоял деловой разговор.

— Как думаешь, возьмут они десять тысяч? — спросил Миша.

— Соображай, что мелешь. Я-то как буду туда-сюда с такими охапками ходить? Или инкассаторскую сумку дашь? Ты, брат, наглеешь. Потому что по сухому ходишь.

Миша сузил глаза.

— Не тебе судить, по какому я хожу.

Что-то вскипело в Фастове. Неожиданно для себя он встал, отшвырнул ногой тяжелый стул с зеленой кожаной обивкой, опять же стеганой. По всем правилам он должен был закричать, но он заговорил шепотом, и это было намного страшнее.

— Ты мне надоел, ты грязный павиан...

Миша нервно хохотнул:

— Скажите, какой невинный птенчик.

— Молчи! — уже в полный голос, словно через мегафон, загремел Фастов. — Ты и меня хочешь обезьяной сделать? Я не птенчик, я гад последний, что с тобой связался. — Он пошел к выходу. — Счастливо оставаться.

— Ты в истерике не наделай глупостей. Когда грешник раскаивается, это опасно для окружающих.

— Дрожишь? — усмехнулся Фастов.

— С психопатами начинаешь чувствовать себя как-то неуютно.

— Не дрожи, в милицию не пойду. А книжечку я тебе по почте пришлю. — И хлопнул дверью.

Впервые за последние полгода Фастов видел высокое небо над головой, видел солнце и веселые лица людей. Словно все эти полгода ходил, низко согнувшись, а сейчас выпрямился.

Для того чтобы раз и навсегда объясниться с женой и наладить прежнюю жизнь, у него было мало времени, и он отложил решающий разговор до возвращения из рейса.

И может быть, его судьба повернулась бы совсем иначе, не поддайся он старой привычке заходить к Фреду, чтобы выпить рюмку джина. Никаких денег у него с собой не было, только несколько гульденов, и он думал так: загляну в последний раз, предупрежу Фреда, что больше не будет обменов. Все-таки Фред относился к нему как к другу...

Фред, полагая, видимо, что Фастов снова прибыл с крупной суммой, пригласил его в контору.

— Не надо, Фред, нет необходимости.

— Вы ничего не привезли?

— И не привезу. Хватит.

— Что случилось?

— Ни к чему все это. Перестаешь спокойно спать.

Фред поглядел на него отчужденно, как бы изда-лека.

— Простите, кажется, звонят. — И с бутылкой в руке он выбежал в дверь за стойкой.

Но телефон не звонил. Фреду самому нужно было позвонить. Он набрал номер и сказал в трубку:

— Альбатрос пришел, но пустой. С ним что-то произошло. Дать?

— Дать, — был ответ. — И дальше все по плану.

Положив трубку, Фред выбрал из связки ключей, висевших у него на поясе, маленький медный ключ, отпер верхний ящик в правой тумбе стола, взял круглую металлическую коробку, а из коробки пакетик с белым порошком. Высыпав порошок в бутылку, он взболтал ее содержимое, посмотрел на свет — порошок растворился

бесследно. Убрав коробку и заперев стол, Фред вернулся за стойку. Фастов ждал его, чтобы проститься.

— Налить еще? — предложил Фред.

— Ну что ж, как у нас говорят, разгонную.

Изумрудно-зеленая жидкость наполнила стаканчик с толстым дном. Фастов одним глотком выпил ее. Посмотрел на часы — было четырнадцать московского. «Альбатрос» уходил в шестнадцать. Фастов протянул Фреду руку через стойку и вдруг качнулся. Словно пол, как палуба при качке, ушел у него из-под ног. Нелепо взмахнув руками, он грохнулся со всего маху лицом вниз. Фуражка покатилась под столик, за которым сидели два молодых человека — единственные посетители.

— Что с ним? — довольно безучастно спросил один из них у Фреда.

— Напился.

— Это русский?

— Да.

— Рано же он набрался.

В руках у Фреда был фотоаппарат.

— Оттащите его в угол, пожалуйста, — попросил он клиентов. И пока они волокли Фастова, приподняв за руки, в дальний угол зала, Фред сделал несколько снимков. Лицо у Фастова было в крови.

Через пять минут напротив бара остановилась санитарная машина, из нее вышли два рослых парня, похожих друг на друга, как родные братья. Открыв широкую заднюю дверь, они извлекли носилки, вошли в бар, Фред кивком показал им в угол, они положили Фастова на носилки, и через минуту машина уехала...

Очнулся Фастов в комнате, похожей на больничную палату. Голова не болела, но была мутная. Он лежал в постели раздетый до нижнего белья под розовым одеялом.

В комнате было два окна. Посмотрев на них, он увидел, что оба забраны черными фигурными решетками. Судя по тому, что на уровне окон покачивались верхушки деревьев, комната находилась не ниже чем на третьем этаже. Уже вечерело. Тишина стояла такая, что у Фастова зазвенело в ушах. Странное оцепенение владело им, трудно было даже пошевелить пальцем. Но вдруг эту дремоту пронзило острое сознание, что произошло непоправимое, и он рывком вскочил с постели. И, не удержавшись на ногах, ткнулся в стоявшее напро-

тив кресло. Потом, едва выдерживая равновесие, попятился и сел на кровать. Ему стало страшно, он закричал:

— Есть здесь кто-нибудь?

В стене у него над головой что-то щелкнуло, и басовитый голос сказал по-русски:

— Одну минуту. — И снова щелкнуло.

Минута еще не прошла, когда дверь медленно распахнулась и на пороге появился высокий пожилой человек благообразной внешности, с проседью в густых темных волосах. Стекла очков без оправы. Его можно было принять за врача.

— Где я? Что все это значит? Сколько сейчас времени? — нервно заговорил Фастов.

Пожилой человек опустился в кресло.

— Отвечу по порядку. Вы у меня в гостях. Вы были очень пьяны и нуждались в медицинской помощи. Вам ее оказали. Что касается времени, то по местному сейчас четыре часа пополудни, а по московскому девятнадцать.

Фастов застонал, и пожилой человек поспешил его успокоить:

— Но ваш корабль еще не ушел. Вас ждут и ищут.

— Где моя одежда?

— Все здесь, не волнуйтесь, товарищ Фастов, или товарищ Альбатрос, как вы предпочитаете. Моя фамилия Skeens. Мне о вас много рассказывал бармен Фред.

— Это издевательство какое-то. Дайте мне одежду.

— Одну минуту. — Skeens встал, открыл дверь. За дверью кто-то ждал его распоряжений.

Шепнув что-то, Skeens вернулся, снова сел в кресло.

— Сейчас принесут. Мы должны были отдать ваши вещи в чистку, все оказалось грязное. Вы ведь упали, разбили нос. Но теперь все в порядке. Вам не о чем беспокоиться.

— Это провокация!

— Успокойтесь, вот несут ваш костюм.

Вошли те двое, что увозили Фастова из бара. Один принес костюм и ботинки Фастова, второй передал Skeens голубую хлорвиниловую папку. И оба тут же покинули комнату.

Пока Фастов одевался и обувался, а потом трясущимися руками застегивал ремешок часов, обнаруженных

им в кармане кителя, Скеенс рассматривал фотографии, которые одну за другой доставал из папки.

— Ну вот, а теперь садитесь к столу, и поговорим спокойно, — сказал Скеенс.

Фастов сел. Скеенс положил перед ним папку.

— Посмотрите это.

Фотокарточек было штук пятнадцать. Фастов перебрал их одну за другой, и руки у него дрожали все сильнее. Вот его, бесчувственного, несут какие-то молодые люди между столиками бара. Вот другие двое кладут его на носилки. Вот он сидит в конторе Фреда рядом с Гутманом. Вот Фред протягивает ему пачку пятидесяти-долларовых бумажек, причем снимки настолько отчетливые, и бумажки так повернуты к фотообъективу, что достоинство банкнотов видно очень хорошо. Где-то, значит, была скрыта фотокамера...

— Это отпечатано с киноплёнки, — словно читая его мысли, объяснил Скеенс и улыбнулся. — Сейчас у меня нет проектора, но, если захотите, мы можем устроить просмотр.

«Или энтээсы, или разведка, — мелькнуло в голове у Фастова. — Будут вербовать». Так гадко ему никогда еще не было. Если бы кто-нибудь мог вложить ему в руки пистолет, он бы убил себя, не задумываясь.

— Ни вам, ни нам не следует терять времени, — сказал Скеенс, складывая карточки в папку. — Я предложу вам один вариант, и, если он вас устроит, приступим к исполнению.

Фастов молчал, он не мог выдавить из себя ни слова. Да и что было говорить?

— Так вот, — после паузы продолжал Скеенс, — дела ваши очень неважны. Я не буду вербовать вас в шпионы, но попрошу услугу за услугу.

Этот проклятый Скеенс, кажется, читал в его душе, как в открытой книге.

— О каких услугах речь? — хрипло спросил Фастов.

— Вас ведь не похвалит ваше начальство за такое опоздание на корабль, правда?

— Не похвалит.

— Уже этого достаточно, чтобы иметь очень крупные неприятности и вам и вашему капитану. А если у вас на родине станет известно обо всем остальном, что тогда? Тюрьма?

— Может быть, и тюрьма.

— Так, у меня есть одно предложение, и, если вы согласитесь, все будет как нельзя лучше.

— Говорите.

— Повторяю: я не вербую вас в агенты. Вернее, вы станете агентом, но моим личным.

— Кто же вы такой?

— Просто бизнесмен, делец. Моя специальность — валютные спекуляции. Почти как у вас.

Он еще и шутит! Фастов при последних словах почувствовал облегчение. Может, его и действительно не вербуют в шпионы? Может, все не так уж и страшно? Любой вариант взамен того, который делает человека предателем, казался ему если и не желанным, то неизбежным в его теперешнем положении и спасительным. Он спросил:

— Что я должен делать?

— Я дам вам, ну, скажем, для начала килограмм золота. Вы привезете, скажем, пять тысяч рублей. Сколько вы получите за его реализацию, меня не интересует. Разницу возьмете себе. Золото будет самой высшей пробы. И провезти килограмм не так уж трудно. Что такое килограмм чистого золота? Маленький кусок туалетного мыла. Кстати, оно и будет замаскировано под мыло. Не вижу причин отказываться от такого обоюдовыгодного соглашения.

Фастов тяжело опустил голову.

— Я прижат к стенке.

— Что вас смущает? Таможенный досмотр?

— Нет.

Для Фастова досмотр давно стал чистой формальностью. Его не проверяли, потому что никому не могла прийти мысль, что Фастов занимается контрабандой.

— А что же?

— Сбыт.

— Ну-у, — воскликнул Скеенс, — надо совсем немного инициативы, и спрос найдется. В крайнем случае сообщу вам один московский адрес, и вас сведут с нужными людьми.

— Москва от меня далеко. Попробую что-нибудь сообразить.

— Ну и отлично.

— Что мне делать сегодня, сейчас? Что я скажу на корабле?

Тоска была на душе у Фастова.

Скеенс похлопал его по колену.

— Как вас зовут?

— Юрий Георгиевич.

— Так вот, Юрий Георгиевич, я обо всем позаботился. Поскучайте полчаса, я скоро вернусь. — И он ушел, очень довольный и веселый, оставив Фастова нервничать в одиночестве. Дверь за ним заперли на два оборота. Фастов был под стражей.

Скеенс вернулся с кипой вечерних газет.

— Тут имеется одно любопытное сообщение. Оно касается вас.

Фастов ничего не понимал. Скеенс развернул одну газету, ногтем отчеркнул на первой полосе небольшую заметку, набранную мелким шрифтом, и спросил:

— По-голландски не понимаете?

— Нет.

— Тут напечатано, что русский моряк Фастов, возвращаясь в час дня на свой пароход, оказался невольным свидетелем ограбления ювелирного магазина... Между прочим, того самого, где вы покупали кольцо. — Скеенс помолчал, чтобы дать Фастову как следует почувствовать всю глубину его, Скеенса, осведомленности и всесильности. — Русский моряк смело вступил в борьбу с грабителями и помог задержать одного из них. Городская полиция выражает русскому моряку горячую благодарность и сожалеет, что ему пришлось немного самому пострадать, а главное, задержать свой пароход. Кажется, недурно? К тому же правдоподобно.

— Противней быть не может.

— Другого выхода нет.

— Газету могу взять с собой?

— Как раз этого делать нельзя. Мы позаботились, чтобы ваши товарищи ознакомились с ней прежде вас.

— Что дальше?

— Полицейская машина отвезет вас в порт, а потом вам придется немного проявить ваши артистические способности...

Затем Скеенс дал ему кусок туалетного мыла, невероятно тяжелый.

— Положите в карман.

Фастов не сказал ничего, вышел молча следом за провожатым — рослым молодым человеком. Насколько

он сумел заметить, его держали не в больнице. Это была большая квартира с длинным коридором и множеством выходящих в него дверей. Спустились на лифте.

Внизу его ждала полицейская машина. Оказывается, дом был недалеко от порта. Ему предложили сесть рядом с водителем. Сзади поместился толстый полицейский. Через пятнадцать минут они были в порту.

«Альбатрос» стоял у стенки со спущенным трапом. Внизу возле трапа толпились люди. В сумерках Фастов разглядел, что тут почти весь офицерский состав судна во главе с капитаном.

Машина подъехала вплотную. Полицейский офицер подошел к капитану.

— Сэр, надо ли объяснять причину опоздания вашего офицера?

— Нам кое-что известно из газеты...

— В таком случае разрешите пожелать вам счастливого плавания. До свидания, сэр. — Полицейский отдал честь капитану, а затем повернулся к Фастову, молодежато козырнул ему. Полицейская машина, развернувшись и прогудев на прощание сиреной, укатила. Товарищи обступили Фастова, и ему оставалось утешать себя только тем, что сумерки сгустились. До тошноты мерзко было играть роль, которую ему навязали, но отступать он не мог.

Фастов сказал капитану, что хотел бы поговорить наедине. Они пришли в капитанскую каюту, и там Фастов, сославшись на сильную усталость, попросил освободить его на сутки от вахты.

Капитан охотно согласился. «Герой дня» заперся у себя в каюте и уснул. Ему снились кошмары...

Все последующее было столь же закономерным, сколь и отвратительно.

Иного пути, как к Мише, Фастов не видел. Ни о какой амбиции, ни о каком самолюбии помышлять ему не приходилось. Миша не упустил случая больно уколоть это самолюбие, но слишком его не топтал. Золото он пристроил в два счета, дав Фастову семь тысяч рублей.

Фастов получил машину и неделю ежедневно ездил на ней, катал Костю днем и Валентину вечером. Так что эта неделя прошла в чистой жизни. И с Валентиной все начало налаживаться. Но затем произошел срыв.

Пять тысяч Фастов спрятал в тахте, а остальные

две держал в машине. И вот однажды днем позвонил неунывающий Миша, предложил встряхнуться. Кончилось тем, что отряхивались они уже в Сухуми. Осуществилось давнее намерение Миши — махнуть из аэропорта куда-нибудь на южный курорт. С женщинами, разумеется.

Машины свои они оставили в аэропорту и по возвращении были подвергнуты штрафу. Отсутствовал Фастов четыре дня.

Обстановка в семье накалилась до предела. Он и не пытался оправдываться, ибо оправданий ему не было.

Наконец Валентина не выдержала гнетущего мрачного молчания и завела решительный разговор. Она умоляла Юрия опомниться, обещала никогда не вспоминать прошлого и не упрекать, говорила, что будет любить его больше прежнего, если он сумеет себя переломить. Она спрашивала, какая сила так изменила его, почему вдруг он так безжалостно разрушает жизнь троих людей. Ничего вразумительного он ответить не мог. Ему оставалось ждать очередного рейса в надежде, что время хоть немного поправит дело.

Выяснение отношений кончилось ничем, но в день его отплытия случилось несчастье: Валентина обнаружила деньги. А было так. Он достал две упакованные в тонкую резину пачки из тахты еще утром, как только жена и сын ушли из дому. Кинул их сверху в свой простенький фибровый чемодан, в который Валентина сложила ему белье и носовые платки. И пошел в ванную принять душ.

Он не слышал, как открылась и закрылась входная дверь, как вернулась жена. Ее хирурга срочно вызвали в Москву, и образовался свободный от операций день. Она отпросилась с работы.

Увидев в чемодане какие-то странные резиновые кирпичики, она не сдержала любопытства и распотрошила один из них. И обомлела при виде такого количества денег. У нее не возникло мысли, что муж везет их с собой в рейс. Откуда они — вот что взволновало ее. Когда Фастов вышел из ванной и увидел жену сидящей с деньгами в руках и с паническим выражением лица, у него упало сердце.

— Откуда это? — едва выговорила она.

— Не мои, не мои. — Он заставил себя говорить спокойно.

— Юра, куда ты катишься?

— Не устраивай драму. Но если хоть кому-нибудь скажешь про это... — Он взял у нее пачку, бросил в чемодан, закрыл его. — Скажешь — погубишь и меня, и себя, и Костю.

...В этот раз она его не провожала. Много дней и ночей терзала она себя упреками, что проглядела, упустила, что была чересчур горда, когда следовало умолять и плакать. Она не находила себе места, не знала, чем отвлечься. Наконец затеяла генеральную уборку квартиры. И обнаружила в тахте сберкнижку на предъявителя. Это было последней каплей. Наутро она, бледная, с опухшими от слез глазами, пришла в управление пароходства. Начальника не было, ее принял первый заместитель, который хорошо знал Фастова.

Валентина рассказала о своей семейной жизни все без утайки. Она не скрывала, что ей страшно за мужа, и просила повлиять на него, принять какие-то меры воздействия, чтобы остановить его. Она уверяла, что Фастов катится в пропасть и только решительное вмешательство может его спасти...

Когда «Альбатрос» пришел в родной порт, Фастова у трапа ожидал заместитель начальника пароходства. Он сделал вид, что оказался на пирсе совсем по другим делам, а на Фастова наткнулся невзначай.

— Зайдем ко мне. Надо поговорить.

Машина быстро доставила их к управлению.

В приемной заместителя ожидали двое незнакомых Фастову мужчин. Заместитель поздоровался с ними, попросил подождать еще немного.

— Садись, — сказал он Фастову в кабинете.

Фастов сел за длинный стол.

— Ну, как жизнь? — с наигранным, как показалось Фастову, добродушием спросил заместитель и, не ожидая ответа на свой чисто риторический вопрос, задал вопрос уже конкретный: — Как у тебя семейные дела?

Сердце у Фастова екнуло, он понял: без него тут что-то произошло.

— Да ничего, Николай Иванович, не жалуюсь.

— Все, значит, спокойно? Ничем поделиться не хочешь? На душе все в порядке?

Николай Иванович давал Фастову шанс покаяться. Но Фастов ничего не собирался объяснять и рассказывать. Он изобразил недоумение.

— Не понимаю, Николай Иванович, в чем дело... Прямо с борта на ковер...

— Значит, нечего сказать?

— Честное слово, ничего не понимаю.

— Ну в таком случае извиняй. — Он широким шагом подошел к двери, распахнул ее и пригласил в кабинет тех двух ожидавших товарищей. Один из них с пугающей вежливостью обратился к Фастову:

— Прошу вас показать нам содержимое чемодана.

В чемодане лежало под бельем шесть золотых слитков по килограмму каждый...

Мишу Суликошвили арестовали через месяц, предварительно выявив кое-какие из его деловых связей.

...Обо всем этом и вспоминал Фастов, ворочаясь без сна в тюремной камере на своей не слишком-то мягкой постели.

Глава IX

НЕОЖИДАННЫЙ КОНЕЦ ДОМАШНЕЙ ТИПОГРАФИИ

Обратив на себя сугубое внимание контрразведчиков, мистер Дей уже не лишался его до самого отбытия в Вену. За оставшиеся три дня пребывания в Москве мистер Дей ничего противозаконного не совершил и никаких подозрительных встреч не имел, если не считать свидания с Джорджем, который таким образом тоже попал в поле зрения чекистов.

Правда, один раз мистер Дей с кем-то довольно долго говорил по телефону-автомату. С кем и о чем, выяснить было невозможно.

Через три дня Галина Храмова проводила его. В гостинице перед отъездом он сделал попытку подарить ей кинокамеру, весьма дорогую, но Галина наотрез отказалась. Она вздохнула с великим облегчением, когда Дей скрылся в туннеле, ведущем на посадку. За минувший месяц она порядком устала — и от необходимости улыбаться, даже при самом дурном настроении, и от той особой постоянной подтянутости, которую она старалась в себе воспитать специально для работы с туристами класса «люкс».

После такого месяца хотелось самого простого человеческого общения, без преувеличенной любезности, без реверансов на каждом шагу. Так после пирожного, если

оно особенно сладкое, хочется пожевать кусочек черного хлеба.

Володя обрадовался ее звонку. Они не виделись со времени посещения клуба «Дискуссия» и расстались тогда не самым дружеским образом. Это было неприятно обоим, и поэтому они, встретившись в первый же вечер, дали друг другу слово не допускать больше между собой подобных недоразумений. Однако вскоре недоразумение все же возникло.

С 1 октября Галина могла взять отпуск, но Володя раньше пятнадцатого не мог. Так как они условились отдыхать вместе — на юге или в Карпатах, — она договорилась на работе, что отложит отпуск на две недели. На ниве иностранного туризма наступило затишье, и эти две недели Галине, собственно, нечего было делать, она почти все время сидела дома, кое-что шила, кое-что перешивала. 5 октября, вынимая из почтового ящика газеты, она обнаружила среди них письмо. Она немного удивилась, потому что уж и не помнила, когда получала письма в последний раз. И что еще более поразительно, писал дядя Женя, с которым они виделись не далее как три недели назад. До того не удосуживался писать хотя бы раз в год, а тут вдруг...

Евгений Петрович с легкой грустью признавался, что не ожидал увидеть свою племянницу такой красивой, и упрекал себя в черствости по отношению к ней. Вторая половина письма состояла из жалоб на одиночество. Он просил не забывать его и отвечать подробно.

Галина ответила в тот же день. А на следующее утро опять получила письмо. Адрес на конверте был напечатан на машинке. Содержимое конверта оказалось более чем странным. Это был листок размером с календарный, на котором Галина прочла типографским способом отпечатанное воззвание, кончавшееся подписью «Союз борьбы за демократию». Шрифт мелкий, но отчетливый. Краска синяя. Галина растерянно перевернула листок. На обороте ничего нет. Посмотрела конверт — адрес ее, фамилия и инициалы тоже ее, все точно. Но почему именно ей прислали эту пакость? И кто?

Она почти машинально набрала номер заводского телефона Володи.

— Ты не очень занят?

— Три минуты готов тебя слушать.

— Я тебе прочту кое-что. — Она прочла листовку.

— Что за ерунда?! — закричал Володя. — Что ты мне читаешь?

— Сейчас получила по почте.

— На твое имя?

— Да, представь.

— Вечно ты попадаешь в какие-то истории. — Володя был раздражен, и это ее обидело.

— Но в чем же я виновата?

— Посмотри почтовый штемпель.

Галина посмотрела.

— Оба штемпеля московские.

— Ладно. Ты весь день дома?

— Да.

— Я не буду здесь обедать. Сходим поедим куда-нибудь, хорошо?

— Давай.

— Часам к пяти займи места в кафе «Арарат». Я с работы прямо туда.

— Хорошо.

...Поели они быстро. О листовке разговора не вели. Володя взял ее вместе с конвертом себе и сказал только:

— Я, кажется, знаю, чьих это рук дело. Надо кончать с этой шпаной.

Помогая ей надеть плащ, он шепнул:

— Они думают, люди это проглотят и не поморщатся. Но они ошибаются. Идем, тут два шага.

Володя вел ее по Кузнецкому мосту вверх. Он вел ее в приемную Комитета госбезопасности, где когда-то, почти тридцать лет назад, с ее дядей, Евгением Петровичем Храмовым, вели беседу по поводу его сотрудничества с Анисимом. Замыкался большой круг. Они несли в приемную листовку — продукцию Евгения Петровича, правда, не подозревая о том, чья это продукция. Печально, но факт: очистительная беседа произвела тогда на Евгения Петровича кратковременное действие. Что ж, бывает. Он оказался забывчивым.

Дежурный, выслушав суть вопроса, с которым явилась молодая пара, попросил их немного подождать.

Минут через пятнадцать пришел человек средних лет с крупным лицом, с большими залысинами в светлых волосах. Познакомились. Он закурил и долго рассматривал листовку, конверт, штемпеля на конверте. Потом стал задавать вопросы:

— Раньше получали что-нибудь подобное?

— Никогда, — отвечала Галина.

— Что вы думаете об этом? Кто мог прислать?

Вмешался Володя:

— Мне кажется, это клуб «Дискуссия».

— Что за клуб?

— Чуть больше месяца назад мы были вместе с мистером Деем в одном доме...

— Кто такой мистер Дей?

— Турист, с которым я работала. — Галина коротко объяснила, как и почему они с Володиёй попали на заседание клуба «Дискуссия».

— Кто там присутствовал?

— Юнцы какие-то, — сказал Володя. — Я запомнил только хозяина квартиры. Зовут его Ричард. А второй — иностранец, великовозрастный студент. Я так и не понял, из какой он страны. Называл себя Джорджем. Очень хорошо говорит по-русски.

— Где этот клуб располагается?

— На проспекте Вернадского. Квартиру и номер дома я не знаю, не обратил внимания.

— И о чем же дискутировали?

Володя пересказал, как помнил, свой спор с Джорджем, вступительную речь Джорджа.

— Больше добавить ничего не можете?

— Да вроде все. Я почему-то уверен, что листочек оттуда.

— Ну, спасибо вам, что пришли.

Товарищ, беседовавший с ними, не был осведомлен о деле Евгения Петровича Храмова и о поездке мистера Дея. Тем не менее утром следующего дня листовка находилась в распоряжении группы, ведущей следствие по делу Фастова, Храмова и Скеенса-Дея, которое имело кодовое название «Троица». Теперь к «Троице» добавился клуб «Дискуссия». А тот факт, что Галина Храмова по доброй воле приходила в КГБ, окончательно снял подозрения у товарищей, сомневавшихся относительно ее истинного лица и ее роли в сближении Храмова и Дея.

На протяжении недели к генералу Баскову поступило еще несколько листовок того же формата, вышедших согласно данным экспертизы из одного печатного станка. Они содержали краткое изложение конфликтных дел, в которых неправой стороной выступала администрация двух заводов, а пострадавшей — рабочие. Памя-

туя принципы, по которым составлялись еще первые, рукописные, пасквили Храмова, капитан Краснов полистал подшивки областной и городской газет и без труда обнаружил, что случаи, описанные в листовках, заимствованы из фельетонов. Понятно, что в жизни в отличие от листовок торжествовала справедливость.

Становилось ясно: Евгений Петрович обзавелся домашней типографией, скорее всего с помощью мистера Дея. То, что он даже племяннице не побрезговал послать листок, представлялось, мягко говоря, циничным. Если человек способен на такие вещи, ничего, кроме омерзения, к нему чувствовать нельзя. И самое знаменательное: он выступает уже не от имени «Группы содействия», а от имени «Союза борьбы за демократию».

В кабинете у Баскова обсуждался один вопрос: пресекать ли немедленно деятельность Храмова?

— По-моему, пора прикрывать лавочку, — высказал свое мнение помощник Сысоева. — За распространение клеветы он два года уже заработал.

— Да, но сейчас не в этом дело. Мы еще не до конца выяснили истинный характер его связей с Деем, — возразил Сысоев.

— Но позволить ему продолжать в том же духе мы не можем, — сказал Басков.

— А нельзя ли ему кое о чем напомнить? — вставил Краснов.

— О чем? — спросил Басков, взглянув на него с любопытством.

Капитан Краснов, в последнее время державшийся на подобных обсуждениях в тени, воодушевился.

— Мне кажется, можно вот что попробовать... В деле имеется письмо Храмова профессору Терехову, анонимное.

— Ну, дальше, — подбодрил генерал.

— Можно попросить профессора, чтобы он обратился с просьбой разыскать анонима.

— Дальше, дальше. — Генерал уже окончательно понял, к чему клонит Краснов, но хотел, чтобы он изложил все свои мысли сам до конца, а то человек уже начал терять уверенность в себе.

— Анонимщика нашли. Вызвать Храмова, сделать внушение, предупредить.

Генерал поглядел на Сысоева.

— Как предложение?

— Ничего, годится.

— Годится. Только с одной поправкой: лучше его вызвать через прокуратуру. Попробуйте договориться об этом.

— Хорошо, Анатолий Иванович.

— Экспертизы по тому письму тоже ведь есть?

— Да.

— Значит, требуется лишь умная беседа. Но ты сперва заручись согласием профессора. Может, он не захочет огласки?

— Я поговорю с ним.

— Тогда действуй. И побыстрее.

...С Тереховым разговор происходил в кабинете секретаря парткома Нагаева. Когда Краснов объяснил Терехову, что нужно его заявление, профессор поежился, однако сказал так: «Никогда не приходилось быть жалобщиком. Но если возникла такая необходимость, я готов выглядеть в глазах Храмова даже кляузником». И на том вопрос был исчерпан.

Следователю прокуратуры Рагозину, которого выделили в помощь Краснову, не требовалось долго разъяснять его задачу. Краснов принес ему анонимку, адресованную Терехову, личное дело Храмова и акты экспертизы. Через сутки Храмов получил повестку с вызовом в прокуратуру.

Прочтя повестку раз и два, Евгений Петрович струхнул. Его — в прокуратуру? За что? Он не ведал за собой деяний, которые могли бы привлечь к его особе внимание прокуратуры. Неужели листовки? Но у него хватило здравого смысла, чтобы сообразить: если бы по листовкам вышли на след, ему не стали бы слать повесток. В данном случае повестка послужила бы сигналом злоумышленнику: спрячь орудия преступления, уничтожь улики. Нет, тут что-то другое. Однако он непроизвольно посмотрел на пальцы — нет ли следов синей краски. И чертыхнулся: неврастеник! Он же работал с печатным станком пять дней назад. Откуда быть краске?

В прокуратуру отправился Евгений Петрович, как принято выражаться в таких случаях, теряясь в догадках.

Следователь Рагозин встретил его не очень сурово, даже поинтересовался для начала здоровьем.

— Ничего, благодарю вас, — Храмов приосанился.

— Извините, Евгений Петрович, я задам вам несколько вопросов.

— Имеете право.

— Вы свою переписку всегда подписываете собственным именем?

— У меня не очень-то обширная переписка.

— Но все-таки ответьте прямо на поставленный вопрос.

— Непривычно слышать. Разумеется, я подписываюсь.

— А не могло быть случая, что какое-то письмо вы не подписали? Скажем, по забывчивости. — Рагозин словно давал ему лазейку, но Евгений Петрович ею не воспользовался.

— У меня хорошая память.

— Значит, неподписанных посланий, то есть анонимных, в вашей практике не было?

Опустив глаза, Евгений Петрович быстро соображал: что у него есть, у этого насмешливо-вежливого следователя? Что он имеет в виду? Если рукописные листовки-открытки, то ему, Храмову, отсюда, наверное, одна дорога — в тюрьму. И вдруг он вспомнил то, что успел уже забыть, — свое анонимное письмо Терехову. Либо тем, либо другим, но чем-то прокуратура располагает. Значит, отнекиваться глупо, нужна другая тактика. Он сказал:

— Не помню. Все возможно...

Рагозин тоже сменил тактику.

— Простите, Евгений Петрович, вы человек высокообразованный, и мне неловко вести беседу с вами так, как ведут ее с детьми. — Он подвинул поближе к Храмову хлипкую папочку с завязанными бантиком тесемочками. — Лучше ознакомьтесь с этим, а потом мы продолжим разговор. — И добавил, увидев, как Храмов сукул в рот пустую трубку: — Можете курить. Я тоже курящий.

— А я сухой курящий, — сказал Храмов и развязал тесемочки на папке.

Сверху в папке было подшито его письмо к Терехову, отправленное больше года назад. Евгений Петрович не стал его читать. Он вздохнул: слава богу, это не открытки. Дальше шли два акта почерковедческой экспертизы. Их он прочел. Закрыв папку и спросил, не чувствуя ни малейшего смущения:

— Но с чем сравнивали?

Внимательно наблюдавший за ним Рагозин все же ожидал, что хоть капля стыда осталась в этом представительном, таком вальяжном человеке, которого он видит впервые и к которому до этой минуты не имел особых оснований питать недобрые чувства. Но, судя по реплике, стыда тут не было. И Рагозин изменил тон, сделался подчеркнуто официальным. Храмов был ему антипатичен.

— Сравнивали вот с этим. — Рагозин достал из среднего ящика стола личное дело Храмова.

— Но тут же изменен почерк.

— Вы изменили его недостаточно умело, и это до известной степени делает вам честь.

Храмов не услышал издевки в последних словах. Он сокрушенно покачал головой.

— Все-таки он пожаловался... А ведь больше года прошло... Да, больше года...

— Анонима не так легко найти. Вы задали людям не очень приятную работу.

— Да, понимаю... Это было какое-то затмение...

— А вы понимаете, чем эти затмения могут кончиться?

— Неужели он потребует суда?

— Пока не требует. Профессор Терехов просит оградить его от анонимных оскорблений.

— Это было всего лишь раз...

— Если повторится что-нибудь подобное, гражданин Храмов, боюсь, вам придется отвечать перед судом.

— Уверяю вас...

Рагозин встал.

— Не смею дольше задерживать...

...Эту маленькую профилактическую операцию можно было считать удачной. Но капитан Краснов и его товарищи не знали, что Храмов принадлежит к тому сорту людей, которые действуют по излюбленной поговорке преферансистов: «Битому не спится». К тому же Евгений Петрович, мнивший себя, кроме всего прочего, еще и психологом, рассудил так: человека, только что вызывавшегося в прокуратуру, невозможно заподозрить в том, что он будет разбрасывать и рассылать антисоветские листовки на второй день после вызова. Посему он оттиснул пять новых листовок и отправился гулять по городу.

И вот что из этого вышло...

На почтамте за высокой стойкой-столом с покатыми треугольными плоскостями стояли двое молодых парней. Один мучительно сочинял длинную телеграмму, другой со скучающим видом поглядывал по сторонам. Рядом писал телеграмму пожилой интеллигентный дяденька в серой шляпе и синем плаще. Скучающий несколько раз останавливал на нем взгляд. Кончив писать, дяденька отошел от стола, а парень обратил внимание, что он оставил какую-то бумажку с синим печатным текстом. Может, забыл? А может, это какой-нибудь рекламный проспект? От скуки парень взял листок, пробежал его глазами.

— Витька, смотри!

— Чего тебе? — недовольно буркнул Витька.

— Ты прочти, что тут написано.

Витька прочел и свистнул от удивления.

— Где взял, Санек?

— Вон, видишь, серая шляпа, синий плащ?

— Ну?

— После него осталось.

Витька, скомкав и сунув в карман недописанную телеграмму, с листком в руке двинулся к очереди, где стоял интеллигентный дяденька. Санек за ним.

— Это вы оставили, гражданин? — спросил Витька ласковым голосом.

Евгений Петрович высокомерно сделал вид, что не к нему обращаются.

— Я вас спрашиваю, гражданин. — Витька дернул Храмова за рукав. Это было уже слишком.

— Идите прочь, хулиганье! — несвойственным ему визгливым голосом крикнул Храмов.

— А-ага, — сказал Витька, — мы хулиганы, а вы кто? — Он сунул листовку Храмову под нос.

Очередь рассыпалась, их окружили. Густой бас спросил:

— А в чем дело?

Витька помахал листовкой.

— Вот, разбрасывает по столам.

— Что там написано?

— Это вслух читать — уши завянут, — сказал Санек.

— Тогда по шее ему, — деловито предложил бас.

— В милиции разберутся. Давай-ка, Санек.

И не успел Евгений Петрович крикнуть слово протеста, как был крепко схвачен с обеих сторон за руки и выведен на улицу.

В отделении милиции дежурный младший лейтенант, выслушав сбивчивый рассказ Витьки и Санька, прерывавшийся истерическими восклицаниями задержанного, вызвал начальника. Тот прочел листовку, велел быстро оформить протокол и подать к выходу автомобиль. Через несколько минут Храмов, Витька и Санек сидели в одном из кабинетов областного управления КГБ.

Храмову предложили выложить все из карманов. Обнаружилось еще три экземпляра листовки (один ему удалось удачно оставить на столике в кафе по пути на почтамт). Виктора Сомова и Александра Козельцова, которые оказались слесарями завода «Газоаппарат», попросили дать письменные показания, а потом сказали, что они могут идти и что, возможно, их еще вызовут.

Первый допрос производил капитан Краснов вместе с Сысоевым.

Евгений Петрович раскололся легко, как гнилой орех. При обыске на квартире он сам извлек из чемодана с приготовленным к сдаче в прачечную бельем свою портативную типографию. На него и противно и жалко было смотреть, когда он, лихорадочно блестя глазами, все спрашивал и спрашивал чуть не через каждые пять минут, что с ним будет.

— Да перестаньте вы хныкать,— в конце концов не вытерпел Сысоев и кивнул на Краснова. — Скажите спасибо, что вас, старого человека, вовремя остановили. А то, может, вы бы не таких дров наломали.

В тот момент Храмову был темен смысл сказанного Сысоевым. И лишь по ходу многочисленных допросов он постепенно начал понимать, что уже с лета находился под постоянным наблюдением и что, стало быть, ему не дали бы зайти слишком далеко. Перед Красновым, который на каждом допросе включал магнитофон, Евгений Петрович не скрывал ничего, он вывернул себя наизнанку, рассказав всю жизнь. И почувствовал глубокое облегчение, словно магнитная лента намотала на себя все мутное, что до той поры он носил внутри, таил, копя озлобление. И постепенно он ожил. У него порой возникало ощущение, что когда-нибудь Краснов будет его другом. Станные фантазии!

Так неожиданно прекратила существование домашняя типография.

Краснов имел право радоваться: его первая версия — что Храмов действовал в одиночку — оказалась верной. Но он не радовался. Одна из нитей, ведущих к главному объекту — мистеру Дею, — оборвалась. Было бы лучше, если бы этого не произошло, да что поделаешь...

Глава X

БРАТСКИЕ ОБЪЯТИЯ

25 октября Станислав Михайлович Паскевич получил от брата из Вены письмо и приглашение посетить Австрию. 29 октября он отвез документы в ОВИР — отдел виз и регистраций, а 28 ноября жена и дочь проводили его с Белорусского вокзала. Он заметно волновался: первый раз ехал за границу. Будучи вообще застенчивым, он на вокзале совсем притих.

30 ноября брат, Казимир Михайлович Паскевич, встретил и обнял его в Вене. На привокзальной площади их ждала машина — небольшой, с «Волгу», серый «форд». За рулем сидел шофер — немолодой толстый человек флегматичного вида. При встрече братья не обменялись ни словом. У младшего в глазах стояли слезы, и старший был достаточно чуток и деликатен, чтобы не опошлять момент дежурными фразами. Лишь когда проезжали мимо очень нарядной, сверкавшей витринами улицы, старший сказал:

— Это венский Бродвей — Кертнерштрассе. Мы с тобой еще по ней погуляем.

Остановились на тихой улице где-то на окраине города против четырехэтажного нового дома с одним подъездом. Станислав Михайлович хотел по привычке взять из багажника свой чемодан, но шофер мягко отстранил его, буркнув что-то себе в пушистые усы.

Станислав Михайлович пребывал в том состоянии, когда люди не замечают деталей, но он все же отметил, что хотя в доме всего четыре этажа, но есть лифт. Они поднялись на третий. На лестничную площадку выходила одна дверь — значит, квартира занимает весь этаж. Им открыла черноволосая и черноглазая девушка, милостливая, с ямочками на щеках (позже Станислав Ми-

хайлович удивится, что ей тридцать, — так молодо для своих лет выглядела она), в красном платье, с белым кружевным передником.

— Вот, Фанни, мой брат, — сказал Казимир Михайлович. — Примите его как меня.

Фанни поклонилась. Шофер поставил чемодан и ушел.

— Ну, дорогой мой, давай располагаться. Идем, покажу квартиру. Где что.

Квартира состояла из пяти комнат и большой гостиной. Две спальни, две ванны, два туалета. Никогда ничего подобного Станислав Михайлович не видел. Брат показал ему его спальню.

— Ты будешь жить здесь. Кабинет рядом — тоже в твоём распоряжении. — Казимир говорил добрым голосом и небрежно, без тени хвастовства, без желания пустить пыль в глаза.

— Послушай, и все это твое? На одного? — спросил Станислав.

Казимир рассмеялся.

— Мое, поскольку квартира снята у домовладельца по контракту и за нее заплачено.

— Но мебель твоя?

— И мебель не моя. С собой из Канады я привез лишь Фанни.

— А она кто?

— Экономка. Ну, понимаешь, ведет хозяйство. Она прилично говорит по-русски. Ты не церемонься — приказывай ей, что надо. Кофе можешь пить в постели. Вот звонок на кухню. И вообще привыкай.

— Да-а, — только и сказал Станислав.

— Прими ванну или душ, а потом подумаем, с чего начать. Я буду у себя, на той половине.

Казимир вышел и тут же вернулся с его чемоданом.

— Не теряй времени.

Станислав достал свежее белье и вошел в ванную, нашарил на стене выключатель и, когда зажегся свет, долго стоял осматриваясь. Зеркало во весь рост. Банкетка. На двух полках флаконы с одеколоном и шампунем, мылом и разноцветными губками. Кафельный пол и ванна отбрасывают зайчики. Обволакивающее душистое тепло.

Одевшись и причесавшись, он пошел отыскивать брата — именно отыскивать, потому что в квартире можно

было заблудиться. Фанни, увидев его в коридоре, помогла.

— Сюда, пожалуйста. — Она показала ему дверь.

Казимир сидел без пиджака перед низким столиком и разговаривал по телефону, левой рукой оттягивая и отпуская лямку подтяжек. Никаких иностранных языков Станислав не знал, поэтому при виде Казимира, бегло и уверенно бросавшего в трубку незнакомые слова, ему вдруг почудилось, что это вовсе и не брат его, а какой-то незнакомый и очень важный человек, взявший его под свое могущественное покровительство. В общем, потерялся застенчивый младший брат в этой огромной квартире и никак не мог обрести независимости, подобающей пятидесятилетнему мужчине. Заметив его, стоящего в дверях, Казимир показал рукой на кресло против себя.

— Ну, братишка, давай составлять программу, — наконец положив трубку, весело сказал он, но тут же сменил тему: — Встань, пожалуйста, хочу на тебя взглянуть.

Станислав послушно встал. Оглядев его придиричивым взглядом с ног до головы, Казимир заключил:

— Нет, лучше все-таки сначала сменить экипировку. Мой гардероб тебе не подойдет. Поедем.

Станислав, как он ни был потерян, ощутил укол самолюбия. Костюм он купил за день до отъезда, костюм дорогой, из чистой шерсти. Видно, по его лицу брат понял, о чем он думает.

— Пиджак немодный, и галстук тоже, а нам придется посещать заведения, куда ходят модно одетые люди. И к тому же костюм еще не лег по фигуре, тебе в нем неудобно. Словом, подчиняйся старшим.

Шофер ждал в машине. Казимир сказал ему что-то, и они поехали в центр.

Как потом узнал Станислав, они были у Херцманского. Их встретил худой старый продавец маленького роста, одетый с иголочки. Брат поговорил с ним. К Станиславу подошли два продавца помоложе, оглядели его, записали что-то в книжечки и ушли, а братьев пригласили сесть за столик и принесли две чашки кофе. Когда они его выпили, их пригласили в примерочную. Через четверть часа Станислав был одет во все новое.

— Ну вот, теперь тебя не отличишь от европейца, — сказал Казимир.

— Наверное, дорого встало?

— Предоставь это мне. И не задавай больше глупых вопросов.

Они вернулись домой, Казимир позвонил кому-то, поговорил недолго и объявил:

— Будем обедать в ресторане. Сейчас за нами заедет один человек, и отправимся.

— Что за человек?

— Его зовут Роджерс. Работает в посольстве, но бизнеса не оставил. У меня с ним дела. Он тебе понравится, не беспокойся. Три года прожил в Москве, любит Россию.

Сначала Станислав не увидел, а услышал Роджерса. Он громко разговаривал с открывшей ему Фанни. Потом в комнату вошел высокий широкоплечий мужчина с коротко стриженными, совершенно седыми волосами и моложавым лицом. Протянув широкую ладонь, он другой рукой хлопнул Станислава по плечу и сказал с приятным, еле заметным акцентом:

— А младший Паскевич неплохо сохранился в московском климате, не правда ли?

— Вы тоже, — отвечал Станислав.

— Ну, мы с Казимиром старики, нам по шестьдесят. Но еще ничего, ничего! Как поживает Москва?

Он держал себя так, будто они знакомы с незапамятных времен. И сразу располагал к себе.

— Стоит, — сказал Станислав, с удовольствием ощущая, как к нему возвращается непринужденность.

— Сейчас там уже морозец. Хорошо по морозцу пройтись. Скучаю. — Роджерс постучал себя по груди. — Но, как у вас говорится, развеим тоску веревочкой.

— Завьем, — поправил Станислав.

— Ну так завьем! Поехали, Казимир.

— Поехали.

Они обедали в ресторане, сверкавшем снежной белизной скатертей и матовым серебром приборов. Хотя столики вскоре все оказались занятыми, в зале не было никакого гула. И оркестр играл негромко. И певица не рвала свои голосовые связки. Картина не имела ничего общего с тем, что ожидал увидеть Станислав. И это ему понравилось. А когда он узнал, что здесь можно заказать даже советскую водку, оставалось только позавидовать местному уровню обслуживания.

Заказывал Роджерс. У всех троих был прекрасный аппетит. Пообедали отлично. Пили совсем немного. Станислав и Роджерс закурили и разговорились о Москве. Роджерс читал стихи, вспоминал, как ездил в пушкинское Михайловское, где Станислав, к стыду своему, ни разу не бывал.

— Тебе, по-моему, хочется спать, — заметил Казимир брату.

— Не против. — Его и правда клонило в сон. — Прямо с колес — и столько впечатлений.

Роджерс подозвал официанта и рассчитался. Когда шагали к выходу, он сунул в карман Станиславу пачку сигарет, сказав: «Я вас этим завтра обеспечу». Он отвез их домой и пожелал спокойной ночи.

Братья разошлись по спальням. Постель у Станислава была разобрана. На подушке лежала голубая шелковая пижама. Он уже переоделся, когда к нему заглянул брат. Он принес газету.

— Если пожелаешь на сон грядущий. Я тебя будить не стану. Спи, пока спится.

— Спасибо тебе за все, Казимир.

— Нормально, нормально. У нас с тобой впереди еще много интересного.

Станислав зажег лампу на прикроватном столике, лег и развернул газету. Она называлась «Русская мысль». Издается в Париже. Двенадцать страниц. Станислав начал читать заголовки. На первой полосе: «Куба и СССР», «Неразбериха или диалектика?», «Нераспространение ядерного оружия», «Переоценка НАТО». На второй полосе — рубрика «По Советскому Союзу» и заголовки: «Общенародное государство», «Незаконнорожденные», «Баранина не в моде», «Чашка кофе», «Автобус в Одессе». На третьей полосе внимание Станислава привлекла статья «Продолжительность отпусков в СССР». Он пробежал ее. Из статьи выходило, что все граждане в Советском Союзе имеют право только на двенадцатидневный отпуск. Чепуха какая-то. Потом взгляд зацепился за строчки: «Площадной бранью пользуются все, но особенно злоупотребляют ею женщины... Мужчины здесь, как ни странно, даже сдержаннее». Некто С. Водов в статье «Из глубины» утверждает, что «сейчас у нас на родине в кругах новой интеллигенции наблюдается усиление интереса к религиозной философии». Еще занятнее! Но глаза неудержимо сли-

пались. Прочтя на одиннадцатой полосе объявление в черной рамке, что скончался князь Юрий Львович Дондуков-Изъидинов, и подумав, что вот, оказывается, до сих пор умирают русские князья, Станислав Михайлович уснул беспробудным сном.

Встал он утром в девять. Достал из чемодана бритвенные принадлежности, побрился, умылся, надел новый костюм и минут пять разглядывал себя в зеркале, поворачиваясь так и сяк. И вдруг ему сделалось стыдно: в такие годы вертеться перед зеркалом даже женщине не пристало, а он все-таки мужик...

Он вышел в коридор. Услышав его шаги, из кухни появилась Фанни, свежая, словно умытая росой.

— Доброе утро, — первой сказала она, и ямочки на щеках стали глубже от улыбки.

— Здравствуйте. Брат у себя?

— Он уехал по делам полчаса назад. Он велел мне покормить вас завтраком. Желаете у себя?

— А где завтракаете вы?

— На кухне.

— Тогда и мне на кухне.

Кухня оказалась размером метров в двадцать. У стены слева стоял обеденный стол.

— Садитесь, — сказала Фанни. — Что желаете? Могу предложить яичницу с ветчиной, бифштекс, сосиски, сыр, салат.

— Ну, это слишком много. Если можно, яичницу и салат.

Фанни хлопотала у плиты. Станислав Михайлович чувствовал неловкость — надо бы о чем-нибудь поговорить с человеком. Но о чем? Он был не мастер вести развлекательные разговоры.

— Вы давно из Канады? — спросил он, не придумав ничего оригинальнее.

— Я езжу туда, езжу сюда, — ответила Фанни. — Еще месяц назад была в Оттаве. Теперь я здесь. А вы бывали в Вене?

— Нет, я, кроме Москвы, нигде не бываю.

— Как? Только Москва? — изумленно взглянула она, обернувшись.

— Сейчас. А в войну пришлось кое-где побывать. Пешочком, конечно.

— Вы были солдат?

— Да.

— Как это называется? Освободитель? — Фанни улыбалась очень мило.

— Тогда так и называлось. Мы освобождали Будапешт.

— О, это совсем близко от Вены. Не хотите туда поехать?

Непонятный складывался разговор. Разыгрывает она его, что ли? Вроде непохоже. Он сказал:

— Если захочу, могу поехать в Будапешт из Москвы. Сейчас я приехал к брату.

— Ваш брат ездит всюду. Весь мир.

К счастью, яичница поджарилась, салат был готов раньше. Фанни поставила перед ним тарелки, хлебницу с круглыми румяными булочками.

— Мне надо кое-чем заняться. Позовите, когда захотите кофе, — сказала она и оставила его одного.

Не успел он доест, вернулся брат. Не снимая плаща и шляпы, он прошел на кухню. Поздоровались. Брат был озабочен и не в духе. Сняв и протерев платком очки, он ворчливо сказал:

— Никогда не можешь располагать собой, черт бы побрал все эти дела.

— Что случилось, Казимир? — встревожился Станислав.

— Представь, я должен лететь в Париж. Срочно. Немедленно. Можно подумать, там умрут без меня.

— По делам твоей фирмы?

— Да, черт бы их побрал.

— Как же я?

— Не расстраивайся. Это всего три-четыре дня, не больше. Мне обиднее, чем тебе, поверь. Но ты скучать не будешь. Я попросил Роджерса — он тебя возьмет под опеку.

— А ты что, прямо сейчас?

— Сию минуту. Буквально. Вот билет на самолет. — Казимир похлопал себя по карману. — Идем ко мне.

В кабинете, собирая со стола бумаги и складывая их в портфель, Казимир дал ему несколько указаний.

— Роджерса не стесняйся, ты видел — он свой. Захочешь прогуляться, вызови машину, Фанни знает, как это сделать. Я оставляю тебе сто долларов. Попроси Роджерса обменять их на кроны. Вечером один по кабакам не ходи. Что еще? Кажется, все. Советуйся по всем интересующим тебя делам с Фанни или Роджерсом. Сходи

в собор святого Стефана, съезди в лес. Роджерс позвонит тебе после часу.

В десять часов брат уехал, поцеловав Станислава в щеку и перекрестив католическим двуперстием.

Фанни сварила кофе, он закончил свой завтрак в унылых размышлениях. Нескладно получается: его бросили на попечение чужих людей. Как он должен себя вести? Роджерс производит приятное впечатление, но нельзя же навязываться ему. И потом — дипломат. С какой стати он будет возиться с едва знакомым человеком?

Фанни пришла помыть посуду и вывела его из раздумья.

— Вам немножко не везет, но это ничего. Мистер Роджерс веселый джентльмен, — сказала она, чтобы ободрить его. — Пока можете посмотреть телевизор или почитать. У брата есть русские книги.

— Спасибо, Фанни. Лучше пойду прогуляюсь.

— Через час можно вызвать автомобиль. До центра города далеко.

Она надела резиновые перчатки и склонилась над посудомойкой. На ней было тонкое серое платье в обтяжку, очень короткое. Тесемки передника подчеркивали талию. Ямочки на сгибах под коленками чем-то напоминали ямочки на ее щеках. Станислав Михайлович подумал, что проводить время в обществе Фанни было бы гораздо приятнее, чем в обществе Роджерса. Он охотно отказался от пешей прогулки.

— Подождем машину. Я вам не мешаю?

— Что вы! Я все время одна. Это плохо для молодой женщины.

— Извините за нескромный вопрос: сколько вам лет?

— Тридцать.

— Я думал, двадцать! — признался он, и, может быть, никогда комплимент женщине не звучал так искренне.

Он впервые услышал ее смех и поразился, как звонко она смеется.

— И вы никуда не ходите по вечерам?

— В кино. Иногда в театр.

— Одна?

— Да.

— Неужели у вас нет...

— Жениха? — помогла она ему. — У меня уже был муж. Теперь долго не будет.

— Почему?

— Он был... как это?.. Отелло.

— Ревнивый?

— Да. Теперь мне надо долго отдыхать.

В кабинете Казимира зазвонил телефон.

— Простите.

Она вышла и тут же вернулась.

— Это мистер Роджерс. Он просит вас.

Густой, хорошо наполненный баритон Роджерса по телефону звучал еще красивее.

— Паскевич, здравствуйте. Брат уехал?

— Да, совсем недавно.

— Такой брат хуже плохой тещи, правда? Бросать дорогого гостя...

— Ничего, не обижаюсь.

— Я шучу. Ваш брат хороший человек, я его очень люблю, но он немножко... как это?.. Строгий нравственность. Святош. Мы с вами не такие.

Станислав отметил про себя, что у Роджерса и Фанни одинаковый акцент и они одинаково строят фразу, и это ему почему-то не понравилось. Словно он уже начал ее ревновать.

— Алло, вы меня слышите? — спросил Роджерс, не дождавшись ответа.

— Да, да, мне все понятно. Фанни сказала, что вы не дадите мне скучать.

— Она умная женщина. Но я звоню не для того, чтобы делать ей рекламу. Давайте договоримся.

— О чем?

— Я могу освободиться раньше, чем думал. И могу отдать себя в ваше распоряжение с двенадцати часов.

— Очень приятно.

— Поедем за город. Я вас покатаю. И по дороге что-нибудь придумаем.

— Хорошо. Жду вас.

По обычаю застенчивых людей Станислав Михайлович посмотрел на себя со стороны, критически оценил свое поведение за прошедшие полтора часа и нашел, что из него наконец-то улетучилась робость, которая вдруг появилась вчера и которая делает пятидесятилетнего отца семейства беззащитным мальчиком, всецело зависящим от произвола взрослых. И пожалуй, больше

всего этому способствовала Фанни. Он был бесконечно благодарен ей за это. Действительно, женщина замечательная.

...Они выехали на загородную магистраль. И Роджерс прибавил газу. Стрелка спидометра держалась на отметке 110 миль. Роджерс вел свой бордовый «бьюик», держа баранку одной рукой, то левой, то правой. Казалось, машина все делает сама, и Станислав Михайлович как автомобилист мог по достоинству оценить непринужденное искусство водителя.

Было 1 декабря, а деревья — клены, ясени, дубы, — рощами и в одиночку пробегавшие мимо них по обеим сторонам шоссе, еще не скинули листвы. Все оттенки желтого и красного взяли деревья для своих уборов. Машина неслась словно внутри солнечного луча, хотя небо было затянуто облаками. Станиславу Михайловичу казалось, что он вернулся в подмосковный сентябрь. И еще было такое ощущение, словно он уехал из Москвы не три дня назад, а три месяца.

Роджерс молчал, видимо, понимая, что у его пассажира нет желания разговаривать. Так они ехали минут сорок. Мелькнул какой-то рекламный щит, и тогда Роджерс сказал:

— Сейчас будет мотель. Не пропустить ли нам по маленькой?

— А вам можно? Вы же за рулем.

— Не рекомендуется, конечно. Но здесь не так строго, как в Москве. Лишь бы машина не качалась, — пошутил Роджерс.

Станиславу Михайловичу любопытно было посмотреть мотель и сверх того хотелось пить.

— А пиво в мотеле найдется?

— Что угодно.

Роджерс притормозил, свернул вправо и остановился на круглой площадке перед двухэтажным зданием из пластика и стекла. Они вышли. К машине тут же подбежал служитель в униформе, поклонился Роджерсу, сел за руль и уехал куда-то за угол.

В баре мотеля Роджерса знали. Официантка с белыми волосами, змейками падавшими на плечи, пропела ему что-то и показала на столик.

От еды и виски Станислав Михайлович отказался. Ему принесли несколько маленьких бутылок пива, на этикетках которых стояли три буквы М. Роджерс пил

виски и съел множество закусок. Официантка время от времени лениво прохаживалась мимо столика, и Роджерс перебрасывался с ней словечком. Она отвечала поющим голосом и искоса взглядывала на Станислава Михайловича.

— Эта блондиночка вам нравится? — спросил у него Роджерс, покончив с закусками.

— Да как-то не задумывался. — Не ожидавший такого вопроса, Станислав Михайлович покраснел.

— А почему задумываться? Для этого... как это... нужен не ум. — Роджерс ухмыльнулся.

Станиславу Михайловичу показалось, что с ним не Роджерс, а кто-то другой. Очень уж резкий переход от целомудренного молчания в дороге к сальному намеку. Он промолчал.

— Э-э, вы не лучше брата. Но мы еще посмотрим.

Роджерс расплатился, обнял официантку за плечи, пошептал ей на ухо.

Пока они курили, выйдя на площадку, служитель пригнал автомобиль. Роджерс дал ему монету. Тот поклонился.

Возвращались они другой дорогой, и она была так же хороша, и так же красиво было вокруг. Облака разомкнулись, в голубые окна пробивалось солнце, и, когда его лучи падали на купы деревьев, они вспыхивали, как костер, в который бросили хворост. Оскомина после разговора в мотеле пропала, и Станислав Михайлович ощущал радость в груди и слышал голос Шульженко, поющей песню: «Бабье лето, бабье лето...» Стало вольно на душе, последнее напряжение исчезло. Ведь он же в отпуске, он же отдыхает. Что бы он делал сейчас, если бы приехал не в Вену, а в Ялту или Сочи? Гулял бы по набережной, заходил бы в винные лавочки, попивал легкое винцо...

Въехали в город.

— Хотите попасть в девятнадцатый век? — спросил Роджерс.

— Интересно.

— Сейчас мы это сделаем.

Машина остановилась в конце улицы, вливавшейся в небольшую площадь. На площади стояли старинные экипажи самых разных видов, запряженные разномастными лошадьми. Кучера были в цилиндрах.

Роджерс запер машину, и они подошли к извозчичьей

бирже. Роджерс выбрал кабриолет, и они покатали с площади в узенькую улочку, где двум экипажам вряд ли удалось бы разъехаться.

— Я сегодня хочу напиться. Нет, нарезать, — сказал Роджерс. — По-фински или по-шведски. Знаете, как финны и шведы пьют, когда хотят напиться?

— Не видел.

— Они пьют... как это?.. В лежку. Не желаете составить компанию?

— В лежку я не умею.

— Это нетрудно. Начнем? — Роджерс, нагнувшись, положил руку кучеру на поясницу.

Цокот копыт прекратился. Они стояли напротив маленького кабачка.

Станислав Михайлович посмотрел на часы — половина четвертого. Он не предполагал, что тем самым зафиксировал очень важную для себя точку отсчета времени.

— Ну, попробуем, — сказал он.

Вошли в кабачок, и хозяин подал им две бутылки белого сухого вина. Закусывали яблоками.

События последовавших затем суток поддаются лишь конспективному изложению.

В следующем кабачке — снова сухое вино.

К вечеру они очутились в ресторане под названием «Мулен Руж». Он был похож на концертный зал, только вместо кресел в партере стояли столики. На сцене пели и танцевали девушки, раздевавшиеся по ходу исполнения, а затем спускавшиеся в зал и садившиеся на колени к тем, кто этого желал. Роджерс и Станислав Михайлович тоже этого пожелали, а потом допивали с девушками в отдельном кабинете.

Проснулся Станислав Михайлович ночью у себя в спальне оттого, что кто-то теребил его за ухо. В постели у него лежала Фанни. Она ушла на рассвете.

Вторично его разбудил уже Роджерс. В одной руке он держал стакан с виски, в другой — бутылку воды. Они опохмелились, по очереди хлебнув из стакана и запив водой.

Завтракали втроем на кухне. После завтрака втроем поехали гулять в лес. Там же и обедали в небольшом ресторанчике. После этого Фанни оставила их.

Вечером танцевали в каком-то огромном зале, где на эстраде играл оркестр рок-музыки.

Произошла драка. Станислав Михайлович очнулся в полицейском участке, в длинной узкой комнате без окон, набитой людьми так, что он не мог повернуться с боку на спину. Он не успел собрать мысли в раскалявавшейся от боли голове, когда скрипнула дверь и кто-то громко назвал его фамилию. Он поднялся и вышел. Полицейский привел его в ярко освещенную комнату со множеством телефонов и еще каких-то аппаратов. Там он увидел Роджерса, который был хмур. Роджерс взял его под руку, вывел на улицу и сказал, что он внес залог и, может быть, все утрясется. В два часа ночи Станислав Михайлович, поддерживаемый Роджерсом, вошел в свою спальню...

Станислав Михайлович был безмерно благодарен. Он ни секунды не подозревал, что все это разыграно по грубому и пошлomu сценарию, составленному в расчете именно на таких простаков, как он.

Г л а в а X I

ИСПОРЧЕННАЯ ЯВКА

План, предложенный майором Сысоевым и утвержденный к исполнению, основывался на том, что рано или поздно Юрия Фастова вызовут на встречу, потребуют деньги. Если бы он сам поспешил напроситься и позвонил по оставленному мистером Деем телефону, не было бы нужного эффекта.

Расчет оправдался. В тот день, когда поезд увозил Станислава Михайловича в Вену, жена Фастова принесла Сысоеву письмо, присланное на имя ее мужа из Москвы. Письмо было короткое: «Дорогой Юра! Дядя дал тебе свой телефон. С нетерпением ждем звонка. До свидания. Р. С.». Р. С. означает Ричард Славский. Можно было приступать к осуществлению плана.

2 декабря Фастов в сопровождении Сысоева и Краснова прилетел в Москву. Самолет сел во Внукове, когда уже смеркалось. Их встретили и отвезли на загородную дачу, где они и переночевали. По замыслу действовать Фастов должен был обязательно при свете дня, а вечером улететь обратно.

...Хозяин дома, где собирался клуб «Дискуссия», Ричард Славский действительно с нетерпением ждал звонка, потому что Джордж, которому мистер Дей как

бы оставил доверенность на деньги и которого сделал своим уполномоченным, обещал Славскому тысячу рублей, если все пройдет гладко и они получают от Фастова посылку. Ричарду деньги были нужны позарез. Наступала зима, новых иностранцев прибывало все меньше, и доставать ходовые шмутки становилось все труднее. Последний раз Джордж принес ему товар две недели назад — американские джинсы, женский костюм из джинсовой ткани и два ковбойских ремня. Он выручил за это четыреста рублей и успел потратить почти все, оставался лишь четвертак. Джордж перестал ему выдавать ежедневную пятерку, потому что у него у самого стало туго. Словом, было бы как нельзя более кстати откусить сейчас хотя бы сотни две. Что будет в посылке, Джордж не уточнял. Может, золото? Тоже не плохо...

С Джорджем у него чуть раньше произошел конфликт, и, может быть, выдача пятерок прекратилась именно из-за этого, а не из-за ухудшившегося материального положения Джорджа. А было вот что.

Для очередного заседания клуба Джордж привез пять бутылок шотландского виски, два блока американских сигарет и десятка два пачек жевательной резинки. Собралось девять человек, из них две девчонки. Джордж опаздывал, и Ричарду пришла мысль немного выпотрошить этих болтунов, которых он, честно говоря, глубоко презирал, ибо был сугубо деловым человеком, и если предоставлял свою квартиру для словоблудия, то единственно по просьбе Джорджа. Ему всегда смотреть было больно, как эти умники выпивали, выкуривали и жевали товар, которому не знали цену. Короче, он им объявил, что сегодняшнее заседание, то есть его спирто-табачно-жевательная часть, оплачивается в складчину, по пятерке с носа. Полный пай внесли только братья Полубрянские и толстый придурок по имени Макар. Девчонки дали по рублю. У остальных денег не оказалось. У них имелись лишь идеи и мысли.

Когда расходились, порядком окосев, один из безденежных спросил у Джорджа: «Что, теперь будут брать взносы?» Ричард был начеку и не дал развернуться частной дискуссии между Джорджем и этим кретином, но с глазу на глаз Джордж потребовал объяснений, и Ричарду пришлось сказать правду. Он думал, что Джордж его изобьет. Джордж себя сдержал, обошлось

без кулаков, однако он сделал ему внушение и пригрозил отлучением от своей особы, если это повторится. И приказал вернуть деньги пострадавшим, что Ричард и сделал на следующем заседании.

Собственно говоря, клуб не давал ему никаких выгод, кроме дружбы с Джорджем. И если эта дружба перестанет приносить пользу, Ричард решил прикрыть говорильню. Ему до чертей надоело слушать братьев Полубрянских, которые страдали явным недержанием речи. Они так нудно разглагольствовали о преимуществах западной демократии, о правах человека и о великом значении свободы слова, что даже он, Ричард, один из основателей клуба, совершенно озверев от зеленой тоски во время речи старшего из Полубрянских, не выдержал. Он постучал зажигалкой по бокалу и сказал, что клуб потому и называется «Дискуссия», что в нем имеет право говорить не кто-то один, а каждый. Джордж одернул его, напомнив, что старшему Полубрянскому было поручено сделать доклад, а после все они будут участвовать в обсуждении. Нет, человеку деловому, которому надо зарабатывать деньги, с трепачами не по пути.

Было два способа обеспечить себе прожиточный минимум. Во-первых, Ричарду давно предлагают место в диком оркестре, который халтурит по ресторанам, свадьбам и на танцплощадках. Он прекрасно играет на гитаре, и работенка веселая. Но все-таки работенка, а ему ужасно не хотелось тратить время, да еще вечернее, на какую бы то ни было полезную деятельность. По вечерам он привык потреблять ресторанную музыку, а не производить ее. Так что этот способ он оставлял на самый черный день, когда придется жить на сотню в месяц, которую ему выдают из зарплаты родителей.

Второй способ представлялся значительно более привлекательным. Как-то Ричард на почве ночных поисков спиртного познакомился у Казанского вокзала с толковым парнем. Ричард искал водку для себя, а этот парень — для своих жильцов, сам же был трезвый, как зеркальце. У него фатер и муттер тоже были в длительной командировке. Чтобы квартира не простаивала зря, он придумал сдавать ее приезжим. Жильцов до смешного легко найти в любое время дня и ночи и в любое время года в любой гостинице, в аэропортах и на вок-

залах. Он вскоре научился с одного взгляда, даже со спины, выбирать денежных постояльцев. А теперь ему и не надо никого искать, потому что клиентуру поставляют сами жильцы. Один дает адрес другому, другой — третьему. И пьешь бесплатно и ешь бесплатно. А деньги он копит на машину.

Вот так. Это подходяще. Правда, есть один крупный недостаток у второго варианта: за жильцами надо убирать, выбрасывать обглоданные куриные косточки. Однако Ричард может приспособить для таких нужд любую из своих чувих.

Но сейчас требовалось перебиться, посмотреть, как будут развиваться его отношения с Джорджем. Может, ничего и не понадобится предпринимать. Во всяком случае, когда светит тысяча, глупо в такой момент ломать налаженный порядок, хотя этот порядок и перестал быть доходным.

Джордж еще в конце сентября предупредил Ричарда, что, возможно, ему позвонят от какого-то Дея и захотят с ним встретиться, чтобы передать посылку. В таком случае Ричард должен немедленно явиться туда, куда его попросят. Но Джордж ждал-ждал этого звонка и перестал ждать. А 25 ноября пришел к Ричарду, принес виски и сигарет и попросил написать письмо какому-то Фастову. И опять они начали ждать...

Звонок разбудил Ричарда в четверть десятого, и он раздраженно спросил:

— Кто?

— Ричард, мне дал ваш телефон Дей. А недавно я получил открытку.

Ричард моментально сделался обаятельнейшим человеком.

— Простите, не знаю, как вас зовут...

— Это не имеет значения, — насмешливо сказал голос в трубке. — Моя фамилия Фастов. Мне необходимо вас видеть.

— Да, да, я ждал. Где мы встретимся?

— У памятника Горькому у Белорусского.

— Холодно, — вырвалось у Ричарда произвольно. — Давайте лучше в ГУМе.

— Я человек приезжий, ГУМа не знаю, а возле памятника не заблудишься. Он, знаете ли, стоит себе один. — Явно насмешливо разговаривал с ним этот Фастов. Но обижаться не стоило.

— Хорошо. А как я вас узнаю?

— На мне форма моряка торгового флота. Видали когда-нибудь? Да я, наверное, и буду-то там один. Ведь холодно, говорите.

— Хорошо.

— Скажите лучше, как я вас узнаю?

— На мне будет короткая дубленка. Цвет — кофе с молоком. И шапка тоже из дубленки, пирожком.

— Пирожком-то оно пирожком, но для контроля суньте в правый карман газету. Чтобы торчала.

— Понял. Во сколько?

— Ну, давайте в десять.

Ричард прикинул: часы «пик», такси не схватишь. Пока оденется, умоется, потом на автобусе до метро, потом на метро...

— Лучше бы в половине одиннадцатого.

— Пусть будет половина одиннадцатого.

— Привет.

— Привет...

Ричард позвонил Джорджу в жилой дом посольства, что разрешалось ему делать в исключительных случаях, а в случае приезда Фастова вменялось в обязанность.

Не называя ни себя, ни Джорджа, он сказал:

— Приехали.

— Отлично. Увидимся.

Ричард в быстром темпе побрился, умылся, проглотил принесенный вчера из ресторана кусок вареной севрюги, оделся и вышел. На лестнице вспомнил, что надо было взять газету, но возвращаться не стал — не будет пути. Газету можно купить в киоске.

Такси, конечно, в этот час поймать было трудно. Он сел в автобус и доехал до метро. В киоске купил несколько газет. Посмотрел на часы — времени хватало, даже с избытком, поэтому он не спеша выкурил сигарету. На Белорусский приехал в двадцать минут одиннадцатого. Тихо двинулся от станции кольцевой линии, дошел до вокзала, сунул газету в правый карман. Постоял, еще покурил и ровно в половине по пешеходной дорожке зашагал к памятнику. Все это нравилось ему, щекотало нервы, приятно было сознавать себя участником тайной операции, которая, кроме того, сулила денежки. Почти Джеймс Бонд.

Красивый молодой мужчина в морской форме ждал его у памятника, поглядывая по сторонам. Он действи-

тельно был у памятника один. Ричард на ходу снял перчатку с правой руки и улыбнулся своей нагловатой улыбкой, когда моряк посмотрел на него.

— Славский, — сказал он, протягивая руку.

Моряк пожал ее крепко.

— Фастов.

— Поговорим где-нибудь под крышей?

— Не здесь, конечно.

— Куда предлагаете?

Фастов смотрел мимо него и вдруг нахмурил брови, не ответив. Он смотрел на человека, который остановился шагах в десяти и повернулся к ним спиной — вроде тоже кого-то ждал. Ричард оглянулся, посмотрел на этого человека в серой кепке и коричневом пальто, вопросительно пожал плечами. Фастов повел глазами: мол, отойдем подальше. Отошли.

— Что такое? — тихо спросил Ричард.

— Это не с вами?

— Я один приехал.

— А может, за вами?

— Да вы что?

— Тише. Вас, видно, еще не клевали.

— Просто назначил кому-нибудь...

Ричарду показалась нелепой мысль, что за ним могут следить, но сразу сделалось неуютно.

— Идемте, — сказал Фастов. — Сейчас проверим. Не оглядывайтесь. — Они двинулись по улице Горького к центру.

— Посылка при вас? — спросил Ричард.

— Зачем же носить при себе такие вещи?

— Вы где остановились?

— У приятеля.

— Далеко?

— Неважно.

— А как вы мне передадите?

— Детский вопрос. Но сначала нужно решить другой вопрос.

Дойдя до угла Большой Грузинской, остановились.

Ричард оглянулся и увидел того, в серой кепке, стоящим у газетного киоска.

— Понял? — сказал Фастов. — Но, может, это случайность. Пошли дальше.

Теперь шагали молча. На углу улицы Фучика Фастов увидел продовольственный магазин.

— Зайдем, — уже тоном приказа предложил он.

Зашли, постояли у прилавка минуты три. Вышли.

Человек в серой кепке маячил на противоположном углу улицы Фучика. Следить так неумело мог разве что безнадежный растяпа.

— Ну вот, — сказал, совсем поскучев, Фастов. — Теперь понятно?

Ричарду стало вдруг так холодно, словно он был голый.

— Неужели за мной? — почти беззвучно прошептал он.

— Это мы легко уточним. Идем.

Пошли скорым шагом к площади Маяковского.

— Слушайте, молодой человек, и запоминайте, — строго начал Фастов. — Сейчас вы спуститесь в метро и поедете куда хотите, а я пойду дальше. И все станет ясно.

Бледный и совсем потерявший свой нагловатый вид, Ричард только кивал головой.

— Часов в пять будьте дома. Вернее, ровно в пять. Если этот тип сейчас пойдет за вами, я позвоню. Если не позвоню, значит, и за мной хвост. Поняли?

— Понял.

— Если за мной хвоста не будет, передайте дяде: посылку он получит только в собственные руки. Я рисковать не намерен.

Вот и метро. Они расстались, кивнув друг другу.

Ричард сбежал по крутой лестнице. Ступив на эскалатор, оглянулся и заметил человека в серой кепке. И все внутри у него съежилось, будто он уменьшился вдвое.

А Фастов пошел дальше по улице Горького. У телеграфа его ждал Сысоев.

— Ну как?

— Парень квелый.

— Он знает, что речь идет о деньгах?

— Спрашивал о посылке.

— Ну, подождем пяти часов.

Они пошли вверх по улице Горького, откуда только что спускался Фастов: машина стояла в Малом Гнездиновском переулке. К тому же Сысоев хотел подстраховаться — проверить, не следил ли кто за Фастовым. Джорджа он знал в лицо — ему показывали фотографии...

Ричард в это время ехал в метро. Делая пересадку, он опять заметил человека в серой кепке. Что делать, что предпринять? Он лихорадочно соображал: раз за ним следят, значит, наверняка знают, где он живет. Значит, бесполезно петлять. Надо ехать домой. Но прежде позвонить Джорджу из автомата.

Выйдя из метро, Ричард зашел в будку и ждал, когда появится этот в кепке, но он не появился. Ричард позвонил Джорджу — телефон не отвечал.

На автобусе он доехал до дома, постоял под аркой, ведущей во двор, наблюдая за автобусной и троллейбусной остановками, — кепки не было. Но, поднявшись к себе, осторожно отодвинув краешек шторы и поглядев на улицу, Ричард увидел его прохаживающимся по тротуару. Ему захотелось реветь в голос, но он лишь заскулил и ударил себя кулаком в лоб. Почему и кто за ним следит?! Чего такого он сделал? Из-за клуба этого поганого? Из-за Джорджа? Скорее всего из-за Джорджа. Он же не знает, совсем не знает, чем на самом деле занимается этот иностранец. Студент! Уже дедом пора быть, а он все учится. А может, никакой он не студент? Правда, он показывал как-то свой студенческий билет, но липу сделать — раз плюнуть...

Ричарда и тянуло к окну, и боялся он выглядывать. Но через полчаса поглядел. Кепка маячила на тротуаре. Что делать, что делать? И зачем только уехали мать с отцом! Остались бы — ничего бы с ним не случилось.

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

— Алло!

— Видел его? — Это был Джордж.

— Да.

— Порядок?

— Ужас, а не порядок.

— В чем дело?

— Надо срочно поговорить. Только... — Ричард сначала подумал, что Джорджу лучше не приходить к нему, но тут же сам себе возразил: мало ли людей ходит в дом, этот, в кепке, не увидит, в какую квартиру Джордж поднимется.

— Что — только? — спросил Джордж.

— Если можешь, приезжай немедленно.

Джордж появился через полчаса. Такси он не отпускал.

Ричард встретил его словами:

— Ты около дома никого не заметил?

— Кого? Ты почему со светом сидишь?

Ричард поманил его к окну, чуть отодвинул штору.

— Видишь, в кепке и коричневом пальто?

— Ну?

И Ричард во всех подробностях рассказал, как все произошло.

Джордж слушал безучастно, будто каменный. Потом переспросил:

— Если он позвонит в пять, значит, за ним нет слежки?

— Да.

— Откуда он такой опытный?..

— Третий мужик.

— Это ясно. Но от этого не легче. Неужели из-за клуба? Или у тебя еще какие делишки есть?

— Какие там делишки!

— А черт тебя знает. Ты же все комбинируешь.

— Комбинирую! Кошкины слезы.

Джордж закурил.

— Хорошо. Мне пока не звони, я сам буду звонить. Нашим скажи, в ближайшее время не собираемся.

— Но что мне делать?

— Вернись в институт. Или поступай на работу.

— Легко сказать...

— Не будь слюнтяем. Не в коротких штанишках ходишь.

— Видишь, как ты заговорил. Я тебе уже и не нужен.

— Успокойся. Ничего преступного ты ведь не совершил, правда?

— А эти шмутки? А клуб этот твой?

— Почему же мой?

— Трепло ты.

— Но, но! Полегче. Выпей воды и будь здоров...

Джордж, подойдя к такси, обратил внимание, что чуть впереди стоит черная «Волга» с пассажиром на заднем сиденье. Он запомнил номер, сел в машину, попросил водителя свернуть на Ленинский проспект и остановиться у гостиницы Академии наук. «Волга» пошла за ними. У гостиницы Джордж вышел, забежал в бар, дошел до буфета и вернулся к машине. «Волга» стояла чуть сзади. Он велел таксисту ехать на Мохо-

вую, к зданию университета. Сомнений не оставалось: за ним тоже следят. Но для него это было гораздо хуже, чем для Ричарда.

...Сложную фигуру являл собой Джордж. Англичанин по происхождению, он учился во Франции, в Сорбонне, затем окончил университет в Соединенных Штатах, где специализировался по славистике, изучал русский и чешский языки. Затем стажировался в Чехословакии, как раз в тот год, когда враждебные социализму элементы подняли там голову. После этого несколько лет работал в различных международных студенческих организациях, а в 1972 году вдруг снова решил стать студентом и приехал в Советский Союз, чтобы учиться в Московском государственном университете. По документам ему было тридцать лет, на самом же деле тридцать шесть. Он выдавал себя за сына богатого предпринимателя, в действительности отец оставил ему после смерти лишь свой поношенный гардероб и неоплаченный счет в третьеразрядной римской гостинице, где скончался. Старушка мать жила у замужней дочери в Австралии.

Деньги, и немалые, Джордж получал через благотворительные фонды, именно через, а не от. Тратил он много, потому что стремился завести как можно больше знакомств среди молодых людей обоего пола. Он был интересным собеседником, потому что повидал свет, щедро угощал, у него всегда имелись американские сигареты — чего же боле? Для некоторых этого вполне достаточно, чтобы считать такого человека самым желанным другом. Он пользовался этим то довольно бесцеремонно, то мягко и тактично — в зависимости от особенностей объекта, с которым имел дело. Но он неизменно действовал под девизом «путь к истине лежит через сомнение» и проповедовал его как и где только мог. Девиз этот очень хорош и правилен для науки, откуда он, собственно, и взят. Но Джордж прилагал его к общественному и политическому устройству, а в этих областях, хочешь не хочешь, сей девиз приводит не к созиданию, а к разрушению. Объективности ради он беспощадно критиковал некоторые социальные установления Запада, чем вызывал порою восхищение своих малоискушенных слушателей. А когда ты закусываешь за счет оратора и куришь его сигареты, ты в ответ на его пламенную самокритику невольно будешь самокри-

тичным. Механика нехитрая, но в таких делах чем проще, тем безотказнее. Тут изощряться — все равно что доставать правой рукой левое ухо.

Деятельность Джорджа не оставляла вещественных улик, которые можно было бы потрогать. Она не наносила государству, в котором он проживал, материального ущерба. Ее нельзя даже было назвать враждебной пропагандой — во всяком случае, ловкий адвокат без труда мог бы доказать, что здесь нет злого умысла: ведь слушает тот, кто хочет слушать, а Джордж своих слушателей цепями к стулу не приковывал. Законодатель предусмотрел в Уголовном кодексе статью, сурово карающую за физическое растление. Статьи, толкующей об идейном растлении, в кодексе нет.

Однако Джордж понимал: раз им заинтересовались, следует ожидать самого худшего. А самым худшим для него была высылка из страны. Вышлют — значит, ему надо ставить крест на своей теперешней службе и карьере. Придется преподавать русский или чешский язык.

...Ровно в пять у Ричарда зазвонил телефон. Фастов говорил из будки автомата.

— Ричард?

— Я.

— У меня все нормально. Дяде передайте, как условились. Буду рад его видеть.

И Фастов повесил трубку, не ожидая ответа.

В половине шестого Ричарду позвонил Джордж.

— Ну что?

— У него все в порядке.

— Слава богу, хоть у кого-то все в порядке. Будь здоров.

...Наутро Ричард поехал в институт. Его отчислили с половины третьего курса, зачеты у него все были сданы. Теперь он просил вернуть его на третий курс. Деканат не возражал, но вопрос должен был решить ректор. А ректор находился в командировке. Просветленный надеждой на лучшее, Ричард по пути домой дал себе слово начать новую жизнь...

Суть идеи, предложенной Сысоевым, состояла в том, чтобы лишить подручных Скеенса-Дея возможности осуществить передачу денег. Тому, кто эти деньги хочет получить, придется или искать другого курьера, или приехать лично. Последнее было бы желательнее.

Нетрудно понять, что денег — тридцать пять тысяч

рублей — никто мистеру Дею отдавать не соби-
рался.

Опыт подсказывал контрразведчикам, что от этих денег пахнет не только валютными спекуляциями. Но даже если бы Скеенс говорил Фастову правду, масштабы операции заставляли предполагать, что конечным адресом, куда эти деньги должны попасть, станут отнюдь не портмоне безобидных туристов.

Кое-кому за кордоном необходимо располагать большими суммами советских денежных знаков. Агенту, засылаемому на территорию нашей страны, не дашь доллары или фунты стерлингов. Начав их продавать, он автоматически сделается валютчиком и подвергнется риску быть арестованным. А ведь агент должен выглядеть безукоризненным человеком, вести себя так, чтобы не вызывать ни малейших подозрений. Поэтому агента требуется снабдить советскими деньгами. Причем ему не обязательно нести или везти их с собой через границу. Кто-нибудь может положить их в сберкассы, получить несколько книжек на предъявителя. Как говорится в старой, уже вышедшей из моды рекламе: «Удобно, выгодно, надежно».

И еще одно соображение: всякая утечка денег за пределы государства наносит урон его финансовой системе. Если же из оборота изымаются очень крупные суммы, это чревато весьма серьезными последствиями...

Контрразведчики хотели верить, что Дей придет к Фастову.

Они еще не знали о поездке Станислава Михайловича к брату и о том, что с ним произошло.

Майор Сысоев, капитан Краснов и подследственный Юрий Фастов той же ночью вылетели в родной город.

Глава XII

С ПОВИННОЙ...

Человек, ехавший из Вены в Москву в одном купе со Станиславом Михайловичем, наверняка никогда в жизни не имел столь мрачного и неразговорчивого спутника. За всю дорогу, продолжавшуюся тридцать три часа, Паскевич не вымолвил ни слова. Только вздыхал. Эти вздохи сосед его слышал и ночью, когда просыпался от неожиданных остановок поезда.

Очень удивил Станислав Михайлович и носильщика на Белорусском вокзале. Когда носильщик погрузил на свою плоскую тележку три увесистых чемодана, их хозяин велел сначала ехать на стоянку такси. Однако, еще не разгрузившись, носильщик получил новый приказ: «Давайте в камеру хранения». Но не это поразило ко всему привычного носильщика. Главное, у пассажира был какой-то вороватый вид, он все время оглядывался по сторонам, как бы готовый в любую секунду задать стрекача, оставив чемоданы на тележке. Обычно пассажиры вагонов, прибывающих из-за границы, так не солидно себя не ведут...

Но чемоданы были сданы в камеру хранения (один из них, самый малый, Станислав Михайлович взял с собой), носильщик получил пятерку и через пять минут забыл о своем чудном клиенте, который меж тем снова вышел на площадь и взглянул на башенные вокзальные часы. Они показывали без четверти десять. Станислав Михайлович постоял в нерешительности, уныло глядя на длинный хвост очереди за такси, повернулся и зашагал в метро. Тут он остановился у телефонов-автоматов и подождал, пока не освободится кабина. Монетками он запаса еще в поезде.

Жена начинала работу в девять, поэтому Станислав Михайлович звонил, будучи уверен, что застанет ее на месте. Прошедший разговор удивил Александру Ивановну гораздо больше, чем поведение ее мужа удивило носильщика.

— Шура, здравствуй. Я приехал, — сказал Станислав Михайлович просто-таки трагическим голосом.

— Почему ж не написал ничего, телеграмму не дал? — с укоризной спросила она.

— После, Шура, после. Произошла серьезная неприятность.

— Откуда ты? Из дома?

— С вокзала. Мне надо кое-куда заехать.

— Ничего не понимаю, — растерянно сказала Александра Ивановна. — Ради бога, в чем дело?

— Потом, Шура. Не ругайся, если что... Лену поцелуй. — И он повесил трубку.

...В половине первого Станислав Михайлович беседовал в небольшом кабинете здания на площади Дзержинского с оперативным работником, и в нем уже не чувствовалось нервозности, разве что был он немного

возбужден. Он повествовал о своих венских похождениях со всеми подробностями, не пропуская ничего. По лицу оперативного работника, немолодого человека, по видимости невозмутимого, все же было заметно, что рассказ этот его сильно заинтересовал.

Разговор был долгим, до позднего вечера, и прерывался лишь два раза, когда оперативный работник звонил по телефону какой-то женщине и просил принести из буфета бутербродов и чаю.

...Нам уже известно все, что произошло со Станиславом Михайловичем, вплоть до того момента, когда мистер Роджерс, внося необходимый залог, освободил его из полицейского участка, где Станислав Михайлович очутился после драки в дансинге. Вот его показания начиная с этого момента:

«Чувствую, что качусь в грязь, а как остановиться, не знаю. А Роджерс только улыбается — мол, когда же и погулять, если не в отпуске. Я ждал брата, но он все не возвращался. Денег у меня совсем не осталось, а тут Фанни намекнула, что хотела бы получить что-нибудь на память обо мне. Она любила браслеты. Я попросил заимообразно у Роджерса... вернее, не попросил, как-то разговорились на эту тему, и он одолжил двести долларов... Да залог, как он сказал, составлял тысячу... Не считая того, что прогуляли... В общем, мне нехорошо становилось. Откуда же столько возьму, как расплачусь? Но Роджерс успокаивал, говорил: у брата денег хватит.

Вел я себя, конечно, как последний дурак, безобразно вел, но просто не могу понять, как все это происходило. Словно я не я. Но это не оправдание, конечно. Не маленький, должен бы соображать. Да что поделаешь — не хватило, значит, ума. В общем, гулянка продолжалась, а чем все кончилось, страшно вспоминать...

Дело было так. Утром Роджерс объявил сухой закон, сказал, что надо отдохнуть, устроить разгрузочный день. Я был рад. Составили план, сели в его машину и поехали за город. Погода была хорошая. Солнышко. Отъехали километров двадцать-тридцать, он останавливается, говорит:

— Пройдемся немного, подышим.

Машину оставили на дороге, а сами поднялись немного в горку, и тут он спохватился.

— Слушайте, — говорит, — Станислав Михайлович, вы же ни разу не фотографировались.

Точно, я в Вене еще не успел сфотографироваться. Роджерс велел подождать, спустился к машине и вернулся с аппаратом — похож на наш «Киев», даже чуть больше.

Поставил он меня на обрыве, щелкнул несколько раз, потом говорит:

— Теперь вы меня. Он работает автоматически. Только смотрите в видоискатель и нажимайте.

Пока я разбирался, где там видоискатель, Роджерс исчез, испарился. Буквально через секунду слышу сзади, за спиной, шаги. Оборачиваюсь — двое в серых коротких пальто, в шляпах. Один на русского похож, он и говорит:

— Господин Паскевич, чем вы тут занимаетесь?

Кто такие, откуда меня знают — ничего не пойму. Стою как идиот, а они уже аппарат у меня забирают и говорят: «Идемте с нами». И берут под локотки.

Спустились с холма на другую сторону — там на поляне большая машина стоит. Один сел за руль, другой со мной на заднем сиденье. И в город. Роджерс словно в воду канул.

Остановились у двухэтажного дома, где-то от центра порядочно. Вводят меня в комнату — на полицейский участок непохоже, хотя телефонов тоже много. За столом толстый человек сидит, листает бумаги. Двое, что меня привезли, поговорили с ним по-немецки, положили на стол фотоаппарат. Он сказал «гут», и приглашают меня пройти в коридор. Заводят в маленькую комнату — оказалось, фотолаборатория. Толстый начал со мной говорить через того, который по-русски понимает. Спрашивает:

— Это ваш аппарат?

— Нет, — отвечаю, — он принадлежит мистеру Роджерсу.

— Но вас задержали с этим аппаратом в руках.

— Его дал мне Роджерс.

— Кто такой этот господин?

У меня визитная карточка Роджерса была, но там ничего не было сказано, кто он такой, а только телефон. Я дал толстому визитку, он прочел, говорит:

— Хорошо, это мы проверим, а сейчас при вас проявим пленку, посмотрим, что вы снимали.

Тут уж я закричал:

— Ничего я не снимал и ничего не знаю!

А те двое крепко меня под руки взяли — мол, спокойно. И почуял я, что пропадаю окончательно.

В лаборатории, между прочим, был человек, видимо, ждал, но мне в голову еще не приходило тогда, что все заранее подстроено. Извините, но такой вот вахлак, не скоро соображаю.

Пленку проявили быстро. Делать с нее карточки не стали — повесили в шкафчик, она подсохла, и толстый вставил ее в какой-то аппарат и направил луч на стенку.

Смотрю, аэродром, самолеты. Следующий кадр — еще самолеты, но поближе снято.

Толстый через переводчика спрашивает:

— Это... — Вот забыл: то ли Унебург или Шунебург он спросил, но какой-то «бург» — это точно. Я из рук рванул, но держали меня прочно. Кричу опять:

— Ничего я не снимал! Аппарат не мой!

Толстый крутит пленку дальше, вижу какой-то высокий забор с колючкой.

— А это что? — спрашивают.

Я понял, к чему все это, разобрался в конце концов. Говорю:

— Сволочи вы и провокаторы.

Они свет верхний зажгли, проектор выключили. А этот, что по-русски говорит, скалится мне в глаза:

— Попались вы, господин Паскевич, и не притворяйтесь овцой. Вы советский агент.

...Помню, у меня тогда какое-то непонятное состояние было. Все вроде бы шиворот-навыворот. Виноватым себя чувствовал — и перед женой с дочкой, и перед товарищами, и вообще перед своей страной. Нечистым себя считал. А тут вдруг такой поворот: я агент... Трудно передать, что в голове творилось. Полная ерунда. Перемешалось все, и был я телок телком, бери голыми руками.

Возвращаемся назад, а в той большой комнате полным-полно народу — корреспонденты. Кто с коротчек снимает, а кто даже лежа, с полу. Потом их быстро убрали.

— Завтра все будет в газетах, господин Паскевич, — говорит толстяк.

И тут я в первый раз вспомнил: ведь есть же в Вене наше посольство. Пойти туда...

Но у них, конечно, все было предусмотрено, в том числе посольство. Толстый говорит:

— Мы вас задержим, пока не выясним вашу личность. Кто знает вас в Вене?

Отвечаю:

— Мой брат Паскевич, Роджерс. — Про Фанни умолчал: она же служанка.

Меня отвели в соседнюю комнату. Комната обычная, только решетки на окнах.

Не помню, сколько времени прошло, — входит толстый и с ним Роджерс. У Роджерса лицо было совсем другое, я его еле узнал. Злой и серьезный он был.

— Ну вот, — говорит, — мне с вами одни неприятности. Тут простым залогом не отделаешься, да и нет у меня денег на такой большой залог. И что скажет брат?

А я, дурень, смотрю на него как на Христа-спасителя и чуть не плачу.

— Выручайте, если можете, — прошу. — Тут какое-то недоразумение.

В этот момент в комнате, кроме нас и толстяка, никого не было, и Роджерс сам стал переводчиком. Сказал что-то толстяку, а тот только головой покачал.

— Плохие дела, — говорит Роджерс. — Но они еще никаких протоколов не составляли.

И мне вроде бы легче стало, что нет пока никаких протоколов.

— Так, может, покончить все мирным путем? — прошу Роджерса.

Он опять с толстым поговорил и совсем расстроился.

— Нет, — объявляет, — мирным путем не выйдет, если вы думаете замять дело. Могут быть мирные торговые переговоры. — Это уже вроде шутки.

А мне-то не до шуток. Прошу Роджерса:

— Увезите меня отсюда, не виноват же я ни в чем, и аппарат вы мне дали.

Он усмехается.

— Вы чужак. Кто вам поверит? На пленке засняты секретные объекты, а вы советский подданный.

Проклял я тот час, когда согласился на приглашение брата. И думаю так: пусть они меня хоть к стенке ста-

вят, хоть иглы под ногти загоняют — не предам я свою Родину и до конца буду говорить правду, но ничего лишнего на себя не приму, никакой клеветы. И еще думаю: может, брат тут силу имеет, что-нибудь предпримет? Ведь и на него тень...

— А брат вернулся? — спрашиваю у Роджерса.

— Вернулся. Но вы его не обрадуете.

— Он может внести залог, — говорю. Непоследовательно себя я вел, быстренько про стенку и иглы забыл.

Роджерса просто перекосило от смеха, каким-то мелким он мне показался.

— Вы не только чужак, — говорит он мне, — вы очень наивный человек.

— Почему же? — спрашиваю.

— Ваш брат давно банкрот, у него нет никаких денег, он ест из моей кормушки.

Тут, собственно, Роджерс передо мной полностью раскрылся, но я до того был в панике, что сразу не усвоил. Он говорит:

— Хотите повидаться с братом?

Я, конечно, очень хотел.

Казимир пришел сейчас же, как будто за дверью ожидал. Нас оставили вдвоем.

— Что ты наделал! — кричит, а в глазах слезы и дрожит весь.

Объясняю, как все получилось, что это провокация и ловля. А он кричит:

— Как ты вел себя до этого! Сплошное скотство, опозорил меня.

И что тут скажешь? Действительно, вел я себя по-свински. Одно к одному выходит. А он заплакал и говорит:

— Эх, Стась, что ты натворил. Сгубил себя, пропадешь.

Я говорю:

— Зачем же ты уехал? Бросил меня одного.

— Меня заставили уехать, я здесь не хозяин.

— Что же делать? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает. — Одно ясно: обратного хода тебе нет. И я помочь не в силах. Прости меня.

Вот так. Он ушел, а немного погодя пришел Роджерс, и у нас состоялся главный разговор.

— Слушайте меня хорошо, Станислав Михайло-

вич, — сказал он и начал выкладывать по пунктам, объяснять мое положение. Во-первых, мне предъявляют обвинение в сборе шпионской информации. Второе — еще не закрыто дело в полицейском участке, куда внесен залог. Третье — я ему задолжал больше двух тысяч долларов. Четвертое — Фанни и все другое. Загнул он четыре пальца, сжал в кулак и говорит: — Что будет у вас в семье и на работе, если они получат, например, кое-какие снимки? Вы там очень неважно выглядите, но это не самое страшное, могут возникнуть осложнения более серьезные, вплоть до дипломатического скандала.

Может, он немного не так выражался, но смысл такой. И дальше объяснил, что завтра в газетах могут появиться сообщения на первых страницах, и тогда мне капут.

Что со мной тогда было, никому не пожелаю. Думал, с ума сойду. Говорю:

— Согласен на все, только чтоб никто ничего не узнал.

Он похлопал меня по плечу, попросил подождать и вышел. Вернулся с какими-то бумагами, достал из кармана авторучку и велел эти бумаги подписать. Они были составлены по-немецки. Я спросил, что это такое. Говорит: протоколы задержания, за драку в дансинге и сегодняшнего, с фотоаппаратом. Я подписал, никуда не денешься. Но это не все. Роджерс дал мне чистый лист, и под его диктовку я написал расписку, что взял у него деньги и что за это обязуюсь оказать ему услугу, о которой мы договорились на словах.

Спрашиваю, какая же должна быть услуга.

— Очень простая, — объясняет он. — Вы по роду службы имеете дело со статистическими данными, которые не публикуются в печати. Будете иногда присылать нам наиболее интересные...

Короче, заарканил он меня. Прожил я в этом доме три дня. Учился фотографировать документы и пользоваться тайнописью. Тайнопись простая: берешь бумагу, кладешь на нее химическую копирку и без всякого нажима пишешь карандашом тайный текст, а потом сверху любыми чернилами или шариковой ручкой обычное письмо. Роджерс дал мне простой шифр — для начала и конца каждого тайного письма, чтобы не было подделки. Посылать я должен на адрес брата. На конверте адрес

и фамилию отправителя все время менять, но инициалы ставить всегда одни и те же. Для изготовления химических копирок употребляется бесцветная жидкость — смазываешь любой листок, и все в порядке. Роджерс дал мне тюбик зубной пасты «Поморин» — в нем эта жидкость. Я в ответ буду получать письма, отправленные в Москве.

Потом вернулась прежняя жизнь — рестораны, мотели. Но я уже не пил.

А за день до отъезда Роджерс и брат повезли меня по магазинам — покупать подарки жене и дочери. И для меня тоже купили кое-что.

Чтобы на границе не было недоразумений с таможенниками, Роджерс дал мне справку с красной печатью, что все это подарено братом.

Провожал меня один Казимир. Роджерс простился на квартире. Он на прощание сказал, чтобы я отнесся ко всему случившемуся серьезно, но без трагедий, что никакой опасности нет и не будет, если я проявлю немного осторожности.

Вот и все. С Белорусского вокзала я прямо сюда».

Оперативный работник повертел в руках тюбик зубной пасты «Поморин» и сказал:

— Вы вначале говорили, что брат заходил к вам, когда был в Москве. Не помните, какого числа?

— Точно помню. Двадцать третьего августа.

— А когда он вам звонил перед отъездом?

— Примерно через месяц, в сентябре, числа двадцатого, двадцать первого.

— Как он оказался на Западе?

Станислав Михайлович рассказал историю брата начиная с 1937 года, и о том, как брат приходил к нему в гости, и обо всех с ним разговорах.

Оперативный работник слушал и иногда вписывал в блокнот два-три слова, при этом переспрашивая Станислава Михайловича. В очередной раз он переспросил:

— Говорите, он бизнесмен и доктор социологии?

— Так он, во всяком случае, сам себя называл.

Оперативный работник захлопнул блокнот.

— Ну что ж, Станислав Михайлович, правильное поступить нельзя.

— Не понимаю, — робко произнес Станислав Михайлович.

— Я говорю, правильно сделали, что пришли к нам.

— Иначе не мог.

Хозяин кабинета встал.

— Время позднее, а вы с дороги. Сейчас вызову машину, вас отвезут.

Станислав Михайлович весь напрягся.

— Я готов.

Оперативный работник рассмеялся.

— Не туда, куда вы собрались. Вас отвезут домой.

Понадобилась, может быть, целая минута, чтобы Станислав Михайлович осмыслил тот удивительный факт, что его не арестовывают, а, наоборот, еще предлагают отвезти в машине домой. А когда он это осмыслил, то брякнул такое, что тут же счел сам немыслимым нахальством в его положении:

— Чемоданы-то в камере хранения.

— Заберете.

— Что я своим скажу?

— Только не о нашем разговоре. Об этом — ни одной живой душе. Придумайте что-нибудь. — Он позвонил по телефону, договорился насчет машины. Положив трубку, сказал очень серьезно:

— Разумею, что вам нелегко, но и вели вы себя за кордоном не лучшим образом. Поразмыслите на досуге, после еще поговорим. Повинную голову меч не сечет, но ее надо ж на плечах-то иметь, Станислав Михайлович, а?

— Не могу оправдываться.

Станислав Михайлович стоял, глядя в пол перед собой.

Помолчав, оперативный работник заговорил опять тем деловым тоном, каким вел беседу:

— Фотокарточки Роджерса у вас, разумею, нет. А фото брата? Хоть какое-нибудь.

— Вы знаете, ни одной карточки Казимира у меня тоже нет, — виновато ответил Станислав Михайлович.

— Даже старых времен?

— Какие тогда были времена... Мы на одной бульбе жили... А фотографу платить надо...

— Мы вас еще вызовем.

Зазвонил телефон: машина ждала Станислава Михайловича. Взяв из камеры хранения Белорусского вокзала свои чемоданы, он приехал домой. Жена и дочь

не спали. Они были вконец измучены ожиданием и неведением, и даже появление Станислава Михайловича не сразу их успокоило. Свою задержку он объяснил тем, что ему якобы пришлось кое в чем помочь соседу по купе, у которого произошло недоразумение с таможенниками. И хотя это никак не вязалось с тем, что Александра Ивановна услышала от мужа по телефону утром, она не заметила несоответствий...

Начальник подразделения, в котором работал человек, беседовавший со Станиславом Михайловичем, не был в курсе дела Дея-Скеенса и Фастова. Прочитав показания Станислава Михайловича, он сказал: «Знакомый почерк. — И прибавил: — Грубая работа». Основываясь на своем опыте, он мог бы также сказать: грубо ли, тонко ли поступают вербовщики с советскими людьми, они не становятся ближе к цели. Начальнику отдела уже приходилось сталкиваться с чем-то весьма схожим, рука Роджерса и Дея-Скеенса-Паскевича была знакома, с той лишь оговоркой, что он знал их под другими именами.

Вышестоящий начальник был в курсе дела Фастова—Дея. На этом более высоком уровне линии пересеклись, и, естественно, возникла потребность сопоставлять. Нет, отнюдь не мгновенным озарением ума высветилась истина. Она добывалась по крупицам.

В схеме это выглядело так.

Совпадение дат пребывания в Советском Союзе мистера Дея и Казимира Паскевича заставило проверить, нет ли других совпадений. Они нашлись: и тот и другой выдавали себя за бизнесмена-социолога из Канады; и тот и другой прекрасно знают русский; они одного года рождения.

Проверили, не значится ли Казимир Паскевич среди разыскиваемых государственных преступников. Удача. Оказалось — значится. Разыскивался как провокатор, работавший на оккупантов в Белоруссии в 1942—1943 годах. Розыски были безуспешны, дело казалось безнадежным.

Словесные описания внешности брата, которые давал Станислав Михайлович, совпадали с портретом мистера Дея. Станиславу Михайловичу предъявили в числе других пяти портретов внешне похожих мужчин карточку мистера Дея. Станислав Михайлович без колебаний, с одного взгляда опознал брата.

С этой стороной дела было ясно, и вроде бы пора уже произносить традиционное «круг замкнулся».

Но существовала идея, выдвинутая майором Сысоевым, и она требовала осуществления. Тем более что история Станислава Михайловича и доставленные им данные предоставляли для этого новые, дополнительные возможности. И еще одно подстегнуло контрразведчиков, занимавшихся делом Дея — Фастова. Если до этого момента ими руководило профессионально понятное желание обезвредить активного врага, то теперь еще прибавилась не менее понятная жажда справедливого возмездия.

Объясняется все житейски понятно. Когда стало известно, что мистер Дей и Казимир Паскевич — одно лицо, об этом сообщили генералу Баскову. Басков затребовал дело государственного преступника Паскевича, и его прочли все участники группы. У людей, самых разных по складу характера, по возрасту и по опыту, это чтение вызвало одинаковое чувство глубокого омерзения. Вкратце вот какова была деятельность Казимира Паскевича на службе у гитлеровцев в годы войны (попал он на эту службу еще в 1941 году во Франции, в Париже, где работал продавцом магазина мужского готового платья).

Оккупировав землю Белоруссии, гитлеровцы, как известно, вынуждены были вести ожесточенную войну с партизанами, которые действовали почти повсеместно. Одним из важных средств в этой войне они считали провокаторство, подрыв партизанского движения изнутри. Натуральный белорус, готовый сделаться провокатором, был для них находкой. Паскевич соблазнился возможностью нажиться и отправился в края, которые оставил в поисках лучшей жизни пятью годами раньше.

Для начала — после основательного обучения — его попробовали заслать в партизанский отряд, базировавшийся неподалеку от его родного хутора. Но еще на пути из районного центра к ближайшей деревне он повстречал земляка, который его узнал. Дело было в июле сорок второго, в полдень жаркого дня. Казимир Паскевич шел, прихрамывая, по пыльной дороге с котомкой за спиной и с палкой в руке — у него имелись документы, что он житель Гомеля, инвалид и потому свободен от всяких повинностей. Документы немцами были сделаны так, что каждый без труда обнаружил бы «липу», — это для отвода глаз.

Пыль надоела, и, когда дорога вошла в перелесок, Казимир свернул в сторону, зашагал по траве. Потом услышал журчание ручья в овраге, захотелось пить. Спустился в овраг и тут наткнулся на полуголого парня лет пятнадцати, который стирал в ручье рубаху. Парень посмотрел на него сквозь пушистые белесые ресницы и сказал: «Дядя, а я вас знаю». Оказалось, парень из села, возле которого был родной хутор Казимира. Казимир начал расспрашивать о своих. Парень рассказал, что отца повесили немцы, мать умерла в заточении, а сам хутор сожгли. Где младший братишка Казимира, Стась, парень сказать не мог (кстати, Казимир Михайлович в гостях у брата в Москве говорил, что ничего не знает о судьбе родителей, — это и понятно, хотя выглядит мерзко).

Вроде бы все как нельзя лучше: с такой «родословной» к партизанам явиться не грех. Но отчего-то жутко сделалось Казимиру. Может, оттого, что он вдруг сообразил, что тут не шутки шутят, что борьба идет жестокая и беспощадная. И повернул назад.

Обер-лейтенанту, который снаряжал его, Казимир по возвращении наплел с три короба — мол, никак нельзя ему в отряд, сразу разоблачат, а лучше использовать по другой линии. По любой, но только не в отряд, не в лес.

Тогда его сделали «подсадной уткой». Обер-лейтенант предупредил Казимира, что это еще опаснее, ибо люди, с которыми он будет сидеть в тюремных камерах, — народ тертый, они обладают особым нюхом на предателей. Может быть, именно это наставление и пробудило в Казимире гнусный артистический дар идеальной «подсадной утки». Как ни удивительно, его ни разу не били, хотя за год с небольшим он успел «отработать» в десятке тюрем и добыть весьма ценные для оккупантов сведения. Благодаря его умению перевоплощаться нацисты получили много улик и путеводных нитей, немало подпольщиков погибло в петле или от пули по милости Казимира Паскевича, хотя они вовсе и не подозревали об этом. Это стало известно из архивов уже после войны.

Так что, если генерал Басков и его товарищи и прежде не собирались прекращать операцию по изобличению Дея, то после ознакомления с архивным делом они считали эту операцию своей святой обязанностью.

«— МЫ ВАС ЖДАЛИ, ПАСКЕВИЧ...»

Обширная квартира Ричарда Славского была отдана на съедение мышам, в изобилии появившимся невесть откуда, — так бывает иногда с опустевшим и заброшенным жильем.

Клуб «Дискуссия» умер естественной смертью. Ричард усердно занимался в институте, куда ему в конце концов разрешили вернуться. Дома он только ночевал. Потому и пустовала квартира.

С Джорджем у него был еще лишь один разговор, кончившийся почти полным разрывом.

Они встретились во Дворце спорта в Лужниках на хоккейном матче — для конспирации. Разговор был минутный, потому что происходил на ходу: по пути с трибун в туалет. Джордж сказал, что Ричард пижон и молокосос, с которым опасно водить знакомство, что Ричард поставил его под удар. Слова были обидные, тем более что Ричард вызвал Джорджа на свидание по важному поводу: он получил телеграмму от Фастова. Сунув сложенный вчетверо бланк телеграммы Джорджу в карман, Ричард шепнул: «Примите мои наилучшие пожелания и проч.» — и отвалил в сторону.

Телеграмма содержала краткое сообщение: «Все собрались ждали вас». Это надо было понимать так: вся сумма денег — то есть тридцать пять тысяч — у Фастова в наличии, он готов их передать и ждет встречи с курьером. Позже станет известно, что Джордж через надежный канал сообщил об этом Дею и одновременно огорчил его новостью: он, Джордж, и его друг Ричард находятся под подозрением и участвовать в акции по передаче денег не могут.

Идея Сысоева начинала давать результаты, но чекисты пока об этом не ведали. Может быть, получив донесение Джорджа, Казимир Паскевич и его шеф Роджерс сочли бы необходимой немедленную повторную поездку в СССР, чтобы заполучить деньги от Фастова. Однако неразумно было бы не пустить в ход и новый катализатор.

Так случилось, что однажды январским днем 1975 года на работу Станиславу Михайловичу позвонил человек, представившийся майором госбезопасности, и попро-

сил пригласить его в гости для делового разговора, что Станислава Михайловича даже обрадовало. Тем же вечером майор пришел в дом на бывшей Песчаной, ныне улице Вальтера Ульбрихта, — это был Сысоев.

Они пили чай и разговаривали с глазу на глаз в комнате, где не так давно Станислав Михайлович принимал брата. Это был для майора Сысоева совсем не простой разговор.

Он не стал начинать издалека, спросил напрямик:

— Станислав Михайлович, вам брат ничего не рассказывал, где он в войну обретался?

— Да вроде был за океаном... Так я понял...

— Получается, очень нехорошая у меня миссия... Вроде почтальона, который похоронки приносил.

— Почему же? Сейчас не война.

— Я вам обязан печальные вести сообщить. О вашем брате.

Станислав Михайлович развел руками.

— Куда уж дальше! Я о нем узнал такое — печальней не бывает. Какой он мне брат!

— Быва-а-ет, — со вздохом возразил Сысоев, чувствуя некоторое облегчение.

— Не представляю себе.

— А вот... — Сысоев вынул из внутреннего кармана сложенный лист, развернул его. Это была выписка из архивного дела Казимира Паскевича, напечатанная на машинке густо, через один интервал. — Прочтите.

Станислав Михайлович прочел и, бросив бумагу на стол, сказал коротко:

— Гад.

— Бзнаказанный живет, — сказал Сысоев, — а числится в государственных преступниках.

— Еще как живет! — не удержался Станислав Михайлович. — Правда, он, похоже, у них на побегушках.

— Не совсем. Скорее для черной работы.

Помолчали немного. Станислав Михайлович хмурил брови, задумавшись. Потом спросил:

— Он же был в Москве... Что же вы его не арестовали?

— Тогда мы еще ничего не имели. Он под другой фамилией приезжал.

— Что сейчас от меня требуется? — Тон у Станислава Михайловича был решительный.

Наконец Сысоеву стало совсем легко, и он приступил к делу, ради которого пришел.

— Вы еще не посылали писем в Вену? Пора послать. — Он вынул из кармана знакомый Станиславу Михайловичу тюбик зубной пасты.

— Давайте писать, — сказал Станислав Михайлович, тоже как будто почувствовавший облегчение.

Они перешли за письменный стол и сели рядышком.

Сначала был составлен черновик. Затем его отредактировали и переписали набело. После этого Станислав Михайлович приготовил химическую копиру, как его учил Роджерс.

Тайнописный текст гласил:

«Удалось получить данные большой важности. Посылать почтой в обычном письме нет возможности. Сообщите способ передачи».

А поверх этого невидимого текста Станислав Михайлович написал чернилами:

«Здравствуй, Казимир!

Извини, что долго не давал о себе вестей. Доехал благополучно. Жена и дочь очень довольны подарками, благодарят тебя. Сейчас впрягся в работу, время горячее.

Очень хочу, чтобы ты приехал к нам в гости. Считаю это моим ответным приглашением».

Сысоев и Станислав Михайлович понравились друг другу и расставались по-дружески, высказав надежду, что еще встретятся при совсем иных обстоятельствах. Тюбик Сысоев унес с собой.

Утром по пути на работу Станислав Михайлович опустил письмо в почтовый ящик.

Реакция последовала быстро. 29 января Станислав Михайлович получил письмо, опущенное в Москве, в котором неизвестный отправитель извещал его, что скоро приедут гости — именно так, во множественном числе. У Сысоева даже сердце екнуло: неужели сам Роджерс пожалует? Вот была бы удача! В жизни контрразведчика такие счастливые случаи выпадают нечасто...

Увы, Роджерс не приехал. Приехал — вернее, прилетел — один Казимир Паскевич.

Это случилось 6 февраля. В «Интурист» загодя поступила просьба мистера Дея закрепить за ним в качестве гида-переводчика Галину Храмову. Она его встречала в Шереметьеве, и все было как в прошлый раз,

только шофер другой и разговор, разумеется, тоже. И остановился Дей в «Интуристе», но в другом номере. И еще погода другая.

Невозможно было предугадать, с чего начнет Казимир Паскевич — с денег или с якобы добытых его братом данных, подлежащих передаче. Если с первого — все нормально и просто. Для второго варианта был заготовлен особый план. По логике вещей Казимир должен начать со второго: брат в Москве, а Фастов с деньгами в двух тысячах километров от Москвы. Однако в делах подобного рода обычная логика не всегда пригодна. Тот, кто приехал, тоже не дурак. Он тоже имеет свои варианты и считается с возможностью того, что с ним ведут игру. При таких раскладках нередко побеждает тот, кто поступает вопреки привычной логике. Вероятнее всего, Казимир должен рассуждать так: зачем немедленно забирать и носить при себе «взрывоопасные» документы, если они всегда под рукой? Это лучше сделать незадолго перед возвращением.

Как бы там ни было, Станислав Михайлович был готов к тому, что брат захочет увидеть его сразу по приезде. Роль его была трудна только тем, что он не мог бросить в глаза Казимиру «гада».

Станислав Михайлович зимой не ездил на своей машине, она стояла в гараже. А гараж находился очень далеко от дома — в районе Варшавского шоссе. За день до прилета Казимира, вызвав врача на дом, Станислав Михайлович взял больничный листок. В Москве погуливал грипп, поэтому ничего необычного в его недомогании врач не усмотрел. Если Казимир захочет тут же увидеться с братом, Станислав Михайлович пригласит его к себе, покажет больничный и сообщит, что документы спрятаны в гараже. И предложит: мол, ты не на один же день приехал, устраивай пока прочие дела, а через недельку поправлюсь и съезжу за бумагами.

Итак, принимались во внимание два варианта. В действительности же, выражаясь изящным канцелярским слогом, имел место гибрид первого варианта со вторым.

6 февраля в девять часов вечера Казимир позвонил брату по телефону-автомату с телеграфа.

— Здравствуй, родной! — бархатисто звучало в трубке. — Ты меня приглашал, и вот я здесь.

— Когда приехал? — спросил Станислав Михайлович, не проявляя особенного восторга.

— Сегодня, дорогой мой, сегодня.

— Так заезжай сейчас же.

— Пожалуй, отложим немного. Надо отдохнуть, что-то полет тяжелый был. А завтра позвоню. Как твои успехи?

— Нормально. Загрипповал вот, но это чепуха, температура небольшая.

— Значит, ты все время дома?

— Да, с недельку проваляюсь. Тут тебе жена с дочкой подарки приготовили.

— А ты? — со значением спросил Казимир.

— Ну и я тоже, конечно.

— Хорошо, братишка. Я счастлив, что снова в Москве и снова слышу тебя. До завтра.

Утром стало ясно, что Казимир документов у брата не возьмет по крайней мере дня три: Галина заказала билеты на самолет, чтобы отправиться в город, где живет Фастов, на 8 февраля.

Днем 7-го он звонил с телеграфа Фастову. Тот был дома, не очень обрадовался, но заверял, что устал ждать и что все в порядке.

Вечером 7-го Казимир снова позвонил брату и объяснил, что должен на несколько дней покинуть Москву, а как только вернется, они увидятся. Станислав Михайлович не возражал.

8 февраля утром Казимир вылетел со Внуковского аэродрома на юг.

Галина Храмова не отличалась выдающейся наблюдательностью, но она заметила, что мистер Дей в этот свой приезд выглядит гораздо более озабоченным и менее любознательным, чем в прошлый. Он по-прежнему оставался неизменно любезным и предупредительным, но, к ее удовольствию, без налета прежней галантерейности. Это-то и заставило ее присмотреться к мистеру Дею внимательнее, и тогда она и обнаружила его сосредоточенность в себе. Тем лучше, подумала она, проще отношения...

Понятно, что Галина Храмова никак не предполагала лишиться своего туриста «люкс» в южном городе и вернуться в Москву без него. Но ей предстояли неожиданности.

...В гостинице «Черное море» помнили добродушнейшего мистера Дея. Ему предложили тот же номер, и он

пошутил: «Что, вы так его и держали пустым до моего возвращения?» И отказался от него. Дали другой.

Галине мистер Дей сказал, что будет один ходить по городу, а она может располагать собою по своему усмотрению. У него была лишь одна просьба: заказать обратные билеты на завтра.

...С моря дул влажный ветер, с неба сыпалась сухая снежная крупа. Осыпаясь на тротуар, крупа прилипала к наледи, и тротуар становился шершавым, похожим на белую наждачную бумагу. Идти было несколько, Казимир Михайлович шагал широко. Путь был ему знаком и конечный пункт тоже: он направлялся в кафе «Астра», где в предыдущий приезд Галина Храмова познакомила его со своим дядюшкой и где сейчас его по договоренности должен был ожидать Юрий Георгиевич Фастов с тридцатью пятью тысячами рублей. Казимир Михайлович не испытывал беспокойства, но все-таки его несколько смущало то обстоятельство, что такую большую сумму необходимо получать в многолюдном месте. Он нес с собой чемоданчик. Если Фастов тоже с чемоданчиком, они просто обменяются ими. Если вся сумма в сотенных купюрах, то вообще проблемы нет. Надо надеяться, Фастов продумал этот вопрос, прежде чем назначить свидание в кафе в пять часов пополудни.

Казимир Михайлович вспоминал свои долгие беседы с Евгением Петровичем Храмовым, которого в глубине души считал бесперспективным для настоящей работы, слепым идеалистом, но с которым ему очень хотелось встретиться, чтобы посмотреть, насколько он продвинулся вперед после того, как получил почти настоящий печатный станок. Он наметил сегодня же вечером, после встречи с Фастовым, навестить Храмова.

Сумерки сгустились. Казимир Михайлович издалека увидел на уровне вторых этажей неоновый белый цветок и зеленое слово «Астра». И тут словно что-то притормозило его, он замедлил шаг. Почему в самом деле Фастов выбрал для свидания именно кафе, где так много народу? Вон и очередь у входа стоит... Очередь, правда, была предусмотрена. Фастов сказал, чтобы Казимир Михайлович не смущался этим. Он предупредит швейцара, надо постучать в дверь и сказать, что к Фастову, — его пропустят... Нет, поворачивать Казимир уже не мог.

...Дальнейшее происходило как бы автоматически, по заданной программе, помимо его воли.

Извинившись перед пышноволосыми юнцами, толпившимися у входа, он пробрался к двери, постучал. Шторка на зеркальном стекле двери отодвинулась в сторону, на него глянул глаз в морщинистой оправе, он назвал фамилию Фастова, и дверь открылась. Старый швейцар принял у него пальто, дал номерок, и Казимир Михайлович вошел в хорошо освещенный зал, очень тесно заставленный столиками. Очки отпотели, но он все же увидел мельтешащую над головами сидящих белую руку — Фастов звал его. Он сидел в самом центре зала. Соседями по столику была молодая пара, один свободный стул ждал Казимира.

Он поставил чемоданчик на пол между собою и Фастовым, оглядел пространство под столом — никакого другого чемоданчика там не было. Казимир протер очки замшевым лоскутком, окинул Фастова приветливым взглядом. Карманы у того совсем не оттопыривались. «Где же деньги?» — казалось, хотел спросить Казимир.

Перед Фастовым стояла початая бутылка рислинга. Он протянул к ней руку.

— Хотите?

— Нет, нет, мне нельзя.

— Что заказать?

— Кофе.

Фастов собирался позвать официантку, но Казимир Михайлович движением бровей попросил его наклониться поближе и шепнул:

— А где же?..

— Там, на вешалке, — передразнивая его, загадочным тоном ответил Фастов.

— Вы с ума сошли.

— Швейцар свой человек. Он мои вещички не проглядит, не беспокойтесь.

— Давайте уйдем отсюда.

— Можно, — согласился Фастов.

Он остановил проходившую мимо официантку и рассчитался.

В гардеробной было много народу, толклись какие-то люди, одни в пальто, другие без пальто.

Казимир Михайлович поставил свой черный новенький, поблескивающий металлом чемоданчик на нечистый пол у барьера, отдал номерок швейцару, тот подал ему пальто, помог одеться.

Потом оделся Фастов. Швейцар выставил на барьер его потертый серый фибровый чемоданчик, с которым Фастов обычно ходил в рейсы. Фастов опустил его вниз, поставил рядом с чемоданчиком Казимира Михайловича — это выглядело как телега рядом с автомобилем последней модели.

...Ну конечно! Тысячу раз виденный и читанный элементарный прием: сейчас они перепутают чемоданы, и дело в шляпе. Но по шпионским правилам обмениваемые предметы должны быть похожи друг на друга если не как близнецы, то хотя бы как двоюродные братья. А здесь даже и не седьмая вода на киселе. Кто-кто, а уж Казимир Михайлович правила знал. И все же произошло тысячу раз виденное и читанное: он взял чемоданчик Фастова. И тут же на его руку, державшую ношу, легли другие руки. Это было настолько неожиданно в беспорядочно толкущейся толпе, что в первый момент Казимир Михайлович подумал — его грабят.

— Позвольте! — воскликнул он, отшатываясь от человека, сжимавшего его руку.

— Вы взяли не свою вещь, — сказал Сысоев. И чуть возвысил голос, чтобы перекрычать гул кафе: — Прошу понятых.

Он повел Казимира Михайловича через коридор. Они зашли в кабинет директора кафе.

Тут был составлен протокол, зафиксировавший, что Фастов и господин Дей — так записал майор Сысоев, посмотрев в паспорт, предъявленный Казимиром Михайловичем, — обменялись чемоданчиками. Двое понятых, молодые парни, расписались, и Сысоев, поблагодарив, сказал, что они могут идти. Они ушли с неохотой.

В переулке стояли две «Волги».

Фастова и Казимира Михайловича поместили в разные машины.

Через пять минут они оказались в управлении КГБ, и начался первый допрос.

Казимир Михайлович протестовал, возмущался, требовал связать его с посольством.

С ним не стали играть: на очной ставке Фастов рассказал о манипуляциях в Амстердаме. Казимиру Михайловичу задавали упорно один и тот же вопрос: кто он такой и каковы его интересы в СССР? И он непоколебимо стоял на одном и том же: бизнесмен, совладелец фирмы химических продуктов, доктор социологии, при-

ехал в Советский Союз, чтобы изучить возможности заключения торговых соглашений.

Фастова, оказывается, он видит в первый раз. Все это подстроено.

Среди вещей Казимира Михайловича обнаружили аргентинский паспорт на другое имя. Казимир Михайлович, не моргнув глазом, сказал, что паспорт ему подброшен.

Было очевидно, что сбить Казимира Михайловича с его позиций — позиций бизнесмена и социолога — не удастся, а если и удастся, то ценой очень долгих допросов. И хотя допросы велись в обычные рабочие часы, днем, в хорошо проветренной комнате, майор Сысоев ни себе, ни упорному старику здоровья портить не хотел. При очередном допросе вдруг сказал Казимиру Михайловичу:

— Какой же вы мистер Дей? Мы вас знаем очень хорошо. Мы вас ждали, Паскевич.

После, рассказывая товарищам об этом моменте, Сысоев очень сожалел, что у него не было киноаппарата, такого, какой имелся у Казимира Михайловича. «Момент, достойный запечатления крупным планом», — как определил Сысоев.

Казимир Михайлович не упал в обморок, не хватал судорожно ртом воздух и даже не просил воды. Он вздрогнул и застыл, с ужасом уставившись на Сысоева. А тот вынул из стола выцветшую папку, извлек из нее плотный лист бумаги с грифом, исполненным готическим немецким шрифтом, и, встав и обойдя стол, подержал этот лист перед лицом Казимира Михайловича. Вот тогда-то Паскевич в одну минуту сделался настоящим старикашкой.

Однако напрасно Сысоев рассчитывал, что Паскевич сдастся без боя. Еще три месяца мотал он нервы множеству людей: он требовал доказательств, требовал живых свидетелей его гнусных деяний.

Нашли свидетелей, добыли доказательства. И состоялся суд, приговоривший Казимира Михайловича Паскевича к смертной казни. Он подал прошение о помиловании. Его помиловали, заменив расстрел пятнадцатью годами колонии строгого режима.

Еще раньше, при первых шагах следствия, посольству было сообщено, что мистер Дей задержан с поличным и будет судим по советским законам. Так Роджерс уз-

нал, что его подручный арестован в южном городе, куда поехал к Фастову за деньгами.

О Паскевиче двух мнений быть не могло, но с Фастовым как поступать? Он совершил преступление, за которое Уголовный кодекс предусматривает самую суровую кару — от десяти до пятнадцати лет заключения. Но Фастов искренне раскаялся — искреннее не бывает. Фастов активно и сознательно, по доброй воле помогал следствию, при его участии был арестован Паскевич.

Люди порою склонны быстро забывать и прощать обиды и даже злодеяния, это в их характере, тем более если преступивший закон повинился. Иного человека, кипящего справедливым негодованием при виде преступника, можно в полчаса превратить в его горячего защитника. Но правосудие не может уподобляться человеку, у которого рассудок полностью подчинен эмоциям.

Фастова судили. Приговор оказался мягким. Перед отправкой из города ему разрешили свидание с женой. И может быть, никогда прежде они не испытывали такого глубокого чувства взаимной любви. Происшедшее словно сняло ржавчину с их отношений. Предстоящая разлука не пугала ни его, ни ее. Валентина все пытала мужа, считает ли он ее виноватой в том, что осужден, а он целовал ей руки и благодарил. Кто знает, куда бы завела его нелегкая, если бы она не пошла тогда в паромное судно. Он ведь ее не слушал, шлея под хвост попала. А у Миши Суликошвили хватка мертвая...

Джордж был выдворен из страны за деятельность, враждебную советскому народу.

Перепуганный Ричард Славский дал беседовавшему с ним чекисту честное слово, что никогда не вернется к тому образу жизни, который он считал таким сладким. И детям своим закажет, если они у него появятся, конечно...

ЭПИЛОГ

Капитан Краснов еще в угрозыске четко осознал, что нельзя смотреть на жизнь и на людей сквозь призму тех дел, которыми ему приходилось заниматься. Его не надо было убеждать, что его «клиенты» лишь «редко встречающиеся, иногда в отдельных случаях нетипичные пре-

ступные элементы». Он не помнил, где прочел или услышал эту неуклюжую формулировку, но она существовала. Было время, когда он боялся очерстветь и озлобиться, но оно давно прошло. На любом пшеничном поле могут появиться сорняки. Их нужно вырывать. А лучше не допускать.

Дело Храмова — Фастова — Паскевича было первым большим делом Краснова на работе в органах госбезопасности. Обозревая все, что произошло в его рамках, он видел людей откровенно враждебных, преступников по убеждению, людей запутавшихся и просто легкомысленных. Такова уж специфика его работы: хорошие, нормальные люди не нуждаются в сугубом внимании чекистов — они нуждаются только в их защите, в щите. Да и, в сущности, занимались они одной личностью — Паскевичем. А на гнилом дереве кого увидишь? Червяков да пауков. А лес стоит чистый...

Не ахти какое оригинальное соображение, но оно всегда верное, никогда не стареющее: если гнилое дерево не убрать своевременно из леса, от него заразятся другие деревья. А живое жалко.

Что же сказать о людях, которые из-за каких-то подлых созданий, недостойных человеческого имени, мучаются, страдают и едва не теряют то, что отличает человека от звероподобного существа, — веру в добро и бескорыстие?

Самую большую боль испытывал Краснов, когда думал о Валентине Фастовой. Он не считал себя способным до глубины проникнуть в женскую душу, заглянуть в сердце матери маленького мальчика, чей отец, кому она поклонялась как богу, сделался вдруг преступником. Но он мог себе представить, сколько горя она приняла, какую неизбывную, непереносимую боль испытала. Любовь и долг — кажется, эти два великих чувства по всем земным законам должны быть слиты воедино и помогать друг другу. Нет, оказывается, не всегда и не везде. Чуть отступил Юрий Фастов от честных правил, чуть поддался низменным желаниям — в эту щель тут же проникли ложь и грязь. А там, где ложь и грязь, появляются такие, как Казимир Паскевич и Миша Суликошвили. И вот уже сломана жизнь прекрасной женщины, рушится семья, и маленький мальчик лишается отца. Краснову моментами казалось, что он физически ощущает страдания, выпавшие на долю Валентины Фастовой.

А потом по контрасту ему вспоминался Ричард Славский, Джордж и их недоразвитая паства из клуба «Дискуссия». Этим-то вряд ли доступны хоть какие-то сильные чувства. Ни большого горя, ни большого счастья они не сумеют, наверное, испытать никогда, и Валентину Фастову им не понять.

Ну, с Джорджем все предельно ясно: это враг, работающий за плату. Подобные Ричарду подбирают огрызки, хотя и считают себя при этом аристократами. Надо полагать, получив урок, Ричард Славский кое-что понял и теперь направит все свои наличные способности на собственное нормальное развитие, а стало быть, на благое дело.

Что касается паствы, Краснову хотелось бы собрать вместе этих зарвавшихся юнцов и развязных девиц — не под эгидой клуба «Дискуссия», разумеется, — и сказать им краткую речь. Он сказал бы примерно так:

«Мои молодые слушатели! Выньте сигареты изо рта и перестаньте жевать резинку. Послушайте меня внимательно. Чего вы хотите, разглагольствуя о преимуществах западного образа жизни, которого вы и не нюхали? Вы же не знаете, как пахнет слезоточивый газ, когда им окуривают толпу демонстрантов где-нибудь в Соединенных Штатах, и не имеете понятия, какой вкус бывает у полицейской дубинки, когда ею разбивают человеку зубы где-нибудь в Западной Европе. Вы не стояли в длинных очередях на бирже труда.

Если вы как потребители диетических куриных яиц мало-мальски знакомы с птицеводством, то должны знать, что есть такое народное словечко «болтун», — оно относится к яйцу, из которого никакая курица не сможет высидеть цыпленка.

Надеюсь, я выражаюсь достаточно популярно.

Вы мне крайне несимпатичны, малоуважаемые бывшие члены клуба «Дискуссия», извините за откровенность. Но я твердо уверен, что пройдет совсем немного времени, вы подрастете, и вам будут смешны и горьки эти сомнительные увлечения более чем сомнительными проповедями вашего бывшего знакомого Джорджа — смешны, если не противны.

Вы еще молоды — у вас все впереди. Так будьте же людьми, никогда не забывайте, кто дал вам жизнь и крылья.

Спасибо за внимание».

Поняли бы они его или нет? Наверное, должны бы понять...

Рассуждая так, капитан Краснов шел на последнюю — он это знал — встречу с Евгением Петровичем Храмовым. Перед тем они виделись на квартире у Храмова неделю назад. Квартира уже была пуста — Храмов все распродавал за полцены соседям. Оставались только кровать и холодильник.

Распродаже предшествовало четыре месяца совершенно необычного единоборства. Тридцатипятилетний капитан госбезопасности Краснов учил жить пятидесятидевятилетнего старшего преподавателя института Храмова. На это стоило посмотреть.

В первый месяц после происшедшего Евгений Петрович держал себя нервно.

Капитан Краснов не уважал людей, которые в раскаянии рвут на себе волосы и плачут. У него была на этот счет своя теория. Он утверждал, что слезы растворяют раскаяние и удаляют его из организма. И что ж там остается? Ничего. Настоящее раскаяние должно долго оставаться в душе человеческой.

А Евгений Петрович много плакал. И в этот «мокрый» период Краснов с ним разговаривать не хотел.

Затем наступил период мученичества. Тут они уже разговаривали, и Храмов обильно цитировал Федора Михайловича Достоевского, сочинения которого знал досконально. Краснов увидел просвет в настроении Храмова. Евгений Петрович уверял, что жаждет пострадать, и был рад услышать от Краснова, что его действия могут быть квалифицированы судом как преступные и повлечь за собой кару в виде лишения свободы.

Он действительно заслужил такую кару, но с ним обошлись крайне гуманно. Есть такая щадящая мера — предостережение. Храмов его и получил, расписавшись в получении.

И тут настал третий период — ощущение полной пустоты внутри и полной непричастности к внешнему. Положим, все внешнее, окружавшее его, Храмов и прежде считал чуждым себе, но он чувствовал его живое присутствие хотя бы потому, что мог ругать все сущее и пускать в него отравленные стрелы. Что касается внутренней жизни, высоких взлетов духа и прочего, то тут Евгений Петрович ощущал всегда свою непревзойденность. И вот, пожалуйста, ни того, ни другого. Но...

Бывают утери слаще обретений. И это с изумлением открыл для себя Евгений Петрович на шестидесятом году жизни. Все, что ушло от него и из него, очистило место для чего-то иного — не обязательно из ряда вон выходящего, пусть обычного, самого обыкновенного, но для чего-то такого, что прежде было ему неизвестно. А проще — для нормального человеческого мироощущения и осознания себя в мире других людей.

Этот третий период и свел Храмова с Красновым. Храмов, оставшись в полной, как вакуум, пустоте, искал общения с человеком живым. Краснов считал себя обязанным не оставлять его в беде. И это дало свои плоды. Первое, что сделал Храмов, — нанес визит профессору Терехову и просил у него прощения. Предлагал в письменной форме, через стенную печать института, изложить свою вину. Но профессор простил его и так. Затем Храмов подал заявление в ректорат с просьбой об отчислении по причине его недостойного поведения. Просьбу удовлетворили. Тогда-то он и ощутил острое чувство одиночества. И позвонил Краснову...

Если принять во внимание особенности биографии Евгения Петровича, не покажется поразительным, что Краснов, годившийся ему в сыновья, обладал гораздо более обширным жизненным опытом. Да и вообще у чекиста в этом отношении много преимуществ по сравнению с людьми других профессий.

Старость и молодость поменялись местами. Старость вопрошала, молодость подыскивала подходящие случаю ответы, облекая их в форму, доступную пониманию неразвитого ума.

— Вы знаете, — сказал Краснову Евгений Петрович, когда они встретились впервые вне стен управления, на Приморском бульваре, — у меня на книжке много денег, хватит на десять лет. А мне до пенсии всего один год.

— Можно позавидовать.

Но Храмов уловил истинный смысл ответа.

— Вы правы, не в этом дело.

— Если бы в сберкассе можно было складывать неизрасходованные силы, — вздохнул Краснов.

— Я не читал о такой возможности даже в научно-фантастических романах. — Храмов тоже вздохнул.

— Так что же, будете доедать сберкнижку?

— А что же еще? Уеду я отсюда. Тут меня люди

знают. Стыдно в глаза смотреть. Уеду. Буду доедать сберкнижку.

Евгений Петрович изобразил жалкое подобие саркастической улыбки, которая прежде удавалась ему необыкновенно хорошо.

Недели через три Храмов позвонил Краснову и сообщил, что списался с институтом одного крупного города, расположенного возле Полярного круга. Краснов вначале высказал опасения, что столь резкая перемена климата может не пойти ему на пользу. Но Храмов считал это предрассудками. Для него главное — попробовать сложить жизнь по-новому. И Краснов согласился с этим.

А потом состоялись спешные переговоры с ЖЭКом относительно сдачи квартиры и выписки, и вот Краснов идет прощаться с Евгением Петровичем. Он идет и думает, что самым счастливым образом вся эта история кончилась для Храмова. А ведь она с него и началась.

Краснов за прошедший год многому научился. Главное же, он понял, насколько важна его нелегкая работа. Она гораздо важнее и труднее, чем он думал раньше. Его можно было называть бойцом невидимого фронта, солдатом необъявленной войны или как-нибудь еще, это не имеет значения, но он сознавал, что участвует в упорной и бескомпромиссной борьбе, и твердо знал, что никогда не отступит.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. Рекунков. Именем Закона</i>	5
--	----------

ЗАЧИТАН ПРИГОВОР

<i>Анатолий Акимов. Когда зачитан приговор...</i>	10
<i>Валентин Новиков, Александр Трофимов. Неприкосновенное богатство</i>	27
<i>Александр Тюльпин. Размышления у истоков Днепра . . .</i>	43
<i>Василий Тонких. Каждому ребенку — счастливое детство . .</i>	55
<i>Эрнст Сафонов. Щепки из-под топора</i>	70

ЛИХОИМЦЫ

<i>Владимир Виноградов. Счастливый билет</i>	84
<i>Борис Антонов. Дело Штерна и кампания клеветы</i>	103
<i>Владимир Титов. Тараканы</i>	114
<i>Галина Ужова. Конец «ненасытных»</i>	135
<i>Иван Михайлов. Лихоимцы</i>	143
<i>Давид Голинков. Двойная жизнь</i>	156

ЗНАКОМЫЙ ПОЧЕРК

<i>Олег Шмелев, Владимир Востоков. Знакомый почерк . . .</i>	170
--	------------

П27 **Перед лицом закона.** Художник Г. Метченко. М.,
«Молодая гвардия», 1978.
368 с. с ил. (Стрела).

На обороте тит. л. сост. С. Семанов.

Сборник произведений, посвященных теме борьбы с преступлениями: хулиганами, взяточниками, казнокрадами, нарушителями социалистического общежития. Авторы сборника — известные советские писатели, правоведы, работники милиции. Повесть «Знакомый почерк» рассказывает о работе советских чекистов.

P2

П $\frac{70302-156}{078(02)-78}-244-78$

ИБ № 1948

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗАКОНА

Редактор **Ю. Медведев**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Н. Михайловская**
Корректор **Т. Пескова**

Сдано в набор 20/IX 1977 г. Подписано к печати 31/V 1978 г.
А00169. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 11,5 (усл. 19,32).
Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 100 000 экз.).
Цена 1 р. 60 к. Т. П. 1978 г., № 244. Зак. 1643.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

